

444

МАЙ. 1916. ПТРГ.

ЪТОПИСЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

ИВ. БУНИНЪ. Стихотворение. ♦ М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. ♦ Г. ВЯТКИНЪ. Въ селѣ Успенскомъ. ♦ ИВ. БУНИНЪ. Казимиръ Станиславовичъ. ♦ Н. ВЕНГРОВЪ. Стихотворенія. ♦ Л. КАТЛЕНЪ. Ихъ малышъ. ♦ Н. ВОГТЪ. Кошка на маякъ. ♦ Д. СЕМЕНОВСКІЙ. Стихотворенія. ♦ А. БОГДАНОВЪ. Міровые кризисы. ♦ В. КАЛИНИНЪ. Балканская Голгофа. ♦ НИК. СУХАНОВЪ. Россія и ея союзники. ♦ В. БАЗАРОВЪ. Текущи моментъ. ♦ Н. СОВСКІЙ. Борьба за миръ въ Швеци. ♦ М. ЛУРЬЕ. Общественныя отношенія въ Германіи. ♦ Н. ЕГОРОВЪ. Въ рабочей толпѣ. ♦ М. ПЕТРОВЪ. Городская реформа. ♦ В. ВОЙТИНСКІЙ. Сибирскіи създъ. ♦ Р. АРСКІЙ. Заработная плата. ♦ А. ЕРМАНСКІЙ. Политическіе отклики. ♦ В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца. ♦ ДИНОЭЛЬ. Трезвость въ Сибири. ♦ А. ЛЕВИНСОНЪ. „Современная живопись“. ♦ БИБЛЮГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ

„TABACS et CIGARETTES de LUXE“:

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — Importation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„САФВ“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„DARLING“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„АДА“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

„ДЯДЯ КОСТЯ“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва.

Т-во Я. Н. Богдановъ и Ко.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

Петроградъ, Бол. Монетная, 18, кв. 4.

***

Поступилъ въ продажу

Сборникъ армянской литературы

подъ редакціей **М. Горькаго.**

Цѣна 2 рубля.

Лица, выписывающія книгу непосредственно отъ издательства
«ПАРУСЪ», за пересылку не платятъ.

АБТОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 5

12771
12771

МАЙ

1916

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ИВ. БУНИНЪ. Стихотвореніе	5
II. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ	6
III. Г. ВЯТКИНЪ. Въ селѣ Успенскомъ.	22
IV. ИВ. БУНИНЪ. Казимиръ Станиславовичъ	48
V. Н. ВЕНГРОВЪ. Стихотворенія	57
VI. ЛЕОНЪ КАТЛЕНЪ. Ихъ малышъ. Пер. О. Сидерской.	62
VII. НИЛЬСЪ КОЛЛЕТТЪ ВОГТЪ. Кошка на маякѣ. Пер. Э. Вейнбаумъ	96
VIII. Д. СЕМЕНОВСКІЙ. Стихотворенія	112
IX. А. БОГДАНОВЪ. Міровые кризисы, мирные и военные	113
X. В. КАЛИНИНЪ. Балканская Голгофа	125
XI. НИК. СУХАНОВЪ. Россія и ея союзники	145
XII. В. БАЗАРОВЪ. Текущій моментъ и перспективы. 162	
XIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Н. СОВ- СКІЙ. Борьба за миръ въ Швеции. М. ЛУРЬЕ. Вліяніе войны на общественныя отношенія въ Германи. Н. ЕГОРОВЪ. Въ рабочей толпѣ. (Письмо изъ Франціи)	180
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — М. ПЕТ- РОВЪ. Городская реформа и общественное мнѣніе. В. ВОЙТИНСКІЙ. Областной сибирскій съѣздъ. Р. АРСКІЙ. Заработная плата. А. ЕР- МАНСКІЙ. Политическіе отклики	208
XV. ПО РОССИИ.—В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знат- наго иностранца. ДИНОЭЛЬ. Трезвость въ Сибири	251
XVI. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО—А. ЛЕВИН- СОНЪ. «Современная русская живопись».	272

XVII. БИБЛИОГРАФІЯ. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ.

С. СЕМ—СКІЙ. Н. А. Рубакинъ. «Среди вянгъ».
Д. ВЫГОДСКІЙ. Т. Щепкина-Куперникъ. Отзвуки войны. А. С. О. Мандельштамъ. «Камень». Стихи. Д. В. Для дѣтей. Стишки Л. Н. Модзалевскаго.
А. А—СКІЙ. А. С. Панкратовъ. «Кровавое зарево».
А. Л—НЪ. Уильямъ Дис. Локъ. «Случайность».
В. ВОДОВОЗОВЪ. Эвелина Паньхерстъ. Моя жизнь. Записки суффражистки. Н. ЧУЖАКЪ. К. Дубровскій. Режденные въ странѣ изгнанія. С. Е. Сибирскія записки. № 1. Г. ВЯТКИНЪ. «Космополитъ». А. К—ВЪ. А. Кизеветтеръ. Историческіе отьлыки. А. М. СМІРНОВЪ. Великорусскія сказки Пермской губ. Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Roberto Michels. L'imperialismo italiano. Р. АРСКІЙ. Эпизисъ. Война и германская соц.-демократія 279

XVIII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ 307

XIX. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ 307

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 309

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи, переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

Предполагавшійся къ напечатанію въ этой книгѣ журнала ДНЕВНИКЪ ЛЬВА ТОЛСТОГО не могъ быть помѣщенъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ и появится въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи».

---

*Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.*

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе) *.

IX.

И грустно, и смѣшно вспоминать, сколько тяжелыхъ униженій, обидъ и тревогъ принесла мнѣ быстро вспыхнувшая страсть къ чтенію!

Книги закройщицы казались страшно дорогими и, боясь, что старая хозяйка сожжетъ ихъ въ печи, я старался не думать объ этихъ книгахъ, а сталъ брать маленькія, разноцвѣтныя книжки въ лавкѣ, гдѣ по утрамъ покупалъ хлѣбъ къ чаю.

Лавочникъ былъ очень непріятный парень, толстогубый, потный, съ бѣлымъ дряблымъ лицомъ, въ золотушныхъ шрамахъ и пятнахъ, съ бѣлыми глазами и коротенькими, неловкими пальцами на пухлыхъ рукахъ. Его лавка являлась мѣстомъ вечернихъ собраній для подростковъ и легкомысленныхъ дѣвицъ улицы; братъ моего хозяина тоже почти каждый вечеръ ходилъ къ нему пить пиво и играть въ карты. Меня часто посылали звать его къ ужину, и я не однажды видѣлъ въ тѣсной, маленькой комнаткѣ за лавкою придурковатую румяную жену лавочника, сидѣвшей на колѣняхъ Викторушки или другого парня. Это, видимо, не обижало лавочника; не обижался онъ и тогда, когда его сестру, которая помогала ему торговать въ лавкѣ, крѣпко обнимали пѣвчіе, солдаты и всѣ, кому это нравилось. Товару въ лавочкѣ было немного, онъ объяснялъ это тѣмъ, что дѣло у него новое, — онъ не успѣлъ наладить его, хотя лавка была открыта еще осенью. Онъ показывалъ гостямъ и покупателямъ грязныя картинки, давалъ, желающимъ, списывать безстыдные стихи.

Я читалъ пустыя книжонки Миши Евстигнѣева, платя по копѣйкѣ за прочтеніе каждой; это было дорого, а книжки

* См. «Лѣтопись» №№ I—IV за 1916 г.

не доставляли мнѣ никакого удовольствія. «Гуакъ или непреоборимая вѣрность», «Францыль Венеціанъ», «Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга» и вся литература этого рода тоже не удовлетворяла меня, часто возбуждая злую досаду: казалось, что книжка издѣвается надо мною, какъ надъ дурачкомъ, рассказывая тяжелыми словами невѣроятныя вещи.

«Стрѣльцы», «Юрій Милославскій», «Танственный монахъ», «Япанча, татарскій наѣздникъ» и подобныя книги нравились мнѣ больше—отъ нихъ что-то оставалось; но еще болѣе меня увлекали Житія святыхъ,—здѣсь было что-то серьезное, чему вѣрилось и что, порою, глубоко волновало. Всѣ великомученики почему-то напоминали мнѣ «Хорошее дѣло», великомученицы — бабушку, а преподобные — дѣда, въ его хорошіе часы.

Читалъ я въ сараѣ, уходя колоть дрова, или на чердакѣ, что было одинаково неудобно, холодно. Иногда, если книга интересовала меня или надо было прочесть ее скорѣе, я вставалъ ночью и зажигалъ свѣчу, но старая хозяйка, замѣтивъ, что свѣчи по ночамъ умаляются, стала измѣрять ихъ лучинкой и куда-то прятала мѣрки. Если утромъ въ свѣчѣ не доставало вершка, или если я, найдя лучинку, не обламывалъ ее на сгорѣвшій кусокъ свѣчи, въ кухнѣ начинался яростный крикъ, и однажды Викторюшка возмущенно провозгласилъ съ полатей:

— Да перестаньте-же лаяться, мамаша! Жить нельзя! Конечно, онъ жгетъ свѣчи, потому что книжки читаетъ, у лавочника беретъ, я знаю! Поглядите-ка у него на чердакѣ...

Старуха сбѣгала на чердакъ, нашла какую-то книжку и разодрала ее въ клочья.

Это, разумѣется, огорчило меня, но желаніе читать еще болѣе окрѣпло. Я понималъ, что если въ этотъ домъ придетъ святой,—мои хозяева начнутъ его учить, станутъ передѣлывать на свой ладъ; они будутъ дѣлать это отъ скуки. Если они перестанутъ судить людей, кричать, издѣваться надъ ними,—они разучатся говорить, онѣмѣютъ, имъ не видно будетъ самихъ себя. Для того, чтобы человекъ чувствовалъ себя, необходимо, чтобы онъ какъ-то относился къ людямъ. Мои хозяева не умѣли относиться къ ближнимъ, иначе, какъ учительно, съ осужденіемъ, и если бы начать жить такъ-же, какъ они,—такъ-же думать, чувствовать,—все

равно—они осуждали бы и за это. Ужъ такіе люди.

Я всячески исхитрялся читать, старуха нѣсколько разъ уничтожала книги, и вдругъ я оказался въ долгу у лавочника на огромную сумму въ сорокъ семь копѣекъ! Онъ требоваль денегъ и грозилъ, что станетъ отбирать у меня за долгъ хозяйскія, когда я приду въ лавку за покупками.

— Что тогда будетъ? — спрашиваль онъ меня, издѣваясьсь.

Былъ онъ нестерпимо противень мнѣ и, видимо, чувствуя это, мучалъ меня разными угрозами, съ наслажденіемъ особеннымъ: когда я входилъ въ лавку, его пятнистое лицо расплывалось, и онъ спрашиваль ласково:

— Долгъ принесъ?

— Нѣтъ.

Это его пугало, онъ хмурился.

— Какъ-же? Что-же мнѣ къ мировому подавать на тебя, а? Чтобы тебя описали, да — въ колонію?

Мнѣ негдѣ было взять денегъ—жалованье мое платили дѣду, я терялся, не зная—какъ быть? А лавочникъ, въ отвѣтъ на мою просьбу подождать съ уплатою долга, протянулъ ко мнѣ масляную, пухлую, какъ аладья, руку и сказалъ:

— Поцѣлуй — подожду!

Но когда я схватилъ съ прилавка гирию и замахнулся на него, онъ, присѣдая, крикнулъ:

— Что, что ты, что ты — я шучу!

Понимая, что онъ не шутить, я рѣшилъ украсть деньги, чтобы раздѣлаться съ нимъ. По утрамъ, когда я чистилъ платье хозяина, въ карманахъ его брюкъ звенѣли монеты, иногда онѣ выскакивали изъ кармана и катились по полу, однажды какая-то провалилась въ щель подъ лѣстницу, въ дровяникъ; я позабылъ сказать объ этомъ и вспомнилъ лишь черезъ нѣсколько дней, найдя двугривенный въ дровахъ. Когда я отдалъ его хозяину, жена сказала ему:

— Вотъ видишь? Надо считать деньги, когда оставляешь въ карманахъ.

Но хозяинъ сказалъ, улыбаясь мнѣ:

— Онъ не украдетъ, я знаю!

Теперь, рѣшивъ украсть, я вспомнилъ эти слова, его довѣрчивую улыбку и почувствовалъ, какъ мнѣ трудно будетъ украсть. Нѣсколько разъ я вынималъ изъ кармана серебро, считалъ его и не могъ рѣшиться взять. Дня три я мучился съ этимъ и вдругъ все разрѣшилось очень быстро

и просто; хозяинъ неожиданно спросилъ меня:

— Ты что, Пѣшковъ, скучный сталъ, нездоровится, что-ли?

Я откровенно разсказалъ ему всѣ мои печали, онъ нахмурился.

— Вотъ, видишь, къ чему онѣ ведутъ, книжки-то! Отъ нихъ — такъ или эдакъ — непремѣнно бѣда...

Даль полтинникъ и посовѣтовалъ строго:

— Смотри-же, не проболтайся женѣ, али матери—шумъ будетъ!

Потомъ, добродушно усмѣхаясь, сказалъ:

— Настойчивъ ты, чортъ тебя возьми! Ничего, это хорошо. Однако — книжки брось! Съ новаго года я выпишу хорошую газету, вотъ тогда и читай...

И вотъ, вечерами, отъ чая до ужина я читаю хозяевамъ вслухъ «Московскій Листокъ», — романы Вашкова, Рокшанина, Рудниковскаго и прочую литературу для пищеваренія людей, на смерть убиенныхъ скукой.

Мнѣ не нравится читать вслухъ, это мѣшаетъ мнѣ понимать читаемое; но мои хозяева слушаютъ внимательно, съ нѣкоторою какъ-бы благоговѣйною жадностью, ахаютъ, изумляясь злодѣйству героевъ, и съ гордостью говорятъ другъ другу:

— А мы-то живемъ — тихо, смирно, ничего не знаемъ слава Те, Господи!

Они путаютъ событія, приписываютъ поступки знаменитаго разбойника Чуркина ямщику Ѳомѣ Кручинѣ, путаютъ имена, — я поправляю ошибки слушателей, — это очень изумляетъ ихъ.

— Ну, и память-же у него!

Нерѣдко въ «Московскомъ Листкѣ» встрѣчаются стихи Леонида Граве, мнѣ они очень нравятся, я списываю нѣкоторые изъ нихъ въ тетрадку, но хозяева говорятъ о поэтѣ:

— Старикъ вѣдь, а стихи сочиняетъ.

— Пьяница, полоумный, ему все равно.

Нравятся мнѣ стихи Стружкина, графа Мементо-Мори, а женщины, и старая, и молодая, утверждаютъ, что стихи — балаганство.

— Это только Петрушки, да актеры стихами говорятъ.

Тяжелы были мнѣ эти зимніе вечера на глазахъ хозяевъ, въ маленькой, тѣсной комнатѣ. Мертвая ночь за окномъ; изрѣдка потрескиваетъ морозъ, люди сидятъ у

стола и молчать, какъ мороженныя рыбы. А то — вьюга шаркаетъ по стекламъ и по стѣнѣ, гудить въ трубахъ, стучить вьюшками; въ дѣтской плачутъ младенцы, — хочется сѣсть въ темный уголь и, съжившись, выть волкомъ.

Въ одномъ концѣ стола сидятъ женщины, шьютъ или вяжутъ чулки; за другимъ — Викторушка, выгнувъ спину, копируетъ, нехотя, чертежи и время отъ времени кричить:

— Да не трясите столъ! Жить нельзя, гвозди-kozyри, собаки на мысахъ...

Въ сторонѣ, за опромными пальцами, сидитъ хозяинъ, вышивая крестиками по холстинѣ скатерть; изъ подъ его пальцевъ появляются красныя раки, синія рыбы, желтыя бабочки и рыжіе осенніе листья. Онъ самъ составилъ рисунокъ вышивки и третью зиму сидитъ надъ этой работой, она очень надоѣла ему и часто, днемъ, когда я свободенъ, онъ говоритъ мнѣ:

— Ну-ко, Пѣшковъ, садись за скатерть, дѣйствуй!

Я сажусь и дѣйствую толстой иглой, — мнѣ жалко хозяина и всегда, во всемъ хочется посылно помочь ему. Мнѣ все кажется, что однажды онъ броситъ чертить, вышивать, играть въ карты и начнетъ дѣлать что-то другое, интересное, о чемъ онъ часто думаетъ, вдругъ бросая работу и глядя на нее неподвижно удивленными глазами, какъ на что-то незнакомое ему; волосы его спустились на лобъ и щеки, онъ похожъ на послушника въ монастырѣ.

— Ты о чемъ думаешь? — спрашиваетъ его жена.

— Такъ, — отвѣчаетъ онъ, принимаясь за работу.

Я молча удивляюсь: развѣ можно спрашивать, о чемъ человѣкъ думаетъ? И нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ, — всегда думается сразу о многомъ: обо всемъ, что есть передъ глазами, о томъ, что видѣли они вчера и годъ тому назадъ; все это спутано, неуловимо, все движется, измѣняется.

Фельетонъ «Московскаго Листка» не хватало на вечеръ, я предложилъ читать журналы, лежавшіе въ спальнѣ подъ кроватью, молодая хозяйка недовѣрчиво сказала:

— Чего-же тамъ читать? Тамъ только картинки...

Но подъ кроватью, кромѣ «Живописнаго Обзорѣнія», оказался еще «Огонекъ», и вотъ мы читаемъ Салиаса «Графъ Тятинъ-Балтійскій». Хозяину очень нравится придурковатый герой повѣсти, онъ безжалостно и до слезъ хохочетъ надъ печальными приключеніями барчука и кричить:

— Нѣтъ, это забавная штука!

— Вранье, поди-ка, — говоритъ хозяйка, ради оказанія самостоятельности своего ума.

Литература изъ-подъ кровати сослужила мнѣ великую службу: я завоевалъ себѣ право брать журналы въ кухню и получилъ возможность читать ночами.

На мое счастье, старуха перешла спать въ дѣтскую, — запоемъ зашла нянька. Викторушка не мѣшалъ мнѣ. Когда всѣ въ домѣ засыпали, онъ тихонько одѣвался и до утра исчезалъ куда-то. Огня мнѣ не давали, унося свѣчку въ комнаты, денегъ на покупку свѣчъ у меня не было; тогда я сталъ тихонько собирать сало съ подсвѣчниковъ, складывалъ его въ жестянку изъ подъ сардинъ, подливалъ туда лампаднаго масла, и скрутивъ свѣтильню изъ нитокъ, зажигалъ по ночамъ на печи дымный огонь.

Когда я перевертывалъ страницу опромнаго тома, — красный язычокъ свѣтильни трепетно колебался, грозя погаснуть, свѣтильня ежеминутно тонула въ растопленной пахучей жидкости, дымъ ѣлъ глаза, но всѣ эти неудобства исчезали въ наслажденіи, съ которымъ я разсматривалъ иллюстраціи и читалъ объясненія къ нимъ.

Эти иллюстраціи раздвигали предо мною землю все шире и шире, украшая ее сказочными городами, показывая мнѣ высокія горы, красивые берега морей. Жизнь чудесно разрасталась, земля становилась заманчивѣе, богаче людьми, обильнѣе городами и всячески разнообразнѣе. Теперь глядя въ заволжскія дали, я уже зналъ, что тамъ нѣтъ пустоты, а прежде, бывало, смотришь за Волгу, становится какъ-то особенно скучно: плоско лежатъ луга, въ темныхъ заплатахъ кустарника, на концѣ луговъ зубчатая черная стѣна лѣса. надъ лугами — мутная, холодная синева. Пусто на землѣ, одиноко. И сердце тоже пустѣетъ, тихая грусть щекочетъ его, всѣ желанія исчезаютъ, думать — не о чемъ, хочется закрыть глаза. Ничего не обѣщаетъ унылая пустота, высасывая изъ сердца все, что тамъ есть.

Объясненія къ иллюстраціямъ понятно рассказывали про инныя страны, инныхъ людей, говорили о разныхъ событіяхъ въ прошломъ и настоящемъ; я многого не могу понять и это меня мучаетъ. Иногда въ мозгъ вонзаются какія-то странныя слова — «метафизика», «хилиазмъ», «чартистъ» — они нестерпимо беспокоятъ меня, растутъ чудовищно, все заслоняютъ и мнѣ кажется, что я никогда не пойму ничего,

если мнѣ не удастся открыть смыслъ этихъ словъ, — именно они стоятъ сторожами на порогѣ всѣхъ тайнъ. Часто цѣлыя фразы долго живутъ въ памяти, какъ заноза въ пальцѣ, мѣшая мнѣ думать о другомъ.

Помню, я прочиталъ странные стихи:

— Въ сталь закованъ, по безлюдью,
Нѣмъ и мраченъ, какъ могила,
Бдетъ гунновъ царь, Атилла,

за нимъ черною тучею идутъ воины и кричатъ:

— Гдѣ-же Римъ, гдѣ Римъ могучій?

Римъ — породъ, это я уже зналъ, но кто такіе — гунны? Это необходимо знать.

Выбравъ хорошую минуту, я спрашиваю хозяина:

— Гунны? — удивленно повторяетъ онъ. — Чортъ знаетъ, что это такое! Ерунда, навѣрное...

И неодобрительно качаетъ головою.

— Челуха кипитъ въ головѣ у тебя, это плохо, Пѣшковъ!

Плохо-ли, хорошо-ли, но я хочу знать.

Мнѣ кажется, что полковому священнику Соловьеву должно быть извѣстно — что такое гунны, и, поймавъ его на дворѣ, я спрашиваю.

Блѣдный, больной и всегда сердитый, съ красными глазами, безъ бровей, съ желтой бородкой, онъ говоритъ мнѣ, тыкая въ землю чернымъ посохомъ:

— А тебѣ какое дѣло до этого, а?

Поручикъ Нестеровъ на мой вопросъ свирѣпо отвѣтилъ:

— Что-о?

Тогда я рѣшилъ, что о гуннахъ нужно спросить въ аптекѣ у провизора; онъ смотритъ на меня всегда ласково, у него умное лицо, золотые очки на большомъ носу.

— Гунны, — сказалъ мнѣ провизоръ Павелъ Гольдбергъ, — были кочевымъ народомъ, вродѣ киргизъ. Народа этого больше нѣтъ, весь вымеръ.

Мнѣ стало грустно и досадно — не потому, что гунны вымерли, а оттого, что смыслъ слова, которое меня такъ долго мучало, оказался столь простымъ и ничего не далъ мнѣ.

Но я очень благодаренъ гуннамъ, — послѣ столкновения съ ними, слова стали меня меньше беспокоить, и благодаря Атиллѣ я познакомился съ провизоромъ Гольдбергомъ.

Этотъ человѣкъ зналъ простой смыслъ всѣхъ мудрыхъ

словъ, у него были ключи ко всѣмъ тайнамъ. Поправивъ очки двумя пальцами, онъ пристально смотрѣлъ сквозь толстыя стекла въ глаза мнѣ и говорилъ, словно мелкіе гвозди вбивая въ мой лобъ.

— Слова, дружище, это — какъ листья на деревѣ и, чтобы понять, почему листь таковъ, а не иной, — нужно знать, какъ растетъ дерево — нужно учиться! Книга, дружище, какъ хорошій садъ, гдѣ все есть: и приятное, и полезное...

Я часто бѣгалъ къ нему въ аптеку за содой и магнезіей для врослыхъ, которые постоянно страдали «изжогой», за бобковой мазью и слабительными для младенцевъ. Краткія поученія провизора внушали мнѣ все болѣе серьезное отношеніе къ книгамъ и незамѣтно онѣ стали необходимыми для меня, какъ пьяницѣ водка.

Онѣ показывали мнѣ иную жизнь — жизнь большихъ чувствъ и желаній, которыя приводили людей къ подвигамъ и преступленіямъ. Я видѣлъ, что люди, окружавшіе меня, не способны на подвиги и преступленія, они живутъ гдѣ-то въ сторонѣ ото всего, о чемъ тишутъ книги, и трудно понять — что интереснаго въ ихъ жизни? Я не хочу жить такой жизнью... Это мнѣ ясно, — не хочу...

Изъ поясненій къ рисункамъ я зналъ, что въ Прагѣ, Лондонѣ и Парижѣ нѣтъ среди города овраговъ и грязныхъ дамбъ изъ мусора, тамъ прямыя широкія улицы, иные дома и церкви. Тамъ нѣтъ шестимѣсячной зимы, которая запираетъ людей въ домахъ, нѣтъ Великаго поста, когда можно ѣсть только квашенную капусту, соленые грибы, толокно и картофель, съ противнымъ льнянымъ масломъ. Великимъ постомъ — нельзя читать книгъ, у меня отобрали «Живописное Обзорѣніе», и эта пустая, постная жизнь снова подошла вплотъ ко мнѣ. Теперь, когда я могъ сравнить ее съ тѣмъ, что зналъ изъ книгъ, она казалась мнѣ еще болѣе нищей и безобразной. Читая, я чувствовалъ себя здоровѣе, сильнѣе, работалъ споро и ловко, у меня была цѣль: чѣмъ скорѣе кончу, тѣмъ больше останется времени для чтенія. Лишенный книгъ, я сталъ вялымъ, лѣнивымъ, меня начала одолевать незнакомая мнѣ раньше болѣзненная забывчивость.

Помнится, именно въ эти пустые дни случилось нѣчто таинственное: однажды вечеромъ, когда всѣ ложились спать, вдругъ гулко прозвучалъ ударъ соборнаго колокола, онъ

сразу встряхнулъ всѣхъ въ домѣ, полуодѣтые люди бросились къ окнамъ, спрашивая другъ друга:

— Пожаръ? Набать?

Было слышно, что и въ другихъ квартирахъ тоже суетятся, хлопають дверями; кто-то бѣгалъ по двору съ лошадыю въ поводу. Старая хозяйка кричала, что ограбили соборъ, хозяинъ останавливалъ ее:

— Полноте, мамаша, вѣдь слышно-же, что это не набать!

— Ну, такъ архіерей померь...

Викторушка слѣзъ съ полатей, одѣвался и бормоталъ:

— А я знаю, что случилось, знаю!

Хозяинъ послалъ меня на чердакъ посмотрѣть, нѣтъ-ли зарева, я побѣжалъ, вылѣзъ черезъ слуховое окно на крышу, — зарева не было видно; въ тихомъ морозномъ воздухѣ бухалъ, не спѣша, колоколь; городъ сонно прилегъ къ землѣ; во тьмѣ бѣжали, поскрипывая снѣгомъ, невидимые люди, взвизгивали полозья саней и все зловѣщѣ охалъ колоколь. Я воротился въ комнаты.

— Зарева нѣтъ.

— Фу ты, Господи! — сказалъ хозяинъ, одѣтый въ пальто и шапку, приподнялъ воротникъ и сталъ нерѣшительно совать ноги въ галоши. Хозяйка умоляла его:

— Не ходи! Ну, не ходи-же...

— Ерунда!

Викторушка, тоже одѣтый, дразнилъ всѣхъ:

— А я знаю...

Когда братья ушли на улицу, женщины, приказавъ мнѣ ставить самоваръ, бросились къ окнамъ, но почти тотчасъ съ улицы позвонилъ хозяинъ, молча вбѣжалъ по лѣстницѣ и, отворивъ дверь въ прихожую, густо сказалъ:

— Царя убили!

— Убили таки, — воскликнула старуха.

— Убили, мнѣ офицеръ сказалъ... Что-жъ теперь будетъ?

Позвонилъ Викторушка и, неохотно раздѣваясь, сердито сказалъ:

— А я думалъ — война!

Потомъ всѣ они сѣли пить чай, разговаривали спокойно, но — тихонько и осторожно. И на улицѣ стало тихо, колоколь уже не гудѣлъ. Два дня они таинственно шептались, ходили куда-то, къ нимъ тоже являлись гости и что-то подробно рассказывали. Я очень старался понять — что слу-

чилось? Но хозяева прятали газету отъ меня, а когда я спросилъ Сидорова — за что убили царя, онъ тихонько отвѣтилъ:

— Про то запрещено говорить...

И все это быстро стерлось, затянулось ежедневными пустяками, и я вскорѣ пережилъ очень неприятную исторію.

Въ одно изъ Воскресеній, когда хозяева ушли къ ранней обѣднѣ, а я, поставивъ самоваръ, отправился убирать комнаты, — старшій ребенокъ, забравшись въ кухню, вытащилъ кранъ изъ самовара и усѣлся подъ столъ играть краномъ. Углей въ трубѣ самовара было много, и когда вода вытекла изъ него, онъ распаялся. Я еще въ комнатахъ услышалъ, что самоваръ гудитъ неестественно гнѣвно, а войдя въ кухню, съ ужасомъ увидаль, что онъ весь посинѣлъ и трясется, точно хочетъ подпрыгнуть съ пола. Отпаявшая втулка крана уныло опустилась, крышка съѣхала набекрень, изъ подъ ручекъ стекали капли олова, — литовато-синій самоваръ казался вдребезги пьянымъ. Я облилъ его водою, онъ зашипѣлъ и печально развалился на полу.

Позвонили на парадномъ крыльцѣ, я отперъ двери и на вопросъ старухи — готовъ-ли самоваръ, кратко отвѣтилъ:

— Готовъ.

Это слово, сказанное, вѣроятно, въ смущеніи и страхѣ, было принято за насмѣшку и усугубило наказаніе. Меня избили. Старуха дѣйствовала пучкомъ сосновой лучины, это было не очень больно, но оставило подъ кожей спины множество глубокихъ занозъ, къ вечеру спина у меня вспухла подушкой, а въ полдень на другой день хозяинъ принужденъ былъ отвести меня въ больницу.

Когда докторъ, длинный и тощій до смѣшного, осмотрѣлъ меня, онъ сказалъ спокойно глухимъ басомъ:

— Здѣсь нужно составить протоколъ объ истязаніи.

Хозяинъ покраснѣлъ, зашаркалъ ногами и сталъ что-то тихо говорить доктору, а тотъ, глядя черезъ голову его, кратко отвѣчалъ:

— Не могу. Нельзя.

Но потомъ спросилъ меня:

— Жаловаться хочешь?

Мнѣ было больно, но я сказалъ:

— Не хочу, лѣчите скорѣе...

Меня отвели въ другую комнату, положили на столъ, докторъ вытаскивалъ занозы пріятно холодными щипчи-

ками и балагурилъ:

— Превосходно отдѣлали кожу тебѣ, пріятель, теперь ты станешь непромокаемый...

Когда онъ кончилъ работу, нестерпимо щекотавшую меня, онъ сказалъ:

— Сорокъ двѣ щепочки вытащено, пріятель, запомни, хвастаться будешь! Завтра въ этотъ часъ приходи на перевязку. Часто бьютъ?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— Раньше — чаще били...

Докторъ захохоталъ басомъ.

— Все къ лучшему идетъ, пріятель, все!

Когда онъ вывелъ меня къ хозяину, то сказалъ ему:

— Извольте получить, починень! Завтра пришлите, перевяжемъ. На ваше счастье — комикъ онъ у васъ...

Сидя на извозчикѣ, хозяинъ говорилъ мнѣ:

— И меня, Пѣшковъ, тоже били — что подѣлаешь? Били, братъ! Тебя, все-таки, хоть я — жалѣю, а меня и жалѣть некому было, некому! Людей вездѣ — тѣснота, а пожалѣть — нѣтъ ни одного сукина сына! Эхъ, звѣри - курицы...

Онъ всю дорогу ругался, мнѣ было жалко его, и я былъ очень благодаренъ ему, что онъ говоритъ со мною по человѣчески.

Дома меня встрѣтили, какъ именинника, женщины заставили подробно рассказать, какъ докторъ лѣчилъ меня, что онъ говорилъ, — слушали и ахали, сладостно причмокивая, морщась. Удивлялъ меня этотъ ихъ напряженный интересъ къ болѣзнямъ, къ боли и ко всему непріятному!

Я видѣлъ, какъ онѣ довольны мною, что я отказался жаловаться на нихъ, и воспользовался этимъ, испросивъ у нихъ разрѣшеніе брать книги у закройщицы. Они не рѣшились отказать мнѣ, только старуха удивленно воскликнула:

— Ну, и бѣсъ!

Черезъ день я стоялъ передъ закройщицей, а она ласково говорила:

— А мнѣ сказали, что ты боленъ, отвезенъ въ больницу, — видишь, какъ невѣрно говорятъ?

Я промолчалъ. Стыдно было сказать правду — зачѣмъ ей знать грубое и печальное? Такъ хорошо, что она не похожа на другихъ людей.

Снова я читаю толстыя книги Дюма-отца, Понсонъ-де-

Террайля, Монтепэна, Законнэ, Габоріо, Эмара, Буагобэ, — я глотаю эти книги быстро, одну за другой, и мнѣ — весело. Я чувствую себя участникомъ жизни необыкновенной, она сладко волнуетъ, возбуждая бодрость. Снова коптитъ мой самодѣльный свѣтильникъ, я читаю ночи напролетъ, до утра, у меня понемногу заболѣваютъ глаза и старая хозяйка любезно говоритъ мнѣ:

— Погоди, книгожора, лопнуть зенки-то, ослѣпишься!

Однако, я очень скоро понялъ, что во всѣхъ этихъ интересно запутанныхъ книгахъ, несмотря на разнообразіе событий, на различіе странъ и городовъ, рѣчь все идетъ объ одномъ: хорошіе люди — несчастливы и гонимы дурными, дурные — всегда болѣе удачливы и умны, чѣмъ хорошіе, но, въ концѣ концовъ, что-то неуловимое побѣждаетъ дурныхъ людей и обязательно торжествуютъ хорошіе. Надоѣла «любовь», о которой всѣ мужчины и женщины говорили одними и тѣми же словами. Это однообразіе становилось не только скучнымъ, но и возбуждало смутныя подозрѣнія.

Бывало, уже съ первыхъ страницъ начинаешь догадываться, кто побѣдитъ, кто будетъ побѣжденъ, и какъ только станетъ ясенъ узелъ событий, стараешься развязать его силою своей фантазіи. Переставъ читать книгу, думаешь о ней, какъ о задачѣ изъ учебника ариѳметики, и все чаще удается правильно рѣшить, кто изъ героевъ придетъ въ рай всяческаго благополучія, кто будетъ ввергнутъ во узилище.

Но за всѣмъ этимъ я вижу проблески живой и значительной для меня правды, черты иной жизни, иныхъ отношений. Мнѣ ясно, что въ Парижѣ извозчики, рабочіе, солдаты и весь «черный народъ» не таковъ, какъ въ Нижнемъ, въ Казани, въ Перми,—онъ смѣлѣе говоритъ съ господами, держится съ ними болѣе просто и независимо. Вотъ — солдатъ, но онъ не похожъ ни на одного изъ тѣхъ, кого я знаю, ни на Сидорова, ни на вятича съ парохода, ни, тѣмъ болѣе, на Ермохина; онъ — больше человекъ, чѣмъ всѣ они. Въ немъ есть нѣчто общее со Смурымъ, но онъ не такъ звѣровать и грубъ. Вотъ — лавочникъ, но и онъ также лучше всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лавочниковъ. И священники въ книгахъ не такіе, какихъ я знаю, — они сердечнѣе, болѣе участливо относятся къ людямъ. Вообще, вся жизнь за границей, какъ рассказываютъ о ней книги, интереснѣе, легче, лучше той жизни, которую я знаю: за границею не дерутся такъ часто и звѣрски, не издѣваются такъ мучительно надъ человекомъ, какъ

издѣвались надъ вятскимъ солдатомъ, не молятся Богу такъ яростно, какъ молится старая хозяйка.

Особенно замѣтно, что, рассказывая о злодѣяхъ, людяхъ жадныхъ и подлыхъ, книги не показываютъ въ нихъ той необъяснимой жестокости, того стремленія издѣваться надъ человѣкомъ, которое такъ знакомо мнѣ, такъ часто наблюдалось мною. Книжный злодѣй жестокъ дѣловито, почти всегда можно понять, почему онъ жестокъ, а я вижу жестокость безцѣльную, бессмысленную, ею человѣкъ только забавляется, не ожидая отъ нея выгоды.

Съ каждой новой книгой эта несхожесть русской жизни съ жизнью иныхъ странъ выступаетъ предо мною все яснѣе, возбуждая смутную досаду, усиливая подозрѣніе въ правдивости желтыхъ зачитанныхъ страницъ съ грязными углами.

И вдругъ мнѣ попалъ въ руки романъ Гонкура «Братья Земганно», я прочиталъ его сразу, въ одну ночь, и, удивленный чѣмъ-то, чего до этой поры не испытывалъ, снова началъ читать простую, печальную исторію. Въ ней не было ничего запутаннаго, ничего внѣшне интереснаго, съ первыхъ страницъ она казалась серьезной и сухой, какъ житія святыхъ. Ея языкъ, такой точный и лишенный прикрасъ, сначала непріятно удивилъ меня, но скупыя слова, крѣпко построенныя фразы такъ хорошо ложились на сердце, такъ внушительно рассказывали о драмѣ братьевъ-акробатовъ, что у меня руки дрожали отъ наслажденія читать эту книгу. Я плакалъ навзрыдъ, читая, какъ несчастный артистъ со сломанными ногами ползетъ на чердакъ, гдѣ его братъ тайно занимается любимымъ искусствомъ.

Отдавая эту славную книгу закройщицѣ, я попросилъ ее дать мнѣ еще такую-же.

— Какъ это такую-же? — спросила она, усмѣхаясь.

Эта усмѣшка смутила меня, и я не сумѣлъ объяснить, чего мнѣ хочется, а она говорила:

— Это — скучная книга, вотъ, подожди, я тебѣ принесу другую, интереснѣе...

Черезъ нѣсколько дней она дала мнѣ Гринвуда «Подлинную исторію маленькаго оборвыша», — заголовокъ книги нѣсколько укололъ меня, но первая-же страница вызвала въ душѣ улыбку восторга, такъ съ этою улыбкою я и читалъ всю книгу до конца, перечитывая инья страницы по два, по три раза.

Такъ вотъ, какъ трудно и мучительно даже за границею

живутъ иногда мальчишки! Ну, мнѣ вовсе не такъ плохо, значитъ — можно не унывать!

Много бодрости подарилъ мнѣ Гринвудъ, а вскорѣ послѣ него мнѣ попалась уже настоящая «правильная» книга — «Евгенія Гранде».

Старикъ Гранде ярко напомнилъ мнѣ дѣда, было эбидно, что книжка такъ мала, и удивляло, какъ много въ ней правды. Эту правду, очень знакомую мнѣ и надоѣвшую въ жизни, книга показывала въ освѣщеніи совершенно новомъ — незлобивомъ, спокойномъ. Всѣ ранѣ прочитанныя мною книги, кромѣ Гонкура, судили людей такъ же строго и крикливо, какъ мои хозяева, очень часто онѣ вызывали симпатию къ преступнику и чувство досады на добродѣтельныхъ людей. Всегда было жалко видѣть, что при огромной затратѣ разума и воли, человѣкъ, все-таки, не можетъ достигъ желаемого, — добродѣтельные люди стоятъ передъ нимъ съ первой до послѣдней страницы незыблемо, точно каменные столбы. Хотя объ эти столбы неизбежно разбиваются всѣ злыя намѣренія порока, но камни не возбуждаютъ симпатіи. Вѣдь какъ бы ни была красива и крѣпка стѣна, но, когда хочешь сорвать яблоко съ яблони за этой стѣной — нельзя любоваться ею. А мнѣ уже казалось, что наиболѣе цѣнное и живое спрятано гдѣ-то за добродѣтелью...

У Гонкура, Гринвуда, Бальзака — не было злодѣевъ, не было добряковъ, были просто люди, чудесно живые; они не позволяли сомнѣваться, что все сказанное и сдѣланное ими было сказано и сдѣлано именно такъ и не могло быть сдѣлано иначе.

Такимъ образомъ, я понялъ, какой великій праздникъ «хорошая, правильная» книга. Но какъ найти ее? Закройщица не могла помочь мнѣ въ этомъ.

— Вотъ хорошая книга, — говорила она, предлагая мнѣ Арсена Гуссэ. «Руки полны розъ, золота и крови», романы Бѣло, Поль-де-Кока, Поль Феваля, но я читалъ ихъ уже съ напряженіемъ.

Ей нравились романы Марріэтта, Вернера, мнѣ они казались скучными. Не радовалъ и Шпильгагенъ, но очень понравились рассказы Ауэрбаха. Сю и Гюго тоже не очень увлекали меня, я предпочиталъ имъ Вальтеръ-Скотта. Мнѣ хотѣлось книгъ, которыя волновали бы и радовали, какъ

чудесный Бальзакъ. Фарфоровая женщина тоже все меньше нравилась мнѣ.

Являясь къ ней, я надѣвалъ чистую рубаху, причесывался, всячески стараясь принять благообразный видъ, — едва-ли это удавалось мнѣ, но я все ждалъ, что она, замѣтивъ мое благообразіе, заговоритъ со мною болѣе просто и дружески, безъ этой рыбьей улыбки на чистенькомъ, всегда праздничномъ лицѣ. Но она, улыбаясь, спрашивала усталымъ и сладкимъ голосомъ:

— Прочиталъ? Понравилось?

— Нѣтъ.

Чуть приподнявъ тонкія брови, она смотрѣла на меня и, вздыхая, знакомо говорила въ носъ:

— Но почему-же?

— Я ужъ читалъ объ этомъ.

— О чемъ, объ этомъ?

— О любви...

Прищурясь, она смѣялась сахарнымъ смѣшкомъ.

— Ахъ, но вѣдь во всѣхъ книгахъ пишутъ о любви!

Сидя въ большемъ креслѣ, она болтаетъ маленькими ножками въ мѣховыхъ туфляхъ, позѣвывая, кутается въ голубой халатикъ и стучитъ розовыми пальцами по переплету книги на колѣняхъ у нея.

Мнѣ хочется спросить:

— Что-же вы не съѣзжаете съ квартиры? Вѣдь офицеры все пишутъ записки вамъ, смѣются надъ вами...

Но не хватаетъ смѣлости сказать ей это и я ухожу, унося толстую книгу о «любви» и печальное разочарованіе въ сердцѣ.

На дворѣ говорятъ объ этой женщинѣ все хуже, насмѣшливѣе и злѣй. Мнѣ очень обидно слышать эти рассказы, грязныя и, навѣрное, лживыя; за глаза я жалѣю женщину, мнѣ боязно за нее. Но когда, придя къ ней, я вижу ея острые глазки, кошачью гибкость маленькаго тѣла и это всегда праздничное лицо, — жалость и страхъ исчезаютъ, какъ дымъ.

Весною она вдругъ уѣхала куда-то, а черезъ нѣсколько дней и мужъ ея перемѣнилъ квартиру.

Когда комнаты стояли пустыя, въ ожиданіи новыхъ насельниковъ, я зашелъ посмотрѣть на голыя стѣны съ квадратными пятнами, на мѣстахъ, гдѣ висѣли картины, съ изогнутыми гвоздями и ранами отъ гвоздей. По крашен-

ному полу были разбросаны разноцвѣтные лоскутки, клочья бумаги, изломанныя аптечныя коробки, склянки отъ духовъ и блестяла большая мѣдная булавка.

Мнѣ стало грустно, захотѣлось еще разъ увидать маленькую закройщицу,—сказать, какъ я благодаренъ ей...

(Продолжение слѣдуетъ).

М. Горькій.

ВЪ СЕЛѢ УСПЕНСКОМЪ.

I.

Галя громко постукивала пухлыми кулачками въ стѣну и весело кричала:

— Эй, студіозусъ! вставай! Нечего валяться то. Всѣхъ невѣсть, соня этакая, проспишь.

И весело хохотала гѣмъ счастливымъ и яснымъ смѣхомъ, какого Сергѣй не слыхалъ съ самой осени, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ жилъ въ Успенскомъ, и о какомъ порою тосковалъ въ городѣ.

Но въ это утро Сергѣй только досадливо морщился, не отвѣчая сестрѣ ни единымъ звукомъ. Лѣнливо, съ большими паузами одѣвался и хмуро поглядывалъ изъ-за занавѣски въ окно, во дворъ, гдѣ толпились странники-богомольцы, мелькали послушницы изъ ближайшаго монастыря, суетились церковный староста и причетникъ, устраивавшіе богомольцамъ чай. Близился Николинъ день, пріѣздъ архіерея, крестные ходы...

Онъ умылся и вышелъ въ столовую. Изъ кухни пахло вкуснымъ дымкомъ, тамъ что-то шипѣло, бурлило, шли предпраздничныя хозяйственныя приготовленія. На столѣ молчалъ остывающій самоваръ, кружились мухи надъ незакрытой вазочкой варенья, стояла грязная посуда.

— Наливай себѣ самъ, Сереженька, — крикнула изъ кухни мать, — некогда намъ, милый!

Но тотчасъ же изъ кабинета вышла Галя съ мокрой тряпкой въ рукѣ, бросила ее на подоконникъ и начала быстрыми, почти неуловимыми движеніями мыть посуду, посмѣиваясь и болтая:

— А я сегодня въ пять поднялась. Пошла съ ребятишками церковь зеленю убирать, потомъ папѣ рясу выгладила, себѣ платье. Теперь въ кабинетъ убираю, потомъ за твою комнату примусь. А ты, братъ, куда хочешь. Самое лучшее, къ Николаю Филиппычу.

— Почему? — недовольно спросилъ Сергѣй.

— А потому что въ кабинетѣ владыку устроимъ, а у тебя протодьякона съ благочиннымъ. А ты это время у Николая Филиппыча въ школь побудь, онъ ничего не имѣеть, я спрашивала...

— Не хочется мнѣ къ нему...

— Ну, мало ли, что не хочется! Въ четыре часа владыка приѣдетъ, у насъ и безъ тебя хлопотъ полонъ ротъ...

Чай былъ теплый, мухи липли къ стакану, вязкій говоръ толпы широко струился въ открытыя окна, а день разгорался душный, томительный. Сергѣй молча допилъ чай, надѣлъ фуражку, взялъ «Этюды» Мечникова и пошелъ за село, на берегъ рѣчки. Тамъ легъ въ тѣнь высокихъ раскидистыхъ тополей и попробовалъ читать, но не могъ сосредоточиться и закрылъ книгу. А читать хотѣлось. Каждая страница, каждая фраза книги была значительной, исполненной спокойнаго и благороднаго знанія. Даже самые листы книги, обложка, были пріятны и радовали, и онъ осторожно переворачивалъ страницы, любовно разглаживалъ складки. Но мѣшалъ читать вѣтеръ, набѣгавшій съ рѣки, мѣшали комары, то и дѣло налетали, жужжа, пчелы.

По дорогѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ рѣки, все шли и шли въ село богомольцы, пестрыми, на цѣлыя версты растянувшимися, лентами. Мужчинъ было мало, больше бабы, дѣвки, нѣкоторыя съ ребятами на рукахъ. Шли изъ ближайшихъ городовъ, изъ далекихъ деревень, инья верстъ за триста, обливаясь потомъ, равномерно покачиваясь, постукивая о сухую землю сучковатыми батожками.

Подходя къ Успенскому, замедляли шаги и останавливались отдохнуть, многіе спускались къ рѣкѣ. Пили воду, не спѣша разувались и долго мыли усталыя, изопрѣвшія ноги съ синими, толстыми, какъ веревки, жилами и кровавыми шишками мозолей. Потомъ сидѣли и лежали въ кустахъ, искали одна у другой въ головѣ и лѣниво разговаривали, — до Сергѣя доносились отдѣльныя фразы:

— Слава те, Господи! Добрались...

— Охъ и притомилась я! Семья сутки нонеча, какъ вышли.

— А я, дѣвоньки, задыхалась совсѣмъ. Здыхать не можно, ажъ такъ першить...

— Э, мать моя! все зачетъ Царица Небесная съ Пантелеемъ мученикомъ, съ Николой угодникомъ.

— А ты, бабочка, по обѣщанью, что-ль? Чтой-то сказы-

вала ты давеча, да, вишь, запомятовала я. Голова то у старой дырявая...

— По обѣщанью, милая. Какъ хворала я постомъ то великимъ... въ огневицѣ... такъ тетка Арина надоумила: ступай, гритъ, безперемѣнно, въ Успенское и въ монастырь въ Миколаевскій. Я тутъ и пообѣщалась, и вѣдь отпустила меня згневица то...

— Отпустила?

— Отпустила, милая. Черезъ трое сутокъ послѣ этого и на ноги встала. А теперича хошь и недосугъ, а пошла... Вмѣстѣ съ Ариной вышли, да она, вишь ты, отстала. Въ Калачовку къ зятю завернула, зять тамъ ейный писаремъ служить... Пьяница, сказываютъ, все женино добро промоталъ...

Сергѣй повернулся и посмотрѣлъ въ другую сторону. Тамъ, у самой дороги, тоже отдыхали странницы, человѣкъ десять. Расположились онѣ полукругомъ и одна изъ нихъ, съ темнымъ сморщеннымъ лицомъ и острыми колючими глазами, захлебываясь разсказывала:

— А она, голубушка, воеть, а она-то воеть. Такъ и кажется по паперти, такъ и воеть... И ничегшеники съ ней подѣлать не могутъ. И воду на ее льютъ, и крестъ ей въ руки суютъ, а она все голосистѣе. Ужъ и такъ она и этакъ, и пѣтухомъ тебѣ, и по собачьему. И такъ до поль-обѣдни, до вижу херувима. А какъ вижу херувима запѣли, тутъ она заскулила потихонечку, а потомъ и совсѣмъ затмила, какъ ладономъ то обкурили...

Отъ этихъ разговоровъ, вздоховъ, лицъ, Сергѣю стало не по себѣ. Онъ поднялся и, отмахиваясь отъ комаровъ, пошелъ назадъ въ село. Солнце стояло уже въ зенитѣ, отвѣсные лучи его были палящи, а въ мутномъ отъ зноя небѣ не виднѣлось ни облачка. Молодой зелени было жарко, она беспомощно никла къ землѣ, а когда пробѣгали струи вѣтра — жадно хваталась за нихъ, молила о чемъ тѣ, но и вѣтеръ былъ сухой, горячій.

Село, тѣмъ не менѣе, пестрѣло народомъ, жило приподнято и возбужденно, какъ всегда въ эти дни. По улицамъ туда и сюда озабоченно металась дурочка Марфинька, съ выпяченными глазами, съ извѣденнымъ оспой лицомъ, запинаясь и путаясь въ длинной, должно быть, чужой юбкѣ. Всюду двигались фигуры странницъ и странниковъ, въ лавочкахъ и на-скоро сколоченныхъ балаганахъ бойко торго-

зали орѣхами и сѣмячками, пряниками и конфетами, хлѣбомъ; тутъ же рядомъ продавали платки, ленты, брошки и колечки.

Около церковно-приходской школы сидѣли на землѣ, скрестивъ ноги, нищие слѣпцы и, гнусавя, неразборчиво пѣли странные, похожіе на причитанія, духовные стихи; около нищихъ стояли деревянные чашки, въ которыя слушатели бросали копѣйки, пряники, куски сахара. Кончая стихи, старцы опоражнивали чашки въ карманъ, каждый разъ приговаривая:

«Жертвуйте, благодѣтели,
Не ради нашего прошенія,
Ради души вашей спасенія...»

И кланялись сѣрыми отъ пыли и сѣдины головами, касаясь лбомъ земли.

Сергѣй остановился — послушать, что они поютъ, но ничего не могъ понять; пѣсня была такой же мутной и темной, какъ ихъ невидящіе глаза, и жалкія слова, казалось, копошились и ползали по землѣ, не будучи въ силахъ подняться выше...

II

У воротъ онъ встрѣтилъ Николая Филиппыча Смирнова, учителя церковно-приходской школы. Тотъ поздоровался и сказалъ, широко и холодно улыбаясь:

— Дорогой мой, идемте ко мнѣ. У васъ столпотвореніе вавилонское... всѣ суетятся, даже о. Илью гонять...

Сергѣй не любилъ учителя за его лесть, елейность, привычку говорить всѣмъ и каждому «дорогой мой», а за спиной дѣлать гадости. Онъ зналъ, что Смирновъ приобрѣлъ расположеніе архіерея путемъ шпионства и доносовъ, что его боялся всѣ окрестные учителя и духовенство; зналъ также, что онъ считается женихомъ Гали, ждетъ рукоположенія въ священники и уже выбралъ себѣ приходъ. И все это Сергѣю претило, какъ претило и сама внѣшность учителя: низенькая, пришибленная фигура, глаза, которые не смотрѣли прямо, жидкіе, скучные волосы, цвѣта ржавой соломы, которые онъ по праздничнымъ днямъ мажетъ губной помадой...

Комнату Смирнова, повидимому, тоже только что прибрали и приукрасили: вымытый полъ еще блестѣлъ мокрыми пятнами, надъ портретомъ преосвященнаго припилены

были свѣжія сосновыя вѣтки, надъ кроватью красовался новый коверъ, изображавшій царскую охоту, а дымящійся самоваръ на столѣ горѣлъ жаромъ: въ него можно было смотрѣться, какъ въ зеркало.

— Присаживайтесь, Сергѣй Ильичъ. Чаепитіе сейчасъ соорудимъ. Насчетъ обѣда не очень... не до обѣда... А вотъ селедочку можно. Хотите селедочки?

— Нѣтъ, спасибо. Не хочу.

— А то бы одну-то не долго. Свѣженькія... А?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ну, а китайской травки?

— Налейте.

Сергѣю не хотѣлось и чаю, но надо было что-нибудь дѣлать. Онъ подошелъ къ письменному столу, взглянулъ на книги: требникъ, «Отдыхъ христіанина», номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Онъ развернулъ «Вѣдомости»: нѣсколько названій въ отдѣлѣ «Праздныя мѣста священнослужителей» были подчеркнуты синимъ карандашомъ, дальше шло «Слово въ недѣлю о Фомѣ невѣрномъ», проповѣдь о ересьяхъ Льва Толстого, статья «О доходномъ веденіи церковнаго хозяйства», объявленія о колоколахъ, обласчєніяхъ, регентскихъ курсахъ.

— Приучаетесь? — сдерживая улыбку, спросилъ Сергѣй.

— Къ чему? — не понялъ учитель.

— Да вообще... къ будущему образу жизни...

— Да. Вы же знаете, владыка обѣщаль. Въ осиновскій приходъ.

— Мѣстечко тепленькое...

— А вы все посмѣиваетесь. Ахъ, дорогой мой... А еще сынъ іерея!

— Что-жъ дѣлать! Кое въ чемъ мы съ вами не сходимся, — серьезно сказалъ Сергѣй. — И не смѣюсь я вовсе, а... давайте-ка лучше чай пить.

Они сѣли къ столу, съ двухъ разныхъ сторонъ, и молча стали пить. Учитель усиленно курилъ и болталъ ложечкой въ стаканѣ, а гость барабанилъ пальцами по столу и, кусывая губы, смотрѣлъ въ открытое окно на площадь, на толпу, на тотъ, давно ему чуждый міръ, о которомъ онъ все-же не могъ не думать и за который не могъ не болѣть...

Какая то странница подошла къ окну, попросила щепотку соли. За ней подошла другая, спросила не дадутъ ли благодѣтели копѣчку на свѣчечку — воспаленные глаза ея

слезились, голова тряслась... Черезъ площадь къ церкви быстро прошелъ о. Илья, придерживая сѣдоватые волосы отъ вѣтра. За нимъ въ припрыжку пробѣжалъ церковный староста Никита Бусыгинъ, высокій длиннородый мужикъ въ синей поддевкѣ, съ двумя медалями на груди, которыя онъ никогда не снималъ. Добѣжавъ до паперти, онъ остановился, оглянулся и крикнулъ кому-то:

— А гдѣ Ляксѣй то? Ляксѣя зови, да Михайлу Кутейникова.

По площади побѣжали голоса:

— Куды Ляксѣй то убѣгъ?

— Да приставъ услалъ.

— За урядникомъ... на Козій бродъ... мостъ починяютъ...

— А, чтобъ его разорвало! — выругался староста.

— Нашли когда починять. На охоту ѣхать — собакъ кормить... Черти сиволапые!

Сергѣй выпилъ стаканъ, поблагодарилъ и пошелъ домой. Наединѣ со Смирновымъ онъ чувствовалъ себя стѣсненно, неудобно, точно не хватало воздуха.

Дома объ учителѣ напоминала Галя, но она все же свой человѣкъ и притомъ она положительно обезоруживала брата своими ясными глазами, цвѣтущимъ розовымъ лицомъ и, казалось, такимъ же розовымъ смѣхомъ. Правда, было горько, что, окончивъ Епархіальное, она не стала готовиться въ Медицинскій Институтъ, къ чему склонялъ Сергѣй, — а заявила, что учиться ей надоѣло, и что лучше выйти замужъ. Это разбило ихъ дружбу и онъ почти пересталъ съ нею разговаривать. Да и отъ всей семьи — съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ университетъ вопреки волѣ отца и архіерея — онъ жилъ нѣсколько отчужденно...

Войдя въ гостиную, служившую въ то же время и столовой, онъ увидѣлъ, что все тутъ блестѣло и сверкало чистотой, какъ передъ Пасхой: бѣлыя скатерти, кисейныя занавѣски, цвѣтистые домотканые половички. Передъ большими въ серебряныхъ ризахъ образами горѣла лампада краснаго стекла, и желтый огонекъ ея, слегка колеблемый вѣтромъ, залетающимъ въ окно, бѣглымъ скользящимъ отраженіемъ игралъ на глянцевитой поверхности фисгармоніи.

Послышались тяжелые шаги матушки. Круглое красное лицо ея было въ поту, обнаженные до локтей руки въ мукѣ и золѣ, все существо ея дышало усердіемъ домовитости. Грузной походкой, переваливаясь, она ходила по дому,

осматривала прибранныя комнаты и, повидимому, оставалась всѣмъ довольна:

— Ну, и молодецъ у меня Галька, ну, просто молодецъ, — восклицала она, хлопая себя по бедрамъ. — Я бы тутъ два дня провозилась, а она... Нѣтъ, ты посмотри, Сереженька, какъ складочки то на шторахъ выровнены. Прямо въ пору хоть митрополита встрѣчать, а не только что архіерея. И пирогъ то мой, кажется, удался, а нельму то Ерыкаловъ живую привезъ... да и жирную прежирную...

Она встала на стулъ, поправила, перекрестившись, фитиль въ лампадкѣ и, опираясь рукой о косякъ окна, спуская ногу со стула, сказала, понизивъ голосъ:

— А ты ужъ, Сереженька, извини, что твою комнату заняли. Самъ знаешь, какое теперь время. Владыка приѣдетъ — Галькина судьба должна рѣшиться, какъ онъ рукоположеніе то Николаю Филиппычу назначить. Вѣдь такой приходъ, какъ Осиновка, поискать надо. Я все время молю Бога, чтобъ кому другому не досталось... Шутка сказать: Осиновка!

III.

Петька-звонарь, чуть не съ утра дежурившій на колокольнѣ, испуганно метнулся къ периламъ и заоралъ внизъ на всю площадь:

— Ёдетъ!

И въ тотъ же мигъ принялся отчаянно звонить во всѣ колокола, дергаясь и руками, и ногами, и туловищемъ, и не отрывая взгляда отъ трехъ облачковъ пыли, приближавшихся къ селу по дорогѣ отъ Козьяго брода.

Площадь загудѣла, зашевелилась, послышались голоса:

— Ёдетъ! Ёдетъ!

— Владыка?

— А то кто-же?

— Чай, далеко еще!

— Слышь, звонять? Значить, близко. Дура!

Поднимали головы къ колокольнѣ и спрашивали:

— Близко, что-ли-ча?

Изъ-за собственнаго звона Петька не слышалъ, что ему кричали снизу, только дергалъ головой. По лѣсенкѣ уже топали вверхъ и внизъ десятки ногъ, главнымъ образомъ ребятишки, которымъ было и любопытно и весело отъ многолюдства, суеты и ожиданія: они взбѣгали на колокольню, смотрѣли на приближающіяся тройки и, спустившись внизъ,

кричали, что совсѣмъ ужъ близко, что вотъ ужъ въѣзжаетъ въ село...

О. Илья, подбирая епитрахиль, поддерживая на головѣ камилавку, съ большимъ крестомъ въ рукахъ сталъ на паперти, рядомъ съ церковнымъ старостой, учителемъ и псаломщикомъ. Двумя ступеньками ниже стали волостной старшина съ писаремъ, староста и урядникъ. А у воротъ поповскаго дома появилась съ хлѣбомъ-солью матушка. Она держала рѣзное деревянное блюдо съ надписью: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь», руки у нея дрожали и концы полотенца подъ блюдомъ тоже вздрагивали.

— Ёдетъ!

Снова заколыхалась толпа, теперь уже молча, и вдругъ подалась назадъ, широко разступилась. Изъ-за поворота улицы, пыля, гремя и заливаясь визгомъ бубенчиковъ, вылетѣла взмыленная тройка, дернулась въ послѣдній разъ и круто остановилась.

Изъ повозки грузно поднялся длинный протодьяконъ, за нимъ тяжело вылѣзъ толстый благочинный о. Матвѣй. Архіерея еще не было. Поклонившись, пріѣзжіе смахнули съ себя комочки сухой грязи, вошли въ притворъ и, причешывая волосы, встряхивались и отфыркивались тамъ, какъ лошади.

Черезъ двѣ-три минуты, такъ же съ грохотомъ, звономъ и пылью, подкатила другая тройка. Съ передка повозки, еще на ходу, молодецкато соскочилъ становой приставъ, отлично выбритый, въ бѣломъ, сверкающемъ на солнцѣ кителѣ, немного запыленномъ на спинѣ. Онъ скользнулъ по толпѣ строгимъ предупреждающимъ взглядомъ, выпрямился, какъ пружина и, ловкимъ движеніемъ снявъ фуражку, застылъ.

Медленно, поддерживаемый юношей-келейникомъ, вышелъ изъ повозки архіерей. Всѣ насторожились. Петька пересталъ звонить и, разинувъ ротъ, смотрѣлъ внизъ. Дурочка Марфинька нырнула впередъ и поклонилась въ ноги, за нею бросилось на землю еще нѣсколько человѣкъ. Владыка благословилъ толпу, кивнулъ головою встрѣчавшимъ и, опираясь на высокій посохъ съ серебряной верхушкой, слегка покачиваясь отъ усталости, прошелъ въ церковь.

Дружно и бурно, какъ вода въ прорвавшуюся плотину, хлынулъ за нимъ народъ, толкая одинъ другого, ворча и огрызаясь, охая и крестясь.

Хоръ школьниковъ подѣ регентствомъ Смирнова стройно и усердно грянулъ:

— Исползати деспота!

И тотчасъ же зашелестѣли поклоны, замелькали огоньки свѣчей и сочнымъ жирнымъ басомъ загудѣлъ протодіаконъ. А сзади, въ открытыя двери прибывали и напирали мужики, бабы, ребятишки, трудно было дышать, и со всѣхъ сторонъ просили потѣсниться. Опираясь о стѣну, Сергѣй стоялъ у самой двери, стиснутый кашляющими старухами и орущими благимъ матомъ грудными ребятами, которыхъ онѣ, успокаивая, безжалостно трясли... Церковь была убрана свѣжей зеленью и кое-гдѣ цвѣтами, по угламъ стояли молоденькія березки, но ихъ прелестный, чуть горькій запахъ тонулъ въ дымѣ ладона, въ запахѣ лука, колбы, пота, кислыхъ пеленокъ. У Сергѣя даже закружилась голова отъ духоты, но онъ зналъ, что коротенькая служба сейчасъ кончится и ждалъ. Смотрѣлъ на отца, растерявшагося, сразу утратившаго свое достоинство, смотрѣлъ на архіерея, о которомъ зналъ много дурного, на жалкую, по овечьи сгрудившуюся толпу и думалъ, что было бы гораздо лучше взять ружье и уйти на эти два дня на пасѣку къ дѣдушкѣ Пахому...

...На колокольнѣ опять зазвонили, народъ хлынулъ къ дверямъ, дурочка Марфинька выскочила первая и важно стала впереди; урядникъ отдернулъ ее въ сторону, а приставъ крикнулъ напиравшей съ площади толпѣ:

— Сдайсь назадъ! Назадъ, говорю вамъ!

Къ архіерею тянулись сложенные подѣ благословеніе руки, умиленные и любопытные взгляды. Приставъ, урядникъ и сотскій сдерживали народъ и, сквозь зубы цыкая, незамѣтно толкая кулаками въ бока, расчищали дорогу, по которой впереди бѣжали о. Илья и учитель, чтобы встрѣтить владыку у воротъ церковнаго дома.

Матушка глядѣла на подходившаго архіерея, мѣнялась въ лицѣ и томилась, ей казалось, что онъ идетъ слишкомъ медленно. Когда онъ подошелъ, она поклонилась такъ низко, что едва не задохнулась, хотѣла сказать привѣтствіе и не смогла, — молча подала блюдо съ хлѣбомъ-солью и прослезилась.

— Миръ дому сему! — произнесъ архіерей, благословляя ее, и, передавъ келейнику блюдо, вошелъ по ступенькамъ крыльца въ домъ.

По всѣмъ комнатамъ поднялась сдержанная бѣготня, зазвенѣли посудой, кто-то шопотомъ крикнулъ:

— Тише вы тамъ! Не можете, что ли, тише-то?

Побѣжали голоса:

— Умыться владыкѣ!

— Теплой воды то?

— Холодной.

— А мыло? Ахъ, да не это!

— А какое?

— Новый кусокъ тамъ... розовое...

— Пожалуйте сюда!

— Сюда, ваше преосвященство, сюда!

Промелькнулъ Смирновъ, сначала съ кувшиномъ, потомъ съ полотенцемъ въ рукѣ; матушка, переваливаясь, прошла-покатилась въ кухню, а оттуда, топоча каблучками новыхъ туфель, выбѣжала Галя, вслѣдъ за ней вышла Дуняша съ графиномъ пѣнящагося кваса для протодьякона, потомъ Власевна съ kloкочущимъ, брызжущимъ во всѣ стороны самоваромъ.

Черезъ четверть часа за чайнымъ столомъ внимательно усаживались: архіерей, благочинный, протодьяконъ, о. Илья съ учителемъ, матушка съ Галей, Сергѣй и въ концѣ стола, на кончикѣ стула, приставъ. Приставу очень хотѣлось квасу, но графинъ стоялъ около архіерея, попросить онъ не рѣшался и меланхолически помѣшивалъ ложечкой въ стаканѣ.

— Я вашимъ благочиніемъ, о. Матвѣй, доволенъ, — говорилъ архіерей, располагаясь на почетномъ мѣстѣ. — И въ храмѣ у васъ благолѣпіе, да и вообще... Ъхаль вотъ я, и все странниковъ обгоняль... Идутъ и идутъ, и сюда и въ монастырь, цѣлыми деревнями... Не оскудѣваетъ вѣра православная... Воистину сказано: и врата адовы не одолѣютъ. И вы, о. Илья, ревностный пастырь, я вами доволенъ, — закончилъ владыка, первый принимая отъ матушки кусокъ горячаго пирога. — Это съ чѣмъ-же, хозяйюшка, пирогъ то? Съ нельмой?

— Съ нельмой, ваше преосвященство.

— Куда не пріѣдешь, вездѣ нельма...

— Лучшая рыба по здѣшнему краю, ваше преосвященство.

— Свѣжая, ваше преосвященство. Только сегодня утромъ поймана, трепыхалась еще, какъ привезли-то...

Владыка не отвѣтилъ. Пирогъ, должно быть, не понра-

вился: расковырялъ кусокъ вилкой и отодвинулъ въ сторону. У матушки упало сердце. Но владыка взялъ соленыхъ груздей, съѣлъ ихъ цѣлую тарелочку, потомъ взялъ черной икры, сдѣлалъ два бутерброда и тоже съѣлъ. Потомъ попросилъ чаю. Матушка облегченно вздохнула и спросила песмѣло:

— Можетъ, ваше преосвященство, еще груздичковъ или икорочки скушаете?

— Довольно ужъ. Закусилъ.

— Можетъ, ваше преосвященство, балычка? — приподнялся Смирновъ. — Балыкъ замѣчательный, у Мельникова брали. Отвѣдайте.

— Нѣтъ, спасибо. Чайку вотъ...

Онъ взглянулъ на Гаю, бережно передавшую ему стаканъ, погладилъ и потрепалъ ее по рукѣ и сказалъ:

— Большая дѣвица-то выросла у васъ, о. Илья. Помню, какъ въ третьемъ году на елкѣ въ Епархіальномъ «Бородино» читала... «Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ»... Хе-хе... А нынѣ ужъ невѣста. Слышалъ я, что и женишекъ есть. А?

Галя опустила глаза, покраснѣла.

— Да, да! — продолжалъ, вздохнувъ, владыка. — Старое старится, молодое растеть... процвѣтаетъ яко кринь сельный... Да. А сынъ-то, чай, докторомъ скоро будетъ? А?

Всѣ взглянули въ сторону Сергѣя. Онъ не отвѣтилъ, только кашлянулъ, — не хотѣлъ вступать въ разговоръ съ архіереемъ.

— Два года еще ждать, владыка, — смущенно отвѣтилъ о. Илья. — На четвертый курсъ перебрался. На послѣднемъ ужъ былъ бы, да вотъ въ прошломъ году забастовочка помѣшала...

— Ишь ты, какой! — прищурился архіерей въ сторону Сергѣя. — Бастовалъ говоришь, юноша? А?

— Такъ. Косвенно... — уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Хе-хе... Косвенно? Знаемъ мы васъ. Одинъ косвенно, другой косвенно, а всѣ вмѣстѣ — такъ прямѣе и не надо. Ну, ничего. Станешь постарше, образумишься. Сказано въ писани: и неразумныя умудряй. А ты вѣдь разумный, я тебя еще въ семинаріи зналъ. Богъ тебя не обидѣлъ.

Сергѣй молчалъ, низко наклоняясь надъ стаканомъ. Владыка замолчалъ тоже, и никто не рѣшался первый нарушить тишину, въ которой слышалось только звяканье ложечекъ, робкое покашливанье и жужжанье мухъ.

— Фф!.. Ну и жарко, — тихонько пробормоталъ приставъ, обмахиваясь носовымъ платкомъ.

— Ась? — откликнулся архіерей.

— Я говорю «жарко», ваше преосвященство, — отчетливо сказалъ приставъ, быстро приподнимаясь и пряча платокъ въ карманъ.

— Мм... да. Гдѣ жара, а гдѣ и дожди. На Уралѣ, говорятъ, дожди все время, пишетъ мнѣ племянникъ оттуда... Разверзлись хляби небесныя. Залило такъ, что въ пору хотъ ковчегъ строить...

Послѣ чая владыка пожелалъ отдохнуть. Всѣ встали, приставъ шаркнулъ и раскланялся, низко поклонились и другіе. Владыка поблагодарилъ за угощеніе и, медленно поглаживая бороду, сопровождаемый учителемъ и келейникомъ, пошелъ въ кабинетъ.

— Ваше преосвященство, — откашливаясь и забѣгая впередъ, произнесъ Смирновъ, — разрѣшите завтра за литургіей концертъ Бортнянскаго пропѣть.

— Это какой же?

— «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ».

— А, «Дивенъ Богъ». Ну, что-жъ, можно. «Дивенъ Богъ» я люблю. Да и хорошо у тебя школьники поютъ, хорошо. Партесному то давно учишь?

— Второй годъ, ваше преосвященство. Все больше Бортнянскаго и Архангельскаго...

— Ну-ну! Смотри, братъ, чтобъ въ Осиновкѣ хоръ не хуже былъ. Да и со свадьбой поторавливайся. Не терпится, поди? Невѣста то хотъ куда! А?

— Осмѣлюсь спросить, ваше преосвященство, относительно рукоположенія. Когда прикажете явиться?

— Совершимъ въ Пятидесятницу. Во діакона. А въ Петровъ день во іерея.

Онъ далъ поцѣловать руку и скрылся въ кабинетѣ. Смирновъ осторожно приперъ дверь и пошелъ на ципочкахъ назадъ.

По дому поползъ шопоть:

— Тише! Владыка отдохнуть легъ. Тсс...

Одно окно кабинета выходило во дворъ, поэтому со двора прогнали странницъ и на завалинку посадили десятискаго, чтобъ не допускалъ здѣсь никакого шума. Другое было открыто въ садъ. Туда, въ тѣнь и прохладу, направился

Сергѣй. Онъ сѣлъ на ступенькахъ бесѣдки, тихонько развернулъ газету и началъ читать.

Скоро въ церкви заблагоговѣстили ко всенощной. Было уже шесть часовъ. Жара спадала. Медленный, лѣнивый звонъ казался тоскливымъ, будничнымъ, но звонили недолго, чтобы не тревожить архіерея.

На смѣну огнедышащему дню наступалъ теплый золотой вечеръ. Выше отодвигалось палящее небо, дружно и весело звенѣли кузнечики въ травѣ, благоухала молодая зелень. Все гуще и длиннѣе ложились тѣни, точно кто-то вытягивалъ ихъ невидимой рукой, сонно позвякивали бубенчики коровъ, возвращавшихся съ поля, и слышно было, какъ вдалекѣ пастухи хлопаютъ бичами, словно стрѣляютъ.

— Что новенькаго, юноша?

Сергѣй поднялъ голову, оглянулся и всталъ.

Въ раскрытое окно кабинета, подъ приподнятой занавѣской, выставилась лысѣющая голова архіерея, безъ клобука, съ растрепавшимися волосами. Онъ икалъ, глаза были тяжелы отъ дремоты и какъ-то странно поблескивали.

— Что новенькаго, говорю, въ газетѣ?

— Ничего, ваше преосвященство.

Владыка зѣвнулъ, трижды перекрестивъ ротъ, и широко, сладко потянулся всѣмъ корпусомъ:

— Такъ ничего, говоришь? Все по старому?

— По старому, ваше преосвященство.

— Благораствореніе, значить... Мм... да-а... — Онъ зѣвнулъ снова. — Ну, а насчетъ халеры какъ?

— Да пока не очень... Въ Саратовѣ вотъ только... Городъ, говорятъ, грязный...

Разговаривать Сергѣю не хотѣлось. Онъ свернулъ газету и медленно направился мимо окна къ калиткѣ.

— О, Господи! — вздохнулъ владыка. — Сны мнѣ все нехорошіе снятся, юноша, отъ лукаваго. Сѣти дьявольскія...

Сергѣй остановился, сдержанная, чуть замѣтная, усмѣшка скользнула по его лицу.

— Чего улыбаешься? Сказано есть: міръ во злѣ лежитъ и всѣ во грѣхѣ ходимъ. Пожалѣть долженъ, а онъ...

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

.....
.....
.....
.....
.....

Онъ опустил занавѣску, сердито кашлянулъ и чуть хриплымъ со сна голосомъ громко позвалъ келейника.

Окно закрылось.

Дремавшій во дворѣ на завалинкѣ десятскій поднялся, не торопясь отошелъ въ сторону и, поплевавъ на пальцы, сталъ свертывать сигарку.

IV.

Сергѣй вышелъ изъ сада, какъ пришибленный. Нѣсколько разъ безцѣльно прошелся по двору, постоялъ зачѣмъ-то у погреба, потомъ пошелъ въ школу и долго ходилъ по пустому классу изъ угла въ уголъ. Его душила брезгливая злоба и мучила та ноющая тупая тоска, какую, вѣроятно, испытываетъ путникъ, попавшій въ топкое болото, которому не видно конца. Онъ вспоминалъ весь сегоднешній день — душную церковь, чего-то жаждущую толпу, растерянное лицо отца, подобострастное расшаркивание пристава и этотъ послѣдній разговоръ у окна — и думалъ съ глубокой горечью, какой не испытывалъ давно: — «Боже мой, да гдѣ-же она, куда она ушла, вся великая красота христіанства? Что съ ней сдѣлали, во что ее превратили? Гдѣ апостолы и мученики, не боящіеся царей? гдѣ безгрѣшныя дѣвушки, которыя ходили по землѣ, какъ ангелы? гдѣ безсеребренники, свѣтлые духомъ, чистые сердцемъ? Все ушло, умерло... Земля истосковалась о святыхъ людяхъ, а ихъ нѣтъ... Есть іереи и пасторы, есть архіереи, раввины, муллы, есть монахи и юродивые, а праведниковъ нѣтъ и нѣтъ»...

Сергѣй не замѣтилъ, какъ отошла всеобщая, спустились сумерки, загорѣлись звѣзды. Его вывелъ изъ задумчивости голосъ Смирнова:

— А, вы здѣсь, дорогой мой. Не хотите ли поужинать? Есть простокваша, яичницу сочинимъ...

Онъ отвѣтилъ глухо:

— Благодарю васъ. Не хочется. Да и на боковую пора.

— Что-жь, валяйте. Кровать къ вашимъ услугамъ.

— А нельзя ли на диванѣ?

— Предпочитаете диванъ? Отлично. Устрою на диванѣ. Дуняша вамъ тутъ, кстати, все принесла.

Они перешли въ комнату учителя. Смирновъ началъ стлать Сергѣю постель, но тотъ отстранилъ его и приготовилъ себѣ самъ. Онъ быстро раздѣлся, легъ и съ головой укрылся одѣяломъ. Было душно и жарко, но не хотѣлось разговаривать съ учителемъ, видѣть, какъ онъ ѣстъ, раздѣвается, кряхтя снимаетъ сапоги...

Учитель поѣлъ, накрылъ посуду газетой и потушилъ лампу.

Ему, видимо, не спалось. Онъ поворачивался съ боку на бокъ, начиналъ что-то напѣвать, пыхтѣлъ папиросой. Потомъ, услышавъ, какъ Сергѣй поправляетъ подушку, спросилъ:

— Не спите?

И, не дожидаясь отвѣта, топая босыми ногами, перешелъ къ дивану и сѣлъ съ краю.

Сергѣй высунулъ голову изъ-подъ одѣяла, угрюмо и удивленно посмотрѣлъ, досадливымъ жестомъ поправилъ подушку.

Учитель пустилъ дымъ колечкомъ, улыбнулся:

— А вы меня сегодня такъ и не поздравили.

— Съ чѣмъ?

— Какъ же! Осиновка-то за мной. Съ Петрова дня. Значить, недѣли черезъ двѣ на свадьбѣ гулять будете. А черезъ годикъ и въ кумовья попрошу? Пойдете въ кумовья? а?

— Послушайте... я хочу спать.

— Рано еще. Успѣете выспаться. А я васъ вотъ о чемъ хотѣлъ спросить, дорогой мой... Вы не знаете-ли... Я спрашиваю, такъ сказать, не изъ любопытства, а... на правахъ жениха... У Гали тамъ, въ городѣ, романчика не было? Я разъ у нея въ книгѣ письмо одно нашель...

Сергѣй откинулъ одѣяло, приподнялся и сказалъ, слегка заикаясь отъ раздраженія:

— По...послушайте! Дадите вы мнѣ уснуть или нѣтъ? И затѣмъ, что это за допросъ?..

— Ну, молчу, молчу. Не сердитесь. Чудакъ вы, право. Съ вами и поговорить нельзя. Не сегодня-завтра будемъ родственниками, а между тѣмъ...

Учитель сокрушенно вздохнулъ, швырнулъ папироску въ уголь и молча пошелъ къ своей кровати.

* * *

Когда Сергѣй проснулся, было уже позднее утро. Звонили къ обѣднѣ, въ окна лился яркий свѣтъ погожаго дня, площадь тихо гудѣла народомъ: село Успенское встрѣчало Николу вешняго.

Учителя не было въ комнатѣ. На столѣ шумѣлъ самоваръ, стоялъ чистый стаканъ, хлѣбъ, яйца.

Сергѣй умылся, выпилъ чаю и пошелъ на площадь: какое то острое, волнующее любопытство тянуло его къ этой толпѣ, какъ магнитомъ, — хотѣлось войти въ ея русло, плыть съ ея течениемъ и жадно слушать и пристально смотрѣть.

Онъ окинулъ взглядомъ площадь: здѣсь не меньше тысячи человѣкъ, кромѣ того полна церковь, много народу на улицахъ и дальше, на тропинкахъ въ горы, по дорогѣ къ монастырю. Такъ бываетъ каждый годъ 8-го и 9-го мая, дуютъ-ли холодные вѣтры, стоитъ-ли жара, шумятъ-ли буйные весенние ливни. «Гдѣ-то въ другихъ краяхъ, — подумалъ онъ, — цвѣтеть и ликуетъ живая жизнь, пылаютъ неугасимые факелы творческой мысли, а тутъ изъ года въ годъ, какъ скучная ноющая пѣсня, какъ безконечный осенній дождь, тянутся эти усталыя измученныя толпы, гонимыя темной ихъ вѣрой, какъ невидимымъ тупымъ и тяжелымъ бичомъ».

Онъ направился сквозь толпу къ церкви — тамъ уже начиналась служба — но протиснуться было трудно; каждому хотѣлось попасть въ храмъ, но многіе безнадежно махнули рукой и уныло стояли подъ открытымъ небомъ, опираясь на пыльные батожки и терпѣливо выжидая конца обѣдни.

У паперти Сергѣй остановился, пройти дальше не было возможности. Между папертью и оградой сидѣли двумя рядами нищіе, убогіе и калѣки: тутъ были и безрукіе, и безногіе, и слѣпые, и съ искривленными спинами, и со сведенными конечностями. У одного не закрывался пораженный язвами ротъ и тамъ кишѣли мухи; другой протягивалъ высохшую желтую руку и, ворочая во все стороны головой, протяжно мычалъ; третій полулежалъ неподвижнымъ пластомъ, весь въ коростахъ. Ближе къ церкви, на нижней

ступени паперти, сидѣли два сифилитика, изъязвленные, съ провалившимися носами. Они находили въ себѣ мужество улыбаться и пересчитывать мѣдныя монеты въ своихъ деревянныхъ чашкахъ.

Сергѣй отошелъ въ сторону, въ глубь церковной ограды, гдѣ около деревяннаго, на-скоро сколоченнаго балагана тоже толпился народъ. Здѣсь съ ранняго утра братъ церковнаго старосты Ларіонъ Бусыгинъ продавалъ крестики, иконки, афонскіе листки, поминальныя книжки, а сыновья его, школьники Санька и Панька, писали бабамъ на поминальныхъ книжечкахъ и на клочкахъ бумаги за здравіе и за упокой. Одинъ писалъ, а другой приготовлялъ бумагу, чинилъ карандашъ, принималъ копѣйки. Бабы торопились, говорили, что не успѣютъ помянуть за обѣдней, а Санька дѣловито отвѣчалъ:

— Успѣете. Нонеча служба во какая.

У него уже дервенѣла рука, но бабъ оставалось мало, всего пять-шесть, и онъ спѣшилъ съ ними управиться.

Хорошо работалъ и Ларіонъ. Ходко шли блестящія серебряныя крестики, афонскіе листки и маленькіе бумажныя иконки свв. Пантелеймона и Николая.

— Почему Пантелеймонъ-то, батюшка? — спрашивали богомольцы.

— Три копѣйки.

— А Никола-угодникъ?

— Все равно. Цѣна одинакова.

— А ты, милъ-человѣкъ, уступи.

— Не могу.

— Отдай обоихъ-то за пятакъ.

— Нельзя, тетка, нельзя. Какая цѣна проставлена, по такой и продавать должонъ. Тутъ тебѣ не лавочка.

Какая-то старуха, тщетно протискиваясь впередъ, все время спрашивала:

— А сонъ Пресвятой Богородицы не продаешь-ли, милостивецъ?

— Нѣту, бабушка.

— А може есть?

— Да нѣту, говорю, бабушка, нѣту.

— Какъ же нѣту, милостивецъ, коли онъ отъ всѣхъ напастей, сонъ-то этотъ.

Обѣдня, между тѣмъ, продолжалась. Начали медленно звонить къ Достойно. По рядамъ, толпившимся на пло-

щади, прошло движеніе, къ церкви постепенно подводили припадочныхъ и кликушъ, которые съѣзжались въ Успенское къ этому дню почти со всего уѣзда. По окончаніи литургіи, когда архіерей выйдетъ на площадь служить акафистъ св. Пантелеймону, надъ этими больными полагалось пронести икону чтимаго святого, о которой шла молва, что она творитъ чудеса.

И на этотъ разъ скопленіе больныхъ было огромное. Одни подходили сами, другихъ осторожно вели подъ руки. И опять въ большинствѣ были старухи, дѣвки, пожилыя и молодыя бабы. Все ближе подходили они къ церковнымъ воротамъ, трясущіеся, изнеможенные, съ глубокими впдинами поблекшихъ глазъ. Нѣкоторые упирались, толкали тѣхъ, кто ихъ велъ, выкрикивали ругательства и скрежетали зубами; имъ зажимали ротъ, многократно дѣлали надъ ними крестное знаменіе и, отводя руки, силой тащили впередъ.

Съ каждой минутой больные все прибывали, и когда обѣдня кончилась и Петька-звонарь зазвонилъ во всѣ колокола изо всѣхъ своихъ силъ, а изъ церкви хлынулъ народъ и надъ нимъ заколыхались хоругви, — больные повалились на земь, распростерлись въ пыли, и крестный ходъ двинулся на лежащихъ. И въ тотъ же моментъ кто-то изъ больныхъ закричалъ, какъ ужаленный, завылъ, заголосоуль — и словно это послужило сигналомъ: тотчасъ же неистово закричали-заголосили десятки другихъ, и стихійный звѣриный вой перекинулся по площади изъ конца въ конецъ. Онъ переплетался съ громкимъ колокольнымъ звономъ, но и звонъ не могъ его заглушить, и когда колокола внезапно замолкли, вой и крики вырвались, какъ пламя, и еще сильнѣе закружился этотъ ураганъ нечеловѣческихъ звуковъ. Кликуши кричали и ревѣли, выкрикивали похабныя слова вмѣстѣ со словами молитвъ, припадочные гвали на себѣ волосы, бились о землю головой, ихъ корило и подбрасывало...

Сергѣй дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, онъ чувствовалъ, что еще нѣсколько минутъ — и эта дикая волна захлестнетъ и его... Онъ отвернулся и отошелъ въ сторону, на середину площади гдѣ былъ приготовленъ столъ для молебна и акафиста, и оттуда смотрѣлъ на приближающуюся процессію.

Икона медленно проплыла надъ буйствующими больными и они начали затихать и мало-по-малу стихли со-

всѣмъ, только одиночные выкрики и всхлипыванія долго продолжались еще и потомъ.

На столѣ зажгли свѣчи, водрузили икону. Передъ Сергѣемъ мелькнулъ бѣлый китель пристава, золотая парча архіерея и священниковъ, пронесся запахъ ладана. Хоромъ управлялъ Смирновъ. Около него тѣснились школьники; мальчики, видимо, устали, солнце жгло ихъ головы и должно быть имъ очень хотѣлось пить. На площади, какъ и въ церкви, архіерей служилъ соборнѣ съ о. Ильей и о. Матвѣемъ, протодьяконъ гудѣлъ, какъ органъ, а церковный староста самъ усердно раздувалъ кадило, отъ котораго летѣли искры.

Почти рядомъ съ собою Сергѣй увидѣлъ мать и Галю, онѣ стояли въ новыхъ платьяхъ, со свѣчами въ рукахъ, и ежеминутно крестились и кланялись. Галя колупала стекающій по свѣчкѣ воскъ, катала его межъ пальцевъ и, слегка наклоняясь, посматривала искоса на жениха. На лѣвомъ вискѣ у нея, въ нѣжно-бѣлокурыхъ волосахъ, тихонько покачивалась надъ голубымъ глазомъ голубая ленточка, и это показалось Сергѣю прелестнымъ, трогательнымъ. Отъ этой голубой ленточки ему стало какъ будто легче, онъ прислушивался къ словамъ акафиста и они точно вставали передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ, пріобрѣтали смыслъ и значеніе, и иные звучали какъ музыка:

— Радуйся, юности преизрядная похвало; радуйся, поборниче Христовъ, въ мужествѣ neodолѣнный; радуйся, божественнаго разума вмѣстилище. Радуйся, великомучениче и цѣлителю Пантелеймоне.

— Радуйся, сладкозвучная вѣры свирѣль; радуйся, прежде смерти явивый, по смерти совершай чудесная. Радуйся, пресвѣтлый Христовъ бисере. Радуйся древо, украшенное плодами благодатныхъ дарованій, носяй добропобѣдныя вѣтви. Радуйся, великомучениче и цѣлителю Пантелеймоне.

Сергѣй поднялъ голову. Пышно сіяло вверху, дышало жаркой радостью весеннее небо и свѣтлыми вѣстниками плыли по нему легкія пухлыя облачка, блаженно таявшія, неслышно растворявшіяся въ лазури. Надъ холмами и дальними горами плавно и горделиво носились орлы, которыхъ въ этомъ краю было еще много; вѣтеръ съ заливныхъ луговъ доносилъ благоуханіе цвѣтущихъ травъ, мягко вѣялъ освѣжающей прохладой. Привѣтливо шумѣли тополя бли-

жайшаго сада, маленькіе и яркіе листья ихъ отливали на солнечной сторонѣ шелкомъ, на тѣневой бархатомъ. Неизвѣстно, о чемъ шелестѣли молодые листья, но Сергѣй подумалъ, что и у нихъ, можетъ быть, есть свои акафисты — тихому вѣтру, ласковымъ дождямъ, солнечному восходу...

Давнее, почти забытое умиленіе охватило душу Сергѣя, словно нахлынуло изъ далекаго дѣтства. Онъ вспомнилъ свѣтъ лампадки въ дѣтской, рождественскія и пасхальныя ночи, синій полумракъ деревенской церкви, отца въ блестящей ризѣ и въ кадильномъ дымѣ, какъ въ облакахъ, и дивныя свои мысли о добромъ и кроткомъ Богѣ, о раѣ, объ ангелахъ, которые собираютъ слезы людей и несутъ ихъ къ престолу... Вспомнилъ любимую главу отъ Іоанна — прощальную бесѣду Христа съ учениками, — наивныя, прекрасныя, отроческія мечты свои о христіанскомъ служеніи міру, а потомъ разочарованіе, равнодушіе, тоску и, наконецъ, горячую, непримиримую ненависть ко всему, что становится между людьми и Богомъ и заслоняетъ Его отъ нихъ... И опять ему стало тоскливо и одиноко — до боли.

V.

Кончился акафистъ, заколыхалась толпа, крестный ходъ направился къ Николаевскому женскому монастырю. Архіерей снялъ облаченіе, широко благословилъ толпу и поклонился. Ему подали лошадей, онъ кивнулъ келейнику, сѣлъ съ нимъ и помчался впередъ на тройкѣ: пообѣдать у игуменьи, отдохнуть и вечеромъ служить въ монастырѣ всенощную, а завтра обѣдню. Вслѣдъ за нимъ помчались о. Матвѣй и протодьяконъ.

До монастыря было три версты и всѣ шли пѣшкомъ, а слабыхъ и больныхъ вели подъ руки. Пошелъ и Сергѣй. Томила жажда, хотѣлось ѣсть, но то, что влекло его къ толпѣ и съ толпой, было сильнѣе, — такъ иногда хочется разглядывать растравленную рану. Умиленіе его остыло, прошло, глаза снова смотрѣли пытливо и пристально; на минуту взоръ его остановился на архіереѣ, когда тотъ усаживался въ повозку, и въ памяти воскресъ вчерашній разговоръ у окна.. Онъ отмахнулся отъ этого воспоминанія и зашагалъ бодро и ровно, вслѣдъ за отцомъ и учителемъ, сзади школьниковъ. Усталые мальчишки теперь молчали, а за нихъ пѣли всѣ, кто хотѣлъ, пѣли все одно и то же:

— Великомучениче и цѣлителю Пантелеймоне, моли Бога о насъ!

Солнце жгло, стекло и украшенія иконы блестѣли такъ ярко, что больно было смотрѣть; изъ-подъ ногъ густо клубилась пыль, она залетала въ ротъ, въ глаза, набивалась въ волосы, и грязно-желтая туча ея неотдѣлимо двигалась вмѣстѣ съ народомъ.

Дорога шла въ гору, была извилиста и кочковата, многіе запинались и задыхались, но продолжали идти и пѣть. Бабы орали дико и визгливо, нѣкоторыя качались, какъ пьяныя, и старались перекричать одна другую, а мужики сипло и надсадисто басили. Къ иконѣ то и дѣло летѣли изъ толпы куски полотна, платки, полотенца, связки кудели — было принято дѣлать это во время крестнаго хода, какъ даръ храму — а церковный староста, псаломщикъ и причетникъ подхватывали вещи и складывали поспѣшно въ особый мѣшокъ.

А изъ монастыря уже выходили навстрѣчу. Въ верстѣ отъ него, каждый годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, сходились процессіи: монастырская съ образомъ св. Николая-Чудотворца и сельская съ образомъ св. Пантелеймона, приносимымъ въ обитель ради храмоваго праздника. Матказначейша обычно высылала впередъ послушницъ въ черныхъ скуфейкахъ и бѣлыхъ апостольникахъ — цѣлый маленькій отрядъ — собирать даянія богомольцевъ. Онѣ, какъ всегда, пришли на мѣсто встрѣчи первыми, за ними на высокихъ носилкахъ колыхалась икона св. Николая Чудотворца, сопровождаемая духовенствомъ обители, хоромъ монахинь и тѣми богомольцами, которые раньше пришли въ монастырь.

Иконы встрѣтились и остановились, богомольцы перемѣшались, въ воздухѣ опять замелькали платки, полотенца, связки кудели. Большая часть падала между обѣими иконами и тутъ сельчане тянули вещи къ себѣ, а послушницы къ себѣ, и подъ немолчное пѣніе молитвъ росли раздражающіе крики:

- Зачѣмъ чужое берешь? Это намъ бросили!
- Не вамъ, а батюшкѣ Пантелеймону.
- Нѣтъ, намъ, намъ, Николѣ-Угоднику!
- Да тише бросайте-то! Стекло разобьете!
- Куда тащишь? Руки больно длинны!
- А ты не кричи, а то лопнешь!

Полиція не считала удобнымъ вмѣшиваться въ церковный дѣлежъ, и онъ затихъ самъ собою, когда потокъ пожертвованій изсякъ. Иконы поставили рядомъ, и процессія, подъ звонъ монастырскихъ колоколовъ, двинулась дальше, и молитвы теперь пѣлись обоимъ святымъ, поочередно.

Пестрые ручейки богомольцевъ, разбѣжавшіеся по взгорью, постепенно стекались въ одно русло, оно ширилось, удлинялось и лишь кое-гдѣ на травѣ и подъ кустами виднѣлись отставшіе: главнымъ образомъ бабы, кормившія грудныхъ младенцевъ. Отставали еще кое-кто изъ парней и дѣвокъ; тихонько сговариваясь, игриво переглядываясь и перешептываясь, они парочками сворачивали въ сторону, спускались въ темный оврагъ или незамѣтно забирались въ гущу черемуховыхъ зарослей, осыпанныхъ бѣлымъ цвѣтомъ.

Около узкихъ воротъ монастыря процессія замедлила ходъ; здѣсь ее встрѣтила братія обители во главѣ съ игуменьей, настоятельницей и матерью-казначейшей. Взаимно кланялись и всѣ вмѣстѣ пѣли молитвы, потомъ направились въ монастырскій соборъ, новый, еще пахнувшій известкой и сыростью. Тамъ поставили иконы по обѣимъ сторонамъ ямвона, зажгли передъ ними дымныя купы свѣчъ. Звонъ умолкъ и народъ началъ расходиться по огромной усадьбѣ обители — до вечера, пока не позвонятъ ко всеобщей.

На отдыхъ располагались какъ попало. Тѣ, у кого были знакомы монашки, ушли къ нимъ въ кельи, нѣкоторыхъ пригласили въ трапезную, гдѣ кстати торговали монашескими рукодѣльями, а большинство оставалось подъ открытымъ небомъ. Старались сѣсть въ тѣнь, развязывали узелки съ провизіей, котомки и ѣли. Но жара усиливалась и сильнѣе хотѣлось пить, чѣмъ ѣсть. Шли, а многіе и прямо бѣжали, къ родниковому ключу, протекавшему на задахъ монастырской усадьбы. Пошелъ туда и Сергѣй.

Ключъ считался святымъ, и на томъ мѣстѣ, откуда онъ вытекалъ, стояла часовня изъ теса съ иконостасомъ внутри и неугасимой лампадой. На полу зіяла огороженное рѣшеткой отверстіе, и дежурная послушница, сидя на корточкахъ, черпала изъ него ковшемъ воду, раздаваемую богомольцамъ. Одни пили прямо изъ ковша, другіе переливали воду въ свои чашки и кружки, и, кромѣ того, почти всѣ благоговѣнно наполняли ею приготовленныя стклянки, бутылочки, пузырьки, чтобы унести ее въ свои деревни и городки. Говорили, что она имѣетъ такое же дѣйствіе, какъ

крещенская: прогоняетъ нечистую силу и помогаетъ отъ болѣзней. За воду давали кто что имѣлъ, и на столъ у входа глали полотно, лень, кружево, мѣдныя и серебряныя монеты.

Ниже часовни, въ томъ же ключѣ, мыли ноги, поло-скали и вытирали жирныя отъ грязи онучи, купали малень-кихъ ребятишекъ. Тутъ же вдоль ключа ходилъ взадъ и впередъ жившій въ обители кривоногій дурачекъ Кузька, въ неизмѣнно красной рубахѣ до колѣнъ, босой и лохма-тый. Онъ безсмысленно улыбался, прыгалъ, топорщился, какъ индюкъ, и простуженнымъ голосомъ выкрикивалъ не-лѣпыя идиотскія слова. Старухи вѣрили, что онъ угодень Богу, а бабы любили, когда онъ подходилъ къ нимъ и гладилъ ихъ, бездѣтныя истолковывали это, какъ хорошее предзнаменование...

Тутъ же у ключа, отъ котораго вѣяло холодкомъ, ло-жились на землю и отдыхали, закусывали, разговаривали. Чаше всего дѣлились впечатлѣніями отъ архіерея, крестнаго хода, монастыря, рассказывали о чудесахъ и знаменіяхъ, по-томъ бесѣдовали о сѣнокосахъ и посѣвахъ, передавали де-ревенскія новости, сплетни, и не рѣдко разговоръ кончался перебранкой; но неудобно было кричать въ такомъ мѣстѣ, да еще и на народѣ, и поэтому бранились сдержанно, будто не въ серьезъ:

— Конечно, конечно Паранька съ нимъ путалась, — ожесточеннымъ шопотомъ доказывала какая-то дѣвка по-жилой бабѣ. — Сама сколько разъ видѣла ихъ за гумномъ.

— Шлюха ты этакая! — спокойно, почти дѣловито, ру-гала ее баба. — Не тебѣ, шлюхѣ, говорить о моей Па-ранькѣ... безстыжіе твои глаза! Хошь бы передъ святымъ-то мѣстомъ постыдилась.

— Да што стыдиться-то, коли правда? Всѣ знаютъ. Съ Покрова она съ нимъ путалась и до самаго до Рождества... Какъ еще брюха-то не нагуляла...

— Ну, Фекла! Подожди ты у меня. Придемъ домой, я те покажу. Я Степану все скажу, все.

— Ну, и говори. Не боюсь я.

— И скажу!

— И говори!

Сергѣй напился воды изъ ключа — она была холод-ная, свѣтлая, — посмотрѣлъ на ссорившихся бабѣ, кото-рыхъ часъ тому назадъ видѣлъ слезно молившимися, и по-

шелъ вслѣдъ за группой богомольцевъ дальше, туда, гдѣ на пригоркѣ, въ тѣни разросшихся акацій, находилась могила старца Пафнутія и землянка юродиваго Гриши. О старцѣ Пафнутіи не было извѣстно достоверно ничего, кромѣ того, что онъ жилъ здѣсь задолго до основанія обители, молился и умеръ; но однажды, какъ повѣствовала монастырская лѣтопись, на мѣстѣ его погребенія совершилось чудо: прозрѣлъ прохожій слѣпецъ. Монашки разнесли эту вѣсть по всѣмъ окрестнымъ городамъ и селамъ, и могила стала мѣстомъ паломничества.

Наканунѣ Николина дня здѣсь всегда стекалось много народа, и теперь стояла цѣлая толпа. Ждали, когда юродивый Гриша начнетъ свою обычную проповѣдь о концѣ міра, кромѣ которой онъ никогда никакой другой не говорилъ. Съ дубинкой въ рукѣ, маленькій, какъ мальчикъ, вылѣзь онъ сухой и костлявый изъ своего логовища и, весь дрожа, сталъ быстро-быстро креститься и кланяться на всѣ стороны, потомъ опустился на колѣни и, опираясь на дубинку, заговорилъ плачущимъ голосомъ, то понижая его до шопота, то повышая до пронзительнаго крика:

— Грядетъ! Грядетъ женихъ во полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Блюдитесь и бодрствуйте, братія, да никто же васъ прельститъ. Молитесь, молитесь, ибо близокъ часъ, егда же восплачете и возрыдаете!.. Звѣзды спадутъ съ неба и силы небесныя подвижутся... И мертвые возстанутъ изъ гробовъ своихъ, ибо придетъ послѣднее судилище..

Сергѣй подумалъ, что юродивый притворяется, играетъ роль, но очень ужъ сильна была игра. По безкровному желтому лицу юродиваго побѣжали слезы. Въ толпѣ слышались всхлипыванія; нѣкоторые крестились, другіе сокрушенно качали головами, припоминая грѣхи. А онъ уже не могъ говорить отъ слезъ, онъ уронилъ дубинку, упалъ самъ и весь дергался и рыдалъ, простирая руки къ небу, пока, наконецъ, въ полномъ безсиліи не упалъ на могилу. Нѣсколько минутъ лежалъ онъ неподвижно, обнимая холмъ и подножіе креста, потомъ поползъ на четверенькахъ въ свою землянку и въ ней скрылся. Два—три человѣка вошли туда, остальные бросились къ могилѣ: захватывали по щепоткѣ землицы и завязывали ее въ узелки платковъ или благоговѣйно завертывали въ бумажки и клали въ котомки, а нѣкоторые тутъ же клали землю въ ротъ и ѣли, давясь,

чувствуя тошноту и стараясь скорѣе проглотить. Земля съ могилы старца Пафнутія, какъ и вода изъ ключа, тоже считался святой, цѣлебной отъ всѣхъ болѣзней.

Поглядывая на надвигающіяся грозовыя тучи, толпа уже начала расходиться, когда со стороны монастырскаго двора внезапно раздались потрясающіе крики, которые егѣхъ остановили. Крики съ каждымъ мгновениемъ приближались, гнѣвные, протестующіе и бессильные; видно было, какъ нѣсколько мужчинъ, сопровождаемые бабами, тащатъ сюда какую-то женщину, точно звѣри свою добычу... Сергѣй насторожился, кровь ударила ему въ голову, словно этотъ крикъ требовалъ чего-то именно отъ него.

Онъ обернулся къ толпѣ и негодуя крикнулъ:

— Что они съ нею дѣлаютъ? Вѣдь это же невозможно... это насиліе!

Ему отвѣтили неохотно и угрюмо, какъ чужому:

— Что надо, то и дѣлаютъ.

— Тебя, вишь, не спросили... Указчикъ какой...

А тѣ, другіе, приближались, при одобрительномъ гулѣ бабьихъ голосовъ. И чѣмъ ближе они подходили — тѣмъ неистовѣе стучало у Сергѣя сердце.

Несчастная упиралась, била объ землю ногами, кричала: «не хочу! не надо! оставьте!», но ее неумолимо влекли, все торопливѣе и ближе, и когда поравнялись съ Сергѣемъ — онъ увидѣлъ молодое, измученное, красивое лицо съ полузакрытыми глазами, перепутанные, сбившіеся волосы, разорванный воротъ кофточка...

— Оставьте ее! оставьте! — гнѣвно кричалъ Сергѣй, но его голосъ тонулъ въ общемъ шумѣ и ему не отвѣтили, только кто-то большой и черный озлобленно толкнулъ въ плечо.

Дѣвушку повалили на землю около самой могилы старца, двое мужиковъ сѣли ей на ноги, третій держалъ ея руки, а четвертый, длинноволосый, монашескаго вида странникъ, сталъ посыпать ее могильной землей, крестя и приговаривая:

— Изыди, духъ окаянный! Изыди, духъ грѣшный и лукавый! Изыди! изыди! изыди!

Дѣвушка уже не кричала, а только билась и стонала и никто ее больше не слушалъ. Толпа обступила ее кругомъ, всѣ спрашивали, совѣтовали, перебивали другъ друга.

— Молоденькая, а ужъ испортили...

— Не она этто кричала, а бѣсъ, бабоньки!..

— Вѣстимо, лукавый... не хочется ему, чай, съ ея душой-то разставаться.

— А ты, Божій человекъ, въ ротъ ей святой землицы-то... въ ротъ! Этакъ онъ скорѣе выйдетъ.

— Да водички изъ ключика... съ землицей то... На-ко вотъ бутылочку. Да въ ротъ ей съ землицей-то! Чтобъ проглотила... Въ ротъ!..

Одинъ изъ мужиковъ широко раскрылъ пальцами ротъ дѣвушки, а длинноволосый странникъ бросилъ туда горсть земли и наклонилъ бутылочку, изъ которой забулькала всда.

Сергѣй не выдержалъ, его охватила ярость, онъ бросился къ длинноволосому, однимъ ударомъ вышибъ у него изъ рукъ бутылку, потомъ хлестнулъ по лицу того, который разжималъ зубы и размахнулся, чтобы ударить третьяго, но въ этотъ моментъ кто-то схватилъ его за горло, повалилъ и, злорадно хрипя, вмѣстѣ съ нимъ покатился по травѣ. Въ ту же минуту Сергѣй закричалъ отъ страшнаго удара въ лицо, попытался приподняться и встать, но новый ударъ въ голову оглушилъ его... Онъ палъ ничкомъ, крѣпко стиснулъ руками виски, и острое ощущение безпомощности побѣжало по нему, какъ электрическій токъ. А надъ нимъ уже склонялись десятки разъяренныхъ людей, его пинали ногами, били тяжелыми сапогами въ бока, въ спину, въ грудь, катали его по землѣ, какъ щенка, онъ захлебывался собственной кровью и уже терялъ сознание, и ему казалось, что весь земной шаръ толчками летитъ внизъ, съ грохотомъ проваливается въ какую-то бездонную черную яму...

Г. Вяткинъ.

КАЗИМИРЪ СТАНИСЛАВОВИЧЪ.

На пожелтѣвшей визитной карточкѣ съ дворянской короной молодой швейцаръ гостинницы «Версаль» кое-какъ прочелъ только имя-отчество: Казимиръ Станиславовичъ; дальше слѣдовало нѣчто еще болѣе многосложное и еще болѣе трудное для произношенія. Повертѣвъ карточку въ рукахъ, онъ заглянулъ въ паспортъ, поданный пріѣзжимъ вмѣстѣ съ нею, пожалъ плечомъ, — никто изъ пріѣзжающихъ въ «Версаль» не предъявлялъ визитныхъ карточекъ, — бросилъ то и другое въ столикъ, и опять сталъ глядѣться въ серебристо-молочное зеркальце надъ этимъ столикомъ, взбивая гребешкомъ свои густые волосы. Былъ онъ въ поддевкѣ и расчищенныхъ сапогахъ, золотой позументъ на его картузѣ былъ засаленъ, — гостинница была скверная.

Казимиръ Станиславовичъ выѣхалъ изъ Кіева въ Москву восьмого апрѣля, въ пятницу на Пасхѣ, по чьей-то телеграммѣ, заключавшей въ себѣ только одно слово: «десятаго». Деньги у него откуда-то взялись, сѣлъ онъ въ купѣ второго класса, сѣрое, тусклое, но, вѣрно, давшее ему ощущение роскоши и комфорта. Въ дорогѣ топили, и это вагонное тепло, запахъ калорифера и тугое постукиваніе молоточковъ въ немъ могли напомнить Казимиру Станиславовичу другія времена. Порой казалось, что вернулась зима, бѣлая, очень бѣлая метель заносила въ поляхъ щетину рыжихъ жнивій и большія свинцовыя лужи, гдѣ плавали дикія утки; но метель эта часто и неожиданно прекращалась, таяла, поля прояснялись, за облаками чувствовалось много свѣта, а на станціяхъ чернѣли мокрая платформы и кричали въ голыхъ тополяхъ грачи. Казимиръ Станиславовичъ на каждой большой станціи выходилъ къ буфету, возвращался въ вагонъ съ газетами въ рукахъ, но не читалъ ихъ, а сидѣлъ и тонулъ въ дыму толстыхъ папиросъ, горѣвшихъ жарко, съ искрами, и ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, — одесскихъ евреевъ, всю дорогу игравшихъ въ карты, — не говорилъ ни слова. На немъ было осеннее пальто съ обитыми карманами, очень старый креповый ци-

линдръ и новая, но грубая, базарная обувь. Руки его, характерныя руки привычнаго пьяницы и давняго жильца подваловъ, зажигая спички, тряслись. О бѣдности и пьянствѣ свидѣтельствовало и все прочее: отсутствіе манжетъ, заношенный бумажный воротничекъ, ветхій галстухъ, воспаленное и до-нельзя измятое лицо, ярко-голубые слезящиеся глаза. Баки его были крашены плохой коричневой краской, видъ имѣли неестественный. Глядѣль онъ устало и презрительно.

Въ Москву поѣздъ пришелъ на другой день совѣмъ не во время, опоздалъ на цѣлыхъ семь часовъ. Погода оказалась неопредѣленная, но лучше и суше кievской, съ чѣмъ-то волнующимъ въ воздухѣ. Казимиръ Станиславовичъ взялъ извозчика безъ торгу и велѣлъ везти себя прямо въ «Версаль»: — «Я, братъ, сказалъ онъ, неожиданно нарушая свое молчаніе, эту гостиницу еще со студенческихъ временъ знаю». — Изъ «Версаля», какъ только внесли въ номеръ его корзинку, перевязанную толстой веревкой, онъ тотчасъ же вышелъ.

Вечерѣло, воздухъ былъ тепелъ, зеленѣли черныя деревья на бульварахъ, всюду было много народа, экипажей, ломовыхъ. Москва торговала и дѣлала дѣла, возвращалась къ обычной спѣшной работѣ, кончала праздникъ и незнанно радовалась веснѣ. Одиноко человѣку, прожившему и погубившему свою жизнь, въ весенній вечеръ, въ чужомъ людномъ городѣ! — Казимиръ Станиславовичъ пѣшкомъ прошелъ весь Тверской бульваръ, снова увидалъ вдали чугунную фигуру задумавшагося Пушкина, золотыя главы Страстного монастыря... Съ часъ сидѣлъ онъ въ кофейнѣ Филиппова, пилъ шоколадъ и разсматривалъ истрепанные юмористическіе журналы. Потомъ отправился въ кинематографъ, огненная сквозная вывѣска котораго далеко сіяла по Тверской въ синѣющихъ сумеркахъ. Изъ кинематографа поѣхалъ въ ресторанъ на бульварѣ, тоже знакомый со студенческихъ временъ. Везъ его старикъ, согнутый въ дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный въ себя, въ свою старость, въ свои мутныя думы, мучительно и нудно помогавшій всю дорогу своей лѣнливой лошади всѣмъ существомъ своимъ, все время что-то бормотавшій съ ней, порой ядовито укорявшій ее, и наконецъ довезъ, — свалилъ на время съ плечъ тяжесть и глубоко вздохнулъ, принимая деньги.

— А я не разобралъ, думалъ, тебѣ въ «Брагу», — медленно поворачивая лошадь, проговорилъ онъ даже какъ будто недовольно, хотя «Прага» была дальше.

— Помню, старикъ, и «Прагу», — отвѣтилъ Казимиръ Станиславовичъ. — А давно ты, вѣрно, ѣздишь по Москвѣ!

— Ѣзжу-то? — спросилъ старикъ. — Пятьдесятъ второй годъ ѣзжу...

— Значить, можетъ быть, и меня возилъ, — сказалъ Казимиръ Станиславовичъ.

— Можетъ, и возилъ, — отвѣтилъ старикъ сухо. — На свѣтѣ народу много, всѣхъ васъ не упомнишь...

Отъ прежняго ресторана, извѣстнаго Казимиру Станиславовичу, осталось только одно званіе. Теперь это былъ большой, перворазрядный, хотя и низкопробный ресторанъ. Надъ подъѣздомъ горѣлъ электрическій шаръ, какимъ-то гелиотроповымъ, неприятнымъ свѣтомъ озарявшій лихачей второго сорта, наглыхъ и беспощадныхъ къ своимъ запаленнымъ, костлявымъ рысакамъ, тяжело ревающимъ на бѣгу. Въ сырыхъ сѣняхъ стояли горшки съ лаврами, съ тропическими растениями, изъ тѣхъ, что переѣзжаютъ на платформахъ съ похоронъ на свадьбы и обратно. Въ лакейской къ Казимиру Станиславовичу кинулось сразу нѣсколько чело-вѣкъ и все съ такими же густыми клубами волосъ, какъ у швейцара «Версаля». Въ большомъ зеленоватомъ залѣ, отдѣланномъ въ стилѣ рококо, со множествомъ широкихъ зеркалъ и съ малиновой лампадкой, теплившейся въ углу, было еще пусто и зажжено всего нѣсколько рожковъ. Казимиръ Станиславовичъ долго сидѣлъ одинъ и безъ дѣла. Чувствовалось, что еще не совсѣмъ стемнѣло за окнами въ бѣлыхъ шторахъ долгій весенній вечеръ, слышалось съ улицы цоканье копытъ по мостовой; однообразно плескался и плескался среди зала фонтанчикъ въ акваріумѣ, гдѣ ходили облѣзлыя золотыя рыбки, откуда-то снизу, сквозь воду, освѣщенныя. Бѣлый половой подалъ приборъ, хлѣбъ, графинчикъ холодной водки. Казимиръ Станиславовичъ сталъ пить водку безъ закуски, давилъ ее во рту, прежде чѣмъ проглотить, а проглотивъ, стискивалъ зубы и какъ будто съ отвращеніемъ нюхалъ черный хлѣбъ. Вдругъ, даже испугавъ его, загрохотала на весь залъ и за-пѣла машина — смѣсь изъ русскихъ пѣсенъ, то преувеличенно бурныхъ, безшабашныхъ, то не въ мѣру нѣжныхъ, протяжныхъ, задумчиво-грустныхъ... И у Казимира Стани-

славовича покраснѣли и подернулись слезами глаза подъ этотъ сладкій и гнусавый стонъ.

Потомъ сѣдой, кудрявый, съ черными глазами грузинъ принесъ ему на цѣлой желѣзной пикѣ полусырой пахучій шашлыкъ, съ какимъ-то развратнымъ щегольствомъ срѣзалъ мясо на тарелку и, для пущей азіатской простоты, собственноручно посыпалъ лукомъ, солью и ржавымъ порошкомъ барбариса, межъ тѣмъ какъ машина гремѣла въ пустомъ залѣ подмывающимъ къ ѣдкимъ изгибамъ и подскакиваніямъ кѣкъ-уокомъ... Потомъ подавали Казимиру Станиславовичу рокфоръ, фрукты, красное вино, кофе, нарзанъ, ликеры... Машина давно смолкла. вмѣсто нея уже давно игралъ на эстрадѣ оркестръ нѣмокъ въ бѣлыхъ платьяхъ, освѣщенный и все наполняющійся народомъ залъ нагрѣлся, потускнѣлъ отъ табачнаго дыма, густо насытился запахомъ кушанія; половые носились вихремъ, пьяные требовали сигаръ, отъ которыхъ ихъ вскорѣ тошнило; метрдотели расточали крайнюю заботливость, соединенную съ напряженнымъ соблюденіемъ собственного достоинства; въ зеркалахъ, въ ихъ мутно-водянистыхъ безднахъ все безпорядочнѣе отражалось что-то огромное, шумное, сложное; Казимиръ Станиславовичъ нѣсколько разъ выходилъ изъ жаркаго зала въ прохладные коридоры, въ холодную уборную, гдѣ странно пахло моремъ, шелъ точно по воздуху и, возвратясь, снова требовалъ вина. Въ первомъ часу, закрывая глаза и сквозь ноздри втягивая въ свою одурманенную голову ночную свѣжесть, онъ летѣлъ на лихачѣ, на высокой пролеткѣ съ дутыми шинами, за городъ, въ публичный домъ, видѣлъ вдали безконечныя цѣпи позднихъ огней, убѣгавшихъ куда-то подъ гору и снова поднимавшихся въ гору, но видѣлъ такъ, точно это былъ не онъ, а кто-то другой; въ публичномъ домѣ онъ чуть не подрался съ какимъ-то полнымъ господиномъ, который, наступая на него, кричалъ, что его знаетъ вся мыслящая Россія; потомъ одѣтый лежалъ на широкой постели, покрытой стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ, въ небольшой комнатѣ, полуосвѣщенной съ потолка голубымъ фонаремъ, приторно пахнущей душистымъ мыломъ, съ платьями, навѣшанными на крюкъ на двери; возлѣ постели стояла ваза съ фруктами; дѣвушка, обязанная занимать Казимира Станиславовича, молча, жадно, со вкусомъ ѣла грушу, обрѣзая ее ножичкомъ, а ея подруга, съ голыми толстыми руками,

въ одной рубашкѣ, дѣлавшей ее похожей на дѣвочку, быстро писала письмо на туалетномъ столикѣ, не обращая на нихъ никакого вниманія; она писала и плакала — о чемъ? На свѣтѣ народу много, всего не узнаешь...

Десятаго апрѣля Казимиръ Станиславовичъ проснулся поздно. Судя по тому, какъ испуганно открылъ онъ глаза, можно было понять, что его на мгновение ошеломила мысль о томъ, что онъ въ Москвѣ, и что было вчера. Онъ вернулся не ранѣе пятого часа. Онъ шатался, поднимаясь по лѣстницѣ «Версаля», однако безъ ошибки пошелъ къ своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора. гдѣ только въ самомъ началѣ сонно коптила лампочка. Возлѣ всѣхъ номеровъ стояли сапоги и башмаки, — все людей чужихъ, неизвѣстныхъ другъ другу и другъ къ другу враждебныхъ. Вдругъ одна дверь, пахнувъ на Казимира Станиславовича почти ужасомъ, растворилась — и на порогѣ ея появился старикъ въ халатѣ, похожій на плохого актера, играющаго «Записки сумасшедшаго», и Казимиръ Станиславовичъ увидаль лампу подѣ зеленымъ колпакомъ и тѣсно заставленную комнату, берлогу одинокаго, стараго жильца, съ образами въ углу и несмѣтными коробками изъ подѣ папиросныхъ гильзъ, чуть не до потолка наложенными одна на другую возлѣ образовъ... Неужели это былъ тотъ самый полоумный составитель жизнеописаній угодниковъ, что жилъ въ «Версалѣ» и двадцать три года тому назадъ? — Въ темномъ номерѣ Казимира Станиславовича было страшно душно отъ какой-то ѣдкой и пахучей суши. Свѣтъ слабо проникалъ въ темноту изъ окна надъ дверью. Казимиръ Станиславовичъ зашелъ за перегородку, снялъ цилиндръ со своихъ очень рѣдкихъ, нафиксатуренныхъ волосъ, кинулъ пальто въ изголовье голой кровати... Все закружилось подѣ нимъ, какъ только онъ легъ, понеслось въ пропасть, и онъ мгновенно заснулъ. Во снѣ все время чувствовалъ онъ смрадъ желѣзнаго умызальника, стоявшаго возлѣ самага его лица, а видѣлъ весенній день, деревья въ цвѣту, залъ большого барскаго дома и множество народа, со страхомъ ожидавшаго, что вотъ-вотъ пріѣдетъ митрополитъ, и это ожиданіе мучило, тсмило его всю ночь... Теперь по коридорамъ «Версаля» звонили, бѣжали, перекрикивались. За перегородкой, сквозь двойныя пыльныя стекла, свѣтило солнце, было почти жарко... Казимиръ Станиславовичъ снялъ пиджакъ,

позвонилъ и сталъ умываться. Прибѣжалъ коридорный, востроглазый мальчишка лѣтъ шестнадцати, съ лисьимъ пухомъ на головѣ, въ сюртукѣ и розовой косовороткѣ.

— Калачъ, самоваръ и лимонъ, — сказалъ Казимиръ Станиславовичъ, не глядя на него.

— Чай, сахаръ нашъ прикажете? — съ московской бойкостью спросилъ коридорный.

И черезъ минуту влетѣлъ съ кипящимъ самоваромъ на ладони возлѣ плеча, мгновенно раскинулъ по круглому столу передъ диваномъ скатерть, подносъ со стаканомъ и помятой мѣдной полоскательницей, стукнулъ по подносу ножками самовара... Казимиръ Станиславовичъ, пока настаивался чай, машинально развернулъ «Московский Листокъ», подсунутый коридорнымъ вмѣстѣ съ самоваромъ, взглядъ его упалъ на замѣтку о томъ, что вчера гдѣ-то поднятъ въ безсознательномъ состояннн неизвѣстный человекъ... «Пострадавшій отправленъ въ больницу» — прочелъ онъ и бросилъ газету. Онъ чувствовалъ себя очень зыбко и плохо. Поднявшись, онъ открылъ окно, — оно выходило во дворъ, — и на него запахло свѣжестью и городомъ, понеслись изысканно-пѣвучіе крики разносчиковъ, звонки гудящихъ за противоположнымъ домомъ конокъ, слитный трескъ экипажей, музыкальный гулъ колоколовъ... Городъ уже давно жилъ своей шумной, огромной жизнью въ этотъ яркій, веселый, почти лѣтній день. Выдавивъ въ стаканъ съ чаемъ цѣлый лимонъ, съ жадностью выпилъ эту мутную кислую жидкость, Казимиръ Станиславовичъ опять ушелъ за перегородку... «Версаль» затихъ. Было хорошо, покойно; взглядъ лѣниво скользилъ по конторскому объявленію на стѣнѣ: «Пробывши три часа, считается за сутки»; мышь гремѣла въ комодѣ, катала кусокъ сахара, оставленный какимъ-нибудь проѣзжимъ... Такъ, въ полудремотѣ, Казимиръ Станиславовичъ пролежалъ за перегородкой до тѣхъ поръ, пока солнце не скрылось изъ комнаты и не потянуло въ окно другой свѣжестью, уже предвечерней.

Тогда онъ тщательно привелъ себя въ порядокъ: развязалъ корзинку, перемѣнилъ бѣлье, досталъ дешевенькій, но чистый носовой платокъ, обмахнулъ щеткой лоснящійся сюртукъ, цилиндръ и пальто, вынулъ изъ его продраннаго кармана и кинулъ въ уголъ затертую кievскую газету отъ пятнадцатаго января... Одѣвшись и расчесавъ

красящимъ гребнемъ баки, онъ подсчиталъ свои средства, — въ кошелькѣ его осталось всего четыре рубля семь гривенъ, — и вышелъ. Ровно въ шесть онъ былъ возлѣ низенькой старинной церковки на Молчановкѣ. За церковной оградой мелкой зеленью зеленѣло развѣсистое дерево, играли дѣти, — у одной худенькой дѣвочки, прыгавшей черезъ веревочку, все спадалъ черный чулочекъ, — и сидѣли на скамьѣ, передъ колясочками со спящими младенцами, кормилицы въ русскихъ нарядахъ. Все дерево трещало счастливыми воробьями, воздухъ былъ мягокъ, — совсѣмъ, совсѣмъ лѣтній, даже пылью пахло по лѣтнему, — и нѣжно золотилось вдаль за домами небо надъ закатомъ, и чувствовалось, что въ мірѣ снова есть гдѣ-то радость, молодость, счастье. Въ церкви уже горѣла люстра и стоялъ напой, передъ налоемъ лежалъ коврикъ. Казимиръ Станиславовичъ осторожно, стараясь не испортить прически, снялъ цилиндръ, вступилъ въ церковь несмѣло, — онъ не бывалъ въ церквахъ уже лѣтъ тридцать, — и помѣстился въ уголкѣ, но такъ, чтобы ему было видно вѣнчающихся. Онъ оглядывалъ росписные своды, поднималъ глаза въ куполь, и каждое его движеніе, каждый вздохъ звучно отдавался въ тишинѣ. Церковь, блестя своимъ золотомъ, выжидательно потрескивала свѣчами. И вотъ, крестясь, но свободно, привычно стали входить священнослужители, пѣвчіе, потомъ старухи, дѣти, свадебные нарядные гости и озабоченные распорядители... Когда же послышался шумъ возлѣ паперти, захрустѣла колесами подъѣхавшая карета, и всѣ обратились ко входу и грянула встрѣча: — «Гряди, голубица моя!» — Казимиръ Станиславовичъ покрылся отъ сердцебіенія смертельной блѣдностью и невольно двинулся впередъ. И близко, близко прошла мимо него, даже фатой своей его коснулась и ландышемъ овѣяла та, которая даже не знала о его существованіи на свѣтѣ, прошла, склонивъ свою прелестную голову, вся въ цвѣтахъ и сквозномъ газѣ, вся бѣлоснѣжная и непорочная, счастливая и робкая, какъ принцесса, идущая къ первому причастію... Жениха, встрѣтившаго ее, низенькаго широкоплечаго, съ желтымъ плоскимъ бобркомъ на темени, Казимиръ Станиславовичъ едва видѣлъ и за все время вѣнчанія только одно было передъ его глазами: склоненная, въ цвѣтахъ и фатѣ, голова и маленькая рука,

съ дрожью державшая горящую свѣчу, перевитую бѣлой лентой съ бантомъ...

Въ десятомъ часу вечера онъ былъ уже дома. Все пальто его пропахло весеннимъ воздухомъ: послѣ того, какъ, выйдя изъ церкви, увидалъ онъ у паперти зеркальное, отражавшее закатъ стекло кареты, бѣло-атласной внутри, и въ послѣдній разъ мелькнуло за этимъ стекломъ блѣдное, несмѣло кому-то улыбнувшееся лицо той, которую навсегда увозили отъ него куда-то, онъ долго скитался по какимъ-то переулкамъ, выходилъ на Новинскій бульваръ... Теперь онъ медленно снялъ съ себя пальто трясущимися руками, положилъ на столъ бумажный мѣшочекъ съ двумя зелеными огурцами, зачѣмъ-то купленными имъ съ лотка разносчика... Отъ нихъ тоже пахло весной даже сквозь бумагу, и по весеннему, жидко серебрился въ верхнее стекло окна апрѣльскій мѣсяцъ, высоко стоявшій на еще нестемнѣвшемъ небѣ... Казимиръ Станиславовичъ зажегъ свѣчу, печально освѣтилъ свой пустой, случайный пріютъ, сѣлъ на диванъ, еще ощущая на лицѣ своемъ вечернюю свѣжесть... Такъ посидѣлъ онъ очень долго. Онъ не звонилъ, ничего не требовалъ, заперся на ключъ, — все это показалось подозрительнымъ коридорному, видѣвшему, какъ онъ, шаркая ногами, входилъ въ номеръ, какъ вынималъ ключъ изъ двери, чтобы запереться изнутри. Коридорный нѣсколько разъ пробирался на ципочкахъ къ его двери и смотрѣлъ въ замочную скважину: Казимиръ Станиславовичъ сидѣлъ на диванѣ и, трясясь и вытирая платкомъ лицо, плакалъ такъ горько, такъ обильно, что съ бакенбардъ его сходила и размазывалась по щекамъ коричневая краска.

Ночью онъ сорвалъ шнуръ съ оконной шторы и, ничего не видя отъ слезъ, сталъ привязывать его къ крюку вѣшалки. Но догорѣвшая свѣча жутко полыхала вмѣстѣ съ бумагой, по запертому на ключъ номеру плыли и дрожали страшныя темныя волны, онъ былъ старъ, слабъ — и самъ хорошо сознавалъ это... Нѣтъ, умереть отъ своей руки онъ былъ не въ силахъ!

Утромъ онъ уѣхалъ на вокзалъ часа за три до поѣзда. На вокзалѣ онъ тихо ходилъ среди пассажировъ, съ опущенными, заплаканными глазами, неожиданно пріостанавливался то передъ тѣмъ, то передъ другимъ и вполголоса, ровно, безъ выраженія, но довольно быстро говорилъ:

— Ради Бога... Нахожусь въ безвыходномъ положеніи... На билетъ до Брянска... Хотя нѣсколько копеекъ...

И нѣкоторые, стараясь не глядѣть на его цилиндръ, на вытертый бархатный воротникъ пальто и на ужасное лицо съ облинявшими, фіолетовыми баками, торопясь и конфузясь, давали ему.

А потомъ онъ смѣшался съ толпой, кинувшейся къ выходу на дебаркадеръ, и исчезъ въ ней, межъ тѣмъ, какъ въ «Версалѣ», въ номерѣ, двое сутокъ какъ бы принадлежавшемъ ему, выносили ведро изъ умывальника, распаивали на апрѣльское солнце и на свѣжій воздухъ окна и, грубо двигая стульями, выметали, вышвыривали соръ, а вмѣстѣ съ соромъ — его разорванную записку, забытую имъ вмѣстѣ съ огурцами, упавшую подъ столъ, подъ спустившуюся скатерть:

«Въ смерти моей прошу никого не винить. Былъ на свадьбѣ единственной своей дочери, которая...»

Ив. Бунинъ.

СОЛНЦЕ ВЪ ЛУЖЬ.

I.

*Такъ странно, такъ неожиданно
Очутиться въ солнечномъ днѣ!..
Солнце, давно невиданное,
Плещется въ моемъ окнѣ...*

*И счастливые камни голые
Укутываются въ рыжую грязь...
Молодая вода веселая
Подсмѣивается, ручьясь...*

*Охорашивается у канавы
Зеленый хвостикъ травы.
Вѣтеръ смѣшной, шершавый
Завивается вокругъ головы...*

*И въ синемъ облако плаваешь,
Покачиваясь и звеня...
Вешнее мое, лукавое,
Чего тебѣ отъ меня?..*

Росси.

II.

*Солнце плыветъ по лужиъ
Въ мохнатенькихъ облакахъ...
Душа моя неуклюжая
Бьется въ твоихъ рукахъ...*

*Неловкая она и робкая —
И отъ пальцевъ больно ей...
...Проплываетъ по солнцу пробка
Въ мутный ручей...*

*По радости — полосы горечи.
Какъ хочется иногда не быть...
Уже и глаза мои зорче,—
Не умѣю тебя не любить.*

*...Обсыхаетъ на солнцѣ щепка,
Неумѣлая, какъ моя любовь...
Я люблю твои руки цѣпкія
И немного злую бровь.*

III.

У меня есть такой приятель,
Блажененькии, и озорной.
И кстати, и очень не кстати
Онъ подсмѣивается надо мной.

Сидишь за солидной книгой —
А онъ на дворъ съ дѣтьми...
И смѣется, по заячьи прыгая:
«Голова! Отсюда — возьми!..»

Ни сладу съ нимъ, ни уѣму —
Ворвется: Пойдемъ, да пойдемъ!
И положитъ ладони знакомыя,
Теплыя на умный томъ...

И спутаетъ мысли и строки,
И всяческія дѣла —
И шагаешь — была не была —
Черезъ звонкія лужи, глубокія...

И смѣется (такой неприличный!)
Заглядывая въ глаза...
И нельзя ему за это сказать
Уличнаго, зычнаго...

А онъ надъ мальчонкой наклонится,
Забрызгаетъ смѣхомъ мать...

. . . . .
Неужели еще не узнать
Апрѣльскаго Солнца?

• IV.

*Что на свѣтъ живѣе солнца
Вешняго въ синевѣ?..
Улицы весеннимъ полнятся,
И ухаеъ на Невѣ.*

*И въ утро — капельной музыкой
Вызваниваетъ весна...
Хорошо бы вздохнуть до дна
Человѣческой грудью узкой!..*

*Даже вывѣски смѣются нынче,
Какъ разсыпанная дѣтворы...
А та, не крѣпко привинченая,
Радуется вороньимъ «к'рра»...*

*И смѣются солнцами лужи
Счастливыя, какъ городъ весь...
Ты подумай, солнце и здѣсь,
Мохнатое, неуклюжее!..*

V.

*Ого, как танцуеть сегодня
Солнце на лапахъ сосны!
Въ зеленыхъ звоночкахъ весны—
Жестокіи дуракъ Господній...*

*А если тебя попросятъ
Убрать неумѣстный смѣхъ?
Посмотрѣть, какъ трупы носятъ,
Носятъ глаза у вѣхъ?..*

*Не находишь — слегка неудобно
Веселиться теперь на землѣ,—
Гдѣ ржавое мѣсто лобное
На каждомъ стволѣ?...*

*Въ отвѣтъ—ты будешь смѣяться
И подъ вѣтеръ вверху танцевать
Веселенькое «наплевать»
Съ прекраснымъ лицомъ святотатца...*

Н. Венгровъ.

ИХЪ МАЛЫШЪ.

Картинки жизни, какихъ не выдумать.

Леона Катлена.

«Vous convient.. rompre l'os
et sugcer la substantifique
mouelle».

Rabelais.

Жакъ, его родные, ихъ прислуга.

Жакъ о Жакъ.

Жакъ—старшій сынъ у своего папы: ему уже семь съ половиной лѣтъ.

У насъ.

Это папинъ домъ. Онъ очень красивъ, стоитъ по срединѣ деревни, противъ стараго общинаго колодца съ корытомъ изъ красной глины; въ домѣ много красивой мебели.

Папины дѣти, мама и бабушка живутъ въ немъ вмѣстѣ съ папой. Дѣтямъ разрѣшается входить повсюду, кромѣ кабинета, комнаты, уставленной шкапами для дѣловыхъ бумагъ. У камина, въ нишѣ, стоитъ маленькій, покрытый лакомъ, очень тяжелый шкафъ; онъ весь изъ желѣза, въ немъ толстенная дверь. Папа прячетъ въ него деньги, чтобы воры не могли ихъ достать.

Папа въ представленіи Жака.

Папа всему глава. У него длинные, совсѣмъ прямые усы, — ихъ видать, когда онъ оборачивается спиной; острая бородка, большая рыжая шевелюра колечками; голосъ повелителя. Съ нимъ шутки плохи.

Качества папы.

Папа храбръ: — онъ провель пятнадцать лѣтъ въ казармѣ. Онъ командоваль даже надъ другими солдатами и сажаль на гауптвахту тѣхъ, чьи физиономии ему не нравились.

Папа всемогущъ: — онъ можетъ выбросить на улицу людей, взять ихъ вещи и продать ихъ.

Папа богачъ: — разные люди приносятъ ему деньги, чтобы онъ не выгонялъ ихъ на улицу. А кто не мо-

жетъ дать ему денегъ, приходитъ къ нему умолять, чтобы онъ обождалъ. Папа ихъ бранитъ, въ особенности, если это старухи. Онъ же боятся и хнычутъ. Папа хмуритъ лобъ и невѣжливо выпроваживаетъ ихъ.

Мама зоветъ папу «Жюлемъ». Другіе называютъ его «г. Грожанъ» или «г. сборщикъ податей».

Мама и бабушка въ представленіи Жака.

Мама — это наша мать. У нея большущая грудь, которую она вздуваетъ изо всѣхъ силъ, совсѣмъ нѣтъ живота, и огромный задъ.

Она непріятная — такъ говоритъ папа. Она все нарываетъ наказывать Жака, а папа не даетъ.

Бабушка — это мать мамы. Она совсѣмъ старая и некрасивая, съ большими морщинами на лбу. Кожа на ея щекахъ и шеѣ свисаетъ складками.

Бабушка часто подзываетъ насъ къ себѣ, чтобы всегда сказать одно и то же: надо быть умными, послушными. Она всегда говоритъ и, разговаривая, брызгаетъ слюной, сама того не желая; при этомъ она держитъ насъ за руку, чтобы мы не убѣжали.

Для Мориса и Берты у нея всегда есть конфекты, но не для Жака.

Когда бабушка зоветъ Жака, ему надо спастись бѣгствомъ.

Тетка Изабелла.

Папа и мама приходятъ въ большое возбужденіе, когда говорятъ о ней; и Жакъ уже узналъ, что она «потаскуха, скряга, старая шлюха, старая негодная кляча»; что «она способна ободрать блоху, чтобы поживиться ея кожей», что «она достаточно стара, чтобы прикинуться мертвой», что «пора бы уже ей взять отпускъ на тотъ свѣтъ»; наконецъ, что она самая близкая наша родственница, и что папа съ мамой ни за что на свѣтѣ не рѣшатся обидѣть ее.

Живетъ она въ «городѣ». Какова она? Жаку очень бы хотѣлось повидать ее и городъ.

Екатерина.

Екатерина — это прислуга: она готовитъ кушанья, убираетъ кровати, стираетъ, подметаетъ въ комнатахъ, выбиваетъ мебель, чиститъ обувь, чинитъ бѣлье, моетъ полы по субботамъ, сажаетъ салатъ въ огородъ, работаетъ весь божій день.

Она неважно изъясняется по французски, и папа говоритъ о ней:

— Видать, что деревня.

Носъ ея похожъ на ножку чугуна, и когда она смѣется, онъ расплющивается. Спереди у нея не хватаетъ двухъ зубовъ; за то остальные зубы длинные и желтые.

Въ любую минуту папа можетъ ее выгнать и взять другую прислугу.

Морисъ и Берта. Симпатии папы, мамы и бабушки.

Морисъ — толстый, скверный мальчишка; онъ еще посѣщаетъ дѣтскій садъ. Берта — совсѣмъ малюсенькая дѣвочка; ей четыре года. Оба они тоже дѣти папы, хотя папа часто, указывая на Мориса, говоритъ:

— Не могъ у меня родиться такой идиотскій ребенокъ.

Папа больше любитъ Жака.

Мама больше любитъ Берту.

Бабушка больше любитъ Мориса.

Мама и бабушка не любятъ Жака; а папа гордится имъ.

Онѣ балуютъ Мориса и Берту; но крестьяне, чтобы доставить удовольствіе папѣ, приносятъ Жаку вишень, сливъ, грушъ, яблокъ, смотря по времени года.

Когда, въ разговорѣ съ посторонними, папа говоритъ:— «мой малышъ сдѣлалъ то или это», онъ всегда имѣетъ въ виду Жака.

И крестьяне, встрѣчая папу, спрашиваютъ у него съ улыбкой: — Ну, какъ вашъ малышъ, господинъ Грожанъ?

Когда они приходятъ къ папѣ и, оставивъ у дверей свои сабо, входятъ въ кабинетъ, они низко кланяются и, открывая корзинку, говорятъ:

— Это для вашего малыша, г. Грожанъ.

Папа говоритъ, что они неучи, потому что не снимаютъ шапокъ.

Тѣ же въ представленіи Мориса и Берты.

Папа.

У папы страшное лицо и громкій голосъ, который пугаетъ.

Если не слушаешь старшихъ, онъ идетъ за плеткой.

Чтобы папа высѣкъ Жака, надо, чтобы Жакъ много набѣдокурилъ, или, чтобы папа былъ не въ духѣ. Бываютъ дни, когда не надо и стараться, чтобы выпороли. Особенно немного нужно для этого Бертѣ, тѣмъ паче Морису.

Бертѣ очень бы хотѣлось, чтобы папа ее сильно любилъ. Для этого она пускается на хитрости: утромъ, прежде, чѣмъ итти къ нему здороваться, она натираетъ себѣ щеки духами.

Мама, бабушка и Екатерина.

Мама красивая... Она носитъ накладные волосы. Она и госпожа Роло — единственныя дамы въ деревнѣ.

Бабушка скоро помретъ. Она иногда говоритъ:

— «Бѣдные мои птенчики, я скоро помру.»

При этомъ она плачетъ и ласкаетъ насъ.

Это очень неприятно.

Екатерина видала привидѣнія.

Портретъ Жака.

Жакъ большой мальчикъ. Онъ знакомъ съ разбойниками и иногда ночью уходитъ къ нимъ. Онъ помогаетъ имъ въ ихъ дѣлахъ.

У Жака много пріятельницъ. Онъ еще не рѣшилъ, на которой изъ нихъ женится.

Когда онъ будетъ совсѣмъ большой, какъ папа, онъ сдѣлается разбойникомъ или поступитъ въ солдаты и уйдетъ на войну, чтобы убить много людей.

Если ему что-нибудь сдѣлать, онъ никогда не проститъ. Онъ мстителенъ.

Морисъ хотѣлъ бы быть Жакомъ; Морисъ не любитъ Жака.

Правила поведенія Мориса и Берты.

При папѣ надо быть паинькой.

Если мама въ чемъ-нибудь отказываетъ, надо плакать.

Надо быть ласковой съ бабушкой, она всегда имѣетъ конфеты.

Жака надо слушаться — онъ злой.

Часть первая.

Жакъ приближаетъ къ фигуральному выраженію, желая сказать Морису, чтобы тотъ ушелъ. При этомъ случаетъ Г. Грожанъ убѣждается въ необыкновенномъ умѣ своего старшаго сына.

Вечеромъ, при свѣтѣ лампы, прикрытой абажуромъ, Жакъ пытается построить карточный домикъ.

Морисъ слѣдитъ за нимъ, и поэтому ничего не выходитъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Жакъ.

— Морисъ, ступай дѣлать кака, — убѣдительнымъ голосомъ произноситъ строитель.

— Но мнѣ не хочется, — наивно отвѣчаетъ Морисъ.

Но Жакъ громогласно приказываетъ:

— Морисъ, пошелъ дѣлать кака!

Морисъ понялъ и уходитъ.

Г. Грожанъ слѣдилъ за этой сценой со стороны, дѣлая видъ, что читаетъ газету.

— Морисъ! Дурень! — восклицаетъ онъ, разражаясь смѣхомъ.

Затѣмъ, указывая глазами на Жака, онъ вполголоса сообщаетъ свое открытіе женѣ:

— Вотъ бестія!

— Должно быть, слышалъ отъ какого-нибудь извозчика на улицѣ...

— И вѣдь не забылъ! Онъ все запоминаетъ, этотъ ребенокъ.. И съ какимъ видомъ онъ преподнесъ это. Ну, и бестія же!

Счастливый отецъ преисполненъ гордости и радостно повторяетъ:

— Ну, и бестія же!

Любопытство. Сюрпризы.

Что за удовольствіе! Жакъ предается ему съ опаской. Онъ наклонился, голова ушла въ плечи, при малѣйшемъ шумѣ, онъ бросаетъ взглядъ на дверь. Онъ нашель сундукъ Екатерины открытымъ; это старенькій низенькій сундукъ, покрытый козлиной кожей, на которой сохранилась еще шерсть. Онъ роется въ кучѣ вещей, которыхъ и не думалъ найти тутъ: каталоги магазиновъ, которые мама принесла въ кухню на растолку, малага и бисквитъ, что подаются на десертъ; выброшенная Бертой сломанная кукла. О! агатовый шарикъ, потерянный Морисомъ!..

Жакъ прячетъ его въ карманъ.

Войдя во вкусъ, онъ шмыгаетъ украдкой въ комнату бабушки. Открываетъ комодъ и находитъ въ немъ очень старый почернѣвшій внутри портмонэ, съ позеленѣвшими медалями въ немъ; много молитвенниковъ съ красивыми картинками.

Какъ воръ, крадется онъ въ комнату мамы. Осторожно, чтобы не заскрипѣло, открываетъ дверь зеркальнаго шкафа.

Онъ любитъ красивыми вещами, которыя до сихъ поръ видѣлъ лишь мелькомъ раза два, осторожно трогаетъ ихъ: старательно сложенное, хорошо надушенное и отдѣланное кружевами прекрасное бѣлье; куча номеровъ «Вѣстника Моды»; флаконы, хорошенькій ящичекъ съ кольцами, браслетами, цѣлой серіей фотографій г. Ропо, на одной изъ которыхъ онъ снятъ въ купальномъ костюмѣ.

На что только не толкаетъ подчасъ любопытство? Воспользовавшись тѣмъ, что папа на минутку отлучился, Жакъ входитъ въ кабинетъ. Въ одномъ изъ ящичковъ стола онъ находитъ старыя курительныя трубки; ящикъ съ надписью «фальшивыя монеты»; фотографическія карточки красивыхъ женщинъ. Вотъ одна изъ нихъ танцуетъ въ ко-

роткихъ юбкахъ. Вотъ такъ штука! Г-жа Роло съ обнаженной грудью.

Чудо! Реvolverь! Ребенокъ смотритъ на него, какъ зачарованный. Такъ хотѣлось бы взять его, — но боязно.

Въ другомъ ящикѣ — раздѣленномъ дощечками на отдѣленія — много денегъ: бѣлыя монеты, желтыя монеты и мѣдяки, много мѣдяковъ... Какой чудесный, совсѣмъ новый су!

Вдругъ дверь открывается и папа кричитъ:

— Не трогай этого: это казенное!..

Сильно напуганный, Жакъ убѣгаетъ. «Это казенное!» Какъ звучатъ эти два слова! Онъ не понимаетъ ихъ: вотъ почему онъ производятъ на него такое сильное впечатлѣнiе.

Какъ спуститъ штанишки, чтобы отвѣдать березовой каши

Во дворѣ, передъ родительскимъ домомъ, Жакъ играетъ въ «Мальбрукъ въ походъ собрался».

Онъ шагаетъ быстро, автоматически и поворачиваетъ голову вправо, влѣво, вправо, влѣво; видъ у него строгий, взглядъ страшный.

Его меньшей братъ Морисъ слѣдуетъ за нимъ и подражаетъ ему въ его ухваткахъ и во всѣхъ его жестахъ.

Жакъ встрѣчаетъ на своемъ пути ведро, которое Екатерина только что поставила возлѣ колодца. Онъ завладѣваетъ имъ и бьетъ въ барабанъ, трахта-рарахъ, тахъ, тахъ! Екатерина прибѣгаетъ. Жакъ не хочетъ вернуть завоеваннаго добра. Онъ одержалъ бы верхъ, если бы на помощь Екатерины не появилась мама.

Екатерина выходитъ побѣдительницей. Жакъ получилъ пощечину. Краска стыда заливаетъ его лицо.

Его посрамили при младшемъ братѣ, который имъ такъ восторгался; это смутило его; но онъ вскрикиваетъ:

— Ахъ, вы такъ, такъ я опрокину вашъ домъ на землю!

— Ну, чего ты, домъ стоитъ крѣпко: ты никогда не сможешь разрушить его, — утверждаетъ Морисъ.

— Я, я не смогу?

— Ну, на это понадобится много времени.

— Много? Вотъ увидишь!

Ему хочется удивить Мориса, возстановить свой престижъ. Онъ приноситъ заступъ и ударяетъ имъ въ землю у стѣны дома. Лопата валится изъ рукъ. Но видъ у Жака такой убѣжденный, что Морисъ начинаетъ съ тревогой смотрѣть на красивое новенькое зданiе, съ стекляннымъ навѣсомъ—украшенiе деревни.

— Вотъ видишь, вотъ видишь? — говоритъ Жакъ, указывая на вырытую имъ дыру.

И онъ снова берется за работу.

— Остановись, Жакъ, остановись! — умоляетъ Морисъ. Жакъ ни о чемъ не хочетъ слышать; онъ работаетъ съ еще большимъ усердіемъ.

Вдругъ онъ смотритъ вверхъ и испускаетъ крикъ торжества.

— Домъ качается!.. Теперь я обрушу на него громъ!

Говоря это, онъ размахиваетъ руками, какъ бы низвергая громъ.

Морису показалось, что домъ покачнулся. Въ себя отъ ужаса, онъ бѣжитъ въ комнаты, зоветъ маму, бабушку, вопить. чтобы ему скорѣе дали его трубу и ящикъ съ солдатиками.

— Не бойся, дорогой мой, — говоритъ бабушка, — если этотъ скверный мальчишка Жакъ опрокинетъ домъ, мы пошлемъ за полиціей, и если твоя труба испортится, мы купимъ тебѣ другую.

— Будетъ слишкомъ поздно! Насъ раздавить!.. Мою трубу!.. Бѣжимъ, бѣжимъ!

Ихъ улыбка, безпечность приводятъ мальчика въ полное отчаяніе. Съ нимъ чуть ли не дѣлаются судороги. Онъ можетъ заболѣть. Обѣ женщины вынуждены выйти на дворъ.

Жакъ отдыхаетъ; онъ запыхался. Увидѣвъ ихъ, онъ снова берется за лопату.

— Жакъ, негодный мальчишка, смотри, до чего ты довель своего брата. Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я разрушаю вашъ домъ!

Старуха не можетъ удержаться отъ смѣха.

— Чортова бабушка! — кричитъ Жакъ въ бѣшенствѣ.

— Ты правъ, — поясняетъ она, поправляя очки на носу, — ты сущій бѣсъ; а я имѣю несчастье быть твоей бабушкой.

* * *

А уже нѣсколько минутъ, какъ г. Грожанъ появился у окна своего кабинета; онъ ворчитъ:

— Чортъ возьми, у меня мигрень, а этотъ мальчишка не перестаетъ трещать! Сегодня онъ прямо несносенъ... И какъ нарочно его стараются раздражать. О, эти женщины!

Стоило только посмотрѣть на папу, чтобы сразу убѣдиться въ его убійственномъ настроеніи.

Бабушка дразнить Жака чертомъ, для чего приставляетъ ко лбу рога.

Жакъ кричитъ ей:

— Сумасшедшая!

Въ иное время папа посмѣялся бы надъ этимъ, а сегодня онъ разсердился. Вотъ онъ выскакиваетъ на дворъ, схватываетъ Жака за заднюю часть штанишекъ и въ такомъ висячемъ положеніи уноситъ его.

Это — прелюдія операціи, хорошо знакомой дѣтямъ. Морись страшно заинтересованъ. Онъ бѣгаетъ, вертится и прыгаетъ вокругъ отца. Нервы его взвинчены и онъ все повторяетъ:

— Сейчасъ будутъ съць Жака! Сейчасъ будутъ съць Жака!

Жакъ барахтается въ воздухѣ. Онъ не строитъ себѣ никакихъ иллюзіи относительно ожидающей его участи. Его отчаянные крики оповѣщаютъ объ этомъ всю деревню.

Папа вошелъ въ кабинетъ.

Морись пристраивается въ уголокѣ, откуда все хорошо видно. Жакъ рычитъ отъ боли, какъ будто уже жгло кожу сзади. Но онъ можетъ рычать сколько угодно, — на этотъ разъ ему не избѣжать наказанія.

Штанишки падаютъ ему на икры, и отдернутая сорочка обнажаетъ нѣжную кожу мягкихъ частей. Вотъ-то защелкаетъ сейчасъ по нихъ плетка!

Морись въ углу нетерпѣливо топчетъ ногами и заливается смѣхомъ отъ восторга.

Но вотъ Жакъ пересталъ биться и смолкаетъ; затѣмъ, въ комнатѣ какъ бы удивленной внезапно наступившимъ молчаніемъ, раздается его прерывающійся голосъ; видно, что онъ старается подражать отцу, его повелительному и сердитому басу. Онъ произноситъ кабалистическую формулу:

— Не трогай этого: это казенное!

Отецъ смѣется. Какъ по волшебству, плетка выпадаетъ у него изъ рукъ.

По мнѣнію папы. г. Роло человекъ, сумѣвший выйти сухимъ изъ воды.

Новички въ деревнѣ, г. и г-жа Роло подружились съ папой и мамой. Ихъ дочурка Лія ближайшая подруга Жака.

Г. Роло богатъ и ничего не дѣлаетъ. Онъ надѣваетъ каждый день новые шикарные костюмы и цвѣтные жилеты съ большими пуговицами. У него круглыя розовыя щеки и острый носъ; волосъ у него немного, но онъ хорошо зачесываетъ ихъ. Онъ очень вѣжливъ; уходя, отвѣшиваетъ поклонъ папѣ и мамѣ и повторяетъ:

— Не говорю вамъ, дорогіе друзья, прощайте, а до свиданія!

Въ этотъ вечеръ, въ интимномъ семейномъ кругу, папа съ мамой бесѣдуютъ о немъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Впослѣдствіи, — говоритъ мама, — можно будетъ поженить Жака съ Ліей.

— Я увѣренъ, что Жакъ не воспротивится. Жакъ, ты захочешь жениться на Ліѣ?

— О, да, папа!

— Это прямо изъ сердца?

— Это прямо изъ сердца!

Папа добавляетъ:

— Ты правъ, сынъ мой: это будетъ прекрасная партія!

Бабушка выражаетъ сомнѣніе:

— А господинъ Ропо, дѣйствительно такъ богатъ, какъ говорятъ?

— Еще бы!

— Однако, свои дѣла онъ вель неважно.

— Что вы за сказки рассказываете?

— Онъ три раза былъ банкротомъ!

— Ну, начните еще болтать всѣмъ объ этомъ, чтобы онъ пожаловался на насъ въ судъ. Никакого банкротства не было, потому что онъ каждый разъ заключалъ мировую съ кредиторами.

— Но онъ расплатился по 20 сантимовъ за франкъ!

— Это лучше, чѣмъ ничего.

— Если онъ могъ дать больше, то это было не очень честно.

— Вы неподобны съ вашей честностью! Ропо не менѣе честенъ, чѣмъ многіе другіе; онъ просто сумѣлъ выйти сухимъ изъ воды.

А мама заявляетъ бабушкѣ съ отгѣнкомъ раздраженія:

— Ропо вполне честный человѣкъ!

— Въ началѣ знакомства съ нимъ, — возражаетъ бабушка, — вы были другого мнѣнія. Вы вѣдь говорили: онъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы быть честнымъ.

— Никогда я этого не говорилъ!

— И я никогда!

— Онъ милѣйшій человѣкъ, — утверждаетъ мама. Онъ куда лучше своей жены.

— Это, положимъ, не такъ! — вырывается у папы.

— Она похожа на швабру!

— А онъ маленькій толстякъ.

— Что мнѣ въ немъ нравится, такъ это то, что онъ каждое утро бреется и никогда не станетъ спорить съ дамой.

Паглядные примѣры.

Мама очень любить общество г. Ропо, а папа г-жи Ропо. Они вмѣстѣ совершаютъ прогулки.

Папа предоставляет мамѣ идти съ г. Ропо; господинъ Ропо предоставляет г-жѣ Ропо гулять съ папой.

Дѣтей они отсылаютъ отъ себя подальше.

А Жакъ превесело проводить время съ Ліей. Онъ прогоняетъ подальше отъ себя Бертю и Мориса.

Эти уходятъ подъ ручку и цѣлуются. Имъ тоже не скучно.

Съ самаго ранняго дѣтства Жакъ усваиваетъ хорошія правила поведенія.

Сегодня, какъ говоритъ папа, собачья жара; Екатерина принесла ему въ кабинетъ пива. Двери и окна открыты.

Папа лежитъ растянувшись на своемъ кожаномъ креслѣ; онъ безъ сюртука, руки его безпомощно повисли, на ногахъ туфли изъ ковровой матеріи. Онъ потѣетъ, вздыхаетъ на всю комнату и сильно жалуется на жару. Подъ окномъ палы, въ тѣни дома, на каменной скамьѣ сидитъ Жакъ; онъ перелистываетъ книжку съ картинками. Около него, у конуры, спитъ собака, Бисмаркъ. Жакъ тоже не прочь бы поспать. Уже нѣсколько минутъ, какъ до него доносится храпѣніе папы.

Вдругъ Бисмаркъ вскакиваетъ и начинаетъ лаять, съ яростью дергая цѣпь. Какая-то женщина открыла калитку двора. Да вѣдь это мама маленькаго Рафара! Жакъ знаетъ ее.

Она торопливо шагаетъ, какъ бы сгорбленная подъ тяжелой ношей. На ней деревянные башмаки и платье въ заплатахъ. Ея горбатый носъ придаетъ ей смѣшной видъ.

Она поднимается по ступенькамъ крыльца, скидываетъ деревянные туфли, минуетъ коридоръ и входитъ въ кабинетъ. Папа внезапно пробуждается.

— Чего вамъ нужно? — кричитъ онъ. — Чего вамъ нужно, сударыня?

Она смущена.

— Господинъ сборщикъ податей, это по поводу бумажки, что вы прислали мнѣ, — отвѣчаетъ она.

— Вы принесли деньги?

— Но вѣдь вы знаете, благодѣтель мой?

Она поднимаетъ руки и снова опускаетъ ихъ, хлопая по юбкѣ.

— Такъ для чего вы беспокоите меня?

— Чтобы не платить вамъ еще денегъ. Благодѣтель

мой, не вводите меня въ расходы. И безъ того горю крайнѣтъ.

— Не спорю; но не могу же я выложить за васъ изъ своего кармана.

— Господь съ вами! Зачѣмъ вамъ терять изъ-за меня? Въ нашей семьѣ никто никогда никому не причинилъ зла.

— Только этого еще не доставало.

— Я даже принесу вамъ что-нибудь для вашего малыша.

— Оставьте, прошу васъ, ваши подарки при себѣ.

— Вы же знаете, что я лишилась мужа...

— Знаю, знаю; вотъ уже лѣтъ пять, какъ вы пять или шесть разъ въ году аккуратно рассказываете мнѣ эту исторію. Пятью шесть тридцать; значить, тридцать разъ: я знаю ее наизусть. Онъ умеръ отъ глупой случайности. Несчастье, что и говорить; но не могу же я вернуть вамъ вашего мужа, или предложить вамъ другого.

— Я должна содержать троихъ ребятъ; одинъ мой учится даже вмѣстѣ съ вашимъ старшимъ. Мой маленькій Пьеръ всегда рассказывалъ мнѣ о своемъ другѣ Жакѣ.

— Это къ дѣлу не относится.

— Пьеръ заболѣлъ.

— Я не врачъ, чтобы вылѣчить его.

— Къ тому же моя мать совсѣмъ одряхлѣла. Пасеть корову, вотъ и все. Даже ноги отказываются служить ей. Надняхъ она стала причитывать у насъ на кухнѣ. Маргарита, моя послѣдняя, и говоритъ ей: «Бабушка, какъ бы я хотѣла, чтобы ты была молоденькой и бѣгала быстро, быстро!»

— Оставьте, пожалуйста! Неужели вы думаете, что эта бабья болтовня можетъ интересовать меня?

— Благодѣтель мой, умоляю васъ, не вводите меня въ расходы... Хи, хи, хи...

— Вотъ еще! Вы начнете тутъ плакать?

— Мой бѣдный мужъ!

— Вашъ мужъ умеръ, его жалѣтъ больше нечего!

— Мои бѣдныя дѣти!

— Для сиротъ имѣются сиротскіе пріюты.

— Несчастливая я!

— Есть же у васъ руки, чортъ побери! Можете работать!

И я вѣдь работаю.

— Родимый мой, умоляю васъ...

— О! Ахъ! Ахъ! Послушайте, убирайтесь къ чорту!

— Какъ вы со мной обращаетесь!

— Вы еще не кончили?

— Такъ вы думаете продать мое имущество?

— Если и продамъ, вы отъ этого не умрете.

— Умру.

— Когда-нибудь все равно умрете: всѣ мы смертны. Не стоитъ горевать объ этомъ.

— И такъ ужъ здоровье у меня не важное.

— Вотъ еще! Не возитесь столько съ собою.

Сборщикъ податей хочетъ вѣжливо выпроводить ее, но она хватается за его руку.

— Не заставляйте меня потѣть: и безъ того я весь въ поту.

Папа выталкиваетъ ее въ коридоръ и захлопываетъ дверь.

— Благодарѣтель вы мой!.. благодарѣтель вы мой!..

Папа въ гнѣвъ снова открываетъ дверь.

— Почему вы все зовете меня вашимъ благодарѣтелемъ? — спрашиваетъ онъ. — Со мною такія штуки ни къ чему. Я не вашъ благодарѣтель: я господинъ сборщикъ податей.

Папа захлопываетъ дверь.

* * *

Женщина молчитъ и стоитъ минуту въ оцѣпенѣннн; затѣмъ, поворачивая голову во всѣ стороны, что-то ищетъ, не зная что, можно подумать, что она лишилась разсудка.

Когда она рѣшается, наконецъ, надѣть на ноги свои деревянные башмаки, она замѣчаетъ Жака. Онъ наблюдалъ изъ коридора за происходящей сценой; опершись спиной о перегородку, онъ стоитъ и смотритъ на женщину.

— Здравствуй, милый мой! Какой ты хорошенькій! Ты вѣдь знакомъ съ маленькимъ Пьеромъ Рафаромъ: онъ боленъ; да, мой милый, онъ боленъ, — говоритъ она, и въ голосѣ ея дрожитъ нѣжная, покорно-ласковая нотка.

Жакъ молчитъ. Она хочетъ погладить его по щекѣ; но онъ рѣзко отстраняетъ ея руку и бросаетъ на женщину сердитый взглядъ.

Она спускается съ крыльца, пересѣкаетъ тѣневую сторону и черезъ залитый солнцемъ дворъ быстро и неуклюже идетъ къ калиткѣ. Можно подумать, что вотъ-вотъ задѣнетъ одной ногой за другую и упадетъ.

Бисмаркъ съ лаемъ бросился на нее, но нѣсколько опоздалъ.

* * *

Съ тѣми, у кого нѣту денегъ, надо быть строгимъ.

Исча на прогулкѣ.

Иногда папа идетъ гулять по деревнѣ; его сопровождаетъ мэръ, а изрѣдка и Жакъ. Въ этихъ случаяхъ Жакъ

широко разставляет ноги и смотритъ свысока на своихъ маленькихъ товарищей. Папа же, въ картузѣ съ бѣлымъ металлическимъ аэропланомъ, выступаетъ съ благородствомъ и граціей; руки онъ заложилъ за спину, на губахъ играетъ улыбка.

— Мое почтеніе, Франсуа, здравствуйте, дядя Констанъ!

Такъ онъ привѣтствуетъ стариковъ. Остальнымъ онъ молча киваетъ въ отвѣтъ на поклоны.

Онъ превосходенъ, — совсѣмъ, какъ мѣстный депутатъ!

Крестьяне считаютъ папу простымъ человѣкомъ: — онъ говоритъ на ихъ жаргонѣ, дружески хлопаетъ ихъ по плечу, не отказывается даже выпить рюмку-другую.

Всѣ стараются быть съ папой въ хорошихъ отношеніяхъ. Одинъ лишь Бондено осмѣлился какъ-то сказать ему, что онъ слишкомъ много мнитъ о себѣ и фанфаронить.

Съ тѣхъ поръ они перестали разговаривать другъ съ другомъ и при встрѣчѣ обмѣниваются свирѣпыми взглядами. И послѣ такой встрѣчи папа всегда спѣшитъ домой. А переступивъ порогъ кричитъ на весь домъ:

— Ужъ какъ-нибудь я дамъ этому вѣтрогону въ извѣстное мѣсто колѣномъ!

И шумно бѣгаетъ по залѣ. Такъ продолжается четверть часа по меньшей мѣрѣ, — четверть часа, въ теченіе котораго полъ сотрясается, какъ барабанъ. Бѣдный Бондено! У него, правда, ружье, съ которымъ онъ охотится на зайцевъ. Но все-таки Жаку не хотѣлось бы быть на его мѣстѣ.

Мама не подаетъ признаковъ жизни. Она знаетъ, что въ такія минуты не надо перечить папѣ. Боже сохрани!

Недаромъ Морисъ и Берта дрожатъ отъ страха.

Вся семья панически безмолвствуетъ.

Пріѣздъ тетки Изабеллы.

Хотя это вторникъ, но Екатерина одѣваетъ Жака, Мориса и Берту въ праздничные костюмы; мама же обращается къ нимъ со слѣдующимъ наставленіемъ:

— Дѣточки, сегодня пріѣзжаетъ ваша тетя Изабелла; она прогоститъ у насъ нѣсколько дней. Когда она умретъ, она оставитъ намъ свои деньги, много денегъ. Она уже очень стара. Вы будьте съ нею обходительны, ласкайтесь къ ней; она любитъ, чтобы за нею ухаживали. Но за то она не терпитъ шалостей и шума, — ты слышишь, Жакъ? Особенно она боится волненій, потому что у нея болѣзнь сердца.

Почти цѣлое утро проходитъ въ ожиданіи.

Жакъ отъ времени до времени бѣжитъ къ кухонной

двери и втягиваетъ запахъ вкусныхъ блюдъ, которыя готовить Екатерина подъ руководствомъ мамы.

Наконецъ, передъ домомъ останавливается карета. Папа, мама, бабушка устремляются къ калиткѣ. Морисъ и Берта мчатся по пятамъ родителей. Одинъ лишь Жакъ не слѣдуетъ за всѣми; онъ скрывается въ уборной и смотритъ въ замочную скважину.

Изъ подъ стеганнаго верха кареты, папа извлекаетъ охалку черныхъ кружевъ, сверху кружевъ торчитъ шляпа, а снизу болтаются два ботинка. Съ огромными предосторожностями опускаетъ онъ все это на землю. Вотъ высовывается рука въ митенкѣ; а изъ подъ шляпы черного стекляруса, на которомъ сидитъ чучело птицы и ѣстъ вишню, показывается страшное лицо сѣро-бураго цвѣта, въ морщинахъ. Это тетка Изабелла.

Бабушка первая бросается обнимать ее съ крикомъ:

— Сестра!

Папа и мама тоже обнимаютъ ее съ необычайной предупредительностью. Затѣмъ наступаетъ очередь дѣтей: Морису и Бертѣ приходится продѣлать все то же.

— А Жакъ? Гдѣ же онъ?

Всѣ хоромъ зовутъ его.

Гостья долго, трясущейся рукой расплачивается съ извозчикомъ; она даетъ ему су на чай.

— Это вамъ, — говоритъ она.

Онъ корчитъ гримасу, но не осмѣливается сказать что-нибудь въ присутствіи папы.

Жакъ подходитъ, придерживая штанишки.

Тетка Изабелла цѣлуетъ его, т. е. колеть и мочить ему щеку.

Затѣмъ, всѣ гурьбой направляются къ дому. Папа придерживаетъ гостью.

Она семенитъ ногами, волоча по землѣ ботинки; маленькій животъ и голову она выставляетъ впередъ, а спина полуизогнута. Желая сказать что-нибудь, она кричитъ тоненькимъ голоскомъ.

Хлопушка.

Уединившись въ саду, тетка Изабелла грѣется на солнышкѣ.

Хотя солнце здорово припекаетъ, тетка Изабелла носитъ длинное подбитое мѣхомъ манто.

Жакъ—около; онъ внимательно разглядываетъ этотъ феномень безобразія.

У нея нѣтъ уже губъ: она, должно быть, съѣла ихъ отъ безпрестаннаго жеванія. Ея ротъ еле замѣтенъ между но-

сомъ и подбородкомъ полишинеля, которые вотъ-вотъ сольются. Папа правъ, утверждая, что она такъ же стара, какъ Маѳусаиль, она даже старше бабушки. Тотъ, кого зовутъ Маѳусаиломъ, навѣрное, очень ужъ старъ.

Подбородокъ тетушки упирается ей въ грудь. Изрѣдка она чешетъ волосы подъ чепцомъ; или же на мгновение поднимаетъ голову, немного пріоткрывая полузакрытыя вѣки. Другихъ признаковъ жизни она не подаетъ.

Такое спокойствіе тетушки выводитъ, наконецъ, Жака изъ себя. Видитъ-ли она что-нибудь? Просыпается-ли она?

У него въ карманѣ хлопушка. Онъ кладетъ ее подъ скамейку и зажигаетъ. Хлопушка вспыхиваетъ и разрывается. Тетка Изабелла подпрыгиваетъ въ воздухъ, опускается на землю, а затѣмъ бѣгаетъ на одномъ мѣстѣ мелкими шажками. При этомъ она изо всѣхъ силъ кричитъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Меня здѣсь хотятъ убить! Куда я попала! Это разбойничій притонъ, о, Господи! Имъ нужны мои деньги; у нихъ нѣтъ больше терпѣнія ждать. Скорѣе карету, я хочу уѣхать! Карету! Карету! Меня хотятъ убить!

Папа, мама, бабушка, Екатерина, Морисъ, Берта — всѣ сбѣгаются на ея крики, всѣ слышатъ эти ужасныя обвинения. Что до Жака, то его и слѣдъ простылъ, онъ спрятался за кустомъ сирени. Отъ страха у него рѣзь въ животѣ — онъ видитъ, какъ пала уходитъ въ домъ и скоро возвращается съ плеткой въ рукѣ; лицо его не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Жакъ найденъ. Его схватываютъ, онъ упирается, его тащатъ силой, скидываютъ штанишки подъ самымъ носомъ тетки Изабеллы.

Головой внизъ, онъ видитъ совсѣмъ близко на щебнѣ взорвавшуюся хлопушку. Его сѣкутъ.

Папа старается, чтобы онъ кричалъ погромче, такъ какъ тетка Изабелла туга на ухо.

Она опустилась на скамью. Держась за сердце, она притворяется, что ей дурно. Мама и Екатерина заботливо ухаживаютъ за нею, поднося ей одна успокоительныя капли, другая сладкую воду. Бабушка поддерживаетъ ее за голову.

Тетка Изабелла рѣшительно отказывается пить: она утверждаетъ, что ее хотятъ отравить. И она твердитъ съ видомъ умирающей:

— Карету! Карету!

Плетка въ рукахъ папы ходитъ быстрѣе, хотя Жакъ не перестаетъ стонать.

— Это не я!

Такъ какъ Морисъ стоитъ поблизости, то папа для вѣщей убѣдительности даетъ порцію и ему вслѣдъ за Жакомъ.

Собака воетъ.

Жаку скучно; онъ не знаетъ, что дѣлать. На дворъ нельзя, — дождь идетъ; затѣять шумную игру нельзя изъ-за тетки Изабеллы. Жакъ не такъ ужъ глупъ, чтобы слушаться теперь, когда госпожа Плетъ свирѣпствуетъ во всю. Присутствіе тетки Изабеллы оказываетъ положительно нехорошее вліяніе на характеръ папы.

Скучая, Жакъ бродитъ по комнатамъ. Наконецъ, онъ забрелъ и въ кухню. Екатерина приготовляетъ сладкій пирогъ. Вынувъ изъ сливъ косточки, она выкладываетъ сливы рядами на тѣстѣ. Жакъ останавливается; онъ нашель себѣ занятіе: обсасывать липкія косточки.

Поставивъ въ печь листъ съ тѣстомъ и сырыми фруктами, Екатерина останавливается въ раздумьѣ у окна и смотритъ, какъ льетъ дождь. Затѣмъ она говоритъ:

— Слышите, Жакъ, какъ воетъ собака отца Феликса?

— Какъ она смѣшно лаетъ!

— Это на покойника. Ужъ навѣрное кто-нибудь въ деревнѣ не доживетъ до завтрашняго дня.

Жакъ обсосаль уже всѣ косточки и ему больше нечего дѣлать въ кухнѣ. Онъ спѣшитъ къ бабушкѣ и теткѣ и повторяетъ имъ слова Екатерины.

А тетка:

— Будешь ты молчать? Все это чепуха, что тебѣ сказали.

Давно ужъ она слышитъ вой собаки; и знаетъ, что онъ означаетъ.

Изъ-за гардины виднѣется небо хмурое, какъ лицо старухи. Стѣнные часы съ кукушкой выбиваютъ тикъ-такъ. Пробыло десять. Ждутъ почтальона съ газетами. Перекидываются отрывочными фразами. Дождь монотонно барабанитъ по крышѣ бесѣдки изъ дикаго винограда. Вода съ бульканьемъ падаетъ съ кровельнаго жолоба въ сточную трубу. А гдѣ-то вдали воетъ собака.

Жакъ, усѣвшись въ углу, незамѣтно подтягиваетъ собакѣ и не спускаетъ глазъ съ лица тетки Изабеллы. Ему приказываютъ молчать.

Раздается звонокъ у калитки. Всѣ взоры обращаются на окно: почтальонъ съ капюшономъ на головѣ удаляется по грязной улицѣ. Въ ящикѣ у калитки онъ оставилъ письма. Екатерина идетъ за ними. Она скоро возвращается, держа въ рукахъ такъ, чтобы всѣ видѣли большой конвертъ съ черной каймой.

— Опять извѣщеніе о смерти, — говоритъ она.—Вотъ стали умирать, какъ мухи! Двое за три дня въ одной лишь нашей деревнѣ; и, видно, то же самое въ другихъ мѣстахъ.

Тетка Изабелла спрашиваетъ:

— Это мнѣ?

— Нѣтъ, барыня.

— Съ какой же стати вы подаете его сюда?

— Я думала, что барыня у васъ.

Уходя, Екатерина громко изрекаетъ:

— Смерть все бродитъ по деревнѣ. Еще сегодня вечеромъ или завтра мы услышимъ з а у п о к о й н ы й звонъ.

Екатерина уходитъ.

— Идіотка! — говоритъ тетушка.

— Тише! въ чемъ дѣло?

Изъ сосѣдней комнаты доносится взволнованный голосъ мамы. Жакъ бросается къ двери.

Но мама сама идетъ сюда, сильно встревоженная.

— Боже, Боже! Моя подруга, которую я видѣла совершенно здоровой, когда-же? недѣли двѣ тому назадъ, не больше... умерла, а, можетъ быть, и похоронена!.. Ну, да, конечно, вчера. Вотъ наша жизнь! Моего возраста, такая молодая и такъ рано умерла...

Екатерина является слѣдомъ за мамой.

— Вотъ увидите, барыня, будутъ еще и другіе покойники. Вы не знаете, кто еще по близости боленъ? Потому что эта собака...

Тетка Изабелла выходитъ изъ себя:

— Вамъ дѣлать нечего, Екатерина? Будь вы у меня прислугой, вы не теряли бы время попусту на такую болтовню.

— Слава тебѣ, Господи, работы у меня достаточно, — отвѣчаетъ Екатерина.—Обѣдъ варится; и я убѣгаю. Но я пустижковъ не рассказываю; вотъ увидите!

Морисъ тоже пришелъ съ мамой въ залу. Жакъ тихо спрашиваетъ его:

— А ты можешь дѣлать, какъ собака? такъ: у, у, у?

— Могу.

— Попробуй-ка... Громче!

Самъ Жакъ набралъ воды въ ротъ.

Тетушка хочетъ что-то сказать, но не можетъ. Она съ трудомъ подноситъ руку къ сердцу, затѣмъ ко лбу. Ей нехорошо, но она старается скрыть это.

Мама, однако, замѣчаетъ и спрашиваетъ:

— Что съ вами, тетя?

Секретъ тети обнаруженъ; это наноситъ ей послѣдній

ударъ. Она не отвѣчаетъ; а вдругъ падаетъ навзничъ въ своемъ креслѣ.

Крики; тетку окружаютъ; прибѣгаетъ Екатерина и папа.

— Что тутъ произошло? — спрашиваетъ онъ.

Жакъ торопится отвѣтить:

— Это потому, что Морись выль на покойника, вотъ такъ: у, у, у!

— Подожди-же, Морись, — дай только тетѣ придти въ себя.

— Полноте, баринъ, — говоритъ Екатерина, — Морись тутъ ни причемъ; чему быть, того не миновать: вѣдь не даромъ же въ самомъ дѣлѣ не переставая воеетъ эта собака!

И затараторила безъ устали; но, замѣтивъ, что ее слушаютъ одни дѣти, она стала обращаться къ нимъ:

— Ваша тетя раньше не хотѣла мнѣ вѣрить. Она сказала мнѣ: «Екатерина, вы плетете чепуху», а теперь — вотъ гидите! Это напоминаетъ мнѣ случай съ женой моего двоюроднаго брата Жандесбоза. Она жила у своего отца, и наканунѣ того дня, когда старикъ умеръ, она, засыпая уже, вдругъ проснулась отъ страшнаго трезвона колоколовъ. Она стала будить своего мужа, моего, значить, двоюроднаго брата...

Пока она трещить, бабушка и мама не перестаютъ хлопотать. Папа, съ заложенными въ карманы руками, съ слегка откинутымъ назадъ туловищемъ, равнодушно разсматриваетъ больную.

— ... Жендесбозъ тоже услышалъ колокольный звонъ и соскочилъ съ кровати; онъ подумалъ, что гдѣ-нибудь загорѣлось...

— Екатерина, — приказываетъ бабушка, — замолчите!

— Оставьте ее, — говоритъ папа, — пускай бормочетъ, если это ей доставляетъ удовольствіе.

— Пусть лучше поможетъ намъ.

— Но вы то сами лучше сдѣлаете, если оставите бѣдную старуху въ покоѣ. Она оправится и безъ вашей помощи. А то вы замучаете ее такъ, что она отъ васъ помретъ. Продолжайте, Екатерина.

Екатерина продолжаетъ:

— Увѣряю васъ, баринъ, что я не выдумываю. Это все было на самомъ дѣлѣ. Жандесбозъ обошелъ всю улицу и, къ своему удивленію, никого не встрѣтилъ. Когда онъ дошелъ до косогора Монтсіель, — дѣло было въ деревнѣ Кулевонъ, неподалеку отъ Везуля, — онъ остановился, оглянулся. Повсюду было темно — ночь. Онъ вернулся домой, рѣшивъ, что колокольный звонъ ему почудился. «Держу

пари», — говоритъ его жена, — «что это къ смерти дяди Тимоѳея; увы, ему уже давно не по себѣ». Я и то уже ожидала чего-то: всю эту недѣлю при наступленіи сумерекъ со старой груши выпархивала сова и пролетала мимо окна.

На слѣдующій день она написала, чтобы узнать о дядѣ Тимоѳеѣ, — обѣщался оставить имъ свой домъ послѣ смерти. И въ тотъ же самый день ея отецъ, крѣпкій старикъ, — онъ жилъ у нихъ и помогалъ по хозяйству, — слегъ и больше не поднялся. То же случится съ вашей тетушкой, вотъ увидите... бѣдная женщина больна не на шутку! И напрасно думаютъ, что такъ и нельзя узнать, когда кто помретъ.

— Жакъ, не трясй кровать, — говоритъ бабушка.

— И ты плохо ведешь себя, — говоритъ мама. — Посмотрите только на этого нахала!

Жакъ, заложивъ руки въ карманы и выпучивъ животъ, равнодушно взираетъ на все происходящее. Опираясь однимъ бокомъ о постель, онъ болтаетъ ногой.

— Почему ты такъ качаешься? — спрашиваетъ его бабушка.

— Я дѣлаю, какъ папа!

И, дѣйствительно, папа слегка покачиваетъ ногой и бедромъ, точно отбиваетъ тактъ.

Визитъ доктора.

Тетушка Изабелла пришла въ себя. Она ничего не пьетъ и не ѣстъ прежде, чѣмъ у нея-же на глазахъ, не отвѣдаютъ кушаній. Она подпускаетъ къ себѣ одну лишь бабушку.

Жакъ подслушиваетъ у двери. Тетушка говоритъ бабушкѣ:

— Они нарочно заставили выть эту собаку, чтобы убить меня. Имъ досадно, что я не умираю... Да, да, я это знаю!

Она добавляетъ:

— Я хочу, чтобы мои деньги остались въ моей семьѣ. Это ихъ счастье. Иначе они бы ни гроша не получили. Въ моемъ завѣщаніи...

— Подожди говорить о завѣщаніяхъ, — прерываетъ бабушка.—Ты еще похоронишь всѣхъ насъ. Развѣ дядя Николай не умеръ девяноста семи лѣтъ отъ роду? И развѣ его сестра, тетя Амелія, не прожила безъ малаго лѣтъ сто? Да и мнѣ этой ночью приснилось, что ты умерла. Это значитъ, что проживешь дольше на десять лѣтъ, какъ говорила наша бѣдная мать!

Больная не пытается оспаривать силу этого народного повѣрья; она вздыхаетъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ.

Но она все-таки потребовала врача. Это не такъ просто, потому что въ деревнѣ врача не имѣется. Папѣ приходится посылать въ городъ нарочнаго съ коляской. Она скоро вернулась съ высокимъ господиномъ въ цилиндрѣ. Входя, онъ снимаетъ его съ головы. Берта съ изумленіемъ констатируетъ, что волосы растутъ у него на темени и около ушей, до нижней части щекъ. Зато усовъ и бородки, какъ у папы, у него нѣтъ. Верхушка головы такъ же блеститъ, какъ тотъ бѣлый шаръ, что внизу на перилахъ лѣстницы; все это, и вдобавокъ его профессія, человѣка умѣющаго вылечивать, наводитъ на дѣвочку какой-то суевѣрный ужасъ.

Въ то время, какъ докторъ выслушиваетъ тетушку, мама съ волненіемъ повторяетъ:

— Надѣюсь, ничего серьезнаго, господинъ докторъ? Такой возрастъ, подумайте только: восемьдесятъ одинъ годъ!..

— Успокойтесь, сударыня, ничего серьезнаго. Больная — ваша мать?

— Нѣтъ, господинъ докторъ, это моя тетя.

Тетушка Изабелла:

— Смогу-ли я скоро уѣхать, господинъ докторъ?

И она добавляетъ довольно ядовито, такъ, что не трудно понять, что она желаетъ сказать:

— Здѣшній климатъ для меня очень вреденъ.

Небольшая ссора между папой и мамой.

Тетушка Изабелла уѣзжаетъ. Усадивши ее въ карету, папа настойчиво рекомендуетъ ей:

— Смотрите за собою, а главное не надо болѣть!

И при этихъ словахъ на его обычно хмуромъ лицѣ расплывается любезнѣйшая улыбка. Онъ въ послѣдній разъ поднимаетъ Берту къ старому, противному носу.

Онъ знаетъ, что тетушка Изабелла любитъ кроткую Берту, т. е. изъ всѣхъ дѣтей терпитъ лишь ее.

— Готово? — спрашиваетъ кучеръ.

— Потихоньку, кучеръ, да? Потихоньку, — у меня большое сердце! — кричитъ тетушка.

Карета трогается съ мѣста медленно, какъ похоронныя дроги.

Папа оборачивается, хмуритъ брови и съ шумомъ хлопываетъ калитку.

— Старая скупердяга, не подумала даже заплатить доктору за визитъ! — ворчитъ онъ.

— Грѣшно, Жюль, жаловаться, — вкрадчиво говоритъ мама, пытаясь поцѣловать папу, — несмотря ни на что, она уѣхала очень расположенной къ намъ. Мы скоро получимъ наслѣдство...

— Скоро! скоро! Когда же? Никогда еще она не была такой здоровой.

Папа очень недоволенъ.

Зато Берта необычайно довольна. Съ плутоватой рожицей, чтобы возбудить зависть, она показываетъ братишкамъ подаренные ей тетушкой Изабеллой два су.

Тѣмъ временемъ папа съ мамой обсуждали вопросъ о томъ, сдаетъ тетушка Изабелла, или нѣтъ?

Мама утверждаетъ, что сдаетъ; папа не соглашается.

— Ты замѣтилъ, какъ въ прошлый четвергъ, изъ-за пустяка, она упала въ обморокъ? Я боялась, что уже конецъ!

А папа съ горькой ироніей:

— Очень мило было съ твоей стороны бояться! О! Очень мило!

И съ глубокимъ убѣжденіемъ онъ добавляетъ:

— Что за смыслъ желать ей, чтобы жила еще въ такомъ возрастѣ? Что пріятнаго для нея въ этомъ? Ничего. Одиѣ болѣзни, отъ которыхъ она вѣчно страдаетъ! Говорю совершенно откровенно, — лучше смерть, чѣмъ такая жизнь!

— Но она, кажется, другого мнѣнія.

— Ну, конечно, — упрямая старуха.

Папа говоритъ, говоритъ; и, говоря, выходитъ изъ себя, раздражается.

— Ужъ разъ превратился, какъ она, въ живыя мощи, то слѣдовало бы понять, что пора очистить помѣщеніе и отправиться къ праотцамъ!

— Ужъ если ты такой умный, то почему же ты не скажешь этого ей?

Папа окончательно теряетъ терпѣніе:

— Сударыня, — восклицаетъ онъ, — что означаютъ эти идиотскія слова? Одно я вижу вполне ясно: эта мерзавка оставила меня въ дуракахъ. Наканунѣ нашей свадьбы, — надѣюсь, вы это помните, — она заявила мнѣ: «Моя племянница приданого не имѣетъ; я ничего за нею не дамъ; но если вы женитесь на ней, я завѣщаю вамъ все свое состояніе». — И она поспѣшила добавить: «предупреждаю васъ, мой будущій племянникъ, что этого вамъ при-

дется очень долго ждать». — Но вы шепнули мнѣ на ухо: «У бѣдняжки болѣзнь сердца, она не протянетъ и шести мѣсяцевъ». И съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ, — десять лѣтъ, какъ мы осыпаемъ ее подарками по всякому удобному поводу — къ именинамъ, къ рожденію, къ новому году, ничего никогда не получая въ обмѣнъ, все въ расчетъ на наслѣдство. Я начинаю думать, что эта болѣзнь сердца одна лишь комедія; и мнѣ все это опостылѣло, опостылѣло...

— Но развѣ это моя вина, если она ни за что не хочетъ умереть?

— Почему же вы защищаете ее?

— Я и не думаю защищать ее.

— Нѣтъ, защищаете! Будьте же увѣрены, что знай я... О! Если бы я зналъ!..

— Что прикажете мнѣ сдѣлать? Убить ее, да?

— Могу похвастать, что въ день своей свадьбы я сдѣлалъ выгодное дѣло! Ужъ лучше мнѣ было сломать себѣ тогда ногу!

Мама начинаетъ всхлипывать, повторяя, что папу никто не заставлялъ жениться на ней, что въ женихахъ у нея недостатка бы не было, что она не давала ему обѣщанія убить тетушку Изабеллу.

* * *

Во время ссоры въ головѣ Жака проходятъ такія мысли:

— Тетушка Изабелла была права: папѣ очень хотѣлось бы, чтобы она умерла. А между тѣмъ, когда я въ тотъ разъ такъ напугалъ старушку, что она заболѣла, онъ меня высѣкъ, хотя почти никогда этого не дѣлаетъ. Странныя дѣла творятся на свѣтѣ!

Жакъ, желая напугать Мориса и Бертю, перепугался самъ.

Вся семья, за исключеніемъ бабушки, которой слегка нездоровилось, отправилась къ мадемуазель Мартѣ, жившей въ небольшомъ городкѣ на разстояніи пяти добрыхъ верстъ отъ деревни. Мадемуазель Марта, старинная подруга мамы, самая близкая, лучшая подруга ея, оставила гостей ужинать.

Подошло время отъѣзда, а мама не въ состояніи разстаться съ мадемуазель Мартой. Онѣ нервно обнимаются, обмѣниваются нѣжными словами, плачутъ, смѣются.

И такъ уже опоздали. Въ виду того, что думали возвращаться до наступленія ночи, папа заказалъ открытую карету. Между тѣмъ стало темнѣть.

Наконецъ, всѣ въ коляскѣ. Лошадь бѣжитъ рысцою, ко-

ляска катится, а мама долго машетъ платкомъ мадемуазель Мартѣ.

Дома встрѣчаются рѣже. Съ обоихъ сторонъ дороги потянулись луга, а окаймляющія дорогу деревья, кажется, бѣгутъ навстрѣчу повозкѣ.

Мама что-то рассказываетъ вполголоса папѣ; она зло прохаживается на счетъ мадемуазель Марты, которая все собирается и никакъ не соберется выйти замужъ.

Что до Жака, то, возбужденный выпитымъ за ужиномъ виномъ, онъ хвастаетъ передъ маленькими своей необычайной храбростью.

Вдругъ лошадь умѣряетъ бѣгъ и идетъ шагомъ. Мама оглядываетъ мѣстность.

— Мы у горы четырехъ мертвецовъ, — говоритъ она; — мы будемъ ѣхать такъ медленно въ течение получаса.

И она снова зашептала папѣ на ухо. Она говоритъ быстро, быстро, словно боится, что не успѣетъ всего рассказать. Она передаетъ ему все, что только что довѣрила ей мадемуазель Марта. Ея языкъ движется такъ же быстро, какъ веретено старой Гильометы.

Временами мама смѣется, а папа испускаетъ восклицаніе:

— Ну, и хороша-же твоя подруга! Никогда бы я не повѣрилъ, что она способна на это!

Бубенчики прекратили свою веселую разноголосую музыку; вдругъ издадутъ всѣ хоромъ прерывистый, неприятно однообразный звукъ, — и снова замолкнутъ. Морису и Бергѣ не по себѣ отъ медленной ѣзды по пустынному мѣсту, среди сгущающихся сумерекъ.

Прошло довольно много времени; вдругъ кучеръ оборачивается и говоритъ:

— На этомъ мѣстѣ были убиты вдова съ дочкой и двумя сыновьями.

Мама, не переставая шептаться, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Вотъ съ лѣвой стороны дороги, на заросшемъ ежевикой и низкимъ кустарникомъ пастбищѣ, показались, близко одинъ отъ другого, четыре одинаковыхъ каменныхъ креста. Въ какихъ-нибудь двадцати метрахъ отъ нихъ торчатъ развалины бывшей постройки. Крыша исчезла, висятъ лишь обрубки балокъ; на мѣстѣ оконъ зияютъ дыры. По отверстію для двери видать, что здѣсь стояла ферма. Тутъ же виднѣется заросшее камышомъ болото.

Дѣти глядятъ.

Экипажъ поднимается круто вверхъ, и въ нависшемъ полумракѣ эти развалины, кресты, болото приближаются, удаляются и исчезаютъ съ глазъ съ необычайной медленностью. Вотъ каркнула, вспорхнувъ со стараго ствола, ворона.

Передъ тѣмъ, какъ въѣхать въ лѣсную чащу, кучеръ останавливается и зажигаетъ фонари.

Въ лѣсу мракъ сгущается. Карета снова покатила и идетъ теперь шибко; впереди нея, по дорогѣ, бѣжитъ желтый отблескъ.

Берта, — она въ первый разъ въ жизни ѣздитъ ночью, — тянетъ маму за рукавъ. Мама нетерпѣливо отдергиваетъ руку и локтемъ отталкиваетъ Бертю; но Берта не унимается.

— Мама, — проситъ она, — когда мы въ другой разъ поѣдемъ къ мадемуазель Мартѣ, лучше возвращаться при бѣломъ днѣ, а не при черномъ, какъ сегодня.

Мама не слышала, но отвѣчаетъ:

— Да, дѣточка!

Жакъ передаетъ Морису и Бертѣ:

— Здѣсь въ лѣсу водятся разбойники и дикіе звѣри.

Онъ видитъ, что Берта встревожена, что Морису не по себѣ, и начинаетъ рассказывать имъ о людоедѣ, затѣмъ о Красной Шапочкѣ. Красная Шапочка — это маленькая дѣвочка, которую Жакъ знавалъ, когда Бертю еще на свѣтѣ не было, ее съѣли въ этомъ самомъ лѣсу; отъ нея остались лишь ноги да волосы. И онъ украшаетъ сказку новыми, страшными подробностями. Кромѣ волка, онъ вводитъ въ нее льва, тигровъ и дромадеровъ.

— Видали вы такихъ звѣрей? — спрашиваетъ онъ.

Онъ описываетъ ихъ въ необычайно фантастическихъ краскахъ.

Затѣмъ онъ добавляетъ:

— Они пожираютъ маленькихъ дѣтей, матерей и даже кучеровъ, лошадей и отцовъ. Я-то ничѣмъ не рискую, — я умѣю взбираться на деревья. Смотри! вотъ одинъ смотритъ на насъ изъ-за утесовъ; видишь, Берта, видишь его горбъ, его отвратительную голову; вотъ онъ открываетъ пасть; онъ сейчасъ бросится на насъ! А я хватъ за вѣтку, да на дерево.

Берта и Морисъ поднимаютъ громкій плачь.

— Что съ вами? — сердито кричитъ мама.

— Это Жакъ, онъ...

— Это Жакъ? Ну да, конечно, кто же, какъ не онъ! Что надѣлалъ вамъ этотъ Жакъ, моя бѣдная крошка?

— Онъ говоритъ, что видитъ дикаго звѣря, который сейчасъ бросится на насъ и всѣхъ съѣстъ.

— Что за чудовище этотъ Жакъ!

Но папа вступается за своего любимца:

— Жакъ храбрый мальчикъ; онъ хочетъ и васъ приучить быть смѣлыми; хвалю за это. Полно, Морисъ, тебѣ придется быть солдатомъ, какъ твой отецъ! А ты, Берта, знай, что я не хочу, чтобы говорили, что моя дочь мокрая курица!

Но мама все-таки добилась отъ папы, чтобы Жакъ замолчалъ.

Жакъ молчитъ. Онъ занятъ тѣмъ, что смотреть на мелькающія передъ глазами неясныя очертанія безконечнаго ряда деревьевъ, позади которыхъ можетъ спрятаться все, что только можно вообразить себѣ. Мысли Жака работаютъ все въ томъ-же направленіи; но онѣ не забавляютъ его больше. Эти звѣри, о которыхъ онъ только что говорилъ, да и другіе, еще болѣе страшные, могутъ вѣдь и на самомъ дѣлѣ оказаться здѣсь.

Наконецъ-то выѣхали изъ лѣса!

Но встревоженное воображеніе Жака не успокаивается. Колочая изгородь на краю полей принимаетъ подозрительный, предательскій видъ; ея непрерывность не предвѣщаетъ ничего добраго. Кто знаетъ, можетъ, это вовсе и не изгородь? Трудно стало узнавать и другія столь знакомыя вещи: сумерки искажаютъ ихъ, увеличиваютъ размѣры, дѣлаютъ грозными. И эти различные враги безпрестанно возобновляются, множатся въ пути.

Жакъ, помимо воли, удѣляетъ имъ огромное вниманіе. Онъ беретъ за руку Берту и Мориса.

— Не бойтесь, — кротко произноситъ онъ: — я съ вами!

Но страхъ овладѣваетъ имъ все сильнѣе, Жакъ весь въ его власти; онъ чувствуетъ, какъ въ его рукахъ дрожатъ ручки Мориса и Берты. Общій страхъ какъ бы возрастаетъ отъ прикосновенія.

Ударъ вѣтра по верхушкахъ деревьевъ, окаймлявшихъ дорогу, заставляетъ Жака вздрогнуть.

На поворотѣ вдругъ выросъ и ринулся навстрѣчу повозкѣ громадный домъ.

Мальчикъ смотритъ на это чудовище и видитъ два горящихъ глаза, которые прогуливаются на краю крыши, потомъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлаютъ скачокъ.

Онъ бросается къ отцу съ крикомъ:

— Папа! Папа!..

— Чего тебѣ, мой смѣльчакъ?

— Папа... я спать хочу: можно лечь къ тебѣ?

Голосъ его дрожить. Ему очень трудно удержаться отъ плача.

— Поди сюда, мой смѣльчакъ, — говоритъ отецъ, обнимая мальчика.

Жакъ съ нѣсколькими лихорадочной поспѣшностью пристраивается такимъ образомъ, чтобы ничего не видѣть. Только почувствовавъ себя подъ защитой сильныхъ рукъ отца, онъ успокаивается и, наконецъ, засыпаетъ...

Вдругъ, сквозь сонъ, онъ почувствовалъ, что повозка останавливается.

Жакъ! Жакъ! Мы приѣхали!.. Ну-же, вставай!

Папа встряхиваетъ его.

Жакъ не знаетъ, ни гдѣ онъ, ни что все это значитъ? Но ему не по себѣ. Папа тщетно пытается поставить его на ноги.

Екатерина беретъ его на руки и уноситъ въ домъ.

Дуетъ холодный вѣтеръ. Жакъ открываетъ глаза. Почти черное небо усѣяно маленькими огоньками; они не освѣщаютъ и какъ будто дрожать отъ холода.

Очевидный фактъ.

Вся семья въ саду. Папа разговариваетъ съ г-жой Роло. Бабушка вяжетъ, согнувшись въ своемъ тростниковомъ креслѣ; поверхъ очковъ она слѣдитъ глазами за дѣтьми.

Около бабушки сидитъ Берта. Толстякъ Морисъ—въ углу на корточкахъ и громко сопить; отъ неудобнаго положенія лицо его налито кровью. Не подумайте плохого: онъ дѣлаетъ пирожки изъ песку, — ничего болѣе!

Жакъ забавляется тѣмъ, что дразнить Берту: какъ кошка, онъ подкрадывается къ ней сзади и незамѣтно тянетъ за косичку; Берта быстро оборачивается. Хлопъ! Она шлепаетъ по воздуху и выпускаетъ носомъ сердитый и жалобный звукъ.

— Бабушка, скажи ему, чтобы онъ пересталъ!

— Попробуй только повторить, Жакъ: я отвѣшу тебѣ оплеуху, — отзывается бабушка.

Жакъ повторяетъ.

Но бабушкѣ очень трудно подняться:

— Жакъ, подойди-ка поближе, — призываетъ она, и рука ея вытягивается для пощечины.

— Нашла дурака! Поймай меня!

Папа слышитъ этотъ діалогъ. Онъ смѣется и, подмигивая, говоритъ г-жѣ Ропо.

— Бѣсь, а не мальчикъ! Никогда за словомъ въ карманъ не полѣзеть. Вотъ бѣсенокъ!

А бабушка тѣмъ временемъ грозитъ Жаку:

— Будь спокоенъ: ты свое получишь.

Онъ корчитъ насмѣшливо гримасу.

— А, ты такъ? Хорошо! Морись — онъ мальчикъ послушный — получить сейчасъ конфетку; а тебѣ шишь подъ носъ!

Жакъ попрежнему даетъ понять, что ему наплевать на все прочее.

* * *

Будешь слушаться, получишь конфеты.

А будешь бѣсенкомъ, тобою будутъ гордиться, и можно все себѣ позволить.

Морись знаетъ одно универсальное средство.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ съ яблони, въ саду, падаютъ на землю совсѣмъ спѣлые плоды, прекрасные на вкусъ и красивые на видъ. Морись грызетъ ихъ съ ранняго утра и до момента отхода ко сну.

Сегодня у него страшно болитъ животъ. Онъ весь извивается, сидя на садовой скамьѣ и уплетая за обѣ щеки варенныя яблоки. Онъ беретъ ихъ съ небольшого эмалированного блюда, которое стоитъ рядомъ. Онъ ѣстъ и корчится отъ боли; другой рукой онъ растираетъ себѣ животъ.

— Вотъ тебѣ на! Никакъ у Мориса колики? — весело вскрикиваетъ папа, завидѣвъ его издали. — Я такъ и зналъ!

И уже болѣе серьезнымъ тономъ онъ добавляетъ:

— По настоящему, Морись, тебя слѣдовало бы угостить плеткой; развѣ можно такъ объѣдаться?

— Ой, ой! Больно! — стонетъ толстякъ Морись, — онъ думаетъ теперь только о своей боли.

— Что ты тамъ жуешь?

— Варенныя яблоки, — бормочетъ Морись, скорчивъ ужасную гримасу.

— Что?..

— Варенныя яблоки... Ой, ой, ой!.. Мама говоритъ, что больнымъ это помогаетъ!

Неприятный опытъ Бетты.

Каждый разъ послѣ завтрака и обѣда папа пьетъ что-то изъ хорошенькаго стаканчика, наливая жидкость изъ такой смѣшной бутылки. Похоже на воду. Папа очень лю-

бить это: выпивая, онъ всегда щелкаетъ языкомъ и нали-
ваетъ еще.

Этимъ-же онъ угощаетъ гостей.

Жакъ какъ-то объяснилъ Бертъ:

— Эта вода называется водкой: ее пьютъ только муж-
чины!

А такъ какъ Жакъ мужчина, то, когда папы нѣтъ въ
комнатѣ, онъ допиваетъ остатки изъ рюмокъ.

Сегодня Берта осталась одна за неубраннымъ столомъ.
Она придвигаетъ къ себѣ хорошенькій стаканчикъ; на днѣ
его виднѣется немного влаги; она вливаетъ ее къ себѣ въ
ротъ и тотчасъ же выплевываетъ; но уже обожгла себѣ
языкъ.

Никогда больше не станетъ она пробовать этой воды!
Папа, тотъ и не поморщится, когда пьетъ ее. Значитъ, для
этого надо быть мужчиной. Берта никогда не будетъ муж-
чиной!

Она проникается большимъ уваженіемъ къ мужчинамъ.

*Попугай г. Ланстрюка. Хожденіе къ клозетамъ подъ звуки
пѣсни. Замкоченія маленькаго Пьера Рафара.*

Подъ наблюдениемъ учителя, г. Ланстрюка, классъ
исполняетъ письменную работу. Не отличающійся «рабо-
чимъ темпераментомъ» Жакъ слушаетъ, какъ наверху по-
пугай г. Ланстрюка бѣгаетъ по клѣткѣ и невнятнымъ, но
пронзительнымъ голосомъ повторяетъ:

— Просвѣщеніе — прекрасная вещь! Просвѣщеніе —
прекрасная вещь!

Г. Ланстрюкъ немало потрудился, чтобы научить птицу
этой фразѣ. Недаромъ всѣ называютъ ее: «ученый попугай
г. Ланстрюка».

Маленькіе крестьяне усердно скрипятъ перьями, или зѣ-
ваютъ. Учитель ударяетъ линейкой по столу. Всѣ тотчасъ
же вскакиваютъ и сбѣгаютъ съ крыльца коммунальной
школы, чтобы помочиться. Но во дворѣ они выстраиваются
въ ряды. Этого требуетъ г. Ланстрюкъ, который за-
ставляетъ своихъ учениковъ съ пѣніемъ шествовать къ
клозетамъ. Онъ сторонникъ примѣненія пѣсни къ воспи-
танію дѣтей и народныхъ массъ.

Когда вся школа, наконецъ, устанавливается въ тре-
буемомъ порядкѣ, г. Ланстрюкъ подаетъ знакъ; и, мед-
ленно, колонна трогается въ путь.

— Кому надо по дѣламъ? — спрашиваетъ учитель. И
онъ даетъ разрѣшеніе четверымъ, потому что въ школѣ че-
тыре клозета.

— Сегодня, — говоритъ онъ, — мы споемъ Демократическій гимнъ. Ну же: разъ, два, три.

Тридцать крикливыхъ голосовъ запѣвають:

«Мракъ истинною побѣжденъ,
«Предразсудки всѣ пропали,
«Край родной»...

Свистокъ. Колонна останавливается, пѣсня также.

— *Allegro martiale* — кричитъ учитель; сколько разъ повторять вамъ: *allegro martiale*. Что за тупыя головы! Итакъ! «Край родной».. Ну же!

А мальчуганы:

«Край родной освобожденъ,
«Мы права отвоевали,
«Смѣло такъ идетъ впередъ
«Сильный, вѣрный нашъ народъ».

Хлопъ! хлопъ! — затворяются двери ватерклозетовъ. Одинъ за другимъ возвращаются ученики въ ряды. Ихъ замѣняютъ новые, спрашивая разрѣшеніе у учителя поднятиемъ руки.

«И богатѣя и процвѣтая,
«Страна благоденствуетъ съ края до края!»...

Ланстрюкъ, стоя во главѣ колонны, пятится назадъ. Онъ отбиваетъ тактъ, хлопая въ ладоши, и подтягиваетъ хору глухимъ басомъ. Крестьянскіе дѣти не успѣли еще хорошо выучить эту пѣсню, прозванную авторомъ: «Новый національный французскій Гимнъ. Ланстрюкъ лишь недавно привезъ его изъ главнаго города департамента, гдѣ слышалъ его въ исполненіи учительскаго хора.

— Припѣвъ! — командуетъ онъ.

«Франции свѣтской слава!...»

Припѣвъ сходитъ гладко. Жакъ стоитъ позади маленькаго Пьера Рафара. Онъ подставляетъ ножку, — и Рафаръ растягивается.

«Братство — лучшее изъ словъ,
«Украшенье нашей воли,
«Составляешь ты покровъ
«Бѣдняка тяжелой доли».

Хлопъ! хлопъ! — стучать двери ватерклозетовъ.

«Разума плоды созрѣли,
«Жатва пышная возшла»,

Хлопъ! хлопъ!

«Мира времена приспѣли,
«Мрака полоса прошла...»

Попугай пытается перекричать хоръ.
— Просвѣщеніе — прекрасная вещь, — повторяетъ
онъ сердитымъ голосомъ.
— Припѣвъ! — вопить учитель.

«Франціи свѣтской слава!
«Республикѣ нашей слава...»

«Опять этотъ Рафаръ грохнулся», — думаетъ про себя
Ланстриокъ.

* * *

Маленькій Пьеръ Рафаръ, прозванный за свою привычку держать ротъ открытымъ Жареной рыбой, сынъ бѣдной вдовы. Онъ всегда хорошо знаетъ урокъ. Ланстриокъ считаетъ его образцовымъ ученикомъ.

Къ несчастью, Пьеръ Рафаръ родился колѣкой; онъ не владѣетъ правой рукой, она у него высохла и виситъ, какъ палка, въ слишкомъ широкомъ и длинномъ рукавѣ. Одежда на немъ потертая, вся въ заплаткахъ; онъ никогда не имѣетъ денегъ на конфекты.

Съ Жакомъ онъ любезенъ и долго старался подружиться съ нимъ.

Но Жакъ ненавидитъ его.

За уроками онъ щиплетъ его или запускаетъ ему въ бокъ перо. Но это не мѣшаетъ ему постоянно спрашивать у Пьера, какъ пишется то или другое слово, заглядывать къ нему въ тетрадь, противъ чего Пьеръ никогда не возражаетъ.

На перемѣнахъ, во время общей возни, онъ бросается на него предпочтительно передъ другими, валитъ на землю, осыпаетъ ударами, куда придется.

Случается, что ученики загоняютъ Пьера въ уголь и начнутъ жать изъ него масло съ такой силой, что у него захватываетъ дыханіе. Главный зачинщикъ этой забавы — Жакъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ мама маленькаго Рафара стала заглядывать къ сыну въ школу и о чемъ-то разговаривать съ Ланстриокомъ. У нея впалыя щеки съ багровыми пятнами, и она немного кашляетъ. Жакъ всегда останавливается неподалеку отъ нея и оглядываетъ ее съ дерзкой улыбкой.

Вначалѣ маленький Пьеръ очень радовался посѣщеніямъ матери; теперь же онъ знаетъ, что товарищамъ это

не нравится, и что они отплатятъ ему. Поэтому послѣ свиданія съ нею, онъ возвращается угрюмый, исподлобья и съ опаской глядя на Жака. Жакъ тихонько подкрадывается къ нему и, показывая на картинку съ обезьяной или другую карикатуру, говоритъ:

— Вотъ твоя мама!

И убѣгаетъ.

Для Пьера Рафара это хуже всякой пытки.

* * *

Въ одинъ прекрасный день на главной площади деревни появился цирковой балаганъ. Жакъ былъ на первомъ представленіи и много смѣялся. Среди забавныхъ сценъ была одна такая:

Клоунъ, встрѣчаясь съ другимъ клоуномъ, одѣтымъ въ смѣшной женскій костюмъ, вскрикиваетъ:

— А вотъ и Джоконда!

И всякій разъ, когда одинъ кривляка хотѣлъ выругать другого, онъ говорилъ:

— Ахъ, ты, Джоконда!

И это производило огромное впечатлѣніе.

На слѣдующее утро Жакъ, отозвавъ Пьера Рафара въ сторону, говоритъ ему на ухо:

— Твоя мать — Джоконда! Джоконда — это твоя мать!

И Жакъ было уже повернулся, чтобы убѣжать; какъ вдругъ Пьеръ здоровой рукой закатилъ ему такую затрепину, что онъ упалъ.

Сынъ сборщика податей поднялся и, сконфуженный, пригрозилъ:

— Ну, погоди, я скажу папѣ и онъ опишетъ вашъ домъ и скотину.

Эта угроза, равно какъ и видъ крови, капавшей изъ носа Жака, привели Пьера Рафара въ неопикуемый ужасъ.

Жакъ пошелъ жаловаться г. Ланстрюку.

— Я защищался, — сказалъ Пьеръ Рафаръ.

— А что онъ вамъ сдѣлалъ?

Пьеръ Рафаръ ничего не отвѣтилъ, только низко опустилъ голову. И чѣмъ больше учитель настаивалъ на отвѣтѣ, тѣмъ ниже опускалась голова мальчика.

— Итакъ, вы ни въ чемъ не можете упрекнуть своего товарища, — закончилъ объясненіе г. Ланстрюкъ, — и вамъ стыдно за свой скверный поступокъ. Идите въ уголь.

Мальчикъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ, опершись объ нее локтемъ. Онъ воспользовался этимъ положеніемъ,

чтобы поплакать тайкомъ отъ всѣхъ; тѣльце его сотрясало, но онъ напрягъ всѣ силы, чтобы никто не замѣтилъ душившихъ его слезъ.

Мама проливаетъ горькія слезы изъ-за носового платочка и вдругъ вспоминаетъ о потерѣ дорогой своей тетюшки Изабеллы.

Послѣ завтрака папѣ подали телеграмму. Не успѣлъ онъ вскрыть ее и пробѣжать глазами, какъ лицо его озарилось радостной улыбкой и онъ закричалъ:

— Вотъ новость, жена! Тетка Изабелла приказала долго жить; наконецъ-то мы доберемся до ея денегъ.

Затѣмъ онъ передалъ депешу мамѣ, которая съ торжествующимъ видомъ заявила:

— Я вѣдь говорила, что намъ не долго ждать наслѣдства!

Бабушка немного всплакнула, сказавъ:

— Бѣдная сестра!.. Скоро и мнѣ туда же!

Увидѣвъ, что бабушка плачетъ, мама тоже постаралась выжать нѣсколько слезинокъ изъ глазъ.

Но обѣ скоро утѣшились.

И то сказать, папа не далъ имъ возможности погоревать. Онъ заставилъ ихъ немедленно переодѣться въ черное и покрыть головы длинными вуалями. Мамѣ эта вуаль очень къ лицу; бабушка же кажется въ ней еще старше и угрюмѣе, чѣмъ всегда.

Онѣ сѣли въ карету вмѣстѣ съ папой, и Екатерина закрыла ихъ цѣлымъ ворохомъ шалей и мѣховъ, такъ какъ шель снѣгъ.

Папа уже собирался крикнуть кучеру, чтобы трогаль, какъ вдругъ мама, натягивая кожаныя перчатки, вскочила съ мѣста и вскрикнула:

— Подождите, подождите. Мнѣ нужно сойти.

И обращаясь къ папѣ, прибавила:

— Ты вѣчно торопишь насъ. Я была увѣрена, увѣрена, что я что-нибудь да забуду. Къ счастью, во время вспомнила.

— Всѣ нужныя бумаги при мнѣ. Что это ты могла забыть?

— Носовой платокъ.

— Только-то!

— Не могу же я явиться на похороны близкой родственницы безъ носового платка. Вѣдь я къ тому же ея наслѣдница. Чѣмъ я буду вытирать слезы?

— Я дамъ тебѣ свой.

-- Не воображай, пожалуйста, что я стану пользо-

ваться мужскимъ платкомъ. Вотъ было бы зрѣлище. Только этого не доставало.

— Но будетъ гораздо хуже, если мы опоздаемъ къ поезду и приѣдемъ послѣ всего.

И по знаку, данному папой, кучеръ тронулъ съ мѣста; но мама вдругъ вскочила и отбиваясь отъ папы, который удерживалъ ее за талию, и рискуя разбиться, бросилась изъ коляски. Она была въ ужасномъ состояннн. Папѣ пришлось уступить. Еле сдерживая себя отъ злобы, онъ повторялъ про себя:

— Это вамъ, сударыня, припомнится... Потѣха, право, потѣха.

Ушло не менѣе четверти часа прежде, чѣмъ мама нашла то, что ей было нужно.

— Прямо невозможно, она это нарочно, — ворчала папа. — Я внѣ себя.

Наконецъ, мама вернулась. Вся запыхавшись, она держала въ рукахъ хорошенькій платочекъ съ траурной каймой.

Папа не рѣшился ничего сказать; — изо всѣхъ оконъ глядѣли на нихъ сосѣди; онъ ругался про себя.

Ставъ на подножку коляски, мама въ послѣдннй разъ обняла Жака, Мориса и Берту, еще разъ сказала Екатеринѣ, чтобы она смотрѣла за дѣтьми, и затѣмъ разразилась потокомъ слезъ.

— Радуйтесь: изъ-за васъ мы, какъ всегда, приѣдемъ слишкомъ поздно, — процѣдилъ папа.

Мама отвѣтила прерывающимся голосомъ:

— Приѣдемъ во время, — я въ этомъ увѣрена, увѣрена. И вы тоже можете радоваться, послѣ сцены, которую вы устроили изъ-за ерунды, я чувствую себя больной: вся ѣда отъ обѣда подкатила мнѣ подъ ложечку.

Въ послѣднюю минуту старикъ кучеръ долженъ былъ сойти съ козелъ, чтобы отцѣпить возжу, и это еще больше разстроило настроенн.

Мама прижала руку къ дрожащей груди и орошала слезами траурную вуаль.

— Сударыня, поберегите на завтра ваши крокодиловы слезы, — обратился къ ней папа.

Мама отвѣтила:

— Всѣ мужчины безсердечные. Только въ несчастнн узнаешь друга.

— Видать, что у васъ ужасное горе, сударыня!

— А по васъ видно, что вы ничего не чувствовали къ бѣдной тетущкѣ. Вы благодарное существо!

Больше мама не удостоила папу ни однимъ словомъ; она шумно высморкалась въ другой платокъ, который заботливо одолжила ей бабушка.

Затѣмъ она замерла въ позѣ оскорбленнаго достоинства.

Вскарабкавшись на козлы, кучеръ, наконецъ, стегнулъ кнутомъ; бубенчики звякнули, и коляска медленно, изъ-за скѣга, тронулась въ путь.

Папа, мама и бабушка вернутся только черезъ недѣлю. Они привезутъ съ собою много денегъ.

Продолжение слѣдуетъ.

Переводъ съ французскаго

О. Сидерской.

КОШКА НА МАЯКЪ.

Нильса Коллетта Вогта.

Если вы хотите знать, какъ случилось, что на маякѣ «Лучъ» былъ поднятъ флагъ о помощи, хотя не было ни пожара, ни болѣзни, ни другого какого-либо несчастія, то спросите меня. Только двое знаютъ, въ чемъ тамъ было дѣло. Одинъ — Гансъ Гольтерманнъ Крюгеръ, въ настоящее время смотритель въ Норландѣ; другой — сидящій передъ вами въ вахтенной комнатѣ, помощникъ Эвенсенъ. Есть еще одна персона, знающая это дѣло; но гдѣ она обрѣтается — чортъ ее знаетъ. Она съ нимъ знакома. Честное слово, нечистый очень хитро придумалъ это, потому что она явилась къ намъ въ святой вечеръ Рождества! Слыхали вы что-нибудь подобное? Впрочемъ, это случилось, вѣроятно, потому, что она пріѣхала въ Орё на пароходѣ, а оттуда ее доставили лодкою къ намъ. Дѣло было сейчасъ послѣ обѣда. Я только что освободился и хотѣлъ завалиться спать. Какъ вдругъ она очутилась въ комнатѣ.

— Вотъ и новая экономка, — слышалось у двери.

— Это вы, — сказалъ я какъ могъ мягче — добро пожаловать.

И я подошелъ къ ней и протянулъ ей руку.

Красивая была дѣвка! Ничего другого нельзя сказать. Можетъ быть, немного молода для насъ. Но большого роста и хорошо сложена. Была она немного блѣдна послѣ поѣздки по морю, потому что здорово задувалъ вѣтеръ, какъ всегда въ это время года. Но она улыбалась и имѣла такой важный видъ, какъ будто пріѣхала въ каретѣ.

Я тутъ же далъ ей указанія.

— Тяжелая служба зимою, — сказалъ я. — Потомъ станеть полегче. Лампа на маякѣ горитъ теперь ровно 21 часъ въ сутки. Отъ часу дня до десяти часовъ слѣдующаго утра. Такъ что здѣсь собственно два хозяйства: одно — для Крюгера, и другое — для меня. Мы безпрестанно смѣняемъ другъ друга; стоимъ на вахтѣ каждый по четыре часа. Съ вахты въ каюту, и изъ каюты на вахту. И такъ безъ вся-

каго измѣненія. Ну, а въ промежуткахъ, понятно, хочется намъ закусить. Но теперь, какъ сказано, станеть лучше, — прибавилъ я, чтобы утѣшить ее. — Дни станвятся все длиннѣе, и масла въ лампѣ, такъ сказать, требуется все меньше. Да и отвѣтственность уменьшается. А среди лѣта маякъ совсѣмъ закрыть.

— Все устроится, — бодро отвѣтила она.

Вѣрите мнѣ, или нѣтъ — какъ вамъ угодно — но никогда въ жизни я не чувствовалъ такого жара въ груди, какъ тогда, когда я стоялъ и тарасилъ глаза на эту дѣвку. Такой старый дуракъ! Давайте посчитаемъ! Весною мнѣ исполнилось сорокъ шесть. Значитъ, тогда мнѣ было сорокъ два года. А надо вамъ знать для того, чтобы вы все хорошо поняли, что я по мѣсяцамъ и не нюхалъ женщины. Последняя, кончикъ женскаго платья которой я видѣлъ, была баба Крюгера. Но тамъ не на что было глядѣть, и подойти къ ней близко не было охоты. Хотя, разумѣется, на безрыбьи и ракъ рыба.

Я былъ такъ растроганъ и смущенъ, и такъ тепло стало у меня на душѣ, что я принялся ей выкладывать все: и о маякѣ, и о Крюгерѣ, и о себѣ самомъ, и о нашихъ семейныхъ отношеніяхъ... только, чтобы развлечь ее. Пожалуйста!

— Маякъ второго разряда, нашъ-то, — объяснялъ я, — съ постояннымъ, бѣлымъ огнемъ и съ краснымъ блескомъ каждая полминуты. Что касается меня, то я неутѣшный вдовецъ, не таковъ, какъ Крюгеръ. О, нѣтъ! У него жена и дѣти, и жена его не выноситъ дождливой погоды, а щенки его совсѣмъ не росли здѣсь, въ шхерахъ, такъ что ихъ можно сравнить только съ гномами, или съ эскимосами. Теперь они всѣ уѣхали къ ея брату, у котораго домъ въ Ромсдалѣ. А мы, два старыхъ хрѣна, сидимъ тутъ съ астмой и подагрой. Тяжелая жизнь, — закончилъ я. — Теперь все пойдетъ къ лучшему. Ура! Какимъ тяжелымъ можетъ быть время! Намъ здѣсь нужна молодежь, — ухмыльнулся я. — Хи-хи-хи! Два старыхъ холостяка, которые сидятъ и выдумки выдумываютъ.

— Это вовсе не такъ плохо для холостяковъ, — засмѣялась она и блеснула на меня бѣлыми зубами.

— Можетъ быть, ты можешь этому помочь?

Этого мнѣ не слѣдовало говорить. Сознаюсь въ этомъ. Это было неделикатно. Но глаза ея притягивали меня къ себѣ. Черные, блестящіе и лукавые. Фу, чортъ возьми! Я не могъ удержаться, чтобы не сказать это.

— Откуда ты, дитя мое? — спросилъ я слегка дрожа-

шимъ голосомъ, потому что я, какъ сказано уже, съ осени и не видѣлъ бабы.

— Я? Я ниоткуда.

— О, откуда нибудь мы всѣ бываемъ такъ, или иначе.

— А я... я прилетѣла съ восточнымъ вѣтромъ.

Мы оба разсмѣялись. Вѣдь тонко былъ придуманъ отвѣтъ — съ восточнымъ вѣтромъ. Если кто-нибудь не хочетъ рассказать, откуда онъ, то ему слѣдуетъ отвѣтить, что онъ прилетѣлъ съ восточнымъ вѣтромъ. Хотя бы онъ былъ изъ ада.

Я поднялся и попросилъ ее слѣдовать за мною, такъ какъ долженъ былъ показать ей ея комнатушку.

— Она не велика, но тебѣ тридцать доволствоваться ею. Скажи мнѣ, мой дружокъ, какъ тебя зовутъ. Смотритель сказалъ мнѣ, но я все забываю.

— Лидія.

— И больше ничего?

— Лидія Фино. И если сказать правду, такъ я изъ Гортена.

Мы оба стали серьезны. Я понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко своимъ вольнымъ языкомъ.

— Вотъ какъ! Значить, ты изъ Остланди? Но вѣдь и я оттуда.

Затѣмъ я внесъ ея ящикъ и какой-то маленькій пакетъ.

— А давно ты изъ Гортена? — глубокомысленно спросилъ я, остановившись у окна и разглядывая лодку, которая привезла ее. Мнѣ какъ-то не легко было разстаться съ Лидией. Лодка должна была теперь плыть противъ теченія и вѣтра, и не двигалась съ мѣста, несмотря на то, что два рослыхъ молодца сидѣли у весель.

— Счастье твое, что ты приѣхала съ восточнымъ вѣтромъ, — пошутилъ я. — Сегодня дуло съ запада. Но когда виденъ Ледервольдскій маякъ, значить, вѣтеръ мѣняетъ направленіе. Это вѣрная примѣта. Когда я возвращался домой со своей собачьей вахты ночью, то видѣлъ, какъ онъ блестѣлъ и сверкалъ. Да, тебѣ везеть! Если бы дуло съ запада, они бы тебя никогда не привезли сюда. И скучно, и пусто было бы холостякамъ! — и я отечески ущипнулъ ее за щеку.

— О... о! — вскричала Лидія и скривила ротъ къ уху.

— Ахъ, какія у тебя горячія, мягкія, славныя щеки! — сказалъ я, а сердце въ груди заколотилось, какъ маленькій барабанъ. — Бѣлое, лакомое мясо!

... Ну, а лежа въ каютѣ, я слышалъ шумъ моря... Чортъ возьми, я его слышалъ! Никогда этого не бываетъ. Я не

слышу ни моря, ни шума летающихъ вокругъ нашей шхеры птицъ. Развѣ весною, когда онѣ такъ мягко, словно дѣти, кричатъ. Но въ сочельникъ тысячу девятьсотъ второго года я лежалъ съ открытыми глазами и часъ за часомъ слушалъ, какъ море шумитъ и воетъ. Скверная, доложу вамъ, погода у Ромсдаальскаго берега во время Рождества! И никогда иначе не бываетъ. Срывающійся ураганъ, насыщенный парами воздухъ съ сѣвера, трескъ... и море — прежде всего, море. Говорятъ, что въ такую ужасную погоду, маякъ «Лучъ» виднѣется въ Оре, какъ сѣро-зеленая пѣнистая волна, съ черной полосой посерединѣ. Возможно, что такъ. Если бы хоть были книги для чтенія. Тѣ книги, которыя у насъ имѣются, прочтены уже давнымъ давно. Вотъ я и задумалъ заняться этимъ новымъ языкомъ... знаете... онъ называется Эсперанто. Но немножко поздно учиться, когда нѣтъ уже памяти. Да и охоты тоже.

Хотя, долженъ сказать, что на этотъ разъ не было такъ грустно, какъ прежде, такъ какъ я чувствовалъ напряжение въ крови отъ присутствія новой экономки. Славная дѣвка! Никогда она не сердилась, если старый, честный труженикъ обнималъ ее, или слегка давалъ ей кулакомъ въ бокъ.

Зимомъ мы по большей части питаемся консервами; но ея приготовленіе придавало имъ восхитительный вкусъ. Часами ожидала она, пока я приносилъ ей застрѣленнаго мною баклана, или утку, и тогда она, ощипавъ и выпотрошивъ птицу, опускала ее въ котель. Никогда не слѣдуетъ ругать баклана. Зловѣщая птица! Я слышалъ, какъ старый Симонъ Эв рбѣ клялся спасеніемъ своей души, что снѣ видѣлъ рано утромъ въ амбарѣ двухъ баклановъ, сидѣвшихъ на колонкахъ кровати, въ которой лежалъ трупъ его отца *.

Баклана не любятъ, хотя онъ и предсказываетъ своимъ хриплымъ голосомъ непогоду. А лучше всего варить его въ водѣ съ уксусомъ.

Нѣтъ, рѣшительно, у насъ стало не такъ одиноко, какъ было раньше. Коротко вамъ сказать: мнѣ нравилось у нея въ кухнѣ. Но объясните мнѣ вотъ что: почему она вѣчно спрашивала и докапывалась до всего касавшагося Крюгера и его жены? Красива-ли она? Сколько ей лѣтъ? Хорошо-ли они живутъ другъ съ другомъ? И много другого.

— Онъ глядитъ на меня, какъ будто раздавить меня хочетъ, — увѣряла она меня со страхомъ. — Уй-ой-ой!

— Нечего обращать вниманія на Крюгера, — утѣшалъ

* Норвежскіе крестьяне выносятъ покойниковъ изъ дому въ риги, амбары и т. п.

я ее. — Онъ, видишь ли, бюрократъ и ни черта не смыслитъ въ женщинахъ.

— А что такое бюрократъ? — спросила Лидія.

— Бюрократъ — это человѣкъ съ холодной кровью, не обращающій вниманія на ваше сословіе, — отвѣчалъ старикъ Эвенсенъ.

Теперь слушайте дальше.

У Крюгера было обыкновеніе въ день Новаго Года, въ половинѣ одиннадцатаго утра, совершать маленькое частное богослуженіе, а вслѣдъ за службою мы выпивали съ удовольствіемъ по стаканчику вина, въ честь Новаго Года. Я долженъ еще вамъ разсказать, что Крюгеръ терпѣть не могъ кошекъ. Когда я пріѣхалъ на маякъ, у меня была кошка, желтая, пушистая лѣсная кошка. Крюгеръ прямо взбѣсилъ, какъ только онъ увидѣлъ кончикъ ея хвоста.

— Вонъ кошку! — закричалъ онъ, хлопая руками. — Уберите отъ меня это животное!

Это, видите ли, такая болѣзнь, — ненависть къ женскому полу, — съ которой невозможно бороться. А у него она была еще наслѣдственна.

Въ первый день Новаго Года, пока онъ читалъ, онъ все фыркалъ и безпокойно поглядывалъ украдкою на дверь, въ которой сидѣла наша экономка, очевидно чувствуя кошку. Онъ все болѣе и болѣе воспалялся и, наконецъ, вмѣсто того, что бы прочесть проповѣдь изъ назидательной книги, онъ сразу затянулъ псаломъ. Затѣмъ появилась Лидія съ виномъ и печеніемъ.

— Ваше здоровье и всего хорошаго въ Новомъ Году, — сказалъ Крюгеръ.

— Ваше здоровье, господинъ смотритель.

Очевидно, я заблуждался на счетъ кошки, потому что я рѣдко когда видѣлъ его такимъ сладкимъ и сіяющимъ.

— Красивая дѣвушка, неправда-ли, Эвенсенъ?

— Еще бы, господинъ смотритель.

— А не осушить-ли намъ стаканчикъ и за ея здоровье. ха-ха-ха!

— Идетъ, господинъ смотритель!

Былъ выпить еще стаканчикъ, и еще два стаканчика, и опять-таки еще.

— Я не красива, но я покладиста, — сказала Лидія.

Это было сказано такъ мягко и такъ мило, что, я думаю, ему должно было быть стыдно его грубыхъ шутокъ. Она сказала это, опустивши глаза, и при этомъ кинула на него взглядъ. — Ухъ! мнѣ казалось, что съ нимъ случится солнечный ударъ.

Надо вамъ знать, что Крюгеръ былъ похожъ, съ позволенія сказать, на Иуду, какъ его рисуютъ въ Библии. И клянусь, онъ не былъ созданъ для поцѣлуевъ.

Фу, чортъ! Мнѣ стало противно смотреть, какъ онъ, старый хрѣнъ, законный мужъ своей жены, разстился передъ нашей прислугой. Я былъ радъ, что первымъ долженъ былъ пойти на вахту и такимъ образомъ избавлялся отъ этого зрѣлища. Онъ велъ себя, какъ невоспитанный мальчишка, Крюгеръ-то. Грубо и распушено. Ну, а она? Я плюнулъ. Если она лучшаго не стоитъ, то она имѣла какъ разъ то, чего стоила.

Когда въ пять часовъ я освободился, Крюгеръ былъ красенъ, сверкалъ глазами и улыбался.

— Счастливой вахты! — сказалъ я и прибавилъ, что бы его позлить:

— Я спущусь внизъ и взгляну, что дѣлаетъ наша милая хозяйюшка.

— Она спитъ.

«И тебѣ не мѣшало бы поспать»,—подумалъ я.

А вслухъ я сказалъ:

— Я думаю, у нея найдется лишній стаканъ горячаго кофе въ первый день Новаго Года.

Я слышалъ, какъ онъ что-то проворчалъ въ бороду.

— Красивая дѣвка, — небрежно сказалъ я. — Красива и податлива.

Это ему за его богослуженіе!

Что кошка завелась у насъ въ домѣ, это я издалека пронюхалъ, а Крюгеръ не имѣлъ къ этому чутья.

— Хи-хи-хи! — смѣялась Лидія, когда я, дрожа, спустился внизъ.

Меня очень прохватило вѣтромъ, и подъ носомъ у меня было мокро отъ брызгъ и отъ пѣны.

— Ты чему смѣешься, дѣвка?

Она продолжала кудахтать и украдкой поглядывала на меня изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ.

Какъ я уже сказалъ, я такъ не привыченъ былъ къ обращенію съ женщинами, что... — ну, да что ужъ говорить!

— Смотритель! — смѣялась она. — Хи-хи-хи! Да, онъ сказалъ, что помощникъ непозволительно гнусно ведетъ себя съ женщинами. Онъ говоритъ, я должна быть на чеку. Никогда не слѣдуетъ быть спокойной. Но теперь онъ будетъ охранять меня. Такъ онъ сказалъ.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю, — отвѣчалъ я.

И меня такъ ударило въ голову, что я прямомъ рейсомъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ самую мордочку.

— Но, Эвенсенъ, послушайте! Вѣдь бракъ святъ. Эвенсенъ, пустите меня!

— Это Крюгеръ женатый человѣкъ, а не я.

— Но вѣдь ваша жена на небѣ и смотритъ на насъ. Пустите меня! Или я закричу!

Я сдѣлалъ такъ, какъ она просила. И разомъ надоѣла мнѣ эта дѣвка. Какое дѣло этой потаскушкѣ до моей жены?

— О, вѣдь здѣсь не можешь крикомъ, — хитро смѣялась она, когда я, повернувшись къ ней спиною, сталъ стаскивать съ себя промасленное платье. — Здѣсь вѣдь никого нѣтъ, кто бы услышалъ крикъ. Ни живой души. Ужъ буду я защищаться тѣмъ, что имѣю. — И она протянула впередъ руки, хотя никто ея и не трогалъ.

— Ты вѣчно смѣешься.

— А развѣ лучше плакать?

Когда я наѣлся, напился горячаго до сыта и до отвалу, я опять пришелъ въ хорошее расположеніе духа. Если жена моя была въ царствѣ небесномъ — а этого нельзя было отрицать — то мнѣ не для кого было сохранять вѣрность.

Вотъ какъ! Здорово придумано! Онъ, Крюгеръ, долженъ былъ защищать ее отъ меня? Можно-ли понять что-либо подобное? Хорошо, что я зналъ, по крайней мѣрѣ, чего ожидать онъ него.

— Смотритель ровно ничего не понимаетъ въ женщинахъ, — рѣшительно сказалъ я, набивая табакомъ трубку.

— Не понимаетъ?

У ней заискрились глаза и ротъ ея показался мнѣ такимъ милымъ, что мнѣ опять захотѣлось закрыть его поцѣлуемъ.

— Ну, Эвенсенъ, будьте пай-мальчикомъ!

— Будьте пай-мальчикомъ! — и съ этими словами я сѣлъ около нея... — Женщина! — произнесъ я и провелъ рукою по ея волосамъ.

Въ сердце ко мнѣ заползла змѣя подколотная и причиняла мнѣ боль. Сна у меня какъ не бывало. Я, правду вамъ сказать, только и дѣлалъ, что подзадоривалъ самъ себя противъ Крюгера. Вотъ онъ сидитъ теперь въ вахтенной комнатѣ и думаетъ. На здоровье! Хоть тутъ и пахнетъ кошкою въ каждомъ углу, онъ все-таки не можетъ уйти оттуда. Лампа требуетъ надсмотрщика. Да. Я лежалъ и прислушивался къ шуму моря, пока электрическій колокольчикъ не поднялъ меня съ перины.

Лидія дала мнѣ жестяную кастрюлю съ холоднымъ кофе, который мы разогрѣвали на спиртовкѣ въ вахтенной комнатѣ.

— Эвенсенъ, видѣли вы красивыя ноги?

— Нѣтъ.

— Но вы желали бы? Я это по вашимъ глазамъ вижу.

— Да.

— Когда вы будете постарше и сумѣете спокойно смотрѣть на нихъ, тогда получите разрѣшеніе. Хи-хи-хи!

И она, скорчивши гримасу, убѣжала и такъ хлопнула кухонной дверью, что замокъ зазвенѣлъ. Я слышалъ, какъ она за дверью ворчала:

— Фуй, Эвенсенъ, какой вы грѣхпроводникъ!

Да, да! Она было съ душкомъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ну, подумалъ я, весело же станеть у насъ на маякѣ.

Мнѣ стало жарко и голова ходуномъ заходила, но соленый воздухъ освѣжилъ меня... Да, занятно будетъ здѣсь!.. Я чуть не смѣялся, потому что мнѣ казалось, какъ будто я долженъ пойти и выпустить арестанта. Свирѣпо выглядѣлъ Крюгеръ, когда я пришелъ съ тѣмъ, чтобы смѣнить его.

— Она вовсе не спала, — дружески подмигнулъ я ему. — Ничего подобнаго. Она была мила и обходительна, какъ никогда.

Затѣмъ я удобно усѣлся на стулъ и сталъ черезъ глазокъ слѣдить за лампою.

— Я вовсе не желаю, чтобы вы волочились и дѣлали гадости съ моей прислугой. Вы должны это оставить, помощникъ Эвенсенъ.

Онъ произнесъ это глухимъ голосомъ, выходящимъ изъ погреба.

— Слѣдите лучше за собою, господинъ смотритель! — такъ же глухо отвѣтилъ я и продолжалъ дѣлать свое дѣло.

«Красивыя ноги!» — шумѣло у меня въ головѣ. — «Ха-ха-ха! Мы еще потягаемся изъ-за нея! Не я желалъ во что бы то ни стало дѣлать расходы по дому. У меня нѣтъ жены и щенковъ, о которыхъ надлежало заботиться».

Если Крюгеръ былъ раньше красенъ, то теперь, когда онъ круто повернулся ко мнѣ, мнѣ казалось, что кровь брызнетъ у него изъ лица.

— Если вы приблизитесь къ ней, — и онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, — вы будете имѣть дѣло со мною. Теперь вы знаете это. Она мнѣ все рассказала, все. Теперь, помощникъ Эвенсенъ, вы знаете, какъ вамъ слѣдуетъ себя вести.

— Лицемѣръ!

И я всталъ со стула.

— Лицемѣръ! — крикнулъ я еще разъ.

Я и Крюгеръ стояли и глазѣли на друга. По его лицу прошла судорога. Губы дрожали. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но у него не хватило голоса. Немного спустя, онъ пришелъ въ себя и вышелъ.

Но между нами далеко не все было кончено.

Съ этого дня я чувствовалъ пожаръ въ своей крови, своего рода, такъ сказать, травматическую лихорадку, которая лишала меня сна и разсудка. Лидія и Крюгеръ, Крюгеръ и Лидія!

Конечно, чортъ возьми, я хотѣлъ видѣть ея ноги!

Крюгеръ былъ сухой человѣкъ, бюрократъ. Дальше, чѣмъ изъ глазка, откуда онъ слѣдилъ за лампой, онъ ничего и не видалъ. Да и оттуда всего-то не видѣлъ. Онъ никогда не зналъ ничего другого, кромѣ обязанностей, обязанностей и еще обязанностей. Неприятный господинъ! Вотъ вамъ примѣръ. Прежній помощникъ — его фамилія была Рандвикъ — заснулъ однажды ночью у лампы. Я этого не защищаю. Далеко нѣтъ! Здѣсь на маякѣ нельзя сказать—кто спитъ, тотъ не грѣшитъ. Но дѣло въ томъ, что жена его была больна послѣ родовъ, и, въ часы, свободные отъ вахты, снѣ ухаживалъ за нею, какъ и подобаеть честному супругу. Вдругъ лицемѣръ нашъ очутился возлѣ него. «Лампа горитъ половиннымъ пламенемъ!»—Фу, ты чортъ, какъ гнусно произнесъ онъ это! — «Нѣтъ, нѣтъ!» — кричалъ Крюгеръ. — «Я самъ заступлю на вахту».

И вы думаете, что онъ не послалъ тутъ же съ мѣста въ карьеръ жалобу и не прогналъ его со службы? Такъ таки выгналъ его въ нищету. У него нѣтъ чувства состраданія. Лицемѣръ!

За мною въ первое время онъ тоже слѣдилъ и все вынюхивалъ. Но у меня комаръ носу не подточить. Громко заявляю здѣсь, что самымъ свинскимъ поступкомъ въ моей жизни было то, что я попросилъ мѣсто помощника послѣ покойнаго Мартына Рандвика. До этого я былъ кузнецомъ въ мастерской маяка, и былъ живой человѣкъ... А теперь я, за нѣсколько лишннхъ несчастныхъ кронъ въ годъ, рабъ на всю жизнь, съ астмой, подагрой и болью во всѣхъ членахъ тѣла въ придачу. Никогда не поступайте на службу на маякъ, если вы не желаете себѣ зла!

А когда наступило лѣто, и можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ на много миль далеко въ море — вы думаете, онъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на двѣ недѣли? Въ концѣ концовъ вѣдь заболѣваешь отъ моря и отъ неба, прямо таки заболѣваешь, и кажется, что если бы почувствовалъ землю подъ ногами, то какъ будто въ Царствіе

Небесное попалъ бы. Но нѣтъ! Тогда надо было чистить, скоблить, украшать... Онъ, видите ли, человѣкъ порядка, Крюгеръ-то! Обязанности и обязанности.

Я былъ вдовець, я! Это было больше, чѣмъ то, чѣмъ онъ хвалился. Нечего отрицать: я любилъ эту дѣвку. Для этого случая я могъ хоть завтра снять квартиру: немного денегъ у меня было отложено. Я долженъ былъ охранять ея добродѣтель. Не онъ. И я выказалъ ей это въ вахтенной камнатѣ, когда Крюгеръ спалъ.

— Не будьте такъ настойчивы, Эвенсенъ.

— Я вовсе не настойчивъ, но я честный, порядочный человѣкъ. И вотъ мое послѣднее слово на маякѣ «Лучъ»: берегись Крюгера, говорю я тебѣ!

— Я думаю, онъ съ ума спятилъ. Вы оба, кажется, спятили. Слышали-ли вы, что онъ носить съ собою револьверъ?

— Что онъ дѣлаеть?

— Онъ носить съ собою заряженный револьверъ. Теперь вы знаете это, Эвенсенъ. Если вы будете продолжать приставать ко мнѣ, это будетъ стоить вамъ жизни.

Что-то блеснуло въ ея взглядѣ. Опасно, чортъ возьми! Я вспомнилъ змѣя въ раю.

— И я имѣю револьверъ, — холодно-насмѣшливо улыбнулся я, и положилъ свой старый, добрый пятиствольникъ, который лежалъ всегда въ ящикѣ, на столъ. — Кланяйся ему отъ этой штуки.

Она вскочила ко мнѣ на колѣни и замурыкала, какъ нѣжная кошечка.

— Оказывается, ты страстный? Вотъ какъ! — и ущипнула меня подъ носомъ за мои жесткіе, щетинистые усы.

Слышали вы? Сейчасъ по рѣчи можно было замѣтить, что она получила тонкое воспитаніе. Страстный, — такъ и сказала.

— Можетъ быть, и такъ, — отвѣтилъ я глухимъ голосомъ, потому что сердце, правду сказать, колотилось въ лѣвой подмышечной впадинѣ. Было опять такъ, какъ будто я въ первый разъ въ жизни снюхиваюсь съ женщиною. Но... довольно сказано. Вы сами понимаете.

Я, видите ли, былъ въ свое время хорошимъ пиратомъ. Я былъ веселый парень, который не мало воды замутилъ. И можете вы себѣ представить, что я, на склонѣ дней своихъ, съ бухты-барахты чуть не совершилъ величайшей глупости въ своей жизни. Теперь слушайте дальше.

— Выйди за меня замужъ, — умолялъ я ее. — Ты и я! Только мы двое! Я вовсе не такой старый козелъ, какимъ кажусь. И мы всю жизнь будемъ любить другъ друга. Здѣсь,

или въ другомъ мѣстѣ. Какъ хочешь. Только выйди за меня!
Я, видите-ли, хотѣлъ и долженъ былъ обладать ею, хотя бы мнѣ пришлось заплатить за это спасеніемъ своей души.

Распутно блеснули у нея глаза.

— Уй, уй, уй! Смотритель!

Когда я услышалъ, что назвали это рыжебородое привидѣніе, онъ ясно представился моему воображенію.

— Пусть онъ бережется! — вскричалъ я. — Или я не отвѣчаю за себя...

И тутъ же я обрисовалъ его передъ нею, каковъ онъ есть. Бюрократъ!

— Выйди за меня, — продолжалъ я умолять ее и хотѣлъ опять притянуть ее къ себѣ на колѣни.

Но она приложила палецъ къ губамъ.

— Тс-съ!..

И въ самомъ дѣлѣ, мы оба услышали, какъ кто-то ходилъ внизу въ однихъ чулкахъ. Когда живешь на маякѣ, то слухъ очень обостряется.

— Онъ караулитъ меня день и ночь, — прошептала она. — Я не имѣю ни минуты покоя отъ него. Онъ застрѣлитъ меня, — пожаловалась она. — Ей-богу, застрѣлитъ. Вѣдь онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

Я видѣлъ, что она, бѣдняжка, боится за свою жизнь, но это, разумѣется, только дѣлало меня спокойнымъ и сильнымъ.

— Теперь, — торжественно заявилъ я, — ты моя невеста передъ Богомъ и людьми.

Послышался трескъ на желѣзной лѣстницѣ, и минуту спустя начальство стояло въ дверяхъ.

— Добрый вечеръ, — сказала я. — Развѣ господинъ смотритель гуляетъ?

Онъ подтянулъ верхнюю губу къ носу, какъ дѣлалъ это всегда, когда хотѣлъ выразить неудовольствіе.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Лидія? — строго спросилъ онъ и повелительно выдвинулъ подбородокъ впередъ.

— Вы меня должны спросить объ этомъ, господинъ смотритель, — весело отвѣчалъ я. — Она пришла сюда наверхъ, чтобы полюбезничать со своимъ женихомъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки, потому, что онъ выглядѣлъ такъ, какъ будто только что продалъ Господа своего, но денегъ не получилъ.

— Женихъ? — пробормоталъ онъ. — Смѣтаетъ вы надо мною? — прохрипѣлъ онъ въ ярости и качнулъ длинною ногою въ направленіи стула, на которомъ я сидѣлъ.

— Это именно я и дѣлаю. Я смѣюсь надъ вами.

Тутъ онъ поднялъ для удара сжатый кулакъ.

— Повтори еще разъ! Ты смѣешься надо мною, лисья шкура?

— Я смѣюсь, хохочу, до судорогъ, — отвѣчалъ я и вперилъ въ него пристальный взоръ.

У меня передъ глазами засверкало и затанцовало, какъ звѣзды передъ Господомъ. Извергъ этотъ угодили мнѣ въ високъ.

— Теперь посмотримъ, кто имѣетъ права на дѣвку: ты, или я! — прохрипѣлъ я и принялся его тузить.

Онъ, Крюгеръ-то, головою выше меня, но зато я плотнѣе. Мы шатались по полу въ тѣсной вахтенной комнатѣ. Ударялись о стѣны и опрокидывали спиною желѣзный хламъ въ углахъ. Все время онъ билъ меня кулакомъ по головѣ, между тѣмъ какъ я колотилъ его по желудку, да доставалъ его и въ лицо.

— Теперь мы увидимъ! Теперь мы увидимъ!

Вдругъ мы услышали издалека голосъ.

— Лампа гаснетъ! — кричала Лидія.

Тутъ мы выпустили другъ друга.

Отвратительно было смотрѣть на Крюгера. Глаза налиты кровью, и кровь же капала у него изъ носу. Никто изъ насъ не произнесъ ни слова. Мы стояли и съ трудомъ втягивали въ себя воздухъ.

— Иисусе, ахъ, Иисусе! Что за народъ — мужчины! — бормотала Лидія, складывая руки на груди. — Здѣсь-то, на черной, голой шхерѣ!

Я нагнулся и заглянулъ внизъ въ глазокъ. Никакой опасности! Лампа горѣла полнымъ, яснымъ пламенемъ.

— Хи-хи-хи! — восторгалась она. — Вотъ хорошо надула васъ обоихъ!

Онъ кинулъ на нее острый взглядъ. Затѣмъ вытеръ лѣвой рукой кровь съ лица и, стуча указательнымъ пальцемъ правой руки по доскѣ стола, сказалъ по-генеральски:

— Вы сію же минуту получаете отставку. — Онъ произнесъ это задыхаясь.

— Отставку не вы мнѣ даете, — холодно и сухо отвѣчалъ я. — Прежде мы оба должны подать рапортъ о случившемся.

Этого мнѣ не слѣдовало говорить, такъ какъ по части рапортовъ Крюгеръ былъ великій мастеръ. Онъ всегда посылалъ очень важные рапорта.

— Берегись! — вскричалъ онъ и вытащилъ револьверъ изъ кармана.

— Вотъ еще одинъ, — отвѣчалъ я, держа свой въ кулакѣ. — Хочешь понюхать пороху, Іуда?

— Лампа тухнетъ, — завизжала Лидія, но никто не обратилъ на нее вниманія.

Но въ слѣдующее мгновеніе наступила полная темнота. Она вскочила на деревянный табуретъ и задула лампу. Я стоялъ и слышалъ, какъ тикаютъ часы на стѣнѣ.

— Оставь этого подлеца одного съ его гнусными издѣвательствами, — сказалъ Крюгеръ.

Да, онъ сказалъ это. Но я думаю, послѣ у него было достаточно времени, чтобы раскаяться въ этомъ.

— Счастливаго пути! — закричалъ я ему вслѣдъ. — Вамъ обоимъ!

Дѣло въ томъ, что въ попыхахъ я все таки успѣлъ замѣтить, какъ она подмигнула ему однимъ глазомъ раньше, чѣмъ потушила лампу. Мало кто знаетъ объ этомъ, но на маякахъ, вдоль Норвежскихъ береговъ, не разъ случались побоища. Если посадить тамъ мужчину и женщину, то вовсе не нужно, чтобы она была очень красива, или хотя бы млада: если они одни на пустынномъ островкѣ, то непременно разовьется любовь. Но если мужчинъ двое, возникаетъ взаимная ненависть.

Въ одиннадцать часовъ я долженъ былъ быть смѣненъ; но Крюгеръ не приходилъ. «Не случилось-ли съ нимъ чего?— думалъ я.— А можетъ быть, онъ пишетъ рапортъ?»— Не отрицаю, что мнѣ страшно было писать рапортъ, такъ какъ я не владѣлъ бойко перомъ. Я продолжалъ ударять въ колоколь. Но никакого не было дѣйствія!

Нельзя убѣжать отъ лампы, и такимъ образомъ я, съ Божьей помощью, долженъ былъ просидѣть собачью вахту. Фу, чортъ, что была за погода! И дуло, и градъ стучалъ, и снѣгъ шелъ. Въ три часа я опять сталъ звонить. Я былъ голоденъ. И золь, какъ оно и понятно. Скоро была моя очередь писать рапортъ. И я далъ себѣ слово, что рапортъ мой будетъ такъ составленъ, что окажетъ дѣйствіе. Отнынѣ я зналъ, что я могъ бы...

Должно быть, съ нимъ что нибудь случилось, съ Крюгеромъ... Проклятыя бабы! Онѣ причиняютъ зло, всюду куда являються. Мысли мои перекрещивались, какъ дорожки въ лѣсу. Но выхода я не находилъ.

Къ утру погода стала еще ужаснѣе, и прежде всего мнѣ нужно было пробраться на галлерейку и счистить снѣгъ со стеколь. Это—собачій трудъ, и да будетъ стыдно маячному вѣдомству, что оно не подумало о перилахъ. Но нашъ братъ не имѣетъ права требовать слишкомъ многого. Надо ми-

рится съ тѣмъ, что есть. И такъ, я долженъ былъ подняться наверхъ. Если снѣгъ мягокъ, то онъ крѣпко пристае къ стеклу и скрадываетъ свѣтъ лампы, который, по правиламъ, долженъ быть видѣнъ съ моря за семь норвежскихъ миль.

А теперь послушайте, какое я имѣлъ приключение. Я ступилъ пару шаговъ по ступенькамъ и положилъ лѣвую руку на край зеркальнаго окна, а правою рукою, какъ всегда это дѣлалъ, приподнялъ крышу галлерейки, чтобы подняться туда. Какъ вдругъ я замѣтилъ четыре кривыхъ когтя. Вы слышите? Ко мнѣ протягивались въ эту страшную дикую ночь четыре растопыренныхъ дьявольскихъ когтя!

Понятно, это была моя собственная рука, вдвойнѣ отражавшаяся въ стеклѣ. Я это понялъ, какъ только осторожно притянулъ ее къ себѣ. Но удивительно то, какъ я не скатился внизъ съ галлерейки, когда, съ тряпкою въ рукѣ, я покачнулся при этомъ звѣрскомъ вѣтрѣ. Колѣни у меня дрожали, это легко могло случиться.

Старый Эвенсенъ стоялъ въ вахтенномъ помѣщеніи и держалъ рѣчь Господу Богу. Лучшую рѣчь въ его жизни. Клянусь. Теперь всему этому долженъ быть положенъ конецъ, клянусь! Надо прекратить все это безобразіе, покоть, грѣхъ и чертовщину на маякѣ «Лучъ». И Крюгеръ скоро долженъ будетъ подтвердить это. Искаріотъ! И возлюбленная его вмѣстѣ съ нимъ.

И какъ только разсвѣло, я поднялъ флагъ о помощи.

Какъ кровавый лоскутъ трепеталъ онъ на вершинѣ башни, а я стоялъ на вѣтру, высунувъ голову изъ люка и слушалъ, какъ завывалъ вѣтеръ. Это звучало такъ радостно.

Черезъ полчаса подошла моторная лодка. Я погасилъ лампу, хотя было еще рановато, если по уставу, и рысцой пробѣжалъ мимо кладовой съ масломъ къ пристани.

— Заболѣлъ кто?

— Нѣтъ, у насъ дьяволъ, — отвѣчалъ я. — Подождите немного.

И я направился прямо въ комнатушку Лидіи, по прозвищу Фино.

Никого! Тогда — къ Крюгеру. Дверь была заперта, но я раскрылъ ее ударомъ ноги. И тутъ... гм, гм... да проститъ Господь имъ обоимъ... она лежала съ нимъ въ кровати!

Все было какъ разъ такъ, какъ я представлялъ себѣ.

Они взглянули на меня... Да, вы, конечно, можете понять, что Крюгеръ совсѣмъ взбѣленился. Упрямства въ немъ, понятнo, было достаточно. А эта дѣвчонка, знаете-ли, веревки изъ него вила. Но все равно! Если бы я былъ на его мѣстѣ, ей Богу, я бы умнѣ вель себя. Но какъ себѣ постелешь, такъ и будешь спать.

— Ты должна уѣхать, — спокойно сказалъ я.

Должно быть, я выглядѣлъ такъ, какъ желалъ, потому что она испугалась.

— Ахъ, нѣтъ, милый Эвенсенъ!

— Что вамъ здѣсь нужно? — спросилъ Крюгеръ, приподымаясь въ постели.

Но командирскій тонъ не удался ему. Въ перинахъ онъ не имѣлъ такого внушительнаго вида, какъ наверху, въ вахтенной комнатѣ. Кое-чего не хватало, да.

— Здѣсь нѣтъ милаго Эвенсена. Сію минуту подымайся, дѣвка!

— Чего вы хотите? — спросилъ онъ.

— Я хочу помочь вамъ начать лучшую жизнь, Гансъ Гольтерманнъ Крюгеръ. Помните, какъ вы сказали: если вы приблизитесь къ ней, то будете имѣть дѣло со мною. Теперь вы знаете, какъ вамъ слѣдуетъ вести себя.

— Вонъ! Сію же минуту!

Я, уперши руки въ бока, стоялъ посреди комнаты и взглядомъ измѣрялъ милую чету. Специально для того, чтобы позабавиться, понятно. Да, онъ мило выглядѣлъ! Безобразный и избитый. А она? Чортъ возьми, она тоже была неавантажна въ постели.

— Кто долженъ уйти съ маяка: я, или она? — весело подмигнулъ я ему.

Онъ повернулся къ стѣнѣ и зарычалъ, какъ рычитъ раненый медвѣдь въ берлогѣ.

Бѣдняга!

Я повернулся спиною къ Лидіи, такъ какъ она принялась одѣваться. Море сплошь было покрыто бѣлыми гребешками.

— Свѣжая погода! — утѣшалъ я ее. — Тебѣ положительно везетъ. Сюда ты приѣхала съ восточнымъ вѣтромъ, а уѣдешь съ западнымъ. Какъ будто нарочно для тебя это устроилось.

И она должна была уѣхать, эта вѣдьма, какъ она ни просила, что бы остаться.

Много есть породъ кошекъ, знаете-ли! Есть дикія и ласковыя кошки. Эта была изъ настоящихъ. Одна изъ тѣхъ, которыя никого не оставляютъ въ покоѣ. Да, да! Хоть бы онѣ обожгли себѣ морду на горячей кашѣ... Все равно! Онѣ не могутъ...

Мы съ Крюгеромъ должны были еще уладить наши отношенія. Но о чемъ мы говорили и на чемъ мы порѣшили— это никого не касается. Я взывалъ, насколько могъ, къ его совѣсти. Напомнилъ ему, что онъ — женатый человекъ, отецъ невинныхъ малютокъ. А когда я, въ концѣ концовъ,

разсказалъ ему о когтяхъ дьявола, то онъ разрыдался. Вѣдь Крюгеръ, какъ раньше сказано было, былъ благочестивый христіанинъ, и тутъ нечего было возражать.

Я знавалъ одного субъекта, пятидесяти семи лѣтъ, безнадѣжнаго пьяницу. И кромѣ того, съ нимъ два раза былъ ударъ. Такъ вотъ онъ сказалъ послѣ одной сверхъестественной попойки, въ которой я тоже принималъ участие и которая намъ наскучила: «Вѣдь можно еще начать жизнь сначала!» Вотъ, что онъ сказалъ. «Потому что никогда не бываетъ слишкомъ поздно». «Соберитесь съ духомъ и начните сначала», посовѣтовалъ я ему.

Тяжело, когда человѣку приходится измѣнить характеръ въ одно мгновеніе! Жалко становилось глядѣть на Крюгера — по цѣлымъ днямъ ходилъ онъ на цыпочкахъ и улыбался. Онъ, который раньше такъ высоко мнилъ о себѣ!

Онъ сталъ искать себѣ другое мѣсто, а я, старый, честный Эвенсенъ, унаслѣдовалъ его должность.

Спасибо ему, потому что онъ аттестовалъ меня наилучшимъ образомъ въ своемъ рапортѣ.

Недавно я слышалъ, что онъ и жена его опять сошлись.

Съ бабами, видите-ли, происходитъ то же, самое, что и со старыми, обкуреными трубками: чѣмъ больше привыкаешь къ ней, тѣмъ вамъ труднѣе обойтись безъ нея.

Вотъ вамъ правдивый разсказъ о томъ, почему на маякѣ «Лучъ» былъ поднятъ флагъ о помощи.

Перевела съ норвежскаго

Э. Л. Вейнбаумъ.

I.

*Воздухъ тепель, вѣтеръ ласковъ,—
Мягко, мягко вѣетъ онъ.
Горькимъ запахомъ березы
Частый дождикъ напоенъ.*

*Ужъ въ сквозныхъ пушистыхъ чащахъ
Слышны птичьи тропари,
И кукушки грустно стонутъ
Отъ зари и до зари.*

II.

*Сладко вскинуть котомку на плечи
И пойти по зеленымъ лѣсамъ,
По путямъ незнакомымъ далече,
Откликааяся птицъ голосамъ.*

*Заглядѣться на тихія рѣки,
На поля передъ вешней грозой,
И случайно плѣниться навѣки
Несказанной дѣвичьей красой.*

*Засыпать въ медуницъ и мятвѣ,
Слыша крики печальные совѣ...
Ой, земля—моя милая мати,
Заряница да шопотъ лѣсовъ!*

Д. Семеновскій.

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ, МИРНЫЕ И ВОЕННЫЕ.

(Продолженіе). *

Еще за нѣсколько лѣтъ до войны міровой рынокъ былъ территориально распредѣленъ между капиталистическими націями. Послѣднимъ сколько-нибудь серьезнымъ кускомъ, пригоднымъ для захвата, было Марокко; оно досталось Франціи. Въ Китаѣ, Персіи, Турціи ясно разграничились,—а частью и формально были разграничены дипломатіей,—«сферы вліянія», т.-е. области привилегированной эксплоатаціи для того или иного національнаго капитала. Всякая попытка перейти границы этихъ сферъ вызывала противодѣйствія; на приблизительномъ равенствѣ противоположныхъ усилій осногывалось равновѣсіе; при этомъ силы давленія, разумѣется, возрастали. Равновѣсіе становилось соотвѣтственно менѣе устойчивымъ.

Ко времени войны три капиталистическихъ гиганта—Англія, Германія, Соед. Штаты—сосредоточили въ своихъ рукахъ свыше половины международнаго торговаго оборота. Какъ извѣстно, ходъ ихъ развитія былъ неодинаковъ по своему темпу: Англія, нѣкогда единственная властительница мірового рынка, шла медленнѣе; Соед. Штаты и Германія догоняли, а частью перегоняли ее. Въ 1913 году первое мѣсто по общей суммѣ оборота (вывозъ и ввозъ) принадлежало все еще Англіи; второе—Германіи; третье—Соед. Штатамъ.

Но доля *власти* національнаго капитала надъ міровымъ рынкомъ выражается всего точнѣе въ цифрахъ доступнаго ему сбыта, т.-е., въ величинѣ вывоза: расширеніе сбыта—основная цѣль завоевательной борьбы капитала, въ мирной конкуренціи, какъ и въ военныхъ столкновеніяхъ; вывозъ есть рыночная реализація *своего*, ввозъ—*чужого* производства. Въ 1913 году размѣры вывоза всѣхъ трехъ странъ были *почти равны*:

Англія—525 милліоновъ ф. стерл.

Германія—10,100 милліоновъ марокъ, т.-е. около 503 милл. ф. стерл.

Соед. Штаты—2.500 милл. долларсвъ, т.-е. около 507 милл. ф. стерл.

Иной характеръ имѣютъ пиффы ввоза, которыя ближайшимъ образомъ выражаютъ *зависимость* страны отъ мірового рынка

* См. «Лѣтопись» №№ 3, 4 за 1916 г.
Лѣтопись. Май 1916.

въ своемъ производствѣ и потребленіи. Онѣ за 1913 г. были таковы:

Англія—775 милл. ф. стерл.

Германія около 540 милл. ф. стер.

Соед. Штаты около 345 милл. ф. стерл.

Въ наименьшей зависимости отъ мірового рынка Соед. Штаты, въ наибольшей—Англія. Это—зависимость отъ земледѣлія цѣлаго ряда другихъ странъ, изъ которыхъ она ввозитъ хлѣбъ, отъ хлопкового производства Америки, химической промышленности Германіи и т. д., и т. д. Если бы Англія была настолько отрѣзана войною отъ своихъ поставщиковъ, какъ это пришлось испытать Германіи, то англійскій капиталъ выдержалъ бы весьма недолго.

Развитіе международнаго рынка за послѣднія десятилѣтія шло вообще стремительно. Если Германія за 20 лѣтъ, считая до послѣдняго мирнаго года, увеличила свой вывозъ въ 3,3 раза, а Соед. Штаты въ 2,8 раза, то и отстававшая отъ нихъ Англія увеличила его въ цѣлыхъ 2,3 раза. Могло ли дѣло еще долго итти дальше такимъ темпомъ?

Тутъ надо принять въ расчетъ исторію послѣднихъ мирныхъ кризисовъ. По изложеннымъ нами раньше основаніямъ, европейскій кризисъ 1900 г. и американскій 1907 г. приходится признать раздѣленными во времени половинами одного всеобщаго кризиса, соотвѣтствующаго кризису 1873—1878 гг. Слѣдовательно, продолжительность промышленнаго цикла между ними составляетъ около 28 лѣтъ; предшествующій же этому циклъ былъ 16 лѣтъ. Какова должна была оказаться продолжительность слѣдующаго цикла, того, ходъ котораго нарушенъ міровой войною?

Объ этомъ можно судить, приблизительно взвѣсивши основныя *замедляющія* и *ускоряющія* условія, отъ которыхъ она зависитъ. Изъ замедляющихъ главное, какъ мы видѣли, это ростъ самого капиталистическаго міра—выступленіе новыхъ странъ на путь капитализма; и затѣмъ дифференціація предпріятій, удлиняющая ихъ цѣпную связь, линію, по которой распространяется нарастающее перепроизводство. Основныя же ускоряющія—развитіе путей сообщенія, транспорта, сношеній, а также интеграція предпріятій, собираніе разныхъ звеньевъ цѣпной связи во-едино. Какія изъ этихъ условій были сильнѣе выражены за разсматриваемый періодъ?

Сколько-нибудь значительнаго расширенія капиталистическаго міра, расширенія, сравнимаго съ тѣмъ, какое происходило въ предыдущемъ циклѣ, тутъ констатировать не приходится. Правда, страны Востока продолжали развивать свой, частично совершившійся уже раньше, переходъ къ системѣ капитализма; и если бы онѣ шли по этому пути такъ же энергично и свободно,

какъ, положимъ, Германія и Австрія пять-шесть десятилѣтій тому назадъ, то получилось бы относительно большое увеличение мірового капиталистическаго механизма. Но какъ разъ крупнѣйшія изъ этихъ странъ—Россія, Китай, Турція—испытывали въ 900-хъ годахъ задержку развитія, главнымъ образомъ, благодаря внутреннимъ организаціоннымъ условіямъ; одна Японія смогла усвоить западный темпъ движенія,—страна несравненно менѣе богатая человѣческими и природными ресурсами. Слѣдовательно, главная замедляющая тенденція не могла быть сильно выражена за это время.

Напротивъ, главная ускоряющая прогрессировала значительно. Ростъ желѣзныхъ дорогъ и морского транспорта совершался съ огромной быстротой, далеко превосходящей быстроту въ предыдущемъ циклѣ; стоитъ вспомнить хотя бы сказочное развитіе германскаго торговаго флота, и желѣзнодорожные пути, прорѣзавшіе самыя обширныя территоріи Азіи, Африки, Канады, Южн. Америки. Народился автомобильный транспортъ. Увеличилась скорость почтовыхъ сношеній—важный моментъ изъ числа опредѣляющихъ скорость капиталистическаго обращенія вообще; телеграфъ въ его старой формѣ продолжалъ развертывать свою сѣть, а въ видѣ беспроводнаго проникъ повсюду, охвативъ одинаково поверхность суши и океана.

Что касается соотношенія дифференціаціи и интеграціи предпріятій, то и здѣсь—неревѣсь за послѣднее время, несомнѣнно, былъ на сторонѣ ускоряющаго фактора. Многія гигантски-разросшіяся предпріятія, особенно трэсты, усиленно развивали ее, какъ средство уменьшить зависимость отъ рынка, отъ предпріятій-поставщиковъ. А финансовый капиталъ осуществлялъ ее, въ менѣе законченной формѣ, но зато въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, связывая подъ контролемъ банковыхъ картелей многочисленныя и разнообразныя группы предпріятій.

Въ общемъ, слѣдовательно, промышленный циклъ долженъ былъ сократиться;—и хотя трудно было бы даже приблизительно опредѣлить размѣръ этого сокращенія, все-же очевидно, что при обычномъ ходѣ вещей очередной «мирный» кризисъ въ 1914 году былъ уже не за горами. Долго итти такъ стремительно, какъ до тѣхъ поръ, расширеніе производства и мірового, а въ частности междунагоднаго рынка уже не могло. Если этого рынка еще и хватало для передовыхъ странъ, то дѣлать на немъ новыя и новыя завоеванія становилось все труднѣе, «продвигаться впередъ» съ каждымъ шагомъ удавалось лишь цѣною все большихъ усилій. И недаромъ въ той же экономически-побѣдоносной Германіи чаще и чаще повторялись, громче и громче звучали рѣчи о «мѣстѣ подъ солнцемъ»: отнюдь не одна имперіалистическая жадность придавала имъ настойчивую силу. Германскій капиталъ шелъ пока впередъ, но съ возрастающимъ сопротивленіемъ; и

близко впереди вырисовывалась уже стѣна, которая должна была остановить это движеніе.

Капиталу другихъ странъ итти впередъ было еще труднѣе; а стоять на мѣстѣ въ капиталистическомъ мірѣ нельзя; и даже двигаться медленнѣе другихъ значитъ—приближаться къ поражению. Въ ухудшающейся обстановкѣ выступаетъ необходимость закрѣпить противъ внѣшнихъ экономическихъ враговъ хотя бы внутренній рынокъ. И вотъ, всюду растутъ и усиливаются протекціонистскія тенденціи; въ самой Англій намѣчается неизбежность перехода къ покровительственной системѣ; о другихъ странахъ и говорить нечего.

Въ этихъ тенденціяхъ всего яснѣе выражаются возрастающія экономическія силы давленія. Естественно, что наиболѣе быстрый завоевательный прогрессъ Германіи въ наибольшей мѣрѣ порождаетъ ихъ, вокругъ себя и противъ себя. Переходъ Англій къ протекціонизму означалъ бы страшный ударъ для германскаго капитала: Англій поглощала до сихъ поръ не менѣе седьмой доли германскаго вывоза. Другой подобный ударъ надвигался со стороны Россіи: это былъ предстоявшій пересмотръ таможеннаго договора, пересмотръ, какъ было несомнѣнно, въ сторону невыгодную для Германіи, отъ которой, такимъ образомъ, стремилась эмансипироваться одна изъ ея лучшихъ экономическихъ колоній. Аналогичныя ухудшенія, въ меньшемъ масштабѣ, предстояли и съ другихъ сторонъ, увеличивая общую неблагоприятную сумму. Препраждающая побѣдоносный путь стѣпа принимала реальныя очертанія.

Надо помнить, что та же стѣна должна была преградить дорогу и прочимъ національнымъ капиталамъ. Если силы экономическаго давленія концентрировались особенно противъ Германіи, то именно благодаря тому, что она занимала передовую позицію; зато, вѣдь, и выдержать ихъ она могла въ большемъ размѣрѣ. А протекціонизмъ для другихъ странъ отнюдь не могъ принести спасенія. Напротивъ, онъ долженъ былъ не улучшить, а ухудшить и обострить положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть посредствомъ таможенныхъ тарифовъ удастся уменьшить вывозъ, положимъ, Германіи. Тогда и ввозъ въ нее долженъ немедленно или вскорѣ сократиться, потому что покупательная способность ея соотвѣтственно уменьшится. Если даже это сокращеніе коснется не тѣхъ странъ, которыя приняли протекціонистскія мѣры противъ Германіи, а другихъ, то все же размѣръ *мирового* рынка станетъ меньше, и скорѣе дойдетъ до предѣльнаго заполнения, а затѣмъ до общей катастрофы. При томъ, сокращеніе рынка всегда идетъ дальше первоначально поставленной тарифами цѣли, потому что въ международной торговлѣ—та же цѣльная связь: однѣ страны вывозятъ въ другія, другія въ третьи, а третьи опять въ первыя, и т. д.

Въ сущности, и безъ этихъ соображеній, а priori должно быть понятно, что протекционизмъ увеличиваетъ, а не уменьшаетъ сумму силъ давленія. Онъ *разрываетъ* часть экономическихъ связей между странами,—въ томъ и состоитъ его задача; слѣдовательно, онъ *ослабляетъ силы связи*, противостоящія силамъ давленія. Какъ средство борьбы противъ возрастающей тяжести мировой конкуренціи, протекционизмъ можетъ служить образцомъ стихійно-непланомѣрнаго характера методовъ капитала въ его мировыхъ соотношеніяхъ.

Для насъ же, въ данномъ случаѣ, общій ростъ протекционистскихъ тенденцій, даже въ экономически-сильнѣйшихъ странахъ, важенъ, какъ показатель быстрого развитія силъ давленія на международномъ рынкѣ,—давленія, достигшаго такой величины, что оно приближалось къ побѣдѣ надъ силами связи, къ разрыву самыхъ связей.

* * *

Въ зависимости отъ экономическихъ силъ давленія, должны были расти ихъ производныя—силы милитаристическія, присоединяясь къ нимъ и дѣйствуя въ ту же сторону. — Врядъ ли кто-нибудь станетъ отрицать, что это и наблюдалось передъ войною.

Если Германія въ наибольшей мѣрѣ концентрировала, въ себѣ и вокругъ себя, экономическія силы давленія, то вполне естественно, что она же концентрировала, въ себѣ и —противъ себя, силы милитаристическія. Произошло это не вслѣдствіе какихъ-либо особенностей «германской культуры», весьма различной по своему направленію въ различныхъ классахъ германскаго народа, а просто вслѣдствіе того, что капиталистическое развитіе Германіи шло за это время наиболѣе энергично. Если бы не она, а другая страна стояла во главѣ экономическаго движенія среди такой же напряженной конкуренціи, то эта другая страна и оказалась бы инициаторомъ и вождемъ мирового милитаризма.

Англія, по темпу развитія уступавшая Германіи за это время, все-же создала военный флотъ въ безпримѣрномъ масштабѣ, и только благодаря островному положенію избѣгала столь же бѣшенной гонки въ сухопутныхъ вооруженіяхъ. А Соед. Штаты только благодаря указанному нами раньше географическому двоецентрию капитализма болѣе или менѣе спасались какъ отъ экономическихъ, такъ и отъ милитаристическихъ силъ давленія Стараго Свѣта, развитію которыхъ, однако, и сами содѣйствовали, удерживая за собою изрядную долю рынковъ.

Кстати, пора покончить съ одной изъ старыхъ формулъ, столь же простой и убѣдительною, сколь дѣтски-наивною, которая гласитъ: «Завоеваніе Эльзасъ-Лотарингіи поставило Европу подъ ружье». Тутъ на мѣсто *причины* явленія ставится *поводъ*,

и то не единственный; кромѣ него было потомъ,—да и раньше,—сколько угодно другихъ.

Безъ сомнѣнія, захватъ Эльзась-Лотаринги, вмѣстѣ съ пятью миллиардами контрибуціи, не мало помогъ тому, что именно Германія, а не другая страна, стала во главѣ движенія европейскаго капитала вообще, а въ томъ числѣ и во главѣ его милитаристическаго развитія. Но и только. Если бы упомянутая формула была вѣрна, то главнымъ инициаторомъ вооруженій за истекшій періодъ была бы пострадавшая отъ захвата Франція. Въ дѣйствительности же она все время только слѣдовала на этомъ пути за Германіей, да и то поневолѣ отставая отъ нея, благодаря меньшему количеству людей и техническихъ средствъ.

Въ этомъ отношеніи особенно характерна исторія проведеннаго года за два до войны во Франціи закона о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы. Законъ этотъ былъ далеко не желателенъ господствующей партіи: двухгодичная служба была одной изъ наиболѣе популярныхъ реформъ, проведенныхъ самими же радикалами, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ завоеваній, какія они могли поставить себѣ въ активъ передъ избирателями; возвращеніе къ трехлѣтней службѣ политически было до крайности выгодно реакціонерамъ. И, однако, радикальное правительство принуждено было своими руками разрушать прежнее дѣло своей партіи, проводя этотъ законъ.

Между тѣмъ, онъ не только возбудилъ тогда широкое недовольство среди массъ населенія, и даже въ самой арміи, но кромѣ того породилъ массу техническихъ и организаціонныхъ затрудненій. Къ двумъ человѣкамъ легко прибавить третьяго; но увеличить сразу въ той же пропорціи кадры миллионной арміи—дѣло неизмѣримо болѣе трудное, и неизбежно, хотя бы при наилучшемъ выполненіи, соединенное съ временной дезорганизаціей всего аппарата. Обнаружилась недостаточность помѣщеній и снабженія; ухудшились гигиеническія условія, такъ что за первый годъ дѣйствія закона рѣзко повысилась заболѣваемость: ухудшилось настроеніе солдатъ, и были мѣстами вспышки; потребовалось значительное перераспределеніе кадровъ, перемѣщенія состава и т. д., нарушавшія нормальный ходъ дѣлъ. Все это сыграло свою роль въ той сравнительной неподготовленности французской арміи, какая проявилась въ началѣ войны. Если бы не было огромнаго давленія милитаристическихъ силъ извнѣ, никакое республиканское правительство не рѣшилось бы на такой рискованный экспериментъ, какъ полуторное увеличеніе въ мирное время, гигантскаго организаціоннаго механизма *.

* Тутъ выступаетъ очень простая, и въ то же время универсальная, организаціонная закономерность. Всякій ростъ, всякое расширение организованной системы сопровождается нѣкоторой частичной дезорганизаціей, потому что новые элементы не могутъ абсолютно гармонично, безъ «трений»,

О томъ, какой высокой интенсивности достигло передъ войной давленіе милитаристическихъ силъ въ Германіи, свидѣтельствуесть цѣлый рядъ культурныхъ явленій, общеизвѣстныхъ уже тогда, теперь же усиленно изучаемыхъ и обличаемыхъ какъ нашу, такъ и союзною прессой. Это именно то, что называютъ «духомъ прусскаго милитаризма»: возрастаніе роли военнаго элемента въ общественной жизни; распространеніе свойственныхъ ему способовъ мышленія, авторитарныхъ и націоналистическихъ, настроеній, патріотически-высокомѣрныхъ и агрессивныхъ; а въ зависимости отъ всего этого и нѣкоторое огрубѣніе нравовъ. Все это, дѣйствительно, наблюдалось, но главнымъ образомъ среди высшихъ классовъ—аграріевъ, буржуазіи; а кромѣ нихъ—среди примыкающихъ къ буржуазіи слоевъ интеллигенціи, да идущихъ за аграріями слоевъ крестьянства. Со стороны же рабочихъ низовъ и большей части демократіи все время наблюдалось противодѣйствіе этимъ тенденціямъ, рѣзкая ихъ критика и обличеніе. Разумѣется, болѣе сильной и организованной стороной являлись классы руководящія, такъ что вопреки противодѣйствію «духъ милитаризма» дѣлалъ завоеванія.

Аналогичную картину представляли, однако, и другія страны. Насколько мало значенія тутъ имѣють чисто національныя основы, видно изъ того, что особенно ярко тѣ же бытовыя черты выступали во Франціи,—частью даже, благодаря болѣе живому, увлекающемуся темпераменту націи, выступали рѣзче, рельефнѣе. Привилегированное положеніе и исключительное вліяніе военнаго элемента, которое нѣсколько ослабѣло въ первые годы власти радикаловъ, послѣ дѣла Дрейфуса,—за послѣдніе годы передъ войною возрасло вновь, едва ли не больше прежняго; преклоненіе передъ арміей стало обязательнымъ условіемъ политическаго успѣха; критика по отношенію къ ней сдѣлалась величайшимъ преступленіемъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Въ самой арміи нѣкоторыя проведенныя передъ тѣмъ реформы, смягчавшія авторитарную дисциплину, были отмѣнены. Среди прессы получили рѣшительное преобладаніе газеты шовини-

присоединиться къ прежнимъ. При одинаковомъ типѣ организаціи, и при равныхъ прочихъ условіяхъ, это частичное разстройство достигаетъ тѣмъ большей степени, чѣмъ больше сама система, которая испытываетъ увеличеніе. По отношенію къ человѣческимъ группировкамъ каждый организаторъ, обладающій достаточнымъ опытомъ, хорошо знаетъ это. Но та же закономерность примѣнима и къ какимъ угодно организованнымъ сочетаніямъ элементовъ, даже въ такъ называемой «неорганической» природѣ. Если, напр., взять составной магнитъ, образованный изъ двухъ полосокъ, и увеличить его присоединеніемъ такой же третьей, то сила его всегда увеличится не въ полтора раза, а меньше; и при этомъ для большого магнита потеря магнитной силы представитъ болѣе значительную ея долю, чѣмъ для маленькаго; а эта потеря и выражаетъ степень взаимной дезорганизаціи магнитныхъ активностей.

стического направленія и бульварнаго содержанія. Распростра- нялись и увлекали широкую публику грубые виды спорта, на- чиная съ бокса и кончая такими жестокими забавами, противъ которыхъ приходилось ополчаться даже бульварнымъ газетамъ. Массы публики, безъ различія пола, возраста и состоянія, сбѣ- гались, какъ на праздникъ, смотрѣть на кровавую послѣднюю борьбу какихъ-нибудь окруженныхъ и разстрѣливаемыхъ по лицей бандитовъ. Давленіе общества и прессы заставило прези- дента республики возстановить смертную казнь, прекратить введенныя имъ въ обычай помилованія. Во всемъ этомъ про- являлся, конечно, ростъ милитаристическихъ силъ давленія, предвѣстникъ грознаго кризиса.

Въ меньшихъ размѣрахъ, подобныя измѣненія обществен- ной атмосферы наблюдались и среди другихъ передовыхъ націй, также приближая ихъ нравы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, къ правамъ странъ не-передовыхъ. Повсюду разстилалась и сгуща- лась эта тѣнь грядущихъ страшныхъ событій—теперь пережи- ваемыхъ нами.

Вопросъ о *виновникѣ* міровой войны для насъ теперь ясенъ. Это—организационная стихійность капиталистической системы. Вопросъ же о томъ, кто *началъ* войну, въ такомъ случаѣ, пред- ставляется второстепеннымъ; онъ имѣетъ такое же значеніе, какъ вопросъ, о томъ, съ какой отрасли производства начался промышленный кризисъ, или, пожалуй, даже о томъ, какая биржа подала сигналъ къ общему краху цѣнностей. Однако, подобные вопросы нельзя, конечно, игнорировать съ научно- практической точки зрѣнія. И тутъ мы наталкиваемся на новое подтвержденіе нашей основной мысли.

Дипломатическая исторія переговоровъ, приведшихъ къ войнѣ, разумѣется, не можетъ быть для насъ руководителемъ въ данномъ случаѣ, и не только потому, что она еще мало выясне- на, но также и потому, что въ ней воплнѣ установленные факты, воплнѣ точные документы, истолковываются различно. Но есть одинъ критерій, очень простой и, какъ мнѣ кажется, воплнѣ надежный.

Начинаетъ войну какая-нибудь *государственная организація*, которая есть система *планомернаго дѣйствія*. При огромномъ развитіи освѣдомительнаго аппарата главныхъ воюющихъ странъ, мы можемъ съ полной увѣренностью допустить, что, за исключе- ніемъ какихъ-нибудь 42-сантиметровыхъ деталей, каждая сто- рона была въ достаточной степени освѣдомлена о состояніи ми- литаристическаго аппарата другой стороны. Поэтому, если ока- зывается, что одна изъ нихъ *подготовлена гораздо больше* другой, то, безъ риска ошибиться, мы можемъ принять, что именно первая и начала войну. Ясно, что въ такомъ положеніи находилась Гер- манія. Слѣдовательно, она—непосредственный инициаторъ войны.

Но это рѣшеніе заключаетъ въ себѣ глубокой экономической парадоксъ. Какъ совершенно правильно указывалось въ нашемъ журналѣ *, война *была нужна* не Германіи. Она всюду побѣждала мирнымъ путемъ, и казалось бы, ей не было никакой надобности подвергать свои мирныя завоеванія военному риску. Напротивъ, для другой стороны естественной была бы попытка вернуть утерянныя экономическія позиціи силою «бронированнаго кулака». И, однако, война началась тогда, когда не только кулакъ былъ вообще слабѣе забронированъ у этой стороны, но когда еще, въ частности, Франція съ ея наибольшей среди союзниковъ сухопутно-боевой силою, не оправилась отъ технически-организационнаго кризиса арміи, вызваннаго стремительнымъ возвращеніемъ къ трехгодичной службѣ.

Но дѣло именно въ томъ, что, разсуждая съ точки зрѣнія планомѣрности, телеологии, мы тутъ никакъ не рѣшимъ вопроса. Германіи война была *непосредственно не нужна*, а союзникамъ начинать ее было еще *невыгодно*. Выводъ, пожалуй, возможенъ такой, что *если бы* ее начали союзники, то они сдѣлали бы это позже, а не тогда, когда это случилось: они предпочли бы начать ее подготовившись. Наивно недооцѣнить противника, какъ это было съ Россіей по отношенію къ Японіи въ 1904 г., они не могли, такъ какъ стояли на одной съ нимъ ступени культуры, а о ресурсахъ его были освѣдомлены достаточно.

Итакъ, войну начала, все-таки, Германія. Но, если разсматривать вопросъ съ научно-объективной точки зрѣнія, она сдѣлала это не «затѣмъ, чтобы» отнять силой оружія у противниковъ рынки, котрыхъ еще не успѣла захватить мирнымъ путемъ, а «потому, что» въ этомъ пунктѣ капиталистическаго міра силы давленія достигли въ тотъ моментъ величины, превосходящей силы связи съ другими странами. Правительства могли думать, что они ведутъ народы къ войнѣ;—на самомъ дѣлѣ ихъ самихъ вела стихійность и, доведя до бездны, толкнула въ нее своимъ непреодолимымъ могуществомъ.

А дальше весь ходъ міровой войны былъ сплошнымъ проявленіемъ господства той же стихійности надъ наибольшей по масштабу въ нашемъ мірѣ планомѣрностью—техническимъ и экономическимъ механизмомъ государства. Кризисъ развивался лавинообразно. Истребительный процессъ въ каждой воюющей странѣ втягивалъ все возрастающую массу человѣческихъ жизней и матеріальныхъ средствъ. Разрушенія превосходили все, что наканунѣ могла представить человѣческая фантазія. И въ то же время бездна засасывала новыя и новыя страны; весь ужасъ происходящаго не могъ удержать ихъ противъ ея притягательной силы. Всѣмъ кажется, что они ведутъ борьбу за самыя ос-

* «Лѣтопись», февраль 1916, ст. Н. Суханова. «О происхожденіи войны».

новы существованія, за всѣ пріобрѣтенія прошлаго, за всѣ надежды будущаго. И ни одна изъ странъ, захваченныхъ бѣшеннымъ водоворотомъ, не можетъ вырваться изъ него, пока для всѣхъ нихъ не исполнится мѣра истребленія. Война окончится тогда, когда будетъ ликвидировано перепроизводство человѣческой организованной силы, накопившееся въ государственныхъ единицахъ міровой системы.

* * *

Какимъ образомъ оказалась экономически-возможна міровая война на цѣлые годы?

Экономисты въ огромномъ большинствѣ были увѣрены, что больше нѣсколькихъ мѣсяцевъ она продолжаться не можетъ. Они полагали, что при огромной сложности и связности, а вслѣдствіе этого и величайшей чувствительности современнаго финансово-промышленнаго аппарата, разрывъ массы связей міровой торговли и кредита вызоветъ такой рѣзкій упадокъ, такое быстрое истощеніе экономическихъ ресурсовъ, что войну скоро придется заканчивать во что бы то ни стало. Имъ представлялась картина обычнаго мірового кризиса, усиленнаго во много разъ. Оказалось, что все это невѣрно, и что военный міровой кризисъ имѣетъ совершенно особый экономическій характеръ. Оказалось, что война питается войной; и вотъ уже скоро два года она издѣвается надъ теоріями мирныхъ ученыхъ.

Съ нашей точки зрѣнія тутъ уже нѣтъ такой неожиданности,—только проявленіе экономическихъ свойствъ милитаризма, тѣхъ же, какія мы нашли для мирнаго времени, но въ увеличенномъ масштабѣ.

Основное изъ нихъ то, что милитаризмъ образуетъ для національнаго капитала огромный *потребительный рынокъ* и благодаря цѣпной связи отраслей производства, еще во много разъ большій *рынокъ вообще*. Такимъ образомъ, и въ мирное время милитаризмъ облегчалъ движеніе капитала, и до извѣстной степени противодѣйствовалъ перепроизводству.

Здѣсь, чтобы устранить всякую неясность, позволю себѣ отвѣтить на возраженіе, сдѣланное мнѣ по этому поводу однимъ свѣдущимъ читателемъ. Онъ находилъ, что роль милитаризма въ созданіи потребительнаго рынка не такъ ужъ велика. Большая часть налоговъ, которыми питается милитаризмъ,—писалъ онъ,—берется съ массы населенія, съ рабочихъ и крестьянъ, которые сами—потребители. Сколько съ нихъ берется, на столько уменьшается ихъ покупательная сила, и потребительный рынокъ, расширившійся въ сторону милитаризма, соотвѣтственно суживается съ ихъ стороны. Стало быть, только та доля налоговъ, которая берется изъ прибавочной стоимости, дѣйствительно увеличиваетъ потребительный рынокъ.

Но дѣло въ томъ, что налоги, которые идутъ съ рабочихъ и крестьянъ, вовсе не настолько же уменьшаютъ ихъ личное потребление. Рабочій, въ общемъ и среднемъ, продаетъ свою трудовую силу *по ея стоимости*; а стоимость эта соотвѣтствуетъ тому потреблению, которое необходимо рабочему для нормальнаго выполненія своего дѣла. Что сверхъ этого, то присваиваетъ капиталъ, какъ прибавочную стоимость. Если вводится налогъ прямой или косвенный, уменьшающій реальную заработную плату, такъ что она оказывается ниже нормы,—то капиталисты должны повысить денежную плату, чтобы возстановить прежнее положеніе. Слѣдовательно, налогъ и тогда получается на дѣлѣ изъ прибавочной стоимости. Конечно, капиталъ дѣлаетъ это не сразу и не безъ борьбы: временно выступаетъ «сверхъ-нормальная» эксплуатация. Но она связана съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ трудовой энергии, а также ухудшеніемъ ея качества, т. е., съ ослабленіемъ производства; при этомъ ростъ предложенія товаровъ на рынкѣ въ такой же мѣрѣ замедляется, и силы, ведущія къ перепроизводству, испытываютъ задержку въ развитіи,—какъ если бы рынокъ уже расширялся и въ это переходное время.

Что касается крестьянина, то онъ въ капиталистическомъ обществѣ либо мелкій капиталистъ, либо соединеніе хозяина и работника въ одномъ лицѣ. Если бы суммы, извлекаемыя изъ его хозяйства на милитаризмъ, оставались въ его рукахъ, то онъ частью увеличивали бы личное потребление его и его семьи, увеличивая тѣмъ самымъ и трудовую энергию хозяйства, частью же служили бы на покупку матеріаловъ и средствъ производства. То и другое вмѣстѣ вело бы къ увеличенію количества товаровъ. выбрасываемаго хозяйствомъ на рынокъ, т. е. опять-таки, къ росту экономическихъ силъ давленія. Между тѣмъ, милитаризмъ, потребляя тѣ же средства, и будучи по природѣ своей непродуцительнъ, этихъ силъ не увеличиваетъ.

Такимъ образомъ, и налоги, которые милитаризмъ беретъ съ рабочихъ и крестьянства, въ наибольшей своей долѣ означаютъ созданіе дополнительнаго рынка, или равносильны ему.

Война же довела этотъ дополнительный рынокъ до гигантскихъ размѣровъ, измѣряемыхъ многими десятками миллиардовъ.

Когда началась война, то въ первое время предвидѣнія экономистовъ, какъ-будто, оправдывались. Во всѣхъ воюющихъ странахъ, и въ невоюющихъ, связанныхъ съ ними торговлей и кредитомъ, разразился кризисъ, финансовый и промышленный. Кредитъ былъ парализованъ, биржевыя цѣнности стремительно упали, во всѣхъ почти важнѣйшихъ отрасляхъ производства произошло рѣзкое сокращеніе. Разстройство было общее и грандиозное. Иначе и быть не могло. Это былъ разрывъ безчисленныхъ

мѣновыхъ связей, для каждаго національнаго капитала—потеря огромныхъ рынковъ, на которыхъ онъ раньше реализовалъ значительную долю своихъ товаровъ, и безъ которыхъ, казалось, не могъ обойтись.

Но затѣмъ обнаружилъ свою силу рынокъ милитаристическій. Онъ увеличилъ свой спросъ въ десятки разъ, и этимъ съ избыткомъ замѣнилъ для национальныхъ капиталовъ спросъ только что утерянныхъ ими рынковъ. Реализація сдѣлалась не только возможна, но, благодаря громадности новаго спроса, еще болѣе легка и болѣе выгодна, чѣмъ раньше, по крайней мѣрѣ, для отраслей, связанныхъ съ военными потребностями. А мы видѣли, что съ этими потребностями связано большинство отраслей, и особенно тѣсно основныя изъ нихъ—производство нищи, одежды, угля, желѣза, машинъ. Промышленность оживилась, прибыли стали достигать давно забытыхъ размѣровъ.

Разорванныя связи международнаго рынка сомкнулись вновь на рынкѣ національно-милитаристическомъ. Кризисъ перешелъ въ новую, парадоксальную форму: видимаго процвѣтанія, основаннаго на непрерывномъ и напряженномъ истребленіи.

Перейдемъ къ изслѣдованію этой формы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Богдановъ.

БАЛКАНСКАЯ ГОЛГОФА.

Вотъ уже нѣсколько вечеровъ подрядъ провожу я въ одномъ женеvскомъ кафѣ, излюбленномъ мѣстопребываніи русскихъ эмигрантовъ. Ярко горять огни, весело звенять стаканы, шумить бесѣда, льется порою русская пѣсня...

Собесѣдники мои—все русскіе врачи, только что вернувшіеся изъ Сербіи, сдѣлавшіе вмѣстѣ съ сербской арміей шагъ за шагомъ,—кто изъ Бѣлграда, кто изъ Ниша, кто съ юга,— весь путь отступленія, выстрадавшие вмѣстѣ съ сербскимъ народомъ весь несказанный ужасъ балканской войны. Сидишь, слушаешь, слушаешь ихъ рассказы о балканскомъ мученичествѣ—и хочется вскочить и крикнуть:

— Чаша долготерпѣнія человѣческаго, когда же ты будешь съ краями полна?! Когда зальешь, затопишь сердца людскія бурной жаждой конца, конца происходящему?!

Ярко горять огни, весело звенять стаканы, шумить бесѣда... Смѣются, пьютъ, играютъ въ шахматы... И не вѣрится, чтобы *то* могло быть. Пытаюсь совмѣстить въ своемъ представленіи окружающее съ тѣмъ, что слышалъ,—и не могу, не могу...

... Звуки сливаются въ одинъ низкій тонъ, который немолчно гудитъ въ ушахъ, огни, предметы расплываются, теряютъ очертанія, и картина за картиной встаетъ рассказанное...

* * *

I. ЭВАКУАЦІЯ.

— Лѣтомъ прошлаго года,— рассказываетъ докторъ Бюградзе *,—мы наслаждались относительнымъ покоемъ. Правда, по ту и другую сторону Дуная противники днемъ и ночью зорко слѣдили другъ за другомъ. Но давно уже между ними установилось что-то вродѣ молчаливаго перемирія. Лишь время отъ времени обмѣнивались выстрѣлами, чтобы показать свою бдительность.

И вся страна затихла, замерла. Вблизи границъ встрѣтишь еще лагеря, скорѣе кочевья сербскихъ войскъ,—шалаша, построенные по берегамъ рѣкъ изъ вѣтвей. Обитатели ихъ, сербскіе крестьяне, въ сѣрой, сравнявшейся по цвѣту съ землей, со лдатской формѣ, въ «опанкахъ», небритые, загорѣлые, такъ привыкли къ своему положенію за четыре года почти непрерывной войны, что, сидя у шалашей, чистятъ оружіе съ той же

* Фамилии русскихъ врачей взяты произвольныя.

тщательной медлительностью, какъ когда-то отбивали косы... А минуешь лагери—безлюдье и тишь. Раскинулись на необозримыя пространства поля и луга, пересѣченные кое-гдѣ рѣчкой, озеромъ, рощей. Бѣлѣютъ домики селеній, окруженные фруктовыми садами. Совсѣмъ вымершими кажутся деревни. Нигдѣ не взято на войну столько народу, какъ въ Сербіи. Дома остались только старъ да малъ: до 16 и за 60. Изрѣдка попадаются телѣги, запряженные волами, а изъ людей—только женщины. Женщины ведутъ воловъ по дорогѣ, женщины идутъ за сохой въ полѣ, женщины работаютъ въ садахъ. Многія повязаны чернымъ платкомъ въ знакъ траура. Старики и дѣти помогаютъ крестьянкамъ. Нерѣдко пяти-шестилѣтнія крошки ведутъ огромныхъ воловъ или стерегутъ овецъ.

Замерла Сербія, затихла...

Только что миновала тяжелая пора—эпидемія сыпного, возвратнаго, брюшнаго тифа и дизентеріи, унесшая десятки тысячъ жертвъ. Можно смѣло сказать, что не осталось въ Сербіи ни одного солдата, ни одного плѣннаго, который бы не былъ боленъ. Помѣщенія госпиталей,—я былъ тогда въ Нишѣ,—изъ бѣлоснѣжныхъ палатъ съ бѣлоснѣжными сестрами милосердія, ухаживающими за ранеными, превратились въ грязныя переполненные склады стонущихъ тѣлъ. Ни пяди свободнаго мѣста не осталось. Больные, въ той же одеждѣ, съ тѣми же насѣкомыми, какъ въ траншеяхъ, лежали по двое на кровати, лежали въ проходахъ, лежали подъ кроватями. Бѣлье гнило на постеляхъ, солома гнила на полу подъ больными. Медикаментовъ не хватало. Больничары * заражались сами и гибли массами. Изъ 350 врачей иностранцевъ умерло отъ тифа около 130 человекъ. Оставшіеся разрывались на части. На рукахъ врача находилось по 300, по 400 больныхъ. Бывали случаи, когда на 1000 человекъ оставался 1 врачъ. О леченіи, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Мрачное отчаяніе овладѣвало нами. «Зачѣмъ,—думалось,—пойду я въ больницу? Чтобы снова найти тамъ среди больныхъ заваленный трупъ?» Ибо бывало и такъ. Пробираешься среди наваленныхъ тѣлъ, берешь руки, щупаешь пульсъ и вдругъ—ледяная рука...

— Да онъ уже три дня, какъ померъ,—говорятъ сосѣди.

По улицамъ непрестанно везли больныхъ и мертвыхъ. Какъ дрова, взваливали у больницъ голые трупы и отправляли на кладбище, чтобы тамъ особыми крючьями сбросить въ братскую могилу.

Ужасъ царилъ въ народѣ. Ждали холеры. Къ счастью, она не пришла, иначе о Сербіи теперь ужъ не пришлось бы говорить...

* Больничные служители.

Но миновала страшная пора. Мы отдыхали въ ожиданіи событій.

Въ серединѣ сентября надъ Бѣлградомъ стали часто летать австрійскіе аэропланы. Это должно бы показаться подозрительнымъ, но населеніе не вѣрило, чтобы австрійцы рѣшились еще разъ перейти Дунай, и спокойно говорило:

— Ништо.

Потомъ аэропланы начали бросать бомбы, затѣмъ австрійская артиллерія пробовала стрѣлять по крѣпости, уже нащупывая прицѣлъ для атаки, а сербы все говорили:

— Ништо.

И вдругъ австрійцы съ нѣмцами начали наступленіе и перешли Дунай въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не ожидалъ. Въ ночь съ 24 на 25 сентября улицы Бѣлграда, ведущія отъ рѣки наверхъ въ городъ, превратились въ арену ожесточеннаго боя. Огромными кострами пылали подожженные сербами суконныя фабрики. При свѣтѣ ихъ сражавшіеся рѣзали, душили, грызли другъ друга. По мостовой текли потоки крови. Каждый домъ, какъ крѣпость, приходилось брать приступомъ. Захваченное врасплохъ населеніе бѣжало, въ чемъ было, полураздѣтое, полубезумное...

Въ то же время наступленіе шло по всему дунайскому фронту, а дней черезъ десять началось и по болгарской границѣ. Натискъ былъ такъ неожиданъ и быстръ, что о правильной эвакуаціи городовъ нечего было и думать. Власти теряли голову. Населеніе бѣжало, куда глаза глядятъ. Лишь бы уйти, а куда—не важно. Немногіе думали тогда, что бѣжать придется до моря, большинство же надѣялось, что наступленіе остановятъ и скоро можно будетъ вернуться домой. Кидались на станціи, наскоро захвативъ кое-какіе пожитки, и ѣхали въ ближайшій городъ. А оттуда, навстрѣчу, поѣзда везли другихъ. Самые противорѣчивые слухи волновали бѣженцевъ, перебрасывая ихъ изъ города въ городъ. Позднѣе, когда желѣзнодорожный путь въ обѣ стороны отъ Ниша былъ отрѣзанъ, толпы бѣженцевъ устремились вглубь Сербіи на телѣгахъ и пѣшкомъ.

Наши госпитали начали наполняться ранеными, сперва подъ Бѣлградомъ, потомъ въ Нишѣ и другихъ мѣстахъ. Потокъ ихъ былъ огромный, а главное—стремительный и непрерывный. Скоро больницы были переполнены до такой же степени, какъ и въ самый разгаръ эпидеміи. А поѣзда съ ранеными все прибывали и прибывали. Тогда рѣшено было очистить госпитали. Когда палаты оказывались биткомъ набитыми, а получалась телеграмма о выходѣ новаго поѣзда, то, чтобы освободить мѣсто для вновь прибывающихъ, отдавался приказъ распустить всѣхъ *легко-раненыхъ*. Врачи отправлялись по палатамъ для осмотра.

— Ходить можешь?

Можешь—«легко»-раненый, получай «объяву», т.-е. проходное свидетельство, и ступай, куда хочешь. Не можешь—«тяжело»-раненый, оставайся. Выдачей «объявы» и указанием, что дороги свободны еще въ такомъ-то и такомъ-то направленіи, кончались всѣ наши заботы о раненыхъ: они отпускались на полный произволъ судьбы.

Эта жестокая мѣра, вызванная крайней необходимостью, привела къ неожиданнымъ результатамъ, о которыхъ я вспомнить не могу безъ содроганія. При спѣшномъ отступленіи и при своей неприготовленности къ нему сербы вынуждены были оставлять на мѣстѣ тяжело-раненыхъ, которые, такимъ образомъ, неизбежно попадали въ плѣнъ. И вотъ временную эвакуацію больница принимала за окончательную! При первомъ же опросѣ врача—можешь ли ходить?—молніей распространяется по больницѣ слухъ, что непріятель близокъ—госпиталь эвакуируютъ... Ранеными овладѣваетъ безпокойство.

— А насъ? А насъ?—раздаются по палатамъ тревожные вопросы.

Успокаиваешь, говоришь, что нужно только освободить мѣсто для новой партіи раненыхъ,—не вѣрятъ.

— Вы насъ бросить хотите врагамъ?—злобно спрашиваютъ тяжело-раненые.

Въ палатахъ начинаются тяжелыя, душу раздирающія сцены. Молодой безусый солдатъ, у котораго отняты обѣ ноги, бьется головой о стѣну и, проклиная все на свѣтѣ, бѣшено стонеть:

— Зачѣмъ я боролся? Зачѣмъ кровь проливалъ за отац-бнну? * Взяли меня молодого, здороваго, а теперь, какъ собаку, бросаете!

Старикъ съ забинтованными ногами кричить, стуча кулакомъ:

— Для того-ль я па старости лѣтъ взялся за винтовку, чтобы попасть въ рабство? ** Не хочу рабомъ *** быть! Лучше бы меня убили на мѣстѣ!

Оставаться никто не желаетъ. Волненіе растетъ, и начинается паническое бѣгство. Какъ есть, въ одномъ бѣльѣ и одѣялахъ, бѣгутъ раиеные, ковыляють, тащатся, *ползутъ!*.. Ползутъ на четверенькахъ, ползутъ на животѣ... Останавливаешь бѣгущихъ, приказываешь не пускать,—напрасно: больничары на сторонѣ раненыхъ... Бросаешься къ одному, оттаскиваешь,—въ это время десятокъ проползаетъ мимо... И вотъ уже подвизать новыхъ раненыхъ...

Такъ было въ Нишѣ *три* раза, пока города не эвакуиро-

* Отечество.

** Рабство.

*** Рабомъ.

вали. Бѣжавшихъ, уползавшихъ находили потомъ на улицахъ, во дорогамъ закоченѣлыми, истекшими кровью трупами...

* * *

II. СОЛДАТЫ.

— Почему же сербскіе солдаты такъ боялись попасть въ плѣнъ?—спросилъ я доктора Боградце.

— Видите ли,—отвѣчалъ онъ,—это считается въ Сербіи величайшимъ позоромъ. Сербы смотрятъ на плѣннаго, какъ на раба,—пережитокъ прошлаго, конечно. Но кромѣ этой традиціи есть другая причина. Чисто паническій ужасъ сербскіе солдаты испытывали не столько передъ австро-нѣмецкимъ плѣномъ, какъ передъ болгарскимъ, будучи поголовно убѣждены, что болгары жестоко обращаются съ плѣнными и приканчиваютъ раненыхъ враговъ.

— И это правда?

Докторъ усмѣхнулся.

— Скажу вамъ лишь, что ни я и никто изъ моихъ коллегъ не согласились бы очутиться въ *сербскомъ* плѣну. Я въ Сербіи провель пять лѣтъ, пережилъ до настоящей войны двѣ балканскія, и по моему глубокому убѣжденію все то, что рассказывается о жестокостяхъ одной стороны, характеризуетъ прежде всего балканскіе нравы вообще, общій военный бытъ... Признаться, у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты разбираться въ этихъ рассказахъ о звѣрствахъ. Большинство ихъ оказывается или сильно преувеличенными или вымышленными. Да вотъ вамъ характерный примѣръ. Расскажите-ка, Гудовичъ, какъ болгары въ Монастырѣ перерѣзали всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ раненыхъ.

— Видать не видалъ, а слыхалъ, какъ говорится. Мы, въ Эльбасанѣ, освобождали госпиталь отъ легко-раненыхъ. Является подполковникъ, завѣдующій военно-санитарной частью, и спрашиваетъ:

— Вы оставляете тяжело-раненыхъ? Никого не оставляйте! Въ Монастырѣ болгары вырѣзали всѣхъ нашихъ раненыхъ!

— Откуда вы это знаете?—спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Самъ начальникъ военно-санитариаго вѣдомства генералъ Никитичъ говорилъ. Ужасъ, ужасъ!

Понятно, послѣ такого заявленія никого изъ раненыхъ уже нельзя было удержать. Послѣ я встрѣтилъ генерала Никитича въ Каваѣ, рассказалъ ему исторію и спросилъ, правда ли то, что передается отъ его имени.

— Ничего подобнаго я не говорилъ!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Правда, у насъ былъ разговоръ на эту тему, но факты такого рода мнѣ неизвѣстны, да и не могли быть извѣстны: вѣдь съ Монастыремъ всякое сообщеніе тогда было уже прервано!

Въ разговоръ вмѣшался служившій въ Сербіи военнымъ врачомъ медикъ 5-го курса Перевскій.

— О звѣрствахъ я ничего точнаго не знаю. Но мнѣ близко довелось познакомиться съ сербскимъ солдатомъ. И долженъ вамъ сказать—это герой въ полномъ смыслѣ слова! Мужество, самоотверженность, презрѣніе къ смерти! Дерутся, какъ львы! Вернется изъ атаки, весь въ крови, въ ранахъ, говоритъ:

— Эхъ, хороша работа была! Славно погрѣлся!

Особенно поражаетъ меня дьявольская выносливость сербскаго солдата, его крайняя непритязательность и какая-тѣ фаталистическая покорность судьбѣ до конца. Удовлетворяется кускомъ хлѣба съ огурцомъ или луковкой, а нѣтъ и этого—не ѣстъ ничего по два-три дня. Все готовъ безропотно нести, что ни придется. Помнится въ Алесіо при мнѣ былъ такой случай. Прибыло нѣсколько тысячъ солдатъ, изнуренныхъ, голодныхъ, мокрыхъ,—шелъ холодный дождь. Хлѣба достать не могли,—е то не было, не то не давали. Въ домахъ солдатамъ запрещено было ночевать,—начальство боялось, какъ бы албанцы не перерѣзали ихъ. Въ результатѣ проведенной подъ дождемъ, на холодѣ, ночи—нѣсколько десятковъ труповъ... Но ни малѣйшаго протеста, ни малѣйшаго ропота со стороны солдатъ. Разъ вышло такъ, значитъ—не могло быть иначе. Адское терпѣніе, упорство до конца...

— Вотъ видите, коллега,—сказалъ докторъ Боградце,—начали вы за здравіе, а кончили за упокой. Герои, львы—и фаталистическая покорность судьбѣ! Терпѣніе и покорность—удивительныя, это вѣрно. Недаромъ французскіе солдаты говорили: «Если бы намъ хоть сутки довелось воевать въ такихъ условіяхъ, какъ сербамъ, мы на другой же день заключили бы сепаратный миръ». А на счетъ героизма позвольте сослаться прежде всего на самихъ солдатъ, не сербскихъ, а вообще солдатъ: они не любятъ, когда говорятъ о ихъ героизмѣ, и героями себя вовсе не считаютъ. Героизмъ, подвиги, по ихъ мнѣнію, выдумаль тыль. Французскіе солдаты просятъ своихъ родныхъ и знакомыхъ не присылать имъ открытокъ на темы о подвигахъ: они ихъ просто не перевариваютъ. Или посмотрите, съ какой простотой и даже какъ бы совѣстясь рассказываютъ русскіе раненые о своихъ подвигахъ. И на самомъ дѣлѣ, развѣ обычная повседневная жизнь громаднѣйшаго большинства изъ нихъ не является сплошнымъ подвигомъ? На фабрикахъ, въ мастерской, въ копахъ, на морѣ, въ лѣсу, въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наконецъ,— всюду сторожить рабочаго человѣка насильственная смерть.

Почитайте статистику такъ называемыхъ несчастныхъ случаевъ,—сколько тысячъ людей гибнетъ ежегодно на великомъ бранномъ полѣ труда! Глубоко справедливы слова Толстого, попавшіяся мнѣ недавно—и сперва поразившія меня—въ одномъ

изъ писемъ къ Н. Н. Ге (сыну). Толстой вспоминалъ о севастопольской войнѣ: «Все говорили ужасы, ужасы. А пріѣхали, никакихъ ужасовъ нѣтъ, а живутъ люди, ходятъ, говорятъ, смѣются, ѣдятъ. Только и разницы, что ихъ убиваютъ». Вотъ я и думаю, что сербскіе солдаты, какъ и всѣ солдаты—самые обыкновенные люди, которые ходятъ, говорятъ, смѣются, ѣдятъ. Только и разницы, что ихъ убиваютъ... подобные же имъ люди. Но въ этомъ не героизмъ, а трагедія...

— Обратите еще вниманіе вотъ на что, коллега,—сказалъ докторъ Дольневъ.—Въ первое время сербская армія, дѣйствительно, оказывала упорное сопротивленіе неприятелю, отступая въ полномъ порядкѣ. Точно также населеніе бѣжало только изъ первыхъ, занимаемыхъ врагомъ мѣстъ, надѣясь спастись въ какой-нибудь «освобождени крај», т.-е. въ одну изъ областей, захваченныхъ у албанцевъ и македонянъ въ прошлую войну. А когда наступленіе приняло огромные размѣры, уже не было ни смысла, ни возможности бѣжать,—развѣ что людямъ состоятельнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сербская армія пришла въ разстройство, и солдаты массами оставались въ странѣ. Вы знаете, кровопролитныхъ битвъ почти не было, а изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ сербской арміи собралось у Скутари всего тысячъ восемьдесятъ, да и эта цифра, вѣроятно, сильно преувеличена...

— Ну, съ вашей точки зрѣнія вы, можетъ быть, и правы, господа... Во всякомъ случаѣ, такой истинно-народной, демократической арміи, какъ сербская, я не знаю!

— А знаете вы, коллега, что значить «дать 25 горячихъ»?—спокойно спросилъ докторъ Гудовичъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—«Дать 25 горячихъ» значить—наказать солдата 25 ударами палки. Не подумайте, господа, что я рассказываю вамъ о порядкахъ дореформенныхъ временъ. Нѣтъ, я говорю о практикующемся теперь въ сербской арміи легальномъ дисциплинарномъ взысканіи. Мнѣ лично пришлось лечить солдата, наказаннаго палками, отъ послѣдствій такого наказанія. Бѣдняга просилъ меня выдать ему свидѣтельство о его пораненіяхъ.

— Другъ мой,—могъ я только сказать ему,—свидѣтельство я вамъ выдамъ, но берегитесь: съ нимъ вы получите еще «25 горячихъ».

Этотъ солдатъ имѣлъ неосторожность написать своей женѣ, чтобы она продала вола и чтобы деньги непременно взяла звонкой монетой. Въ то время былъ изданъ приказъ, воспреещающій отказываться отъ пріема бумажныхъ денегъ. Письмо военная цензура вскрыла, солдата посадили подъ арестъ и присудили къ палкамъ... Одинъ изъ моихъ товарищей видѣлъ и самую экзекуцію: прямо на улицѣ наказывали молоденькаго рекрута за то, что онъ съ голоду стащилъ у кого-то яблоки...

— Вы обезкураживаете меня, господа,—произнесъ съ нѣ-

которой досадой докторъ Перевскій.—Ничего подобнаго я не видѣлъ и не знаю... Позвольте мнѣ просто рассказать вамъ кое-что о сербскомъ солдатѣ и о моей походной жизни, а тамъ ужъ судите, да рядите!

—Просимъ, просимъ!—раздались голоса.

Перевскій помедлилъ немного и началъ:

— Нашему полку пришлось принимать участие въ двухъ крупныхъ бояхъ, подъ Скопией и подъ Феризовичемъ. Мы все отступали. Но предполагалось, что такой важный пунктъ, какъ Скопья, древняя македонская столица, не будетъ сданъ безъ сопротивленія. Городъ спѣшно эвакуировался. Вдругъ взметнулся надъ домами огромный столбъ пламени и вслѣдъ затѣмъ прокатился адскій грохотъ,—взрывали склады боевыхъ припасовъ. Наши войска заняли позиціи за городомъ на возвышенности. Съ того мѣста, гдѣ стоялъ мой лазаретъ, ожидая первыхъ жертвъ, далеко видно было поле наступленія. Болгарская артиллерія все небо покрыла облаками дыма, въ которыхъ сверкали молніи шрапнельныхъ взрывовъ, посылая свинцовый дождь на землю. Съ грязью, дымомъ и огнемъ взрывались крупные снаряды. Скоро двинулись болгары сомкнутыми шеренгами. Съ замираніемъ сердца наблюдалъ я, какъ наши митральезы,—ихъ было всего двѣ,—словно траву, косили людей рядъ за рядомъ... Но за павшими непрерывно шли новые...

— Преда те се срби, нема те гдѣ бѣгати! *—кричали по рассказамъ раненыхъ болгары.

Картина боя вамъ, вѣроятно, знакома,—одна и та же всюду. Не разъ я перемѣнилъ мѣсто съ моимъ лазаретомъ. Работы было столько, что съ ногъ сбились. Вечеромъ пришелъ приказъ объ отступленіи.

— На Качаникъ!—крикнулъ вѣстовой и скрылся.

Во всеобщей суматохѣ никто и не подумалъ разспросить, гдѣ этотъ Качаникъ. Карты у меня не было. Шли наугадъ, въ темнотѣ. Вдругъ, слышимъ, ѣдетъ всадникъ. Я послалъ сани-тара навстрѣчу.

— Стой! Кто ѣдетъ?

— Адьютантъ 3-го кадровскаго полка.

Обрадовались: адъютантъ своего же полка! Спрашиваютъ, ладно ли идемъ на Качаникъ.

— Да вы, чортъ возьми, прямехонько на болгаръ претен-

дуйте! Пошли по указанному направленію. И точно,—скоро пока! зались огоньки: какой-то сербскій полкъ сталъ бивуакомъ, только не нашъ. Дѣлать нечего,—чуть не падая отъ усталости и ничего не соображая, приказалъ развернуться, разбить палатку и заснулъ, какъ убитый.

* Сдавайтесь, сербы, дѣваться вамъ некуда!

Только потомъ я понялъ, какую непростительную оплошность допустилъ. Бдучи въ Сербію по приглашенію сербскаго посла въ Петроградѣ, я вовсе не думалъ попасть въ полковые врачи и въ военныхъ регламентахъ былъ не твердъ. Все же зналъ, что нельзя разбивать лазарета ближе извѣстнаго разстоянія отъ войсковыхъ частей. А тутъ моя палатка оказалась чуть не рядомъ съ палаткой командира полка. Ночью я проснулся отъ взрыва. Вскочилъ, бѣгу,—командирская палатка разнесена въ клочья шрапнелью, самъ командиръ и трое офицеровъ убиты наповаль. Только благодаря счастливой случайности я избѣгъ той же участи.

Долго еще искалъ я свой полкъ, получалъ отъ него черезъ вѣстовыхъ приказы, которыхъ не могъ исполнить, дѣйствовалъ на свой страхъ, рискуя влетѣть подъ судъ. Отступленіе было невѣроятно тяжелое. Дороги усѣяны были снарядами, оружіемъ, артиллерійскими ящиками, трупами животныхъ и солдатъ. Часто по двое, по трое сутокъ не было хлѣба изъ-за обстрѣла обозовъ, не было воды. Пили изъ лужъ,—самъ пилъ, врачъ... Но хуже всего, когда не было табаку. Тогда принимались за ракию *, благо не крѣпкая... Выдавались дни, когда снаряды сыпались непрерывно. Отъ грохота, казалось, съ ума сойти можно... Не ѣшь, не пьешь, голода не чувствуешь—работаешь, работаешь не замѣчая ничего вокругъ, пока не свалишься... А ночью—пушка и опять за то же... Ни поспать, ни умыться, ни почиститься... Вши, съ пудъ грязи на одеждѣ, руки въ гною...

Поразительна стойкость, съ которой переносятъ раненые мученія. Такія раны, что жуть береть, а онъ лишь скажетъ:

— Полакше **, докторе, полакше...

Или сдѣлаешь перевязку, говоришь: «тебѣ надо остаться»,— куда тамъ! Сейчасъ же бѣжитъ опять на позицію... Въ добродушно-проническомъ отношеніи сербскаго войника къ ранамъ, пулямъ, снарядамъ много общаго съ русскимъ солдатомъ. Летятъ снаряды всѣхъ калибровъ, издавая каждый свой характерный звукъ при полетѣ, а солдаты перекидываются шуточками, перекрикомъ, жужжаніемъ и свистъ «болгарскихъ бутылокъ».

— У-у-у... иду-утъ, проклятые!

— Изж-ж... визжитъ, стерва!

Особенно возмущалъ солдатъ какой-то новый родъ болгарскихъ снарядовъ. Что это за штука, я объяснить вамъ не умѣю, только взрывались эти снаряды дважды: одинъ разъ въ воздухѣ, другой—на землѣ.

— Только болгаринъ и можетъ выдумать такую пакость!—негодовали солдаты, по-своему объясняя превосходство непріятельской артиллеріи. А оно замѣтно чувствовалось каждымъ,

* Водка.

** Потіше.

особенно по сравненію съ прошлой балканской войной. Наибольше крупныя сербскія пушки были, если не ошибаюсь, въ 180 миллиметровъ, тогда какъ болгарская тяжелая артиллерія располагала 350-миллиметровыми орудіями нѣмецкаго производства. Болгарскія пушки хватали на нѣсколько верстъ дальше, чѣмъ сербскія.

— Ну, что вы тутъ подѣлаете!—разводили руками сербскіе офицеры.

За недостаткомъ современной артиллеріи сербы пускали даже въ ходъ пушки «временъ турецкаго ига», — «дебанжевый топъ» *. Эту разницу въ силѣ и частотѣ огня солдаты легко схватывали и передавали на своемъ языкѣ:

— Онъ иалить: бумъ-бумъ-бумъ-бумъ!.. А мы: ба-амъ!..па-а!..

Когда же на ураганный огонь непріятеля сербская артиллерія отвѣчала только молчаніемъ, можно себѣ представить, какое настроеніе овладѣвало солдатами:

— Пропали мы! Сгинули сербы!

За долгую походную жизнь, полную опасностей и лишеній какъ въ солдатской, такъ и въ офицерской средѣ сложились особо дружескія, любовныя отношенія, выражавшіяся иногда чрезвычайно трогательно. Есть въ Сербіи народный обычай: женщины идутъ на могилу умершаго, кладутъ на нее цвѣты, ставятъ блюдо съ кушаньемъ и бесѣдуютъ съ покойнымъ, какъ съ живымъ, и мягко упрекаютъ его за то, что онъ покинулъ ихъ, и дѣлятся съ нимъ своимъ горемъ, вспоминая былыя радости... Я самъ наблюдалъ не разъ въ деревняхъ такія намогильныя бесѣды. И вотъ однажды приносятъ ко мнѣ въ лазаретъ съ позиціи смертельно раненаго офицера, который скоро умеръ. Его товарищъ, самъ раненый, бросается къ нему и, рыдая, обнимая его, приговариваетъ:

— Ячевичъ, Ячевичъ! Зачѣмъ ты покинулъ насъ? Вчера еще былъ ты съ нами, а теперь проклятые болгары убили тебя! Ахъ, зачѣмъ болгарская пуля не сразила меня? Зачѣмъ смерть взяла тебя одного? Ячевичъ, Ячевичъ!

Эта сцена, какъ живая, запечатлѣлась у меня въ памяти.

Хотѣлось бы еще описать яркую фигуру нашего полкового священника, отца Марко. И по внѣшнему виду, и по всему существу своему онъ чрезвычайно мало напоминалъ лицо духовнаго сана. Какой-то неизсякаемый родникъ бодрости, жизнерадостности неустанно билъ въ немъ. Веселый, острословный, любилъ о. Марко въ свободную минуту зайти въ гости, особенно если у хозяина была хорошая ракія. Шутя сравнивалъ себя съ своимъ тезкой, національнымъ сербскимъ героемъ:

— Въ Марко Кралевича пошелъ! Не дуракъ былъ парень выпить!

* Пушка системы Дебанжа.

Мчимся мы съ нимъ, бывало, на коняхъ, развѣвается у него плащъ, борода по вѣтру,—ни дать ни взять разбойникъ мой о. Марко! Летимъ во весь опоръ подъ кручу, онъ кричить, подмигивая:

— Помяни, Господи, раба Божія Марко!

Взглядъ—орлиный и зоркій, какъ у орла. Идемъ разъ ущельемъ:

— Берегись, друже!—говорить:—Вонъ, вонъ—видишь?

Я смотрю по указанному направленію, ничего не замѣчаю. Только, когда показались на скалахъ дымки, заюкали около насъ пули, я понялъ, въ чемъ дѣло: въ ущельѣ засѣли албанцы.

Право, не берусь вамъ объяснить, какимъ образомъ согласовалъ въ душѣ о. Марко свою официальную профессию и завѣты о любви къ ближнимъ съ той фактической ролью, которую онъ игралъ. Да какъ то и не приходило въ голову спрашивать его объ этомъ... Ряса, сверху пальто, на немъ плащъ, крестъ въ рукѣ,—такъ ходилъ о. Марко въ траншеи воодушевлять солдатъ. Два раза бывалъ въ атакѣ. Случалось и моему лазарету попадать подъ огонь. Зайдетъ къ намъ о. Марко,—пули свиснутъ, прапнель рвется гдѣ-то близко,—спрашиваетъ весело:

— Што, пуцаютъ? *

Показываю свою шинель, прострѣленную въ двухъ мѣстахъ. Ухмыляется въ бороду,—борода черная, лохматая:

— Не бойся, братъ! Пуля, вишь, дура: мимо летитъ, мы живехоньки!

— Въ плѣнь бы попасть не хотѣлось,—признаюсь я.

— Это такъ. Робомъ быть и я не желаю! Да что тутъ,—вотъ онъ!—показываетъ револьверъ въ карманѣ, хлопаетъ себя въ грудь:—Чуть что, баць!—только и всего!

Что стало съ этимъ человѣкомъ, я не знаю.

О военныхъ событіяхъ, въ которыхъ я принималъ участіе, мнѣ остается сказать немного. Качаникъ сдали безъ боя. Въ тылу, съ горъ началась пальба, думали, что непріятель обошелъ, и только послѣ установили, что стрѣляли арнауты. Много боевыхъ припасовъ досталось болгарамъ. Последняя попытка дать отпоръ была сдѣлана подъ Феризовичемъ генераломъ Пѣтромъ Боевичемъ. Своей горячей вѣрой въ близкую помощь союзниковъ, онъ сумѣлъ влить новую энергію въ отступавшія войска.

— Помощь идетъ! Россія посылаетъ! Впередъ!

Болгары были опрокинуты, бѣжали. Но подошли къ нимъ подкрѣпленія, и мы снова должны были отступать. Эта вѣра въ помощь союзниковъ дорого обошлась сербамъ!

— О, да!—встрепенулся сербскій капитанъ Милетичъ, до сихъ поръ сосредоточенно курившій.—Мы были увѣрены въ близкой помощи союзниковъ. Всѣ наши планы строились въ

* Стрѣляютъ.

разсчитѣ на ппхъ. Мы полагали даже, что не союзники будутъ помогать сербской арміи, а, наоборотъ, сербская армія окажетъ скромное содѣйствіе славнымъ побѣдамъ союзниковъ!... Вотъ вамъ одинъ изъ послѣднихъ номеровъ нишской газеты. Смотрите,—онъ переполненъ еще надеждой, увѣренностью, что послѣ Бельгіи союзники не допустятъ той же ошибки съ Сербіей и явятся во время!...

Толпы мальчишекъ носились съ бюллетенями, возвѣщавшими скорое прибытіе союзниковъ. Улицы, вокзалы были украшены флагами, гирляндами. На станціяхъ ждали готовые поѣзда. Въ Нишѣ былъ снятъ залъ для банкета въ честь офицеровъ союзныхъ армій. Муниципалитетъ ассигновалъ 20.000 динаръ на убранство главныхъ улицъ столицы. Народъ ежедневно въ назначенный часъ выходилъ встрѣчать дорогихъ гостей и каждый разъ съ разочарованіемъ расходился. На шестой день пошли люди съ лѣстницами, убрали цвѣты и гирлянды... Въ Лѣставцѣ, куда мы прибыли ночью, весь вокзалъ былъ освѣщенъ разноцвѣтными фонарями, а въ центрѣ красовалась большая свѣтовая надпись бѣлымъ по красному:

— *Soyez les bienvenus nos amis et alliés, français et anglais!*
Добро пожаловать, наши друзья и союзники, французы и англичане!

Черезъ день или два туда пожаловали... болгары... Ну, что это, что это,—скажите! Ну, каково было народу, когда все будущее его зависѣло отъ этихъ обѣщаній! Ахъ, дѣти, какія мы дѣти были!

Глаза его горѣли, голосъ дрожалъ... Вся горечь разочарованія, вся трагедія разбитыхъ иллюзій цѣлаго народа, неизжитая, острая—чувствовалась въ страстной рѣчи сербскаго капитана.

* * *

III. ВЪ ПУТИ.

— Если вы хотите представить себѣ картину отступленія и бѣгства,—сказалъ мнѣ инженеръ Милаевичъ,—то вамъ прежде всего нужно знать, что такое сербскія дороги.

— Говорятъ, что въ ихъ грязи увязла въ первый разъ австрійская армія?—спросилъ я.

Инженеръ засмѣялся:

— Безъ всякаго преувеличенія! У насъ па этотъ счетъ острять, что сербскіе инженеры спасли отечество... Видите ли, до 1911 года дорожное дѣло находилось въ вѣдѣніи общинъ, земствъ, а послѣ перешло къ государству, которое не успѣло проявить своей заботливости. Настала балканская война, затѣмъ общеевропейская, и вотъ уже четыре года сербскія дороги должны

выдерживать, почти безъ всякаго ремонта, усиленное передвиженіе войсковыхъ обозовъ и артиллеріи. А строились онѣ довольно примитивно,—рѣчь, разумѣется, идетъ лишь о главныхъ артеріяхъ, соединяющихъ немногіе центры: о грунтовыхъ дорогахъ и говорить нечего. Насъ посылали на ремонтъ, но что можно было сдѣлать? Тонкій слой каменной одежды подавался подъ тяжестью артиллеріи съ такой же легкостью, какъ грунтовая дорога въ осеннюю грязь. Даже мощенныя дороги превращались въ сплошное мѣсиво...

— Въ которомъ взяли телѣги, быки и люди!—живо добавилъ докторъ Боградце.—У насъ въ отрядѣ нерѣдко впрягали по пяти—шести паръ воловъ въ телѣгу, чтобы съ крайнимъ напряженіемъ силъ протащить впередъ на три—четыре версты въ день. Колеса уходятъ больше чѣмъ по стушицу, быки вязнуть по колѣна и выше. У моего начальника была отличная рессорная пролетка, съ которой онъ ни за что не хотѣлъ разставаться. Такъ эту пролетку двѣ лошади и двѣ пары быковъ едва тащили, пустую, при помощи пяти санитаровъ. И въ концѣ концовъ ее пришлось бросить. Люди доходили до полного изнеможенія и замучивали животныхъ до смерти. Никогда не думалъ я, чтобы можно было такъ звѣрски бить скотину. Лупить, лупить какой-нибудь погонщикъ быковъ, и наконецъ, обезсилѣвъ, взмолился:

— Боже, Боже! За что ты меня наказываешь? Пропалъ я! Пропали и волы!

И по такимъ дорогамъ проходила артиллерія! Ни за что не повѣрилъ бы, еслибъ самъ не видалъ. Двадцать паръ воловъ въ одну пушку, палокъ не жалѣютъ и сами за колеса!

— Волы оказали сербамъ неоцѣненные услуги,—сказалъ инженеръ.—Перевозка боевыхъ припасовъ и провіанта производилась почти исключительно на «воловскихъ колахъ», т. е. простыхъ четырехколесныхъ телѣгахъ, запряженныхъ парой воловъ. Мобилизованныя крестьянскія колы сосредоточивались, какъ и провіантъ, по «войнымъ станицамъ»—интендантскимъ управленіямъ. Нѣсколько сотъ колъ составляютъ «комору» или обозъ. Если даже войска переправляются по желѣзной дорогѣ, обозъ все-таки слѣдуетъ за ними на «воловскихъ колахъ», дѣлая верстъ двадцать въ день. Когда, въ самомъ началѣ наступленія, большая часть сербской арміи, находившаяся на болгарскомъ фронтѣ, была переброшена на дунайскій фронтъ, а оттуда вскорѣ должна была отступать снова на югъ,—слѣдовавшая за ней комора, едва успѣвъ добраться до мѣста назначенія, получила приказъ повернуть и потянулась назадъ.

— «Српска комора» въ пути—что можетъ быть печальнѣе этого зрѣлища!—грустно произнесла женщина-врачъ Левитина, до сихъ перъ молча сидѣвшая за столомъ.—На меня, по крайней мѣрѣ, оно произвело сильнѣйшее впечатлѣніе,—можетъ быть въ

связи съ тѣмъ, что я видѣла по дорогамъ... Представьте себѣ,—чрезъ поля и холмы медленно тянется длинная, безконечная лента телѣгъ, теряясь въ дали... Медленно, флегматично ступаютъ волы, съ трудомъ выдирая ноги изъ грязи, скрипятъ и ноютъ телѣги, уходя колесами въ глубокія колеи, кричатъ погонщики... Стала одна кола,—стала за ней вся комо́ра, застопорилось все движеніе на нѣсколько версть: ни объѣхать, ни пройти...

Идутъ непрерывно, идутъ днемъ, если надо—ночью, пока не выбьются изъ силъ—и люди и волы. Тогда сворачиваютъ въ сторону, становятся таборомъ на отдыхъ, часто голодные—и люди и волы. А мимо нихъ все также ползутъ комо́ры, скрипятъ телѣги, чмокаетъ грязь...

Дойдутъ до города, до войной станицы въ надеждѣ запасть хлѣбомъ и сѣномъ,—не хватаетъ хлѣба для солдатъ, не хватаетъ на тысячи человѣкъ, нѣтъ сѣна для воловъ. А о бѣженцахъ станицы и не обязаны заботиться. Въ пустыхъ, словно вымершихъ городахъ если и достанутъ бѣженцы хлѣба, то за «папричну» * цѣну, за 5, 10 и даже 20 динаръ каравай. А то и вовсе не купить хлѣба ни за какія деньги.

Нѣтъ словъ описать ту картину ужаса и горя, что представляли сербскія дороги въ дни бѣгства. Насколько глазъ хватаетъ—ѣдутъ, идутъ сплошной, непрерывной цѣпью. Тащатся комо́ры военныя, санитарныя, обозы правительственныхъ учреждений, иностранныхъ посольствъ, колы частныхъ лицъ. Шагаютъ солдаты, ковыляютъ раненые, гонятъ плѣнныхъ. Иностранные дипломаты мѣсятъ желтую, липкую грязь рядомъ съ сербскими крестьянами. Сестры милосердія въ сапогахъ, съ высоко поднятыми юбками, врачи, санитары, горожане, крестьяне, сербы, англичане, французы, русскіе... плетутся — палки въ рукахъ, котомки за плечами. Яркіе національные костюмы сербскихъ женщинъ съ блестящими металлическими украшениями—въ разительномъ контрастѣ съ вопіющей нищетой и покрывающей ихъ грязью. Матери, съ грудными младенцами на рукахъ, ведутъ дѣтей. У другихъ дѣти на спинѣ. Мальчики постарше несутъ малышей, сунувъ имъ въ ротъ послѣднюю корку хлѣба, чтобъ не плакали... Дѣвушки поддерживаютъ согбенныхъ, трясущихся старцевъ... Шумъ, говоръ, плачь дѣтей, скрипъ телѣгъ...

Вотъ пожилой крестьянинъ ведетъ въ поводу осла, нагруженнаго ворохомъ пожитковъ. Вдругъ изъ этого вороха раздается визгъ.

— Потерпи, сынокъ, потерпи,—говоритъ отецъ.

— Да она щипется!—жалуется съ осла голосокъ.

Между клади на ослѣ, чѣмъ-то прикрытыя отъ холода, двое дѣтей.

* Отъ слова «паприка», красный перецъ.

Вот мальчик лѣтъ семи протягиваетъ рученку и жалобно рссить, смотря на всѣхъ большими невинными глазами:

— Чича, * дай мнѣ хлѣба.

Увы, ему даютъ только монеты...

И вся эта масса не просто идетъ—бѣжитъ, спасается. Врагъ слѣдуетъ по пятамъ, не давая передохнуть. Вотъ его аэропланы летятъ надъ нами, бросая бомбы, вотъ его войска вступаютъ въ городъ, всего два часа тому назадъ покинутый нами... Вотъ отрядъ болгарской конницы, прорвавшись ночью черезъ фронтъ, напалъ на нашъ обозъ, перебилъ прислугу, быковъ и скрылся... А мы ночевали въ какой-нибудь верстѣ...

Бѣжали, спасались не день, не два—цѣлыя недѣли. Многие по шести—семи дней ничего не ѣли, кромѣ снѣга. Когда я дала одному солдату кусокъ кукурузнаго хлѣба, онъ разрыдался и не зналъ, что съ нимъ дѣлать... Я оказывала помощь раненымъ, которые шли по десяти—двѣнадцати дней безъ всякой перевязки. И они еще улыбались, благодаря меня, и жалѣли, что я должна итти пѣшкомъ...

Голодъ, холодъ, истощеніе, почевки подъ открытымъ небомъ дѣлали свое дѣло. Я видала, какъ люди, особенно плѣнные, выбившись изъ силъ, падали на снѣгъ и тамъ оставались лежать,—ибо кому о нихъ заботиться? Я видѣла, какъ вдоль дороги валялись трупы быковъ, лошадей и... людей,—ибо кому ихъ убрать? Я видѣла, какъ голодные набрасывались на трупы животныхъ и пожирали ихъ сырьемъ вмѣстѣ съ собаками...

Сердце мое разрывалось на части отъ жалости, но что могла я подѣлать, что?..

* * *

IV. ПЛѢННЫЕ.

Послѣ взволнованнаго разсказа Левитиной наступило глубокое молчаніе. Пережитое, видимо, сохраняло еще власть надъ всѣми, и каждый погрузился въ воспоминанія.

Наконецъ, докторъ Гудовичъ тихо сказалъ:

— Когда я вспоминаю объ этомъ массовомъ бѣгствѣ, предъ моими глазами неотступно стоятъ несчастныя толпы плѣнныхъ австрійцевъ. Наши лишенія были ничѣмъ по сравненію со всеобщимъ бѣдствіемъ, а въ немъ наигоршія муки выпали на долю плѣнныхъ.

Положеніе военно-плѣнныхъ въ Сербіи было совершенно особенное. Огромное большинство ихъ составляли сербы же, австрійскіе подданные, и чехи, значить, славяне. Поэтому населеніе относилось къ нимъ въ общемъ дружелюбно, а власти—не строго. Плѣнные свободно разгуливали по улицамъ въ авст-

* Дядя.

рійской военной формѣ, не вызывая ни въ комъ неудовольствія или вражды. Вѣдь подѣ этой фермой почти всегда оказывался «братъ», т. е. славянинъ. Помимо того, надо сказать, что интеллигенція сербская, 80—90% которой получаетъ образование въ Австріи, естественно находится подѣ ея культурнымъ вліяніемъ. Вы были бы не мало поражены, попавъ въ общество сербскихъ офицеровъ, обсуждающихъ какой-нибудь военный вопроеъ на нѣмецкомъ языкѣ...

Австрійскіе плѣнные, какъ культурно болѣе развитый элементъ, принесли Сербіи огромную пользу въ качествѣ больничныхъ служителей. Австріицы-больничары, можно сказать, вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть врачебно-сапитарной кампаніи. Ихъ приходилось по 200, по 300 человекъ на больницу, а больницъ въ одномъ Нишѣ, напр., было 15. Имъ поручались часто и фельдшерскія функці,—перевязка, вспрыскиванія и т. п. Кроме того, плѣнные служили писцами въ правительственныхъ канцеляріяхъ, напр., санитарнаго вѣдомства, занимали такія отвѣтственныя должности, какъ шефъ больницы или инженеръ путей сообщенія, и даже принимались въ ряды пограничной жандармеріи,—конечно, по болгарской или албанской границѣ. Въ сербской арміи служили бывшіе австрійскіе офицеры изъ плѣнныхъ,—я лично зналъ нѣкоторыхъ.

Если, такимъ образомъ, въ политическомъ отношеніи положеніе плѣнныхъ въ Сербіи было лучше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, то въ матеріальномъ отношеніи оно нигдѣ не было такъ ужасно. Въ этомъ нельзя винить спеціально сербовъ. Населеніе страдало отъ недостатка продуктовъ первой необходимости,—плѣнные также страдали, но, разумѣется, еще больше. Населеніе страдало въ городахъ отъ необыкновенной скученности, нехватки помѣщеній, отъ заразныхъ болѣзней,—плѣнные также страдали, но, конечно, еще хуже. Ибо это были все-таки плѣнные, о которыхъ заботились въ послѣднюю очередь. Во время эпидеміи они мерли, какъ мухи, особенно больничары. Считають, что изъ 80.000 плѣнныхъ умерло тысячъ 20—25.

Положеніе плѣнныхъ рѣзко измѣнилось къ худшему, когда—еще до наступленія—ихъ рѣшено было перевести во-внутрь страны, а затѣмъ, подѣ вліяніемъ хода событій, переправить всѣхъ въ Италію. Это—лучшее, что могли бы сдѣлать сербскія власти, но, къ сожалѣнію, они безсильны были провести эту мѣру, какъ слѣдуетъ.

Главные массы плѣнныхъ направлялись въ Македонію и южную Албанію—сферу сербскаго «вліянія»—на Дураццо. Посылали партіями въ одну—двѣ тысячи человекъ подѣ охраной стариковъ-крестьянъ, вооруженныхъ ружьями. На содержаніе въ дорогѣ выдавались бумажныя деньги. Но курсъ ихъ скоро и сильно понизился. Кредитный билетъ въ 10 динаръ оцѣнивался

только въ 7, 6, 5 и 4 франка. Потомъ большинство торговцевъ стало совсѣмъ отказываться отъ приема бумажныхъ сербскихъ денегъ. Правительство пробовало бороться съ этимъ. Было объявлено, что противъ тѣхъ, кто откажется принимать кредитные билеты, будутъ приняты военной властью самыя строгія мѣры вплоть до конфискаціи товара и смертной казни. Тюрьмы наполнились арестованными за нарушение постановленія. Но это не измѣнило положенія. Аресты продолжались. Тогда всѣ магазины въ Македоніи стали закрываться, хозяева ихъ—выселяться изъ городовъ. Дѣло дошло до того, что даже серебряныя монеты не брали, а только золото и турецкія деньги. Власти еще усилили строгости, объявивъ, что виновные въ нарушеніи приказа будутъ неукоснительно подвергаться наказаніямъ вплоть до разстрѣла ихъ домовъ артиллеріей. Но и эта мѣра оказалась безсильной внушить довѣріе къ бумажнымъ знакамъ, потерявшимъ всякую цѣнность.

Вы, вѣроятно, догадываетесь, какъ это должно было отразиться на застрявшихъ въ Македоніи и Албани плѣнныхъ, но едва ли представляете себѣ, до какой крайности дошло дѣло. Самыя страшныя бѣдствія человѣческія, землетрясеніе, голодъ, холера, не идутъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что произошло, ибо съ этими бѣдствіями люди борются коллективными усилиями, а здѣсь они, люди, боролись между собой...

Тѣ отдѣльные счастливыя изъ плѣнныхъ, у кого были иностранныя деньги или золото, добрались болѣе или менѣе сносно до Дураццо. Тѣ немногіе, у кого были свои сербскія деньги, все же чувствовали себя лучше, чѣмъ остальная масса: эта послѣдняя должна была существовать единственно на жалкій паекъ, выдаваемый сербскими бумажками, а это было равносильно тому, какъ если бы имъ предложили этими бумажками питаться въ буквальномъ смыслѣ слова... Власти поняли положеніе: приказано было вмѣсто денегъ выдавать въ городахъ по 1 килограмму хлѣба въ день на человѣка. Но вотъ большинство мѣсть, откуда приходилъ хлѣбъ, отрѣзано. Но вотъ объявляется реквизиція припасовъ для нуждъ арміи. Пакъ понижается до $\frac{1}{2}$ килограмма, а потомъ власти снова переходятъ къ выдачѣ денегъ.

Положеніе становится остро-критическимъ. Но есть еще одинъ изворотъ, еще одинъ послѣдній ресурсъ, къ которому прибѣгаютъ сами плѣнные. Австрійское правительство черезъ нейтральныя комиссіи снабдило ихъ обувью и платьемъ въ достаточномъ количествѣ. Они стали распродавать съ себя обувь и платье македонцамъ и албанцамъ. Кожа тамъ очень дорога, и за хорошіе сапоги давали по 60—80 динаръ. Но предложеніе росло и росло съ каждымъ днемъ, понижая цѣны, такъ что въ концѣ концовъ давали за пару сапогъ только... каравай хлѣба.

Плѣнные остались разутыми, раздѣтыми, но попрежнему

голодными. Продавать больше было нечего. И на все про все—бумажный сербскій паекъ...

Я служилъ въ то время въ Эльбасанѣ, албанскомъ городѣ подѣ сербскимъ управленіемъ, съ населеніемъ тысячъ въ двадцать. Получилось распоряженіе приготовить мѣсто для 1.000 плѣнныхъ. Скоро они явились. Что это была за картина! Еле двигаются колеблющейся походкой тѣни людей, ходячіе скелеты, одѣтые въ какое-то тряпье, съ босыми израненными ногами... Чехи, австрійцы, нѣмцы въ каскахъ... Многіе прошли пѣшкомъ отъ самыхъ сѣверныхъ городовъ до Эльбасана. Не ѣли по пяти—десяти дней. Сколько умерло въ дорогѣ!..

До прихода плѣнныхъ было у насъ въ больницѣ 50 человекъ, на другой день стало 500, и то мы принимали только тяжело-больныхъ.

Не успѣли этихъ размѣстить,—извѣстіе: идутъ еще 5.000. Я не знаю, могло ли бы еще что-нибудь привести насъ въ такой ужасъ, какъ эти 5.000 надвигающихся па Эльбасанъ голодныхъ тѣней... На засѣданіи властей, гдѣ и я былъ, интендантъ, схватившись за голову, кричалъ:

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?! У меня хлѣба едва для населенія хватитъ!..

Сообщаемъ о положеніи въ Чукусъ, откуда отправляютъ плѣнныхъ. Телеграфируютъ.:

— Выдаемъ уже муку вмѣсто хлѣба. Все равно голодать,—такъ лучше ближе къ морю.

Приняли въ больницу еще 500 человекъ. Заняли частныя помѣщенія,—взяли еще 500. Весь рационъ больныхъ состоялъ въ $\frac{1}{4}$ килограмма хлѣба.

Но вотъ въ Эльбасанѣ уже 15—20 тысячъ плѣнныхъ. Голодъ, страшный, массовой голодъ начался.

Всѣ мыслимыя помѣщенія давно заняты. Сколочены кое-какіе бараки. Но масса днюетъ и ночуетъ на улицахъ, вокругъ города, подѣ открытымъ небомъ. Запасы окончательно истощились. У пекарни происходятъ такія сцены. Ждетъ огромная толпа, пока откроется дверь. Открылась,—давка, десяти—пятнадцати счастливымъ удается получить хлѣбъ, затѣмъ дверь захлопывается. Въ нее бьютъ кулаками, выламываютъ, является полиція, кое-какъ успокаиваетъ: доводъ убѣдительно—хлѣба все равно нѣтъ... Или такая картина. Ёдетъ албанецъ съ мѣшкомъ, прорвался мѣшокъ, просыпалось кукурузы въ лужу. Сейчасъ же бросаются кучей плѣнные искать зерна и съ грязью глотаютъ ихъ... Начались кражи. Плѣнные рыскали по городу и по окрестностямъ, разыскивая все, что сколько-нибудь годилось въ пищу. Всѣ съѣдобныя растенія, маслины на деревьяхъ были уничтожены. Убивали собакъ, кошекъ и поѣдали сырѣемъ.

Обдирали дохлыхъ лошадей и ословъ, отхватывали ножами куски, дрались за лучшіе и тутъ же пожирали...

Едва покажешься на улицу, всѣ протягиваютъ руку, просятъ милостыню. Протискиваюсь разъ такъ, хватаетъ меня какой-то молодой человѣкъ и умоляетъ по-нѣмецки:

— Возьмите моего брата въ больницу! Онъ умираетъ на сосѣдномъ дворѣ!

Иду и нахожу полускелеть, оказывающійся докторомъ юридическихъ наукъ изъ Праги, чехомъ... Не ѣлъ пять дней, боленъ дизентеріей четвертый день. Въ больницу не взяли, умоляетъ помочь, показываетъ документы. Братъ, студентъ, рыдаетъ... Чтобы не заплакать самому, я наскоро сую денегъ и бѣгу прочь. Я безсиленъ.

Съ голодомъ пришла дизентерія. У насъ былъ большой запасъ медикаментовъ для борьбы съ заразой, но онъ быстро исчезъ. Вы знаете, что такое дизентерія: больница залита была вонючими экскрементами. Голодь и болѣзнь уносили ежедневно десятки и сотни жертвъ. А тутъ стали подходить отступавшія сербскія войска, стали прибывать раненые. Мы получили приказъ очистить для нихъ больницу. Ничего не оставалось, какъ выбросить на улицу всѣхъ нашихъ больныхъ, кромѣ умирающихъ. Смертность повысилась еще болѣе. Ударили морозы—большая рѣдкость въ тѣхъ мѣстахъ,—къ десяткамъ ежедневно гибнувшихъ отъ голода и дизентеріи прибавились десятки замерзшихъ. У многихъ появилась гангрена на рукахъ и ногахъ. По улицамъ то и дѣло таскали носилки въ мертвецкую при больницѣ. 50 человѣкъ назначено было специально для копанія могилъ. Вереницей шли носилки, по два трупа на каждыхъ, отъ больницы за городъ къ большимъ братскимъ могиламъ.

Ужасъ смерти носился по городу и окрестностямъ, ужасъ смерти рѣялъ надъ толпой, наполняющей улицы съ закрытыми магазинами и домами. Только изъ кафанъ несло дикое пѣніе и музыка цыганъ.

И прибыла еще одна партія плѣнныхъ... Но простите, я не знаю, какъ рассказать это...

Докторъ долго молчалъ, глядя куда-то въ одну точку. Затѣмъ, медленно продолжалъ:

— Вотъ у Джека Лондона страшный рассказъ, кажется, «Любовь къ жизни» называется. Человѣкъ заблудился гдѣ-то въ Канадѣ. Много дней шелъ онъ, пока совсѣмъ не обезсилѣлъ отъ голода и холода. А море, къ которому онъ стремился, было уже близко, и виднѣлось вдаль у берега судно. Идти онъ больше не могъ, онъ поползъ. Часто отдыхалъ и снова ползъ. Его ноги, руки были, какъ куски истерзаннаго мяса. Но онъ все ползъ, ползъ... На суднѣ находились ученые люди. Они заинтересовались страннымъ существомъ, которое, извиваясь чудовищнымъ,

уродливымъ червемъ, медленно, но упорно ползло къ морю. Долго они разглядывали его, прежде чѣмъ пришли къ заключенію, что это—человѣкъ...

Теперь скажу вамъ только вотъ что. Отъ Чукуса до Эльбасана 12 часовъ ходьбы черезъ высокія, скалистыя горы. Изъ Чукуса въ Эльбасанъ приползло однажды къ нашей больницѣ *пятьдесятъ* живыхъ существъ. Мы долго въ оцѣпенѣніи смотрѣли на нихъ, а потомъ принялись рѣзать и пилить ихъ истерзанныя, черныя отъ гангрены руки и ноги.

Ибо это были—люди.

Я подвигался потомъ съ плѣнными изъ Эльбасана въ Тирану, Каваю и, наконецъ, въ Дураццо. Отъ описанія этого перехода черезъ албанскія горы вы меня увольте. Сколько человѣкъ изъ общаго числа плѣнныхъ добралось до Италіи, я тоже затрудняюсь сказать. Но расскажу вамъ, что видѣлъ на итальянскомъ пароходѣ при переѣздѣ въ Бриндизи.

Товарный пароходъ биткомъ набитъ. Несутъ мѣшки съ сухарями—кормить плѣнныхъ. Сухари твердые, какъ камни, зубы обломаешь. Матросъ кидаетъ въ трюмъ мѣшокъ, на него набрасываются, какъ голодные звѣри, люди, дерутся между собою, выхватываютъ другъ у друга сухари, вырываютъ изъ зубовъ, лапаютъ, борясь, и съ полу прямо ртомъ хватаютъ упавшіе куски. Глухой шумъ, сдавленные выкрики, хрустъ разгрызаемыхъ сухарей...

Вяч. Калининъ.

РОССІЯ И ЕЯ СОЮЗНИКИ. *

Война рѣшаетъ экономическій конфликтъ между западными странами высокаго капитализма. Національный капиталъ Англии и Франціи, съ оружіемъ въ рукахъ, защищается отъ бурнаго экономическаго роста, отъ «мирнаго» имперіализма Германіи. Неизбѣжность современной борьбы сознавалась заинтересованными и имущими властью англо-французскими кругами уже десятилѣтія назадъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была очевидна и невозможность сокрушить могучаго врага собственными, хотя бы и соединенными силами.

Мы знаемъ, что еще въ 1852 году въ Англии была образована парламентская комиссія для выясненія размѣровъ и причинъ нѣмецкаго экономическаго засилья; комиссія эта пришла къ неутѣшительнымъ для національной промышленности результатамъ, и, быть-можетъ, положила начало всей будущей политической ориентации «коварнаго Альбіона».—Но гораздо острѣе вопросъ стоялъ во Франціи. Еще всемірная выставка 1867 года показала французскимъ промышленникамъ, что второе мѣсто на міровомъ рынкѣ послѣ Англии принадлежитъ, пожалуй, не имъ, а молодой германской индустріи. Несчастливая война 1871 г. уже не оставила сомнѣній въ томъ, что французская промышленная гегемонія навсегда останется несбыточной мечтой, и прежняя экономическая роль Франціи окончательно утеряна. Послѣ пяти-миллиардной контрибуціи, выкачанной изъ страны для оплодотворенія вражьей промышленности, французскому имперіализму было не до жиру—быть бы живу. Приходилось спѣшно искать экономическихъ «компенсацій» по всѣмъ линіямъ меньшаго сопротивленія. И Франціи суждено было явиться главнымъ застрѣльщикомъ въ колониальной горячкѣ того времени, завершившей окончательный раздѣлъ міра.

Однако, колониальная политика не дала желаемыхъ плодовъ французскому капиталу. Напротивъ, руководимая злополучнымъ Жюлемъ Ферри, она терпѣла одну неудачу за другой. Ничего не далъ Франціи захватъ Туниса, отъ котораго больше выиграли итальянцы. Не могла имѣть замѣтныхъ результатовъ и экспедиція на Мадагаскаръ. Большія надежды основательно возлагались на дальній востокъ; но «тонкинская экспедиція»

* См. «Лѣтопись» №№ 2, 3, 4 за 1916 г.

кончилась ужь совсѣмъ плохо; перейдя во франко-китайскую войну, она увѣнчалась знаменательнымъ отступленіемъ передъ китайскими войсками и стоила 322 милл. франковъ съ десятью тысячами человѣческихъ жизней въ придачу. Изъ колониальной политики ничего не выходило. Надо было изыскивать иныя «возможности» для національнаго капитала.

Но франко-прусская война имѣла чрезвычайные результаты и еще въ одной области, не менѣе важной. Послѣ потери Эльзаса и Лотарингіи *стратегическое* положеніе Франціи стало въ нѣсколько разъ хуже сравнительно съ восточной сосѣдкой. Новое единоборство съ Германіей уже почти навѣрняка отдавало Парижъ въ руки врага послѣ первыхъ же его сколько-нибудь левкихъ ударовъ. Территориальныя потери, въ связи съ замедленнымъ (уже тогда) ростомъ населенія, рѣзко отражались и на количественномъ составѣ арміи. Вообще обороноспособность страны была рѣзко подорвана. А это уже грозило Франціи судьбой, если не Испаніи, то Бельгіи, и ставило крестъ на ея активной великодержавной политикѣ. Не въ такомъ духѣ воспала исторія французскую буржуазію.

Выходъ изъ положенія былъ мыслимъ только одинъ: созданіе новаго «европейскаго равновѣсія» или, попросту, заключеніе выгоднаго союза. Мудрено ли, что немедленно по выясненіи колониальныхъ неудачъ, по ликвидаціи политической роли Жюль Ферри (1885 г.), взоры французскихъ руководящихъ круговъ устремились на востокъ, къ могучему полуазиатскому царству, бѣдному производительными силами, но богатому людьми. Получить ихъ въ свое распоряженіе, обезпечить себѣ мощную военную поддержку въ тылу Германіи—поистинѣ стало жизненной необходимостью французской буржуазіи. Это давало Франціи не только оборонительныя силы, но и стратегическій перевѣсъ. Это уравнивало ея шансы въ міровой политикѣ и обезпечивало ресурсы французскому империализму.

Но этого мало: союзъ съ Россіей давалъ Франціи въ готовомъ видѣ и самый объектъ империализма, — колоссальный рынокъ: здѣсь могъ быть взятъ реваншъ за всѣ колониальныя неудачи; здѣсь могъ рассчитывать получить полное удовлетвореніе французскій капиталъ въ его крайне незавидномъ положеніи. — Союзъ съ могучей *военной* державой Франціи надо было приобрѣсти во что бы то ни стало. Такого же союзника, какъ Россія, стоило добиваться любой цѣной. И, дѣйствительно, во Франціи его добивались, не жалѣя и не разбирая средствъ. Въ этомъ отношеніи крайне характерна исторія франко-русскаго союза. Буржуазно-демократическая республика дѣлала гораздо болѣе, чѣмъ было возможно для нея, какъ таковой, чтобы привлечь къ себѣ самодержавную монархію, которой въ этомъ союзѣ не было никакой крайности.

И мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ видѣли въ исторіи послѣднихъ лѣтъ, что наша союзница имѣла полный успѣхъ.

Сближеніе съ Россіей имѣло своихъ защитниковъ еще въ правительствѣ національной обороны 1871 года. Однако, только въ 1887 была открыто поставлена къ нему «первая вѣха», когда депутати болгарскаго народнаго собранія, пріѣхавшей просить управы на свою освободительницу, были неожиданно данъ недвусмысленный совѣтъ: помнить о чувствахъ, которыя должны питать болгары къ своей старшей сестрѣ, и исполнять ея приказанія. Уже этотъ актъ имѣлъ своимъ результатомъ категорическій отказъ Россіи въ поддержкѣ Бисмарка и даже въ обѣщаніи сохранить нейтралитетъ въ случаѣ поваго германскаго похода на Францію: франко-германскій конфликтъ въ эпоху «буланжизма» уже не былъ изолированнымъ и былъ первымъ преднаменованіемъ антигерманской борьбы въ ея современномъ видѣ и всеевропейскомъ масштабѣ. Однако, франко-русскій союзъ въ ту эпоху еще далеко не созрѣлъ. *Россія* не имѣла въ немъ достаточной нужды и не проявляла достаточной къ нему охоты. И главнымъ тормазомъ были, конечно, соображенія внутренней политики. Молодая республика, хотя и долго сохраняла свое прежнее «бонапартистское» естество, все же передъ лицомъ восточной монархіи обязана была заслужить на дѣлѣ свидѣтельство благонадежности.

Когда во внѣшней политикѣ говорятъ о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла, то при этомъ вообще разумѣютъ только внутреннія дѣла самого говорящаго: вотъ и теперь какъ разъ въ нашей правой печати ведется любопытная кампанія противъ «союзнаго» вліянія на наши историческіе устои. Свое вліяніе на чужія дѣла расцѣпляется иначе. Въ ту эпоху многія вліятельныя лица опредѣленно сочувствовали генералу Буланже, а такой авторитетъ того времени, какъ Катковъ, не всегда воздерживался отъ прямыхъ указаній, что Россія можетъ быть союзницей только монархической Франціи.

Но у Франціи была крайность. И она выносила гораздо больше, чѣмъ простое третированіе ея парламентаризма и ея новаго порядка. Когда въ 1887 году образовался радикальный кабинетъ во главѣ съ Флоке, русскій посоль, баронъ Моренгеймъ, вспомнилъ объ одномъ неумѣстномъ возгласѣ Флоке, при посѣщеніи Парижа русскимъ императоромъ много лѣтъ назадъ; въ результатѣ французскій министръ-президентъ долженъ былъ уступить свое мѣсто другому. А въ 1889 году по тѣмъ же причинамъ Флоке не достался портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Труднѣе было французскому правительству справляться съ другими требовааніями своего новаго друга, менѣе поддающимся закулисной обработкѣ и болѣе зависимыми отъ общественнаго мнѣнія: это—выдача и амнистія политическихъ преступниковъ.

Здѣсь дѣла Березовскаго и Крапоткина едва не оказались роковыми для союза. Но въ 1890 году французское правительство съ избыткомъ искупило эти свои ошибки: съ большимъ искусствомъ и съ планомѣрнымъ расчетомъ оно дало созрѣть заговору русскихъ нигилистовъ въ Парижѣ, а затѣмъ организовало ихъ громкій процессъ. Этимъ исполнялось обѣщаніе Гамбетты—сдѣлать все, что потребуетъ русское правительство, въ интересахъ его борьбы съ революціонерами. «И теперь,—пишетъ нашъ историкъ М. Н. Покровскій,—зная, какое значеніе придавалось въ Петербургѣ этой политической сторонѣ «добраго согласія», мы не удивимся, встрѣчая на страницахъ исторіи союза на каждомъ шагу имя Рачковскаго,—имя, хорошо извѣстное русской публикѣ, чтобы оно нуждалось въ комментаріяхъ» *.

Однако, совершенно ясно, что это энергичное содѣйствіе республики въ борьбѣ съ русскимъ демократическимъ движеніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать только какъ услугу русскому правительству, какъ средство снискать его расположеніе. Французскій капиталъ и самъ былъ кровно заинтересованъ въ этой борьбѣ. Всѣ его планы были бы неосуществимы, если бы русское движеніе имѣло сколько-нибудь рѣшительный успѣхъ. Судьба союза была неразрывно связана съ судьбой нашего стараго порядка. И Франціи приходилось поддерживать его не за страхъ, а за совѣсть.

И все-таки ни собственная политическая благонадежность Франціи, ни все ея «политическое» содѣйствіе не могли бы сами по себѣ изъ «добраго согласія» создать союзъ, такъ необходимый Франціи и сравнительно безразличной Россіи. Для союза было необходимо создать между странами *золотой мостъ*. Для французскаго капитала это имѣло и огромное самостоятельное значеніе въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ. Но, конечно, въ данномъ случаѣ и звѣрь бѣжалъ на ловца: намъ были нужны деньги. На нашемъ прежнемъ фондовомъ рынкѣ, въ Германіи, дѣло обстояло неважно. Нѣмецкіе капиталы—и родовые и благопріобрѣтенные въ войнѣ 1871 года—были заняты: во-первыхъ, бурно росла своя индустрія, во-вторыхъ «колоніальныя» бумаги здѣсь казались болѣе привлекательными. И, наконецъ, политическое «охлажденіе» создало атмосферу бойкота русскихъ цѣнностей нѣмецкими банкирами.

Понятно, что вся совокупность описанныхъ обстоятельствъ толкала на мысль о перенесеніи рынка русскихъ фондовъ во Францію. И уже въ 1888 году, послѣ долгихъ переговоровъ и тщательныхъ приготовленій, произошло событіе, предопредѣлившее всю будущую внѣшнюю исторію нашей родины до настоя

* См. «Исторію Россіи» XIX в. изд. «Гранатъ», вып. 35. Тамъ же можно найти подробности по исторіи франко-русскаго союза вообще.

щихъ дней: былъ заключенъ на французскомъ рынкѣ первый русскій заемъ. Съ этихъ поръ французскій капиталъ уже былъ связанъ съ судьбой нашего режима, а дѣло французской національной обороны уже было подѣлено между Франціей и Россіей.

Послѣ перваго займа въ полмиллиарда франковъ, наши займы во Франціи слѣдовали одинъ за другимъ. Въ 1889 г. заключаются два займа—въ 700 и въ 1200 милл. франковъ; въ 1890 г.—три займа въ 300, 360 и 41 милл. фр., въ 1891 г.—320 и 500 милл. фр. И въ августѣ этого года русско-французскія отношенія были уже документально закрѣплены и формулированы въ томъ смыслѣ, что каждая изъ договаривающихся сторонъ обязывалась всѣми средствами помогать другой въ случаѣ нападенія на нее какой-либо третьей державы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ было предусмотрено и назначеніе деньгамъ (конечно, части ихъ), которыя намъ ссужались и за которыя мы благодарили процентами французскихъ банкировъ: французскія фабрики, около того же времени, получили заказъ на изготовленіе ружей для русской арміи.

Вообще, всѣ эти займы поступали главнымъ образомъ въ распоряженіе государства, но не народнаго хозяйства, и лишь въ очень малой степени оплодотворяли нашу промышленность. Офіціальныи «Вѣстникъ Финансовъ», какъ и другіе источники, указываютъ, что самое большее одна шестая часть русскихъ предпріятій, возникшихъ въ 90-ые годы, пользовалась иностраннымъ капиталомъ и что французскій импортъ капитала въ Россію пришелся на долю не промышленности, а именно государственныхъ займовъ. * Французскій капиталъ поддерживалъ то, въ чемъ онъ нуждался: нашъ политическій и государственный аппаратъ. И онъ получалъ свое: при закрѣпленіи на «клочкѣ бумаги» соглашенія въ августѣ 1891 года былъ поставленъ вопросъ о военной конвенціи—по примѣру тройственнаго союза, заключившаго ее тремя годами раньше. А ровно черезъ годъ эта военная конвенція была подписана начальниками штабовъ русской и французской армій, генералами Обручевымъ и Буадеффриомъ. И, наконецъ, весной 1894 года былъ подписанъ окончательный актъ оборонительнаго союза Россіи и Франціи, одновременно въ Петербургѣ и Парижѣ, министрами иностранныхъ дѣлъ Гирсомъ и Казимиромъ Перье.—Французскому капиталу были обезпечены и рынокъ, и національная оборона.

Какое значеніе приобрѣли для Франціи русскіе займы и какое значеніе для нашихъ фондовъ приобрѣла Франція уже

* См., напр., А. Финъ-Енотаевскій «Соврем. хозяйство Россіи» Спб. 1911 г. стр. 472—488.

къ началу XX столѣтія, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ (относящихся къ 1902 г.). *

Было вложено французскаго капитала:

Россія	9—10	миллиардовъ фр.
Египетъ и Суэць	3—4	» »
Румынія и Греція	3—4	» »
Испанія и Португалія	3,5	» »
Аргент., Бразилія и Мексика	2,5—3	» »
Тунисъ и франц. колоніи	2—3	» »
Австро-Венгрія	2	» »
Японія и Китай	1	» »
Канада и Соед. Штаты	0,5—1	» »
Англія, Германія, Швейцарія, Бельгія и Голландія—по	0,5	» »

Комментаріи къ этимъ цифрамъ излишни. При каждомъ русскомъ займѣ французскіе банки, а также и французская пресса, дѣлали отличныя дѣла. И французское общественное мнѣніе отдавало себѣ полный отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣютъ русскіе займы помимо непосредственныхъ выгодъ для держателей бумагъ; оно прекрасно сознавало, какіе проценты по нимъ обезпечила «дипломатія» помимо купоновъ.

«Состоятельная Франція, — писалъ въ 1913 г. генераль Шерфисъ въ «Echo de Paris», — выплатила своему русскому другу до сихъ поръ 17 миллиардовъ франковъ и готова дать еще 2¹/₂ миллиарда ежегодными взносами въ 500-600 миллионновъ. За эти услуги Россія обязалась, въ случаѣ войны, поддержать своими военными силами союзницу и кромѣ того употребить известную часть данныхъ ей денегъ на улучшеніе своей государственной обороны и прежде всего мобилизаціи». Настолько прочно укоренилась и такъ глубоко проникла во французское «самосознаніе» идея распоряженія русской военной силой, что даже одинъ изъ лидеровъ французскаго социализма предъявилъ однажды запросъ военному министру въ палатѣ: «какимъ образомъ министерство могло допустить, чтобы Россія, въ угрозу европейскому миру, ослабила на два корпуса войска, стянута къ германской границѣ» *.

На русскій военно-политическій аппаратъ во Франціи уже смотрѣли, какъ на свое законное достояніе. И надо было видѣть ту тревогу, то благородное негодованіе, какое возбуждали тамъ сколько-нибудь самостоятельные дипломатическіе шаги Рос-

* В. Harms, «Volkwirtschaft und Weltwirtschaft». S. 228—9; А. Исаевъ «Мировое хозяйство». Стр. 82-83.

** Цит. по ст. С. Мстиславскаго «Стальная наличность». «Завѣты» № 5. 1914 г.

сіп, особенно сношенія съ Германіей. Стоитъ вспомнить, какой шумъ поднялся во французской прессѣ, въ парламентѣ, въ салонахъ послѣ постдамскихъ переговоровъ 1911 года. Была ли предупреждена о нихъ Франція? О чемъ говорилось? Чего смотрѣло правительство и г. Пишонъ?

Напрасно мнѣнстерство утѣшало скорымъ прибытіемъ въ Парижъ г. Сазонова и высокопоставленныхъ особъ. Общественное мнѣніе требовало гарантій — военныхъ и дипломатическихъ. И тутъ же, по вопросу о «нарушеніи Россіей военной конвенціи» г. Флурансъ, бывший министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1891 году, напомнилъ о нѣкоторыхъ деталяхъ заключенія франко-русскаго союза: «въ своихъ тогдашнихъ переговорахъ съ русскимъ посломъ Моргенгеймомъ онъ обязались алльянсъ предварительнымъ заключеніемъ военной конвенціи. Онъ началъ съ того, что указалъ послу со словъ французскаго главнаго штаба на необходимость измѣнить дислокацію русскихъ войскъ, численность которыхъ въ Польшѣ уменьшилась на три корпуса со времени русско-турецкой войны 1877—78 гг. Французскій штабъ имѣлъ въ виду, что въ случаѣ войны надо было заставить германскую армію раздѣлиться и направить по меньшей мѣрѣ 400-тысячное войско въ сторону Россіи. Если теперь (въ 1911 г.), по истеченіи 20 лѣтъ, на это нельзя рассчитывать, то къ чему Франція алльянсъ?..» * Одна сторона знала, чего хотѣла; но и у другой не могло быть сомнѣній въ томъ, на что она идетъ и какой подписываетъ вексель.

Не меньше тревоги возбудило и свиданіе въ Балтійскомъ порту, состоявшееся лѣтомъ слѣдующаго (1912) года. Около этого времени Государственная Дума одобрила такъ называемую «малую судостроительную программу», и судьба ея не мало беспокоила — въ противоположныхъ смыслахъ — высокія сферы Германіи и Франціи. Могло ли свиданіе въ шхерахъ не превратиться въ собственную противоположность? Немедленно вслѣдъ за Вильгельмомъ II въ Петербургъ прибылъ французскій министръ-президентъ Пуанкарре, одинъ изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ и крайнихъ представителей французской великодержавности. И пріѣхалъ онъ не съ пустыми руками: онъ привезъ «необходимое дополненіе» франко-русскаго союза и военной конвенціи 1892 года, — морскую конвенцію 1912 г. Значеніе этой послѣдней было хорошо и правильно оцѣнено обѣими сторонами «европейскаго концерта». «Характернымъ симптомомъ, — писалъ «*Berliner Tageblatt*», — является то обстоятельство, что франко-русская конвенція заключена спустя короткое время послѣ поѣздки въ Россію императора Вильгельма, о блестящихъ результатахъ

* Цит. по «Рѣчи» за 1911 г. № 24. «Франко-русс. отнош.»

которой германскіе офиціозы недавно отзывались съ величайшимъ удовлетвореніемъ».

Тѣмъ не менѣе газета полагала, что конвенціи не слѣдуетъ удивляться, какъ не слѣдуетъ видѣть въ ней поводъ для безпокойства, — ибо морскія силы Россіи, даже послѣ осуществленія «программы», будутъ относительно слишкомъ ничтожной величиной. Но въ германскихъ «сферахъ» даже не возникало вопроса, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ этихъ морскихъ силъ: тамъ не сомнѣвались, что оружие точится именно противъ нихъ. Напротивъ, французская печать обсуждала конвенцію съ полнымъ удовлетвореніемъ. Согласно телеграфному сообщенію въ петербургской прессѣ, «на парижской биржѣ извѣстіе о конвенціи произвело очень хорошее впечатлѣніе, такъ какъ конвенція упрочиваетъ положеніе Франціи и увеличиваетъ шансы европейскаго мира. Тѣмъ не менѣе повышенія французской ренты и русскихъ фондовъ не замѣчалось...» * Послѣднее обстоятельство, конечно, очень странно: вѣдь сказано же, что шансы европейскаго мира увеличились.

Помимо морской конвенціи, послѣдовавшей за визитомъ германскаго императора и довершившей дѣло франко-русскаго военнаго объединенія, въ тѣ же дни въ парижской печати появилось сообщеніе еще объ одномъ соглашеніи между Россіей и Франціей. Согласно этому соглашенію «Россія обязывалась по всѣмъ вопросамъ европейской политики, предварительно какихъ-либо переговоровъ съ Германіей, освѣдомлять объ этомъ Францію» **.

Точность этой редакціи тогда же оспаривалась; но мы знаемъ, въ какой строгой тайнѣ вообще принято держать всякаго рода соглашенія правительствъ разныхъ странъ между собою.—Немудрено, что наша собственная (національ-либеральная) печать совершенно растерялась и запуталась въ этой дипломатіи. Съ одной стороны, необходимо было поставить на видъ, что все это дѣлается для «выгодъ Франціи и косвенно Англій» и что намъ надо тщательно разработать вопросъ о «компенсаціяхъ» — по пословицѣ: «долгъ платежомъ красенъ» (такъ, однако, представляли себѣ дѣло именно во Франціи). Съ другой стороны, необходимо было дѣлать *bonne mine*, демонстрировать «*entente cordiale* съ великой демократіей» при встрѣчѣ ея высокаго представителя.

И вотъ въ какихъ, примѣрно, рѣчахъ нашего либеральнаго офиціоза воплощался этотъ наплывъ разнородныхъ чувствъ: «время не ждетъ, для «академическихъ» разговоровъ двадцатое столѣтіе живетъ слишкомъ быстро и слишкомъ лпхора-

* См. «Рѣчь», № 200 за 1912 г.

** Тамъ же № 201.

дочной жизнью. Надо сговариваться на сегодняшній, на завтрашній день. Правда, для этого надо знать то, что у насъ не всегда знаютъ. Надо знать, чего мы хотимъ. Приѣздъ Пуанкаре, реальнаго и умнаго политика, и въ этомъ отношеніи долженъ принести намъ пользу: онъ будетъ провѣрочнымъ экзаменомъ для нашихъ диллетантовъ дипломатіи...» * Поистинѣ, нѣтъ худа безъ добра. Вотъ, можетъ быть, и современныя событія принесутъ намъ подобную же пользу: можетъ-быть, встряхнуть отечественную маниловщину. Достаточна ли такая «компенсация»— другой вопросъ.

* * *

Сказаннаго выше, въ предѣлахъ возможнаго, пожалуй, достаточно для того, чтобы понять, чѣмъ обуславливалось участіе Россіи въ современной войнѣ, какія силы ее втянули въ европейскій конфликтъ при отсутствіи для нея въ этомъ конфликтѣ всякихъ матеріальныхъ интересовъ. Если воюетъ Франція, то не можетъ бокъ-о-бокъ съ ней не воевать и Россія.—Однако, современную войну мы разсматривали выше, какъ *англо-германскій конфликтъ по преимуществу*. Въ ликвидаціи германской экономической и военной мощи заинтересована прежде всего и больше всего Англія. И намъ нельзя оставить въ тѣни ея роль въ созданіи данной группировки державъ при неизбѣжномъ ея столкновеніи съ Германіей.

Исторія англійской внѣшней политики за послѣднія десятилѣтія сложилась иначе, чѣмъ во Франціи. Все складывалось такъ, что борьба съ Германіей, сулившая Англіи наилучшіе плоды, требовала отъ нея наименьшихъ жертвъ. Англія, не въ примѣръ Франціи, далеко не была въ крайности. Передъ лицомъ назрѣвавшей германской опасности она могла сохранять полную свободу дѣйствій и выбирала себѣ союзниковъ не по нуждѣ, а по выгодѣ. «Владычица морей», она съ традиціоннымъ искусствомъ пользовалась антагонизмами на континентѣ и тщательно избѣгала связывать себѣ руки. Главное заинтересованное лицо, она даже въ современной борьбѣ народовъ имѣла шансы ликвидировать германскій натискъ безъ своего непосредственнаго участія. Англія не хотѣла воевать. И даже когда зарево уже охватило весь континентъ, вопросъ о «вмѣшательствѣ Англіи» еще обсуждался и не казался рѣшеннымъ.

Франція, вооружая Россію, никогда не питала надеждъ остаться въ сторонѣ отъ непосредственной борьбы. Событія показали, что безъ англійскаго флота также воевать невозможно: Германію было необходимо превратить въ «осажденную крѣпость». Но самый процессъ созданія настоящей группировки державъ,

* См. передовицу «Рѣчи» отъ 27 іюля 1912 г.

необходимой обстановки борьбы, стоилъ Англии неизмѣримо меньше, чѣмъ Франціи. Собственно—ничего не стоилъ.

Въ 1870-хъ годахъ, когда Франція, подорванная экономически и стратегически, принуждена была искать quiaid tēme союзника, подобнаго Россіи,—Англія была экономическимъ гегемономъ міра. Стратегически же она, какъ и на протяжении всей своей исторіи, опиралась на свою физическую недосыгаемость, на свое островное положеніе и свой могучій флотъ. «Германское засилье» тогда было уже осознано; и будущая борьба и съ этимъ самымъ страшнымъ изъ враговъ уже отчетливо вырисовывалась въ «туманѣ» пемногихъ десятилѣтій. Но при данномъ положеніи Англии, у нея еще долго не было нужды покидать свою традиционную позицію «блестящаго одиночества». Да и какъ было ее покинуть? Враждебень былъ «германскій міръ»,—но развѣ прочіе владыки континента могли быть друзьями?

Франція была исконнымъ врагомъ—и въ прошлые вѣка, и въ новѣйшее время; съ нею британскому капиталу приходилось вести непрерывную и упорную борьбу—и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Индо-Китаѣ, и за африканскія колоніи; французскій капиталъ былъ традиционнымъ и сильнымъ соперникомъ. Правда, были и эпохи «сердечнаго сближенія» (при Людовикѣ-Филиппѣ) и даже «кровью спаянныя» совмѣстныя дѣйствія противъ общихъ враговъ (противъ Россіи въ 53—56 г.г.). Но это были лишь эпизоды. Англо-французскій антагонизмъ былъ до послѣдняго времени настолько силенъ, что въ моментъ заключенія франко-русскаго союза (1890) Англія даже склонялась къ дружбѣ съ Германіей. А уже въ 1898 году между Англией и Франціей, изъ-за африканскихъ дѣлъ, чуть было даже не вспыхнула война (фашодскій инцидентъ).

Немногимъ лучше были и отношенія съ Россіей. Если у насъ, вплоть до послѣднихъ лѣтъ, былъ традиционный врагъ въ Европѣ, то это была Англія. Мы знаемъ, что русскій и англійскій капиталъ сталкиваются повсюду—въ Турціи, въ Персіи, въ Средней Азійи *. Правилкомъ англійской политики была всегда поддержка враговъ русскаго имперіализма и рѣшительное противодѣйствіе всѣмъ его шагамъ. Въ 1885 году движеніе русскихъ въ Среднюю Азійю («походъ на Индію») едва не кончилось совсѣмъ плохо. Англійскаго сближенія съ Россіей, какъ и съ Франціей, было ожидать невозможно, пока для Англии не возникло въ этомъ настоятельной нужды.—Такое время, однако, наступило. Съ «гордымъ одиночествомъ» пришлось разстаться. И передъ лицомъ новаго сильнѣйшаго врага пришлось смѣнить къ старымъ гнѣвъ на милость.

Дѣло въ томъ, что Англія, въ области «національной обо-

* См. «Лѣтопись», мартъ, «Интересы Россіи въ мировой войнѣ».

роны» всегда придерживалась такъ называемой «двухдержавной политики» (Two-Power-Standard). Сущность ея состоитъ въ томъ, что при опредѣленіи необходимаго минимума своихъ морскихъ силъ Англія руководствовалась размѣрами флотовъ двухъ наиболѣе могущественныхъ морскихъ державъ; ея собственный флотъ долженъ былъ равняться суммѣ этихъ флотовъ съ набавкой еще 10% на могущія быть случайности. Если бы, при такихъ условіяхъ, Англія въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ противникомъ, уничтожая его флотъ, израсходовала равновеликую часть своихъ собственныхъ морскихъ силъ, то она все же осталась бы самой сильной морской державой и сохраняла бы полную независимость.

Въ такомъ положеніи находилась Англія до сравнительно недавняго времени. Но, — по словамъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ нашихъ военныхъ офицеровъ, — «положеніе Англіи стало шаткимъ со вступленіемъ одного изъ членовъ тройственнаго союза, Австро-Венгрии, въ ряды морскихъ державъ»... «Собственные средства Англіи оказались недостаточными, и она начинаетъ выходить изъ состоянія того блестящаго одиночества, которымъ она такъ традиціонно гордилась. Въ 1904 году она протягиваетъ руку своему вѣковому врагу, Франціи, и заключаетъ наступательно-оборонительный союзъ съ Японіей. Наконецъ, въ 1907 году Англія рѣшается на соглашеніе съ Россіей...» *

Соглашеніе это, насколько его содержаніе извѣстно обществу, касалось главнымъ образомъ персидскихъ дѣлъ. «Англія, — продолжаетъ тотъ же военный авторитетъ, — нашъ традиціонный врагъ, теперь дошла до необыкновенной предупредительности для привлеченія Россіи на свою сторону». Однако, надо сказать, что въ англо-русскомъ соглашеніи 1907 года Англія ровно ничѣмъ не поступилась въ пользу Россіи. Напротивъ, русской дипломатіи пришлось уступить персидскую «нейтральную зону» Англіи, а, кромѣ того, совершенно оставить въ покоѣ Тибетъ и его Далай-ламу. Предупредительность Англіи выразилась гораздо больше въ любезныхъ визитахъ и обворожительномъ обращеніи. Стоитъ вспомнить, помимо официальныхъ свиданій, сколько энтузіазма въ нашемъ обществѣ сумѣла вызвать англійская парламентская делегация, посѣтившая Россію въ началѣ 1912 года, за нѣсколько дней до французскихъ гостей! Нѣсколько дѣловыхъ нотъ, взятыхъ, напр., министромъ торговли Тимашевымъ (о великобританскомъ «цѣнномъ продуктѣ, который принимается во всѣхъ странахъ съ распростертыми объятіями и допускается даже безъ оплаты таможенныхъ по-

* См. «Извѣстія Имп. Военной Академіи» № 13, за 1911 г. «Торговое и политич. соперничество Англіи и Германіи», ст. кор. Богдановича.

шлинъ—о капиталѣ»), совершенно потонули въ морѣ прочувствованныхъ и безкорыстныхъ рѣчей, демонстрировавшихъ широкую и прямую славянскую натуру и выражавшихъ искреннее наше удивленіе передъ носителями высшей культуры.

Но, кромѣ того, въ распоряженіи Англіи были и инья средства. Послушаемъ дальше цитированный офиціозъ. Англія и Германія, говоритъ онъ (въ 1911 году) неизбежно должны были столкнуться на полѣ брани въ результатъ своей яростной экономической конкуренціи. «Но все же, дѣйствуя изолированно, эти государства фактически не могутъ достигнуть полного разрѣшенія своей борьбы, такъ какъ Англіи для этого нужны союзники съ сильной арміей, а Германіи—союзники съ сильнымъ флотомъ. Таковы для Англіи Франція и Россія. Англія заинтересована въ привлеченіи хотя бы силой нужныхъ ей союзниковъ и въ удержаніи Америки отъ союза съ Германіей. Германіи необходимы морскіе союзники и нейтралитетъ Россіи. Но въ рукахъ Англіи теперь находится могучее оружіе для обезпеченія нейтралитета Америки и насильственного привлеченія Россіи къ союзу съ собой. Этимъ оружіемъ является угроза Америкѣ и Россіи Японіей, которой Англія за эту услугу обезпечиваетъ міровое положеніе».

Не менѣе, а еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія Россіи, съ ея огромной сухопутной арміей, было для Англіи соглашеніе съ Франціей. Франція являлась рѣшительнымъ и безусловнымъ врагомъ Германіи, и здѣсь англійскому капиталу былъ обезпеченъ вѣрный союзникъ. Но Франція была уже связана съ Россіей. И протягивая ей руку въ 1904 году, Англія тѣмъ самымъ пріобрѣтала союзъ Россіи и, конечно, рассчитывала на это. Она не только могла пожать плоды, посѣянные другими, но, въ послѣдніе годы, именно Англія въ значительной степени регулировала развитіе франко-русскихъ отношеній. За многими дипломатическими шагами Франціи надо искать тѣнь Англіи, и только тогда они окажутся понятными и «исторически-необходимыми». Такъ, мы упоминали выше о франко-русской морской конвенціи 1912 года, довершившей дѣло тройственного объединенія.

Содержаніе этой конвенціи сводилось къ удержанію въ случаѣ войны русскимъ флотомъ значительной части германскаго въ Балтійскомъ морѣ, съ цѣлью помѣшать ему выступить противъ англійскаго флота въ Сѣверномъ морѣ; Германія этимъ самымъ будетъ вынуждена держать значительную часть войскъ на восточной границѣ и тѣмъ ослабить западную. Въ русской печати эти пункты конвенціи вызвали недоумѣніе. «Уговоръ о Балтикѣ, — писала тогда «Рѣчь», — повидимому, скорѣе долженъ былъ бы составить предметъ русско-англійской, а не русско-французской конвенціи; зна-

чительной задержки для германскаго флота русскій флотъ, во всякомъ случаѣ, представить не можетъ; непонятна и неизбежность обращенія германскихъ войскъ непременно на востокъ, а не на западъ». *

Послѣдній пунктъ теперь вполне ясенъ. Но рѣшительно никакой загадки не представить и первый, если вспомнить, что франко-русская морская конвенція была заключена какъ разъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ знаменитыхъ преній въ англійскомъ парламентѣ о дополнительныхъ ассигновкахъ на флотъ. Выступленіе Черчилля тогда вызвало цѣлую бурю, чуть ли не панику: морское «равновѣсіе» оказалось нарушеннымъ. «По свѣдѣніямъ адмиралтейства,—говорилъ Черчилль,—одна изъ средиземныхъ державъ предполагаетъ значительное усиленіе морской программы. Если это свѣдѣніе окажется вѣрнымъ, то этимъ создастся новый фактъ, на который придется немедленно реагировать».

Новый фактъ дѣйствительно создавался лихорадочной маринизаціей *Италии*, которая тогда же рѣшила довести свой флотъ до размѣровъ французскаго. Одного соглашенія съ Франціей, при такихъ условіяхъ, было явно недостаточно. И Англія «немедленно реагировала» — франко-русской конвенціей. Стоя и дѣйствуя за спиной Франціи, она стремилась возможно болѣе связать и обязать страны двойственнаго союза и остаться возможно болѣе свободной при будущей борьбѣ съ Германіей **. Насколько сильно было ея давленіе, видно и изъ того, что той же конвенціей, связавшей русскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ, была дана ему свобода въ Средиземномъ; между тѣмъ, Франція, даже находясь уже въ союзѣ съ Россіей (напр., въ ноябрѣ 1911 года), всегда противилась открытію для русскихъ Дарданеллъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Такимъ путемъ, безъ всякихъ жертвъ Англія приобрѣла себѣ необходимаго союзника въ лицѣ нашей родины, на которую легла главная тяжесть и наибольшія жертвы борьбы за союзные интересы. Послѣднія слова были сказаны и послѣднія точки были поставлены уже за нѣсколько дней до катастрофы, во время посѣщенія «Петербурга», доживавшаго послѣдніе дни, англійской эскадрой и французскимъ президентомъ. Тогда германское правительство немедленно начало войну.

* См. «Рѣчь», 1912 г. № 197 отъ 21 юля.

** О желательной позиціи Россіи въ этой борьбѣ тотъ же военный авторитетъ говорить такъ: «Если для Англии и Германіи грядущая война является вопросомъ жизни и смерти, то для Россіи *нейтралитетъ* въ этой войнѣ... знаменуетъ коренную перемѣну нашего положенія въ мірѣ... Для насъ уклоненіе отъ непосредственнаго участія въ грядущей катастрофѣ, при наличіи мощныхъ военныхъ силъ, потребныхъ для рѣшенія какъ нашихъ собственныхъ задачъ, такъ и тѣхъ, кои будутъ вызваны обстановкой, является, несомнѣнно, лучшимъ исходомъ». См. 1. с., стр. 73 и 96.

* * *

Все сказанное имѣло цѣлью освѣтить тѣ факторы, которые опредѣлили участие Россіи въ войнѣ съ Германіей—независимо отъ того, можетъ ли намъ дать побѣда какія-либо матеріальныя выгоды. Но все сказанное еще далеко не даетъ картины полной подготовки къ войнѣ. Исторія «вооруженнаго мира», конечно, лежитъ за предѣлами нашей темы, съ которой мы—опять-таки въ предѣлахъ возможнаго—уже покончили. Но все же необходимо отмѣтить, что современныя ходячія представленія, ставшія трафаретными фразы о неподготовленности нашихъ союзниковъ къ войнѣ не имѣютъ подъ собою рѣшительно никакихъ фактическихъ основаній.

Было бы глубокой ошибкой предполагать, что наши союзники, надѣясь на Россію и способствуя росту ея оборонноспособности, удѣляли недостаточно силъ дѣлу національной обороны у себя дома. Чьи бы интересы ни защищались въ этой войнѣ, съ какой бы стороны ни исходила ея инициатива—безразлично, но при несомнѣнныхъ огромныхъ вооруженіяхъ Германіи, о которыхъ столько говорятъ и пишутъ, союзники не могли не прилагать всѣхъ усилій къ подготовкѣ соответствующихъ военныхъ ресурсовъ. Внутреннія заботы о національной оборонѣ были, правда, совершенно недостаточны и требовали неустанной работы дипломатіи по части привлеченія союзниковъ; но онѣ шли параллельно съ обезпеченіемъ боевымъ матеріаломъ на сторонѣ; въ жертву имъ приносились несмѣтныя національныя богатства, и до войны этотъ процессъ никогда ни у кого не вызывалъ сомнѣній.

Теперь вдругъ неоспоримой истиной стало совсѣмъ другое. «40 лѣтъ, — пишетъ, напр., г. Изгоевъ, опровергая этимъ мои доводы о происхожденіи настоящей войны *, — Германія упорно и систематично вооружалась, въ то время какъ Франція, подъ вліяніемъ пацифистскихъ идей, сокращала свою армію, а Англія упорно боролась противъ введенія всеобщей воинской повинности. Вѣдь это же основной, общеизвѣстный фактъ». Въ устахъ г. Изгоева это можетъ звучать, какъ горькій упрекъ союзникамъ, пренебрегшимъ дѣломъ военной подготовки. Однако, бѣглыя напоминанія о нѣкоторыхъ немногихъ фактахъ покажутъ намъ, что такой упрекъ былъ бы по меньшей мѣрѣ незаслуженнымъ.

Вотъ, напр., официальные данныя—изъ доклада министра финансовъ за 1902 и 1908 г.г. **

* См. «Русскую Мысль», мартъ 1916 г., «Лѣтописные скандалы».

** См. А. Морской. «Военная мощь Россіи». Петроградъ 1915. Стр. 105—106.

Расходовалось въ милліонахъ рублей.

	1892 году.			Въ 1902 году.			Въ 1906 году.		
	Армія.	Флотъ.	Всего.	Армія.	Флотъ.	Всего.	Армія.	Флотъ.	Всего.
Россия . . .	245	48	293	323	98	421	417	112	529
Франція . . .	254	95	349	268	115	383	270	122	392
<i>Франко-русскій союзъ</i> . . .	<i>499</i>	<i>143</i>	<i>642</i>	<i>591</i>	<i>213</i>	<i>804</i>	<i>687</i>	<i>234</i>	<i>921</i>
Германія . . .	202	21	223	263	40	303	354	124	478
Австро-Венгрія	124	9	133	156	19	175	113	9	122
Италія . . .	87	35	122	99	44	143	104	52	156
<i>Тройственный союзъ</i> . . .	<i>413</i>	<i>65</i>	<i>478</i>	<i>518</i>	<i>103</i>	<i>621</i>	<i>571</i>	<i>185</i>	<i>756</i>

Въ эпоху возникновенія франко-русскаго союза во главѣ европейскаго милитаризма стояла, какъ видимъ, Франція. По затратамъ на армію, а особенно на флотъ, она далеко превосходила и Германію, и Россію. Въ началѣ XX вѣка Франція уступила первенство своей союзницѣ, все еще имѣя сильный перевѣсъ надъ враждебной сосѣдкой. Въ послѣдніе годы «вооруженнаго міра» Германія уже далеко обогнала Францію. Но вооруженіе Россіи оставляло прежнимъ соотношеніе вооруженныхъ силъ. Двойственный союзъ (еще безъ Англи) подготавливался къ національной оборонѣ гораздо лучше.

Абсолютные размѣры затратъ на военное дѣло говорятъ объ его фактическомъ состояніи, но не даютъ представленія о *жертвахъ*, приносимыхъ націей дѣлу своей защиты. Быть можетъ, въ общей системѣ государственныхъ функцій и заботъ даже наилучшая постановка дѣла обороны требовала относительно меньше вниманія, энергіи и жертвъ со стороны государствъ. Объ этомъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры *:

	Чистый расходный бюджетъ (въ милл. руб.): **		Процентъ къ нему расходовъ: на оборону	
	1901 г.	1906 г.	1901 г.	1906 г.
Россия	1166	1434	39	37
Франція	1284	1339	30	29
<i>Франко - русскій союзъ</i>	<i>2450</i>	<i>2773</i>	<i>34</i>	<i>33</i>
Германія	2061	2341	22	20
Австро-Венгрія . . .	511	564	23	21
Италія	642	707	23	22
<i>Тройственный союзъ</i> .	<i>3214</i>	<i>3612</i>	<i>22</i>	<i>20</i>

* См. тамъ же, стр. 113. Въ этой книгѣ можно вообще найти рядъ интересныхъ свѣдѣній объ европейскомъ милитаризмѣ и его историческомъ развитіи. Книга эта, какъ извѣстно, имѣетъ офиціозное происхожденіе и болѣе, чѣмъ чужда пасифистскихъ и всякаго рода «лѣвыхъ» тенденцій.

** Подъ чистымъ расходнымъ бюджетомъ разумѣется весь (валовой) расходный бюджетъ за вычетомъ расходовъ по эксплуатаціи каз. жел. дорогъ

Чистый расходный бюджет одной только Германіи, какъ видимъ, приближается по размѣрамъ къ такому же бюджету двойственного союза. Абсолютная же сумма австро-германскаго военнаго бюджета значительно меньше союзнаго. Въ результатѣ—намъ пришлось удѣлять національной оборонѣ цѣлую треть государственнаго бюджета, тогда какъ наши враги довольствуются одной пятой. Напряженіе союзниковъ, какъ видимъ, гораздо сильнѣе. Но, быть можетъ, еще интереснѣе взглянуть на тягости милитаризма съ другой стороны. Тотъ же цитированный авторъ (стр. 126) приводитъ вычисленія «Revue de la paix» о военныхъ расходахъ, приходящихся на душу населенія:

Во Франціи	25,5 фр.
» Англійи	24,2 »
» Германіи	16,5 »
» Италіи	15,0 »
» Россіи	8 »
» Бельгіи	7 »
» Швейцаріи	7 »

Комментаріи, пожалуй, не нужны. Надо только въ двухъ словахъ коснуться Англійи, о которой не упоминалось въ предыдущихъ таблицахъ.

Мы только что слышали утверженіе, что Англія «упорно боролась противъ введенія всеобщей воинской повинности». Утверженіе это плп совершенно непонятно (съ кѣмъ же боролась?) или крайне не точно. Та Англія, о которой все время шла рѣчь выше, все время боролась *за* введеніе всеобщей повинности; но она не могла справиться съ другой Англійей—демократической, которая во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ въ расчетъ, конечно, не принималась. И вотъ, благодаря островному положенію, а также и нежеланію участвовать въ вооруженной борьбѣ на континентѣ, Англія дожила со своей добровольно-наемной арміей до современныхъ событій. Но она никакъ не съ меньшей энергіей, чѣмъ другія державы, отдавалась дѣлу національной обороны—тѣми способами, какіе были ей доступны и казались ей рациональными.

Мало того: милитаризація англійскаго бюджета въ послѣдніе годы оставила за собой всѣ прочія страны со всеобщей воинской повинностью. Въ 1897—98 г.г. военные расходы въ Англійи составляли 39%, а въ 1909—10 г.г.—уже 42,4% всѣхъ расходовъ, несмотря на параллельный ростъ самого государственнаго бюджета. Въ 1901 году, когда Франція расходовала на армію и флотъ 383 милл. руб., Германія—454.

и др. государственныхъ предпріятій, а также минусъ оборотныя перечисленія.

Россія—452,—Англія расходовала 499 милл. рубл., а черезъ десять лѣтъ—уже 684 милл. руб. Желая парализовать упреки въ пассивности и подчеркнуть непрестанныя заботы англійскаго правительства объ увеличеніи военной мощи страны, Ллойдъ Джорджъ отмѣтилъ въ парламентѣ, ровно за годъ до войны, «поразительный фактъ, что въ 1913 году Англія затратила на свой военный флотъ больше, чѣмъ расходовали на свои эскадры въ 1886 году всѣ державы, вмѣстѣ взятыя, включая въ ихъ число и саму Англію» *.

Подробнѣе остановиться на всемъ этомъ мы не можемъ. Но и сказаннаго совершенно достаточно, чтобы опровергнуть обычныя обвиненія нашихъ правыхъ группъ, будто бы война застала нашихъ союзниковъ врасплохъ и будто бы Англія и Франція сдѣлали «для войны» слишкомъ мало. Правда, главная тяжесть катастрофы легла на нашу родину. Будучи главной заинтересованной стороной, союзники несутъ ей несравненно меньше жертвъ, чѣмъ Россія, судьбу которой они связали со своей и для которой настоящая война не можетъ сулить никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Но все же глубоко ошибся бы тотъ, кто, исходя изъ фантастическихъ представленій объ европейскихъ вооруженныхъ силахъ, сталъ бы опровергать выше изложенное толкованіе происхожденія современной войны **.

Ник. Сухановъ.

* Ограничиваясь здѣсь приведенными фактами, мы въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Лѣтописи» предложимъ вниманію читателей специальную статью Мих. Павловича, посвященную «Военнымъ бюджетамъ наканунѣ войны». Изъ этой статьи заимствованы нѣкоторыя изъ приведенныхъ цифръ относительно Англіи.

** См. «Лѣтопись», февраль, «Рус. публицистика о происхожденіи войны».

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТЪ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

За последнее время начинается, как будто бы, разсѣиваться тотъ угаръ, которымъ, вотъ уже столько мѣсяцевъ, отравлялась мысль нашего «общества». Появляются признаки, если не отрезвленія, то, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго похмелья. Г-нъ Меньшиковъ, занимающій крайній правый флангъ «прогрессивнаго блока» русской литературы, въ самыхъ минорныхъ тонахъ пишетъ о нашихъ перспективахъ и въ пасхальномъ № «Новаго времени» меланхолически мечтаетъ о пополненіи изсякающихъ запасовъ мяса путемъ искусственнаго высиживанія цыплятъ въ инкубаторахъ: «Ахъ, кабы курочка да бычка родила!»

Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, то же самое настроеніе растерянности все настойчивѣе и настойчивѣе пробиваетъ себѣ дорогу на столбцы «Русскаго слова» и «Русскихъ Вѣдомостей», «Биржевки» и «Рѣчи», овладѣвая такимъ образомъ всѣмъ сонмомъ жриць либеральнаго центра, начиная съ бурно-пламенныхъ вакханокъ и кончая дѣвственно-строгими весталками нашего священнаго патріотическаго единенія. Всѣми чувствуется неотвратимость надвигающейся общественно - хозяйственной катастрофы; нѣтъ уже силъ замалчивать это чувство и нѣтъ возможности заговорить его. Трескучая фразеологія, какъ наступательная, такъ и защитная, никого болѣе не убѣждаетъ; ея фальшь становится нестерпимой даже для невзыскательнаго рядового обывателя; да и сами авгуры мобилизованной публицистики не всегда рѣшаются уже прямо взглянуть другъ другу въ глаза. Особенно яркимъ симптомомъ этого «Katzenjammer'a» является статья «Сколько обманутыхъ надеждъ!», принадлежащая А. Исаеву и помѣщенная въ № 101 лѣво-патріотическаго «Дня».

«Война», резюмируетъ свои соображенія авторъ, «вмѣстѣ съ разгромомъ нашего народнаго и государственнаго хозяйства, нашего учебнаго дѣла, разбила надежды, что мы будемъ располагать средствами для развитія культурныхъ мѣропріятій въ такой же степени, какъ совершалось это за послѣдніе годы. Она смела наши упованія, что человѣчеству уже не предстоятъ столь тяжкія войны, какъ тѣ, что пережиты нашими предками. Она

сокрушила нашу вѣру, что всѣ народы близки къ слянію въ одно великое «братство».

Но вѣдь «надежда», что побѣдоносная война приведетъ насъ къ экономическому, культурному и политическому преуспѣянію; «упованіе», что пораженіе юнкерской Германіи будетъ пораженіемъ европейскаго милитаризма; «вѣра», что вслѣдствіе этого народы приблизятся къ слянію въ одно великое братство,—вѣдь это какъ разъ — три кита лѣвыхъ апологетовъ современной войны, это—единственная опора той идеологии, которую съ такимъ не по разуму пылкимъ усердіемъ охраняютъ въ «Днѣ» г.г. Ивановичи и Заславскіе. Такимъ образомъ, авторъ цитированной статьи отмѣтилъ ровно столько «обманутыхъ надеждъ», сколько имѣется иллюзій у лѣвыхъ патріотовъ газеты, помѣстившей его статью.

Точныхъ данныхъ относительно размѣра тѣхъ опустошеній, которыя произвела война, мы, конечно, не имѣемъ (ибо никакого учета нашихъ хозяйственныхъ ресурсовъ до сихъ поръ не велось). Съ самаго начала войны мы были очень озабочены вопросомъ о томъ, на сколько мѣсяцевъ хватитъ нѣмцамъ хлѣба, мяса, картофеля, но долгое время никому и въ голову не приходило, что гораздо поучительнѣе было бы изслѣдовать эти вопросы въ примѣненіи къ *нашему* отечеству. Исконное патріотическое убѣжденіе, что «земля наша велика и обильна», положительно загнипнотизировала всѣ головы: и бюрократическія, и ученія.

Бюрократы, даже самые просвѣщенные и освѣдомленные, безпокоились лишь о невозможности вывезти за границу наши «избытки»; профессора, даже наиболѣе критически настроенные, сладостно мечтали о томъ возжелѣнномъ моментѣ, когда нѣмецъ подохнетъ съ голоду,—мечтали до тѣхъ поръ, пока невозможность достать мяса для ихъ собственнаго профессорскаго супа не пробудила ихъ отъ этихъ блаженныхъ грезъ. Узнавъ отъ своихъ кухарокъ о продовольственныхъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ нашимъ отечествомъ, изумленные экономисты и администраторы, естественно, къ тѣмъ же кухаркамъ обратились и за разъясненіемъ столь загадочнаго факта. Такъ какъ кухарки сослались, конечно, на злокозненность лавочниковъ, то газеты немедленно наполнились негодующими статьями о спекуляціи какъ причинѣ дороговизны, а руководитель очередной смѣны министровъ поставилъ борьбу съ недобросовѣстными спекулянтами во главу угла своей программы спасенія отечества.

Однако, лавочники, которые, какъ извѣстно, отнюдь не уступаютъ кухаркамъ въ области политико-экономической эрудиціи, безъ труда доказали, что дороговизна зависитъ не только отъ ихъ злой воли, но также отъ крайне недостаточной доставки продуктовъ желѣзными дорогами. Это значительно расширило кругозоръ нашей экономической мысли и размахъ нашихъ адми-

нистративныхъ мѣропріятій: проблема спекуляціи осложнилась проблемой «разстройства транспорта».

Такъ, шагъ за шагомъ, строго индуктивнымъ методомъ восходили мы отъ частнаго къ общему, отъ ближайшихъ фактовъ къ все болѣе и болѣе отдаленнымъ, отъ потребления къ обмѣну, отъ обмѣна къ транспорту, пока, наконецъ, не добрались до корня всѣхъ вещей—производства. И вотъ тутъ-то обнаружались явленія столь изумительныя, что даже самые неунывающие люди беспомощно развели руками.

По даннымъ министерства земледѣлія, въ теченіе перваго года войны израсходованъ не только годичный приростъ скота, но сверхъ того еще 9 милліоновъ головъ, вслѣдствіе чего отъ 52 милліоновъ головъ, имѣвшихся у насъ до войны, осталось только 43 милліона, т. е. убыль составляетъ почти $\frac{1}{5}$. По свѣдѣніямъ того же министерства, осенью прошлаго года посѣвная площадь въ различныхъ районахъ земледѣльской Россіи уменьшилась на 20—50%. Если процессъ этотъ и дальше пойдетъ тѣмъ же темпомъ, то черезъ годъ мы не въ состояніи будемъ произвести и половины того количества хлѣба, которое мы обычно производили.

Но нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ могло пріостановиться или хотя бы нѣсколько замедлиться это стихійное разрушеніе нашего сельско-хозяйственнаго производства. Для того, чтобы пріостановить дальнѣйшую убыль скота, необходимо *вдвое* сократить наше теперешнее потребленіе мяса, что, разумѣется, могло бы быть достигнуто лишь строжайшимъ регулированіемъ мясной торговли, при помощи нѣмецкой карточной системы, а отнюдь не введеніемъ трехъ «мясопустныхъ дней», проектируемыхъ въ сферахъ. Да и нѣмецкая карточка при нашихъ организаціонныхъ талантахъ и нашихъ административныхъ традиціяхъ едва ли привела бы къ чему-нибудь, кромѣ усугубленія продовольственной неурядицы; легко предвидѣть, что результатомъ ея явилось бы не сокращеніе потребленія, а лишь нѣкоторое добавочное обложеніе обывателей, имѣющихъ средства на покупку мяса сверхъ карточной нормы.

Но если неотвратима дальнѣйшая убыль скота, служащаго однимъ изъ главнѣйшихъ «средствъ производства» въ земледѣліи, то неотвратимо и прогрессирующее сокращеніе запашекъ, неизбежно ухудшеніе обработки на той части площади, которая еще продолжаетъ воздѣлываться. На ряду съ этимъ все труднѣе и труднѣе становится возобновлять и ремонтировать мертвый земледѣльскій инвентарь. Заводы, производящіе земледѣльскія орудія, частью вовсе прекратили свое производство и занимаются исключительно изготовленіемъ снарядовъ и другихъ предметовъ воинскаго снаряженія, частью

свели выработку машинъ до минимума. Не менѣе колоссальныя опустошенія, произведенныя войной въ области обрабатывающей промышленности, хотя за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ ихъ нѣтъ возможности, хотя бы приблизительно, выразить въ цифрахъ.

Опытъ предыдущихъ войнъ—русско-японской, и др.,—показываетъ, что «ликвидация войны», т. е. расходы, связанные съ возвращеніемъ страны къ «нормальному» состоянію, обыкновенно значительно превышаютъ стоимость самой войны. Но ни одна изъ прежнихъ войнъ не затрагивала такъ глубоко народнаго хозяйства, не производила такихъ гигантскихъ разрушеній въ экономикѣ воюющихъ странъ, какъ нынѣшняя «война народовъ». Естественно, что и залечиваніе хозяйственныхъ ранъ войны обойдется на этотъ разъ не только абсолютно, но и *относительно* дороже, чѣмъ въ прежнія времена.

Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе данныхъ для конкретной оцѣнки, мы можемъ съ полной увѣренностью утверждать, что возстановленіе народнаго хозяйства, доведеніе его до прежняго, до-военнаго уровня потребуетъ затратъ, выражающихся во многихъ миллиардахъ рублей.

Откуда же возьмутся у насъ эти миллиарды?— Въ началѣ войны многіе склонны были давать на этотъ вопросъ очень простой и утѣшительный отвѣтъ: «нѣмцы заплатятъ», «расходы будутъ покрыты за счетъ военной контрибуціи». Но въ настоящее время призрачность этой надежды стала ясна даже для самыхъ легкомысленныхъ стратеговъ тыла. Современная война есть состязаніе не столько армій, сколько народно-хозяйственныхъ организацій; побѣда достижима здѣсь лишь на почвѣ полного экономическаго истощенія противника; предпосылкой рѣшительнаго успѣха является, поэтому, приведеніе врага въ такое состояніе, которое исключаетъ возможность взыскать съ побѣжденнаго сколько-нибудь значительную контрибуцію.

Еще наивнѣе надежда, что дѣло обойдется какъ-нибудь само собой, что въ силу «эластичности капитализма» нормальный ходъ хозяйственной жизни возстановится путемъ свободной игры частныхъ предпринимательскихъ интересовъ. Объ этихъ упованіяхъ не стоило бы даже и упоминать, если бы они не были высказаны столь вліятельнымъ ученымъ, какъ Туганъ-Барановскій. Съ такимъ же основаніемъ онъ могъ бы утверждать, что современныя миллионныя арміи не нуждаются въ подвозѣ провіанта и фуража, такъ какъ при достаточной энергіи военнопочальниковъ сумѣютъ сами обезпечить себя всѣмъ необходимымъ, реквизируя продукты у мѣстнаго населенія. Совершенно очевидно, что возстановленіе промышленности требуетъ не меньшаго, а по всей вѣроятности даже гораздо большаго напряженія государственныхъ силъ и средствъ, чѣмъ ея мо-

билизация. Если этих силъ и средствъ въ наличности не будетъ, произойдетъ хозяйственный крахъ, не имѣющій себѣ прецедентовъ въ исторіи, разразится катастрофа, по сравненію съ которой райскимъ благополучіемъ покажутся величайшіе изъ экономическихъ кризисовъ, когда-либо пережитыхъ культурнымъ чело-вѣчествомъ. И только оторопью передъ этой зловѣщей перспекти-вой, только желаніемъ хоть на минуту отвернуться отъ этой медленно, но непреодолимо надвигающейся на насъ грозовой тучи, можно объяснить выполненный г-номъ Туганомъ-Баранов-скимъ пируэтъ мысли, столь мало гармонирующій по своему легкомыслию съ маститой профессорской фигурой почтеннаго ученаго.

Каковы же наши государственные ресурсы? Какъ извѣстно, на войну нами затрачено уже свыше 20 миллиардовъ рублей. Если она продолжится до конца текущаго года,—а на болѣе раннее ея окончаніе, повидимому, не приходится надѣяться,—то одно только погашеніе вызванныхъ войною затратъ—платежи по новымъ займамъ, пенсіи и т. п.—увеличить нашъ государ-ственный бюджетъ, по крайней мѣрѣ, на 2 ½ миллиарда рублей; вмѣсто трехъ съ небольшимъ миллиардовъ мы вынуждены бу-демъ расходовать ежегодно 5 ½, а, можетъ быть, и всѣ 6 мил-лиардовъ. Само собой разумѣется, что никакая «налоговая без-поощадность» не въ состояніи дать такихъ колоссальныхъ суммъ.

Всѣ наши финансисты, начиная отъ самыхъ оффиціозныхъ и кончая самыми оппозиціонными, единогласно утверждаютъ, что выдержать послѣ-военный бюджетъ мы сможемъ лишь при коренномъ измѣненіи всей нашей финансовой системы. Самый смѣлый изъ предложенныхъ до сихъ поръ проектовъ реформи-рованія этой системы сводится къ государственной монополи-зации главнѣйшихъ отраслей оптовой торговли. Естественно, что проведеніе въ жизнь проектовъ подобнаго рода чрезвычайно затрудняется могущественнымъ сопротивленіемъ заинтересован-ныхъ торговопромышленныхъ сферъ, при чемъ, какъ разъ моно-полии, обѣщающія наибольшую доходность,—сахарная, нефтя-ная,—имѣютъ наименьшіе шансы на осуществленіе. Но если бы даже всѣ эти сопротивленія удалось сломить, если бы даже были осуществлены всѣ 13 монополій, обсуждавшихся въ бюджетной комиссіи Государственной Думы, то и тогда, по самымъ оптими-стическимъ расчетамъ, послѣ-военный дефицитъ далеко не былъ бы покрытъ полностью; а о полученіи такимъ путемъ тѣхъ колос-сальныхъ свободныхъ средствъ, которыя необходимы для воз-становленія разгромленныхъ войною производительныхъ силъ страны, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

Между тѣмъ, если восстановленія не произойдетъ, если мы останемся, какъ говоритъ А. Пѣшихоновъ, съ «четвертью ло-

шадя», * то, очевидно, не только разбухшій отъ войны 5 — 6 миллиардный бюджетъ будетъ намъ совершенно не по силамъ, но и прежнихъ 3 миллиардовъ мы не соберемъ никакими способами. Получается, такимъ образомъ, заколдованный кругъ: для того, чтобы выдержать финансовыя послѣдствія войны, необходимо не только реставрировать наше народное хозяйство, но и значительно увеличить его производительность, въ то время какъ самая эта реставрація—не говоря уже о повышеніи производительности—требуетъ такихъ государственныхъ затратъ, которыя совершенно не совмѣстимы съ финансовыми послѣдствіями войны.

Въ этомъ заколдованномъ кругу и бьется беспомощная мысль нашихъ политико-экономовъ и нашихъ финансистовъ. Намъ нуженъ въ первую голову не финансовый, а хозяйственный планъ, резонно заявляютъ экономисты, ибо безъ поднятія производительныхъ силъ никакое улучшение финансовъ не мыслимо. Но,—не менѣе резонно возражаютъ финансисты, — всякія мѣры, направленные къ поднятію производительныхъ силъ, если даже допустить, что онѣ въ настоящее время осуществимы, обнаружатъ свое благотѣльное вліяніе лишь по прошествіи ряда лѣтъ, а проценты по военнымъ долгамъ надо платить немедленно; необходимо, слѣдовательно, теперь же изыскать источники для предотвращения краха, грозящаго намъ въ ближайшемъ будущемъ и совершенно неустрашаемаго при теперешней постановкѣ финансоваго дѣла.

Единственнымъ *теоретически* мыслимымъ выходомъ изъ этого тупика на почвѣ существующей государственно-капиталистической системы является, повидимому, попытка прибѣгнуть къ новымъ займамъ, добывая, такимъ образомъ, средства и для погашенія старыхъ долговъ, и для необходимыхъ производительныхъ затратъ.

Таковъ излюбленный способъ выпутываться изъ временныхъ финансовыхъ затрудненій въ ожиданіи того момента, когда «эластичность капиталистическаго хозяйства» или какія-либо другія благопріятныя обстоятельства повысятъ дѣеспособность налогового пресса. Однако, въ данномъ случаѣ это, очевидно, не осуществимо на практикѣ. Вѣдь задѣлывать приходится не обычныя дыры и прорѣхи, а гигантскія пробоины, грозящія пустить ко дну корабль государственнаго и народнаго хозяйства; вѣдь дѣло идетъ не о десяткахъ, и даже не о сотняхъ милліоновъ, а, какъ мы уже видѣли, о многихъ миллиардахъ. Что этихъ милліардовъ нельзя будетъ найти на нашемъ внутреннемъ рынкѣ,—понятно само собой. Но и международный денежный рынокъ долженъ испытывать послѣ войны чрезвычайныя

* См. его статью «На очередныя темы». «Русскія Записки» мартъ 1916 г.

стѣсненія. Даже богатѣйшая изъ воюющихъ странъ, Англія, затрачиваетъ на войну суммы, значительно превышающія ея чистый національный доходъ, даже она принуждена мириться съ прогрессирующимъ разрушеніемъ основнаго національнаго капитала и послѣ войны будетъ нуждаться въ финансовой помощи извнѣ.

Въ еще гораздо большей степени это примѣнимо къ Франціи, Италіи, Германіи.

Финансовый голодъ будетъ повсемѣстнымъ, а средства для его насыщенія окажутся крайне ограниченными. Америка, несмотря на свои огромныя богатства, до сихъ поръ имѣла пассивный торговый балансъ и почти не располагала свободными капиталами. Война, правда, радикально измѣнила положеніе дѣла. Въ настоящее время, благодаря военнымъ и связаннымъ съ войной заказамъ, въ Америкѣ накопляются значительные избытки, уже достигшіе, по расчетамъ мѣстныхъ статистиковъ, 1½ миллиардовъ долларовъ. Но допуская даже, что къ концу войны эта сумма возрастетъ въ 2 — 3 раза, присоединяя сюда тѣ сравнительно небольшія свободныя средства, которыя накопятъ за нашъ счетъ японцы и нѣкоторыя нейтральныя европейскія страны, наживающіяся на посреднической торговлѣ, — мы все-таки получимъ въ итогѣ крайнее несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ капитала на международномъ рынкѣ.

И, само собой разумѣется, условія кредита будутъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ глубже финансовыя и экономическія потрясенія той страны, которая пожелаетъ къ нему прибѣгнуть. Если Англіи и Германіи придется платить бѣшеные проценты, то отъ страны, находящейся въ такомъ критическомъ положеніи, къ какому неудержимо влечетъ насъ ходъ событій, заграничный капиталъ сверхъ всякихъ процентовъ потребуетъ еще гарантій совершенно особаго рода. «Привлеченіе иностранныхъ капиталовъ», о которомъ теперь такъ много говорятъ, на которое возлагаютъ такія надежды, намъ не удастся осуществить иначе, какъ въ формѣ «концессій», до сихъ поръ въ Европѣ не практиковавшихся, но чрезвычайно обычныхъ въ Китаѣ, Персіи и другихъ странахъ родного намъ Востока.

Неизбѣжность такого исхода начинаетъ сознаваться, видимо, вліятельными представителями нашихъ официальныхъ сферъ. Такъ, въ преніяхъ по докладу А. Шингарева о росписи на 1916 г. государственный контролеръ, Н. Н. Покровский, говорилъ: «Необходимо приступить къ планомѣрному отчужденію этихъ имуществъ (т. е. казенныхъ лѣсовъ, нефтеносныхъ земель, рудныхъ залежей и т. п.) лицамъ, хотя бы и иностраннаго происхождения, располагающимъ достаточнымъ капиталомъ».

Распродажу государственныхъ богатствъ американцамъ

предлагаетъ также членъ Гос. Совѣта, В. Гурко.* А на какихъ условіяхъ сами американцы считаютъ возможнымъ оказывать помощь «развитію нашихъ производительныхъ силъ»,—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ опубликованный въ иностранныхъ газетахъ проектъ одной американской концессіи: дѣло шло о слѣдующемъ проведеніи новой желѣзнодорожной линіи; американцы брались построить намъ эту линію съ тѣмъ, чтобы—помимо другихъ, не совсѣмъ обычныхъ льготъ и привилегій—имъ было предоставлено право «экстерриториальности» на всей по-ясѣ отчужденія.

Разумѣется, американскій проектъ не былъ принятъ. И пока длится война, пока совмѣстность военныхъ дѣйствій возлагаетъ на нашихъ союзниковъ обязанность поддерживать наши ресурсы, хотя бы въ минимально-необходимыхъ размѣрахъ, подобныя формы содѣйствія «лицъ иностраннаго происхожденія, располагающихъ достаточнымъ капиталомъ», вѣроятно, будутъ отклоняться. Но что сможемъ мы противопоставить притязаніямъ этихъ «лицъ» послѣ войны?

Вѣдь никакія надежды на то, что союзники такъ или иначе смягчатъ бремя лежащихъ на насъ платежей, конечно, невозможны. По окончаніи войны союзники сами окажутся въ тискахъ и, несмотря всѣ симпатіи къ намъ, вынуждены будутъ настаивать на строжайшемъ выполненіи всѣхъ возложенныхъ на насъ войной финансовыхъ обязательствъ. Малѣйшая заминка съ нашей стороны будетъ встрѣчать самыя энергичныя мѣры понужденія, и при недостаточной аккуратности мы подвергнемся риску создать противъ себя международную коалицію, имѣющую тысячи способовъ превратить наше и безъ того уже затруднительное положеніе въ безвыходное.

Читатель видитъ, что американская идея «экстерриториальной» концессіи, если и предварила нѣсколько ходъ событій, то сама по себѣ отнюдь не является чѣмъ-то призрачнымъ, а, напротивъ, рисуетъ намъ болѣе, чѣмъ правдоподобную картину ближайшаго будущаго.

Перспектива эта, несомнѣнно, гораздо реальнѣе, гораздо трезвѣе, чѣмъ тѣ проекты использованія проливовъ и приобрѣтеній на ближнемъ Востокѣ, которые разрабатываются нашими трезвыми и реальными политиками. И если наша мысль до сихъ поръ не обращалась въ эту сторону, то виновата здѣсь исключительно та патріотическая aberrация, которая, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ продовольственнаго вопроса, чрезвычайно обострила нашу «любовь къ дальнему» и почти совсѣмъ притупила способность замѣчать то, что совершается

* См. объ этихъ проектахъ статью А. Никитскаго, помѣщенную въ февральской книжкѣ нашего журнала.

у насъ подъ носомъ. Погрузившись въ изысканія относительно грозящаго Берлину голода, мы обратили вниманіе на нашу собственную продовольственную нужду только тогда, когда она докатилась до нашихъ кухонь. Загипнотизированные предполагаемымъ ростомъ нашего вліянія на Востокъ, мы, вѣроятно, замѣтимъ ростъ американскаго вліянія въ Россіи не ранѣе, чѣмъ фигура какого-нибудь хорошо знакомаго намъ городского смѣнится джентльменомъ въ диковинной формѣ, стоящимъ на стражѣ интересовъ нѣкоего экстерриториальнаго учрежденія.

Опасность превращенія въ германскую колонію, столь волнующая до сихъ поръ отечественныя сердца, къ счастью, можетъ считаться на нѣкоторое время отсроченной. Каковъ бы ни былъ конечный исходъ войны, уже теперь можно съ увѣренностью сказать, что, въ силу внутренняго истощенія, Германія въ теченіе цѣлага ряда лѣтъ не будетъ въ состояніи вести колониальной политики въ широкомъ масштабѣ. Но столь же несомнѣнно, что каждый новый мѣсяцъ войны—и опять таки совершенно автоматически, независимо отъ хода военныхъ дѣйствій—увеличиваетъ шансы нашего преобразованія въ колонію «богатыхъ капиталомъ лицъ» американскаго, а, можетъ быть, и японскаго происхожденія.

Нѣтъ основанія думать, конечно, что американцы или японцы сумѣютъ надолго обезпечить себѣ несправедливую монополію въ этомъ дѣлѣ. Если въ западной Европѣ не произойдетъ кореннаго общественно-экономическаго переворота, если европейскій капитализмъ выйдетъ побѣдителемъ изъ послѣ-военнаго кризиса, то черезъ нѣсколько лѣтъ, оправившись отъ разгрома, наши теперешніе союзники и наши теперешніе противники, вступятся, несомнѣнно, за «простые законы права и справедливости», попраанные выходцами съ дальняго Востока и дальняго Запада, и потребуютъ своей доли въ дѣлежѣ. Наряду съ американскими и японскими концессіями, и на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, у насъ возникнутъ концессіи англійскія, французскія, нѣмецкія.

Столь интенсивное оплодотвореніе нашей страны иностраннымъ капиталомъ, выступающимъ во всеоружіи своей колонизирующей мощи, будетъ имѣть крушныя послѣдствія не только въ хозяйственной, но и въ тѣсно связанной съ ней, административной области. Наше исконное дѣленіе на губерніи, генералъ-губернаторства, намѣстничества, сохранить, по преимуществу, историческій интересъ,—реальное же значеніе пріобрѣтетъ новый принципъ распредѣленія по «сферамъ вліянія». Въ связи съ этимъ иной характеръ получить и весь укладъ политической жизни. Дѣйствительное значеніе партій будетъ опредѣляться не ихъ внутренней программой, не ихъ консервативными или

либеральными взглядами, а ихъ внѣшними связями съ представителями той или другой сферы вліянія.

Вѣдь и въ современной Персіи каждая партія имѣетъ, вѣроятно, какіе-либо свои особые планы относительно внутренняго устройства страны; но насъ, просвѣщенныхъ европейцевъ, привыкшихъ смотрѣть въ корень вещей, эти декларативныя вывѣски азіатскихъ партій интересуютъ очень мало. Разсматривать экзотическій меджилисъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, какъ французскую палату депутатовъ или германскій рейхстагъ, было бы явнымъ чудачествомъ, недостойнымъ серьезныхъ политиковъ. Наши телеграфныя агентства сообщаютъ о борьбѣ нерсидскихъ англофиловъ или руссофиловъ съ германофилами, даже не приводя, обыкновенно, мѣстныхъ наименованій соотвѣтственныхъ группъ. И если «собственный корреспондентъ» европейской газеты, желая блеснуть мѣстнымъ колоритомъ, расскажетъ порой о побѣдѣ какихъ-нибудь «шахсевановъ», то всѣ мы прекрасно понимаемъ, что дѣло идетъ вовсе не о проведеніи въ жизнь программы «шахсевановъ», а только объ усиленіи вліянія той европейской страны, «филами» которой эти шахсеваны являются.

Такимъ образомъ, имѣются всѣ основанія ожидать, что лѣтъ черезъ 10—15 европейская пресса подъ только что описаннымъ угломъ зрѣнія будетъ разсматривать внутреннюю борьбу меджилиса, засѣдающаго въ Таврическомъ дворцѣ. Сегодня, развернувъ свѣжій № «Berliner Tageblatt», мы прочитаемъ замѣтку о томъ, что происки англофиловъ возбудили негодованіе благоразумнаго большинства населенія, и что вождь англофиловъ, П. Н. Милюковъ, спасаясь отъ разъяренной толпы, укрылся на территоріи англійской концессіи. Завтра «Times» съ чувствомъ такого же удовлетворенія отмѣтитъ, что лойальное большинство туземцевъ, возмущенное дѣятельностью германофила Маркова II, заставило этого послѣдняго засѣсть въ бестъ въ германскомъ посольствѣ.

Такое измѣненіе типа и темпа политики внесетъ много захватывающаго, красочнаго драматизма въ сѣренькую монотонную жизнь нашихъ отвѣтственныхъ общественныхъ дѣятелей, и, въ этомъ смыслѣ, можетъ быть названо «политическимъ оживленіемъ», — но, конечно, совсѣмъ не о такомъ оживленіи мечтаютъ тѣ маститые вожди русской демократіи, которые «въ надеждѣ славы и добра» призываютъ насъ во что бы то ни стало сокрушить мощь германскаго милитаризма. Съ другой стороны, этимъ безповоротно будетъ рѣшенъ волнующій наше общество вопросъ: «Востокъ мы, или Западъ?» Поклонники нашихъ самобытныхъ началъ получаютъ, наконецъ, несомнѣнное, какъ дважды-два-четыре, ясное доказательство того, что мы отнюдь не Европа, но самая подлинная Азія.

Однако, никакая радость въ этомъ грѣшномъ мірѣ не бываетъ безоблачной: торжество «самобытности» отнюдь не будетъ торжествомъ того хозяйственно-политическаго «самодовлѣнія», той гордой «автаркіи», которая вдохновляетъ современныхъ націоналистовъ. Окончательное выявленіе нашего восточнаго лика дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ новое подтвержденіе той—для многихъ давно уже безспорной истины,—что Востокъ и культурное самодовлѣніе—«двѣ вещи несомѣстныя», что Востокъ, поскольку онъ остается самимъ собой, вовсе не есть какой-либо особый «путь», но исключительно бездорожье, не субъектъ собственной, а только объектъ чужой культуры.

Итакъ, на почвѣ обычныхъ методовъ частно-хозяйственнаго и государственнаго капитализма, въ теперешней международной атмосферѣ имперіалистическаго соревнованія державъ, нашъ экономическій кризисъ едва ли можетъ быть благополучно ликвидированъ.

Нельзя, поэтому, не согласиться съ А. Пѣшеховымъ, что вопросъ о нашей хозяйственной разрухѣ есть въ настоящее время «центральный вопросъ», отъ котораго зависитъ рѣшеніе въ ту или другую сторону всѣхъ прочихъ, великихъ и малыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ, волиующихъ наше общественное мнѣніе. Обѣщая развить свою экономическую программу въ дальнѣйшихъ очеркахъ, А. Пѣшеховъ пока намѣчаетъ только «общее направленіе, въ которомъ общественная мысль должна... предпринять свои поиски». Главная наша бѣда состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что у насъ остается почти совершенно неиспользованнымъ капиталъ, «самый цѣнный изъ всѣхъ, какіе накоплены человѣчествомъ и который даже нынѣшняя война истребить будетъ не въ силахъ». Это — «капиталъ мысли—технической и общественной»... «Лишь въ томъ случаѣ, если мы успѣемъ, немедленно создавъ необходимыя для этого общественныя формы и широко использовавъ пріобрѣтенія техники, быстро поднять свою производительность, планомерно сжавъ въ то же время свое потребление, насъ минуетъ тяжелая участь страны, которая—не живетъ, а бьется—съ «четвертью лошади».

Замѣчанія эти, къ сожалѣнію, слишкомъ неопредѣленны, даже какъ указаніе «общаго направленія» поисковъ. Говоря объ организаціи для поднятія производительности и упорядоченія потребления, авторъ, повидимому, имѣетъ въ виду систему, аналогичную государственному капитализму современной Германіи. Но выдвинутый впередъ *общественный* моментъ намекаетъ, какъ будто бы, на желаніе придать этой организаціи не государственно-капиталистическій, а широко-демократическій, всенародный характеръ. Разница здѣсь не только въ степени, но и по существу.

Въ первомъ случаѣ мы получимъ хозяйственную организацію, хотя и строго упорядоченную, преодолевшую, такъ называемую, «анархію производства», но все-же основанную на принципѣ капиталистической прибыли и потому допускающую развитіе производительныхъ силъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно не противорѣчитъ этому принципу. Не приходится и мечтать о томъ, что такая организація въ состояніи «немедленно» увеличить производительныя силы нашей страны или хотя бы приостановить ихъ разрушеніе войной, требующей колоссальныхъ и съ каждымъ днемъ возрастающихъ непроизводительныхъ затратъ. Вѣдь въ самой Германіи, давшей классическій, недостижимый для насъ, образчикъ военно-государственного капитализма, производительныя силы въ теченіе войны отнюдь не развиваются, а неуклонно, хотя сравнительно и медленно, падаютъ, размѣры національнаго производства сокращаются, снашивающійся основной капиталъ не восстанавливается въ полной мѣрѣ, — однимъ словомъ, Германія несомнѣнно идетъ къ истощенію, несмотря на то, что ея хозяйственная организація совершенно исключаетъ возможность такихъ катастрофически-разрушительныхъ процессовъ, какіе переживаемъ мы. Какъ уже было упомянуто, подобное же медленное, но вѣрное истощеніе наблюдается и въ Англии, которая находится въ несравненно болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ чѣмъ Германія, и за послѣдній годъ энергично совершенствуетъ свою внутреннюю организацію по германскому образцу.

Между тѣмъ, даже полная приостановка дальнѣйшаго разрушенія нашихъ производительныхъ силъ не спасла бы насъ отъ тѣхъ невеселыхъ перспективъ, о которыхъ мы говорили выше; благополучно выдержать удвоенный послѣ-военный бюджетъ мы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы за время войны намъ удалось не только восстановить, но и значительно повысить производительность нашего труда по сравненію съ ея до-военнымъ уровнемъ. Философскаго камня, способнаго совершить это чудо, не имѣется въ арсеналѣ капитализма, хотя бы и планомѣрно организованнаго въ государственномъ масштабѣ.

Единственнымъ спасеніемъ могло бы быть осуществленіе того второго типа хозяйственной организаціи, на которой намечаетъ формула А. Пѣшехонова, — организаціи строго демократической, преслѣдующей не извлеченіе прибыли, а планомѣрное удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Только такая организація дала бы возможность легко и просто ликвидировать ужасное наслѣдіе прошлаго, освободивъ при помощи своего рода всеобщей амнистіи грядущія поколѣнія отъ обязанности нести непосильное бремя нашихъ империалистическихъ грѣховъ. Только она, объединивъ въ одно общественно-хозяйственное цѣлое всѣ страны современной культуры, могла бы дѣйствительно

покончить съ милитаризмомъ. Но, само собой понятно, такой исходъ не осуществимъ нашими изолированными усиліями; онъ можетъ быть достигнутъ только организованной, планомѣрной борьбой международной демократіи.

Если мы теперь спросимъ себя, въ состояніи ли международная демократія на дѣлѣ выполнить эту задачу, которую она въ теоріи давно уже провозгласила своей миссіей, то, на первый взглядъ, отвѣтъ можетъ получиться только отрицательный. Никогда еще въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ не наблюдалось среди передовой европейской демократіи такого глубокаго упадка, такой беспомощности мысли, такого рабскаго плѣненія души вульгарными лозунгами уличнаго шовинизма, какъ въ первые мѣсяцы войны. Лишь за послѣднее время изъ хаоса безотчетныхъ настроеній, подкрѣпляемыхъ случайно подвернувшимися обрывками мыслей, начинаютъ выдѣляться три основныя теченія, которыя, какъ и всегда, раньше всего и отчетливѣе всего обособились въ Германіи.

Первое теченіе «приемлетъ» имперіализмъ *безусловно*; видитъ въ немъ единственную силу, способную организовать міровое хозяйство; призываетъ демократію своей страны всѣми силами содѣйствовать завоевательной политикѣ отечественнаго капитала,—съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи демократизировать основанную этимъ путемъ всемірную капиталистическую имперію. Одинъ изъ нѣмецкихъ сторонниковъ этой точки зрѣнія, Пеусъ, такъ формулируетъ свои новыя взгляды: «Трезвое преслѣдованіе собственныхъ національныхъ интересовъ не только не мѣшаетъ истинному интернаціонализму, а, наоборотъ, дѣлаетъ его впервые возможнымъ. Дѣйствительно организованное міровое хозяйство можетъ сложиться только на почвѣ развитія національныхъ производительныхъ силъ, ихъ цѣлесообразнаго использованія путемъ созданія великихъ хозяйственныхъ имперій (Wirtschafts-*sphären*), въ рамкахъ которыхъ отдѣльныя націи дополняютъ другъ друга и помогаютъ другъ другу, вслѣдствіе чего исчезаетъ основаніе для взаимной вражды и насилій между народами». Отсюда Пеусъ дѣлаетъ выводъ, что германская социаль-демократія должна голосовать за бюджетъ (въ частности, за военный, флотскій и колониальный бюджетъ), должна поддерживать покровительственную таможенную политику и въ особенности высокія аграрныя пошлины.

Позиція Пеуса имѣла бы кое-какіе шансы на успѣхъ, если бы современныя имперіалистическія войны не дѣйствовали такъ разрушительно на хозяйственную жизнь *всѣхъ* борющихся странъ и могли быстро привести къ созданію всемірной «хозяйственной имперіи» съ народомъ-побѣдителемъ во главѣ. Но это болѣе, чѣмъ сомнительно. Что нынѣшняя война не будетъ имѣть своимъ

результатомъ міровой гегемоніи какого-либо изъ воюющихъ государствъ, можно, какъ кажется, считать уже окончательно выяснившимся. Что же касается «третьяго радующагося» въ переживаемой нами свалкѣ народовъ, т. е. нейтральной Америки, то ея капиталъ несомнѣнно пріобрѣтетъ въ ближайшемъ будущемъ колоссальное вліяніе въ Европѣ, но и это приведетъ, конечно, не къ превращенію всей Европы въ американскую колонию, а лишь къ тому, что въ слѣдующей империалистической войнѣ Америка будетъ уже не зрителемъ, а однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ.

Не обѣщая, такимъ образомъ, ни одной изъ великихъ капиталистическихъ державъ скорого успѣха, империалистическая война по своему опустошительному дѣйствию на внутреннюю жизнь народовъ совершенно не сравнима съ войнами предыдущихъ эпохъ. Прежде война поглощала определенную часть національных ресурсовъ, она являлась состязаніемъ заранѣ подготовленныхъ армій, которыя въ случаѣ рѣшительнаго пораженія не могли быть быстро восстановлены. При теперешней численности армій, при теперешнихъ средствахъ сообщенія, при теперешнихъ методахъ военной и промышленной мобилизаціи, никакое пораженіе на театрѣ военныхъ дѣйствій не можетъ быть рѣшительнымъ. Государство становится неспособнымъ къ сопротивленію лишь тогда, когда *всѣ* его ресурсы истощены, когда голодъ охватываетъ всю страну, желѣзныя дороги перестаютъ дѣйствовать вслѣдствіе невозможности замѣнить износившіеся рельсы, вагоны и паровозы, фабрики останавливаются за прекращеніемъ доставки топлива, сырья или машинъ и т. д., и т. п.

Естественно, что по мѣрѣ того, какъ суровый опытъ все обстоятельнѣе и обстоятельнѣе знакомляетъ германскую демократію съ истинной природой империалистической войны, сомнительные соблазны ея завоевательныхъ перспективъ перестаютъ дѣйствовать и число сторонниковъ точки зрѣнія Пейса быстро таетъ. Въ настоящее время даже такой столбъ нѣмецкаго оппортунизма, какъ вождь профессиональнаго движенія, Легинъ, считаетъ необходимымъ подчеркнуть, что «военный социализмъ» отнюдь не создастъ вѣчнаго мира, а наоборотъ, подготовитъ почву для чрезвычайно обостренной классовой борьбы по окончаніи войны.

Второе теченіе, отстаиваемое въ настоящее время наиболѣе крупными и заслуженными представителями германской демократіи, діаметрально противоположно только что охарактеризованному. Представители его, — Каутскій, редакция «Vorwärts» и др., — склоняются къ такому же безусловному и, такъ сказать, отвлеченному неприятію империализма, какимъ является пріятіе его у Пейса. Они *если* и не отвергаютъ вовсе, то до крайности

умалютъ хозяйственно организующее значеніе имперіализма, даже въ чисто капиталистическомъ смыслѣ.

«Vorwärts» съ сочувствіемъ цитируетъ критическія выступленія старозавѣтныхъ буржуа противъ чрезмѣрныхъ претензій государственнаго капитализма, противъ таможеннаго объединенія центрально-европейскихъ державъ и т. п. Каутскій изобрѣлъ даже особую триаду, согласно которой за періодомъ имперіализма долженъ или, по меньшей мѣрѣ, можетъ послѣдовать новый капиталистическій періодъ, характеризующійся возвращеніемъ къ принципамъ свободной торговли и мирному соперничеству націй. Всѣ эти соображенія, болѣе, чѣмъ слабо аргументированныя, явно подсказываются затаенной надеждой, что послѣ войны все вернется къ старому доброму времени, къ старой испытанной тактикѣ съ «конечной цѣлью» въ красномъ углу подъ стекломъ и съ «программой-минимумъ» для повседневнаго употребленія «въ предѣлахъ существующаго строя».

Кромѣ упорнаго организационно-тактического консерватизма, вполне естественнаго въ такой крупной и благоустроенной партіи, какъ нѣмецкая социаль-демократія, здѣсь вліяютъ и нѣкоторыя устарѣлыя идеологическія предпосылки, также освященныя традиціей и успѣвшія пріобрѣсти въ марксистской средѣ прочность предразсудка. Вопреки основамъ марксистской теории, распределеніе европейцевъ по національно-государственнымъ организациямъ рассматривается большинствомъ марксистовъ не какъ продуктъ опредѣленныхъ и уже отходящихъ въ прошлое историческихъ условій, а какъ своего рода «естественный» типъ объединенія людей. Отсюда убѣжденіе, что не только программа-минимумъ, но и конечная цѣль должна быть осуществлена демократіей каждой націи «у себя дома».

Отсюда очень распространенный взглядъ, что имперіалистическая завоевательная политика могла бы быть устранена при сохраненіи существующихъ формъ капитализма, такъ какъ она, въ сущности, вовсе не соответствуетъ «интересамъ» большинства капиталистовъ, такъ какъ, обогащая отдѣльныя фирмы и группы, она почти ничего не прибавляетъ къ той «выгодѣ», которую весь классъ въ цѣломъ извлекаетъ изъ мирнаго завоеванія рынковъ на почвѣ свободной конкуренціи.

Не трудно замѣтить, что при такомъ толкованіи подъ дѣйствительные «интересы» и «выгоды» современнаго капитализма подставляется наивная *потребительская* психологія. Для рабочаго, мелкаго буржуа или представителя свободныхъ профессій расширеніе дохода есть прежде всего возможность полнѣе удовлетворить свои личныя потребности, и всякія затраты, не приводящія къ этой цѣли, заслуживаютъ осужденія, какъ противорѣчающія правильно понятымъ интересамъ. Но современный капиталистъ давно уже преступилъ ту грань дохода, при которой

можетъ идти рѣчь о неудовлетворенности какихъ-либо личныхъ потребностей. Присоединеніе новыхъ милліоновъ къ тѣмъ, которые у него уже имѣются, не обѣщаетъ ему никакихъ новыхъ личныхъ «выгодъ», не сулитъ никакихъ неизвѣданныхъ наслажденій. Для него ростъ капитала, побѣда надъ конкурентомъ, приобрѣтеніе новаго рынка—есть прежде всего ростъ его *могущества*, расширеніе его *власти* надъ людьми. Воля къ власти и есть, поэтому, тотъ подлинный «интересъ» современнаго капиталиста, тотъ жизненный нервъ его классовой психологіи, который даетъ ему возможность стоять на высотѣ объективной тенденціи капитала къ безграничному самовозрастанію.

Въ эпоху классическаго буржуазнаго либерализма, когда государство разсматривалось лишь, какъ стражъ, призванный охранять внѣшній порядокъ, когда жизнь капиталистическаго общества представляла собой свободное состязаніе отдѣльныхъ самодовлѣющихъ капиталистовъ,—буржуазная воля къ власти была строго индивидуальной и вполне насыщалась тѣмъ фактическимъ могуществомъ, которое давало каждому единичному предпринимателю мирное завоеваніе новыхъ рынковъ сбыта. Но съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія стала спланиваться въ единую централизованную организацію, съ тѣхъ поръ, какъ она начала созидать планомѣрную систему государственно-капиталистическаго хозяйства, ея воля къ власти приобрѣла непосредственно коллективный, т. е. *политическій* характеръ.

Превратившись изъ господствующаго класса въ своего рода правительствующее сословіе, буржуазія естественно стремится закрѣпить политически всякое свое фактическое приобрѣтеніе, превратить въ свой неотъемлемый домень всякій вновь завоеванный, или даже только подлежащій завоеванію рынокъ. Это — совершенно неустраняемая, изъ самой природы имперіализма вытекающая тенденція: организація, охватывающая всю сферу хозяйственнаго вліянія даннаго національнаго капитала, не можетъ не распространяться и на тѣ области, которыя къ этой сферѣ вліянія вновь присоединяются; экономическое завоеваніе здѣсь неразрывно связано съ политическимъ, война становится нормальнымъ типомъ капиталистическаго «расширенія».

Возвращеніе къ доброму старому времени, къ мирному соперничеству капиталистическихъ государствъ, лишь изрѣдка прерываемому сравнительно безобидными войнами, предполагаетъ одно изъ двухъ: или повсемѣстное возстановленіе буржуазнаго индивидуализма ранне-капиталистической эпохи, т. е. исчезновеніе синдикатовъ, трестовъ, картелей, промышленно-финансовыхъ организацій, однимъ словомъ, всего того, что создало послѣднимъ полустолѣтіемъ капиталистическаго развитія,—или уничтоженіе мирового рынка и созданіе на мѣсто его абсолютно изолированныхъ, замкнутыхъ въ себѣ національно-

капиталистическихъ хозяйствъ. Очевидно, передъ нами утопія и притомъ утопія явно реакціонная.

Демократическіе сторонники національно-государственнаго самоопредѣленія, за отсутствіемъ подходящихъ аргументовъ, любятъ ссылаться на своихъ великихъ предшественниковъ: Гаррибальди, Мадзини. Они забываютъ, что оба эти дѣятеля стремились преодолѣть областной провинціализмъ путемъ національнаго объединенія и такимъ образомъ осуществляли единство въ томъ максимальномъ масштабѣ, который допускался соціально-экономической структурой тогдашней Европы. Между тѣмъ, современные рыцари политическаго обособленія народовъ ратуютъ за національный провинціализмъ въ эпоху, когда ходъ развитія повелительно, подъ угрозой крушенія матеріальной и духовной культуры Европы, требуетъ международнаго единства. Уже если сравнить современную эпоху съ эпохой борьбы за объединеніе національностей, то подходящую аналогію найдемъ мы не въ Италіи, а въ Германіи середины прошлаго столѣтія. Тогдашніе германскіе демократы энергично боролись съ той политикой «крови и желѣза», при помощи которой юнкерская Пруссія осуществляла объединеніе Германіи, но боролись не во имя политической автономіи «тридцати шести нѣмецкихъ отечествъ», такъ жестоко осмѣянныхъ уже Гейне, а во имя объединенія, еще болѣе широкаго, еще болѣе тѣснаго и, само собой разумѣется, строго демократическаго, исключаящаго всякую «гегемонію». Дѣйствительными духовными отцами современныхъ патріотовъ защитнаго цвѣта являются не великіе демократы эпохи итальянскаго или германскаго объединенія, а тѣ нассаускіе, веймарскіе, баденскіе и прочіе филистеры, которые, отнюдь не одобряя агрессивныхъ стремленій своихъ князей, горячо отстаивали въ то же время уютную самобытность каждаго изъ своихъ тридцати шести отечествъ, и съ одинаковой энергіей протестовали и противъ «насилій» реакціонной Пруссіи, и противъ «нивелирующихъ стремленій» германской демократіи.

Такимъ образомъ, позиція старозавѣтнаго радикализма, имѣющаго пока наибольшее число сторонниковъ въ рядахъ европейской демократіи, по существу своему, еще безнадежнѣе, чѣмъ позиція соціаль-империалистовъ. Последніе опираются все же на нѣкоторую реальную тенденцію развитія, въ то время какъ первые хотятъ спасти старую испытанную тактику при помощи воздушныхъ замковъ. Если демократіи вообще суждено выполнить свою «историческую миссію», — отъ успѣха которой зависитъ теперь уже не только благосостояніе того или другаго класса, но спасеніе всей европейской цивилизаціи, — то она достигнетъ этого лишь при помощи радикальнаго измѣненія своей старой тактики, своихъ организаціонныхъ и политическихъ навыковъ.

Раздѣленіе на конечныя и ближайшія цѣли превратилось въ явный анахронизмъ. Единственной «цѣлью» становится всесторонняя демократизація экономической системы, создаваемой имперіализмомъ, превращеніе ее изъ общественнаго хозяйства, планомѣрно организованнаго ради извлеченія прибыли, въ столь же планомѣрную организацію обслуживанія общественныхъ потребностей, — изъ «Gewinnwirtschaft» въ «Bedarfsdeckungswirtschaft», какъ выражаются современные германскіе марксисты. Но задача эта никѣмъ не можетъ быть окончательно разрѣшена «у себя дома». Преодолевая капиталистическую анархію внутри государства, имперіализмъ довелъ ее до неслыханныхъ размѣровъ въ международной области, придавъ ей форму затаянаго опустошительнаго кризиса, грозящаго гибелью культурному міру. Именно здѣсь разлагающимъ тенденціямъ современнаго капитализма должна быть противопоставлена несокрушимая солидарность демократіи, сплоченность ея организаціи, планомѣрность и согласованность ея усилій. — Эти основные принципы и характеризуютъ собой третье демократическое теченіе, которое въ Германіи объединяетъ пока лишь немногихъ видныхъ дѣятелей, но съ каждымъ мѣсяцемъ встрѣчаетъ все болѣе и болѣе замѣтный резонансъ въ массахъ, и — что особенно симптоматично — резонансъ этотъ наблюдается не только среди рабочей, но отчасти и среди буржуазной демократіи.

Возвратимся, однако, къ вопросу, поставленному А. Пѣшеховымъ.

Въ состояніи ли мы предпринять какія-либо практическія мѣры для борьбы съ хозяйственной разрухой? Такъ какъ дѣйствительная борьба съ разрухой возможна лишь на почвѣ широкой коопераціи международной демократіи, то способствовать скорѣйшему наступленію такихъ условій, при которыхъ эта кооперація сможетъ осуществиться, есть важнѣйшая обязанность всякаго демократа, къ какому бы изъ «36 отечествъ» онъ ни принадлежалъ. Но у тѣхъ русскихъ представителей «общественной и технической мысли», къ которымъ обращается А. Пѣшеховъ, есть, какъ мнѣ кажется, и особая, чрезвычайно важная задача: это — тщательное и всестороннее изслѣдованіе совершающихся вокругъ насъ хозяйственныхъ процессовъ и широкое ознакомленіе русскаго общества съ его результатами. Откуда бы ни явилась сила, способная провести въ жизнь планъ нашего экономическаго возрожденія, она должна будетъ начать съ такого изслѣдованія. Кромѣ того, точная, детально разработанная картина совершающагося лучше всякихъ теоретическихъ споровъ помогла бы тому проясненію умовъ, въ которомъ такъ нуждается современная демократія.

В. Базаровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОРЬБА ЗА МИРЪ ВЪ ШВЕЦИИ.

По внѣшнему виду, образу жизни, характеру—шведъ менѣе всего походить на «нервную барыню»; но въ области внѣшней политики онъ во все время войны проявляетъ необычную перевозность. Достаточно самаго незначительнаго измѣненія на театрѣ военныхъ дѣйствій, любого сенсационнаго слуха о Россіи или Германіи, чтобы газетные листы опредѣленной части шведской прессы заили тревогу: «Отечество въ опасности!»

Я не знаю, насколько серьезна была вѣра въ «русскую опасность» не вообще, а въ настоящую войну, въ первомъ ея періодѣ; но что телерь Швеція нечего бояться, что въ одинъ прекрасный день русскіе солдаты перейдутъ изъ Торнео въ Галаранду, или русскія ядра упадутъ у подножья статуи Густава Адольфа въ Стокгольмѣ—очевидно и шведскому школьнику. Тѣмъ не менѣе опредѣленные круги шведскаго общества нервничаютъ сейчасъ такъ, какъ будто «неприятель уже у границъ».

Если вѣрить на слово шведскимъ политикамъ изъ «Nya Dagblad», «Aftonblad», «Stockh. Dagb.» и прочихъ активистскихъ листовъ, то можно подумать, что меньше всего они хотятъ войны съ кѣмъ бы то ни было; дѣло идетъ только объ охранѣ «чести» и «независимости», и объ «обезопасеніи» страны на будущія времена. Поскольку дѣло идетъ о шведскомъ народѣ—это не подлежитъ сомнѣнію. Но когда я слышу или читаю профессора Челлена, или даже осторожнаго профессора Тюрена, то червь сомнѣнія начинаетъ точить меня. И для меня становится понятнымъ, почему и «борцы за миръ» въ Швеции тоже нервничаютъ и проявляютъ горячую дѣятельность даже тогда, когда посторонній находитъ, что «на Шипокѣ все спокойно»: на активистской вышкѣ въ Стокгольмѣ бываетъ только затишье, за которымъ наступаетъ новый натискъ съ орудіями изъ другого арсенала, бьющими дальше и сильнѣе; опасность вовлеченія Швеции въ войну, вопреки желанію народныхъ массъ, не уменьшается; и сегодня такъ же, какъ и вчера, съ полной опредѣленностью нельзя предвидѣть, что «день грядущій намъ готовить»...

Я пишу эти строки въ періодъ затишья въ области внѣшней политики и бурной дѣятельности во внутренней жизни страны. Черезъ нѣсколько дней произойдутъ выборы въ ландстингъ (провинціальныя собранія), составъ которыхъ имѣетъ рѣшающее значеніе для состава

верхней палаты. По всей странѣ ведется самая усиленная агитация всѣми политическими партіями, и такъ какъ страна хочетъ мира, то онъ общается всѣми, даже самыми крайними активистами: даже профессоръ Челленъ договорился до того, что его совершенно напрасно закидываютъ въ желаніи навлечь на страну всѣ бѣдствія войны; ни одинъ нормально мыслящій шведъ этого не хочетъ. Если же онъ когда-либо и выскажется за войну, то только при такихъ обстоятельствахъ, когда и с.-д. Брантингъ, если и не будетъ за нее, то во всякомъ случаѣ не будетъ и противъ.

Чтобы получить пару лишнихъ правыхъ депутатовъ въ верхнюю палату, являющуюся опорой консерваторовъ и правительства, правительство рѣшилось на уступку общественному мнѣнію, требующему продолжения политики «совмѣстныхъ дѣйствій» всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствъ, началу которыхъ положено было въ декабрь 1914 г. въ Мальме. Гаммершельдъ съѣздитъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Копенгагенъ, гдѣ они, сообщая съ датскими и норвежскими министрами, что-то обсуждали. Результаты совѣщанія держатся въ тайнѣ, но ни для кого не секретъ, что говорили объ охранѣ торговыхъ интересовъ послѣ войны, причемъ не столбовались ни о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ во время войны, ни послѣ войны. Графъ Ревентловъ изъ «Deutsche Tageszeitung» совершенно напрасно волновался: Швеція не измѣнила себѣ и на этихъ совѣщаніяхъ. О чемъ бы тамъ ни говорили, практическое ихъ значеніе такой же нуль, какъ и встрѣча монарховъ въ Мальме...

Напрасно также беспокоится и овѣмчившійся шведъ Вильгельмъ Янеонъ: въ официальной политикѣ Гаммершельда, Финляндія никогда не играла роли, а у активистовъ она стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась въ то время, когда Янеонъ пріѣзжалъ въ Стокгольмъ доказывать шведскимъ социаль-демократамъ «правоту нѣмецкаго дѣла». Въ мѣрѣ шведскихъ политиковъ измѣнилась только «обстановка»; существо осталось прежнее. Попрежнему «великошведцы» мечтаютъ о завоеваніи Финляндіи и говорятъ о ея освобожденіи. Если бы слезами этихъ печальниковъ можно было бы кого-нибудь освободить, то, вѣроятно, уже не было бы ни одного угнетеннаго народа: такъ много пролито слезъ на страницахъ хотя бы только одной газеты съ «Wilhelmstrasse» Страннымъ образомъ только этимъ слезамъ не вѣрятъ ни финскій, ни шведскій народъ.

Какъ бы то ни было, мечты объ обратномъ завоеваніи Финляндіи еще сняты шведскимъ активистамъ, и въ опредѣленный моментъ они могутъ подъ лозунгомъ «освобожденія многострадальныхъ братьевъ» сыграть свою роль, если война затянется еще на продолжительное время. Съ этой «опасностью» вовлеченія Швеціи въ войну «шведскіе борцы за миръ» раздѣляются только тогда, когда въ Финляндіи начнется новая эра...

Другая опасность—это, какъ извѣстно, Аландскіе острова. Никакія гарантіи русскаго правительства о томъ, что послѣ войны всѣ укрьпленія будутъ срыты, не успокоятъ шведскихъ активистовъ, и они

пе перестанутъ упрекать Гаммершельда въ неосторожности и предостерегать народъ отъ опасности до тѣхъ поръ, пока настоящая война не окончится и острова не будутъ переданы Швеціи: скрытіе укрѣпленій ихъ, конечно, не успокоитъ, такъ какъ имъ нужны самые острова. Для чего? Если послѣ настоящей войны все пойдетъ по старому, народы будутъ вооружаться и готовиться къ новымъ войнамъ, то почему бы шведамъ не имѣть своего Гельголанда?...

Если мы отъ великошведскихъ фантазій перейдемъ къ «чести» и «независимости» Швеціи, то очень скоро убѣдимся, что и здѣсь все осталось въ томъ же порядкѣ, не взирая на то, что Гаммершельда опять смѣнилъ Валленбергъ. Слѣдящіе за шведской официальной политикой знаютъ, что въ шведскомъ правительствѣ въ вопросахъ внѣшней политики нѣтъ единства. Въ строгомъ смыслѣ слова эта политика не завоевательнаго характера: правительство гражданскаго перемирія хочетъ мира и «непартийнаго» нейтралитета. Этого требуютъ интересы шведской буржуазіи. Но она, какъ извѣстно, не однородна. Часть ея и при томъ довольно значительная часть заинтересована въ побѣдѣ Германіи. Шведская промышленность въ значительной своей части развивалась на нѣмецкіе капиталы. Въ шведскомъ ввозѣ и вывозѣ Германія играетъ первенствующую роль. Въ 1913 г., напримѣръ, обороты внѣшней торговли Германіи съ тремя скандинавскими странами составляли 1.173,4 милліона марокъ. Самая большая доля этого оборота приходится на Швецію, которая покупала въ Германіи и такіе товары, которые, казалось бы, было легче и проще получить изъ Россіи. Въ томъ же году, напримѣръ, Швеція купила въ Германіи на 24,7 милл. кронъ русскаго хлѣба и на 25,6 милл. русскихъ же кожъ, мѣховъ и т. д.

Причинъ, почему Швеція даже русскіе товары пріобрѣтала не непосредственно въ Россіи, а въ Германіи, много. Нѣкоторыя изъ нихъ устранимы въ послѣвоенное время. Кое-что дѣлается въ этомъ отношеніи даже сейчасъ. Еще больше проектовъ. Но все это дѣло будущаго; пока же опредѣленная часть шведской буржуазіи заинтересована въ побѣдѣ Германіи, или по крайней мѣрѣ, въ такомъ исходѣ войны для нея, при которомъ интересы этой части шведской буржуазіи не пострадали бы. При данномъ положеніи на театрѣ военныхъ дѣйствій она сравнительно спокойна. Но она нервничаетъ, какъ только военное счастье начинаетъ измѣнять нѣмцамъ. Еще больше ее тревожатъ слухи о голодѣ въ Германіи, и нельзя ручаться, что въ одинъ прекрасный день она не протянетъ открыто руки «великошведамъ». Если, по нѣмецкому выраженію, въ настоящей войнѣ и слѣбые убѣдились, что кровь не гуще воды, то та же война показала, что интересы кармана для современнаго буржуа выше милліоновъ человѣческихъ жизней и родной страны.

Не совсѣмъ обстоитъ благополучно и съ той частью шведской буржуазіи, которая не заинтересована въ побѣдѣ Германіи: англійскій или шведскій капиталъ обладаетъ, какъ извѣстно, всѣми тѣми же достоинствами и недостатками, что и германскій. Заинтересованные въ транзитномъ значеніи Швеціи, въ русскомъ рынкѣ и т. д. капиталисты

имѣють своимъ выразителемъ Валленберга, который хочетъ мира и «непартийный» нейтралитетъ понимаетъ совсѣмъ не такъ, какъ Гаммершельдъ.

Нѣмцы не разъ огорчались, когда этотъ крупный банковый дѣлецъ забывалъ «о чести» и «независимости» Швеции, и торжествовали, когда Гаммершельдъ его дезавуировалъ. Давленіе этой части буржуазіи на правительство было очень сильно во все время войны, пока Германія «побѣждала» и «съ голоду не умирала» и пока транзитное значеніе Швеции для Россіи было значительно. Но въ этомъ отношеніи начинается и нѣкоторое обратное движеніе. Близится весна, заканчивается Мурманская жел. дорога. Швеція уже не будетъ играть той роли во время войны въ качествѣ необходимаго этапа для товаровъ изъ Англіи въ Россію. На гордые слова Гаммершельда Англія въ должныхъ случаяхъ, съ ея точки зрѣнія, отвѣтитъ не мѣтѣ смѣлыми дѣйствіями: война репрессаліями приметъ болѣе острый характеръ. Валленбергъ исчезнетъ со сцены; и въ одинъ прекрасный день правительство, «желающее мира», поставитъ страну «передъ военной авантюрой»...

Я отнюдь не утверждаю, что Швеція обязательно выступитъ. Въроятнѣ всего, этого все же не будетъ, въ виду цѣлаго ряда другихъ факторовъ, внутреннихъ и отчасти и вѣшнихъ. Я привелъ только тѣ соображенія, которыя съ моей точки зрѣнія, вынуждаютъ истинныхъ друзей мира не дремать, а дѣйствовать и притомъ довольно рѣшительными средствами даже тогда, когда постороннему наблюдателю кажется, что зыбь на активистскомъ морѣ едва колеблется.

* * *

Изъ трехъ политическихъ партій правые имѣють абсолютное большинство въ верхней палатѣ, а либералы сообща съ социаль-демократами въ нижней. Правые—самые сомнительные друзья мира: соприкасаясь съ активистами, имѣя кой-кого изъ нихъ въ своихъ рядахъ, они систематически налегаютъ на «честь» и «независимость» страны, когорымъ, естественно, всегда что-либо угрожаетъ. Они систематически наталкиваютъ правительство на «репрессалии», настаиваютъ и добиваются роста вооруженій и, со словами мира на устахъ, несомнѣнно содѣйствуютъ возможности вовлеченія Швеции въ настоящую войну. Кромѣ вѣшнихъ причинъ, — невыгодности для нихъ пораженія Германіи — ихъ толкають въ эту сторону причины внутреннія: опасенія слишкомъ быстрого роста демократіи въ странѣ. Война неизбежно связана съ усиленіемъ власти, ослабленіемъ демократіи. Удачная война гарантируетъ закрѣпленіе власти за опредѣленными группами населенія на долгія времена. Затѣмъ «побѣдоносная» и сильная Швеція можетъ взять на себя роль «Пруссіи» въ Скандинавіи. Съ расторгненіемъ шведско-норвежской уніи, эти элементы шведскаго общества далеко еще не примирились. Если обстоятельства военного времени вынудили шведскаго короля Густава встрѣтиться съ норвежскимъ королемъ Гагономъ въ Мальме и публично съ нимъ расцѣловаться, то это еще очень мало

говорить о тѣхъ планахъ и надеждахъ, которые тлѣютъ въ сердцахъ «великошведовъ».

Тщетно социаль-демократы въ обѣихъ странахъ добиваются срытїя крѣпостей между братскими народами: и тутъ и тамъ консерваторы не исключаютъ еще возможности столкновения, и тутъ и тамъ поэтому готовятся къ этому столкновению, которое можетъ произойти если не въ эту войну, то въ слѣдующую... Идея «скандинавскаго союза» понимается совершенно по равному демократическими и консервативными элементами въ скандинавскихъ странахъ: первые думаютъ о равноправїи, а вторые, особенно въ Швеци, о господствѣ; «гегемонїи въ союзѣ должна принадлежать Швеци»; «она должна диктовать свою волю» — подобныя выраженїя слышны и рядомъ встрѣчаются въ статьяхъ шведскихъ правыхъ публицистовъ... Эти элементы поэтому сознательно толкаютъ правительство на конфликтъ съ Англїей, въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, приведетъ къ войнѣ сейчасъ, когда, по ихъ мнѣнїю, Швеци имѣетъ всѣ шансы выйти побѣдительницей...

Этого нельзя сказать о либералахъ, которые, за немногими исключениями, искренне хотятъ мира. Этого требуютъ ихъ экономическіе интересы, незаинтересованность въ торжествѣ Германїи и опасенїя торжества консерваторовъ. Покойный Стаафъ, Эденъ и другіе лидеры либераловъ борются всѣми доступными съ точки зрѣнїя либерализма средствами за миръ. Громадную услугу оказалъ въ этомъ отношенїи именно Стаафъ тѣмъ, что выкопалъ параграфъ конституціи, изъ котораго ясно, что шведское правительство не имѣетъ права производить реквизиціи, если «война не оборонительная» въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е., если страна не подверглась нападенїю. Конечно, конституція при опредѣленныхъ условїяхъ только «кусокъ бумаги», какъ и международный договоръ, но при той внутренней борьбѣ, которая сейчасъ ведется въ странѣ, каждая партїя стремится опереться на «законъ», и съ этимъ и правительству, и консерваторамъ приходится считаться, но крайней мѣрѣ, до того момента, когда удастся убѣдить народъ, что непрїятель тѣйствительно у границъ...

Но либералы — сторонники мира только въ эту войну. Поэтому они, если не содѣйствуютъ, то не противодействуютъ росту вооруженїй страны; щедрой рукой ассигнуютъ средства на вооруженную охрану нейтралитета и готовятъ оружіе, которое въ опредѣленный моментъ используютъ активисты. Затѣмъ понятїя «чести» и «независимости» страны для нихъ далеко не пустой звукъ. Сейчасъ карманъ и внутреннїя политическія отношенїя требуютъ «примиренїя» съ нѣкоторыми актами со стороны воюющихъ державъ. Они даже до известной степени выподны. Но завтра, когда выгода окажется не столь значительной, кто знаетъ? И «*Dayens Nyheter*» и «*God.Dagb.*» несомнѣнно хотятъ мира, пораженїя консерватизма въ странѣ, роста демократїи до опредѣленной степени и т. д. Но когда онѣ отстаиваютъ необходимость вооруженной защиты, усиленїя боевой готовности и т. д., то у меня закрадывается

сомнѣніе насчетъ миролюбія, и Эдена, и редактора «*Daagens Nyheter*» Даже «*Aftontid.*» и «*Forum*» возбуждаютъ сомнѣніе. А поэтому спокойнѣе имъ такъ же мало вѣрить, какъ и нашимъ либераламъ...

* * *

Общія причины кризиса социализма проявляются, если не съ одинаковой силой, то въ одномъ и томъ же направленіи во всѣхъ странахъ, независимо отъ того, втянуты ли онѣ уже въ войну или стоятъ передъ опасностью таковой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ опасность особенно велика, какъ въ Голландіи или Швеціи, борьба теченій принимаетъ еще болѣе острые формы, чѣмъ въ странахъ воюющихъ: носителямъ идеи завтрашняго дня хочется предупредить то грѣхопаденіе, которое претерпѣлъ социализмъ въ большинствѣ воюющихъ странъ; съ другой стороны, сторонники тактики текущаго дня опасаются, что усвоеніе новыхъ «формъ и способовъ борьбы» равносильно повороту движенія въ сторону «антинационализма», крушенію всего круга идей, который въ теченіе 25 лѣтъ прививался массѣ и, въ сущности, составлялъ все обычное содержаніе повседневной практической борьбы.

Процессъ «национализаціи» шведской социаль-демократіи шель параллельно росту силы и вліянія партіи въ странѣ. «Радикальной» въ нѣмецкомъ смыслѣ этого слова партія не была никогда; въ общемъ и цѣломъ шведскіе социаль-демократы копируютъ все время правое крыло нѣмецкой партіи. Если дѣло здѣсь и доходило до массовыхъ экономическихъ забастовокъ, какъ въ 1909 году, наприимѣръ, то менѣе всего въ этомъ виноваты лидеры движенія: особья условія развитія народной жизни въ Швеціи приводятъ къ тому, что при всемъ желаніи массъ идти за вождями, онѣ нѣтъ-нѣтъ, да и срываются...

Шведскій капитализмъ сравнительно молодъ, и имѣетъ передъ собой опытъ другихъ странъ. Онъ хорошо организованъ для борьбы съ рабочими, но нуждается еще въ ихъ помощи для борьбы за власть. Къ тому же въ значительной своей части онъ иноземнаго происхожденія, переживая еще періодъ націонализаціи. Строго говоря, шведъ сталъ себя сознавать какъ «націю» сравнительно недавно, въ процессѣ демократизаціи страны. Это наложило свой отпечатокъ и на шведскій либерализмъ и на шведскую социаль-демократію, которые шли и идутъ очень часто рука объ руку. Социаль-демократію отличаетъ отъ либерализма въ этомъ отношеніи только большая послѣдовательность, и либеральная партія въ странѣ въ силу этого таяла сравнительно быстро, а ряды социаль-демократіи пополнялись не только рабочими, но и «національными демократами». Программа-максимумъ, какъ и въ другихъ странахъ, ушла куда-то въ заоблачную даль, а изъ программы-минимумъ осуществлялось то, что удовлетворяло интересамъ сегодняшняго дня и росту національнаго сознанія массъ.

Общими усиліями шведъ въ одинъ прекрасный день созналъ себя

и почуялъ грозящую ему опасность съ «востока»: даже въ самые послѣдніе годы передъ войной никто, вѣдь, серьезно не думалъ о мировой войнѣ, въ которой Россія будетъ съ Англійей противъ Германіи!

Не думали объ этомъ и шведы. Можетъ быть, нѣкоторую роль играло гуть и то обстоятельство, что послѣдніа двадцать пять лѣтъ, и капиталъ, и культурное вліяніе шло въ Швецію, главнымъ образомъ, изъ Германіи, вытѣсняя, сначала незамѣтно, а потомъ и довольно основательно англо-французское вліяніе. Но фактъ тотъ, что о «русской опасности» думали не только «великошведы», народившіеся въ восьмидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ первыми солидными успѣхами шведскаго капитализма, но и социаль-демократы. И еще за нѣсколько мѣсяцевъ до войны Брантингъ, напримѣръ, убѣждая норвежскихъ социаль-демократовъ не измѣнять своей программы въ духъ требованія немедленнаго разоруженія, независимо отъ того, разоружатся ли другія державы или нѣтъ, ссылался какъ разъ на «русскую» опасность... Вѣра въ эту опасность обща всему населенію страны и сослужила свою службу въ дѣлѣ ея милитаризаціи: знаменитое шествіе крестьянъ въ 1911 г. сломило сопротивление либераловъ, и численность арміи и флота съ того времени значительно возросла.... Швеція, какъ и другія страны, милитаризировалась, такъ сказать, при косвенномъ участіи социаль-демократіи: было очевидно, что одного голосованія противъ военнаго бюджета недостаточно, что нужно предпринять нѣчто болѣе рѣшительное для того, чтобы положить конецъ росту вооруженій; но ушедшіе съ головой въ работу сегодняшняго дня, социаль-демократы боялись нарушить «нормальный» ходъ развитія; и въ одинъ прекрасный день Европа очутилась передъ кровавой катастрофой...

Какъ и въ воюющихъ странахъ, шведскіе социаль-демократы заключили «перемиріе» на все время войны съ правительствомъ и буржуазными партіями, но подъ условіемъ «соблюденія нейтралитета»: сошлись на министерствѣ Гаммершельда, вотируютъ просимыя правительствомъ суммы на «вооруженную» охрану нейтралитета, мобилизаціи, усиленіе боевой способности страны. Все это, конечно, для «обороны», а не для нападенія...

Партія имѣетъ, конечно, и своихъ Легіановъ, даже Зюдекемовъ. Но раздѣлаться съ ними не стоило большого труда. Когда вышла шумѣвшая лѣтомъ минувшаго года книга «Внѣшняя политика Швеціи при свѣтѣ исторіи», въ составленіи которой принимали участіе и «великошведы» изъ социаль-демократической партіи, правленіе партіи, по настоянію оппозиціи, выкинуло изъ рядовъ партіи наиболѣе активныхъ изъ нихъ, какъ профессора Стеффена, Юдко и Ларсона: и остальные стали вести себя тише воды ниже травы, — до норы, до времени, конечно...

Въ общемъ и цѣломъ партія стоитъ на позиціи мира. Социаль-демократы могутъ участвовать только въ «оборонительной» войнѣ; на Швецію же пока никто не нападаетъ. Внутренніе и внѣшніе интересы отнюдь не требуютъ побѣды Германіи, даже напротивъ. Винаовница

войны — Германия. Ея побѣда равносильна побѣдѣ «идей 1914 г.» надъ великими идеями французской революціи. Эта побѣда угрожаетъ также политической и экономической независимости страны: въ этомъ случаѣ, какъ выразилась Эленъ Кей, «роковой часъ Швеціи пробьетъ также тихо съ башни въ Мюнстерѣ на югѣ, какъ и съ церковной колокольни на востокѣ». Шведы должны оставаться нейтральными до конца, не протягивая вооруженной руки помощи ни одной изъ воюющихъ странъ; но смотрѣть при этомъ въ оба... Если какая-либо изъ странъ все же нападетъ на Швецію, то Брантингъ, по крайней мѣрѣ, предпочтетъ для нея примѣръ и судьбу Бельгіи, чѣмъ Люксембурга или Греціи...

* * *

Еще задолго до войны въ шведской социаль-демократіи зародилась оппозиція, недовольная «оппортунистической» тактикой и стремившаяся дать партіи болѣе «радикальное» направление. Въ общемъ и цѣломъ она все время была значительно умѣреннѣе, чѣмъ радикальное крыло въ пѣмецкой партіи, но въ одномъ вопросѣ она заняла болѣе опредѣленную позицію: антимилитаристская агитація велась ею сильнѣе и шире, чѣмъ въ другихъ странахъ, особенно въ Германи. Объясняется это отчасти сравнительно болѣею слабостью отпора вооруженіямъ, которую проявляла официальная партія, подъ влияніемъ «русской опасности», отчасти же пароднымъ складомъ шведовъ, которые «не выносятъ казармы»... Шведская беллетристика изобилуетъ недурными очерками, рисующими эту сторону шведской жизни. Сложилась какая-то увѣренность, что въ случаѣ чего народъ справится съ непріателемъ и безъ этихъ «собакъ». Солдатскій мундиръ тяготеетъ шведскаго юношу и онъ сбрасываетъ его при первой возможности. Деревенскій паренъ скорѣе стѣсняется своего «солдатскаго званія», чѣмъ куражится имъ и т. д.

На почвѣ борьбы съ антимилитаризмомъ шведскіе «радикалы» завоевали себѣ сильныя симпатіи среди шведской молодежи, и движеніе нашло точку опоры въ «клубахъ молодыхъ». Въ идеѣ своей эти клубы должны были быть «соціалистическими организаціями для молодежи» и преслѣдовать культурно-просвѣтительныя цѣли, по типу аналогичныхъ организацій Германи. Но здѣсь они приобрѣли очень скоро политическое значеніе, образовавъ какъ бы организацію въ организаціи. Органъ молодежи «Стормклоканъ» очень рано сравнительно превратился въ политическій органъ радикальной части партіи; такой же характеръ приняло издательство «Фрамъ», и, опираясь на клубы молодежи, лидеры «молодыхъ» стали давить на партію и приобретать въ ней все болѣе и болѣе сильное вліяніе...

Чѣмъ сильнѣе официальная партія ударялась въ оппортунизмъ, тѣмъ быстрѣе росло число недовольныхъ. И когда партія на послѣднемъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1914 года стала опредѣленно на путь эвентуальнаго министерализма, недовольство старыми и опытыми вождями достигло своего апогея. Особенно сильно оно проявляется на сѣверѣ Швеціи, а въ послѣднѣе время и въ Стокгольмѣ.

«Молодые» имѣютъ нѣсколько депутатовъ въ риксдагъ (постоянно голосуютъ съ ними 9, а по нѣкоторымъ вопросамъ — до двадцати изъ 87), двухъ-трехъ сторонниковъ въ правленіи и отдѣльных правленіяхъ профессиональных союзовъ. Лидеры ихъ — Геглушдъ и отчасти стокгольмскій бургомистръ Линдгагенъ.

Съ первыхъ дней войны они заняли особую отъ официальной партіи позицію, голосуя противъ кредитовъ на мобилизацию, внося предложенія о демобилизации, требуя разоруженія, настаивая на срытіи крѣпостей, предлагая шведскому правительству взять на себя инициативу по убѣжденію воюющихъ державъ въ необходимости немедленнаго заключенія мира на началахъ разоруженія, третейскихъ международныхъ судовъ, организации «Соединенныхъ Штатовъ Европы», «Скандинавскаго Союза», какъ первой ступени къ такой организации, и т. д. Полной ясности и даже единства нѣтъ и въ этой части партіи. До Циммервальдской конференціи и здѣсь налегали на то, что, независимо отъ общихъ причинъ міровой катастрофы, «главная виновница» войны все же — Германія. Кое-кто стоитъ на этой позиціи еще и теперь. «Интернационалистскіе» доводы въ пропагандѣ и агитации играютъ роль только у немногихъ, и стали выдвигаться на первый планъ лишь послѣ Циммервальда. Значительная часть «молодыхъ» и теперь еще стоитъ на позиціи «защиты отечества», его цѣнности для пролетаріата и т. д. И если они тѣмъ не менѣе высказываются за демобилизацию, разоруженіе и т. д., то исходятъ, главнымъ образомъ, изъ того, что въ данной войнѣ Швеція никто не угрожаетъ, что вмѣшательство ея носило бы характеръ «нападенія», а не «обороны». Сильную роль играетъ также убѣжденіе, что маленькія государства вообще защититъ себя не въ силахъ, и что въ силу этого предпочтительнѣе, въ случаѣ чего, судьба Люксембурга или Греціи, чѣмъ Бельгіи или Сербіи...

Попытка возрожденія интернационала въ Циммервальдѣ встрѣтила самое горячее отношеніе со стороны шведскихъ «молодыхъ». Они делегировали своихъ представителей на конференцію, которые примкнули тамъ къ такъ называемой «циммервальдской лѣвой», и, вернувшись оттуда, стали подготавливать какое-либо выступленіе пролетаріата для предупрежденія вмѣшательства Швеціи въ войну.

Въ ноябрѣ минувшаго года, когда опасность выступленія Швеціи казалась серьезной, они обратились къ правленію партіи и генеральной комиссіи съ предложеніемъ устроить совмѣстное засѣданіе для выясненія вопроса, что шведскіе рабочіе могутъ и должны предпринять для предупрежденія опасности войны. На совѣщаніи ями выдвинута была идея созыва общерабочаго съѣзда изъ членовъ партіи, профессиональных союзовъ и клубовъ молодыхъ для обсужденія и рѣшенія этого вопроса. Партія предложила устроить новое совѣщаніе, если положеніе въ странѣ обострится.

Въ январѣ положеніе обострилось настолько, что даже Брантингъ въ бюджетныхъ дебатахъ указалъ на серьезность положенія. Правленіе клубовъ молодыхъ вновь обратилось поэтому къ официальнымъ органамъ

партии и союзовъ съ тѣмъ же предложеніемъ. Долго отвѣта не получалось, а затѣмъ пришелъ отвѣтъ, что вопросъ этотъ откладывается *ad Calendas grecas*. Правленіе руководилось при этомъ какъ внутрипартийными соображеніями, такъ и общеполитическими. Недовольство позиціей, занятой партией, проявлялось довольно недвусмысленно въ мѣстныхъ организаціяхъ. То тутъ, то тамъ выносились резолюція не только за сѣздъ, но и за всеобщую забастовку въ случаѣ войны, коегдѣ принимались резолюціи и за забастовку мобилизуемыхъ. При подобномъ настроеніи въ рабочихъ организаціяхъ, общерабочій сѣздъ могъ бы разрушить весь карточный домикъ, построенный Брантингомъ: дипломатическими переговорами съ правительствомъ и политическими партиями опъ хочетъ сохранить нейтралитетъ, обѣщая за то поддержку въ рѣшѣ милитаризаціи страны; тѣмъ же путемъ онъ надѣется демократизировать страну, т. е. добиться другого избирательнаго права для верхней палаты (молодые требуютъ ея уничтоженія), ослабленія королевской власти (молодые добиваются республики) и т. д.

Молодые считали необходимымъ созывъ сѣзда въ мартѣ, въ виду слуховъ о всеобщей мобилизаціи въ апрѣлѣ. Получивъ отрицательный отвѣтъ правленія, они рѣшились поэтому на «отдѣльное выступленіе»: во всѣ клубы молодыхъ былъ разосланъ циркуляръ о созывѣ экстраординарнаго сѣзда молодыхъ, но съ включеніемъ желающихъ принять въ немъ участіе делегатовъ отъ партийныхъ и профессиональных организацій. Циркуляръ попалъ въ печать. Правая пресса потребовала запрещенія сѣзда. Въ партийныхъ и профессиональных организаціяхъ началась агитація за и противъ сѣзда. Страна заволновалась.

Ближайшій сотрудникъ Брантинга въ «Соціалъ-демократѣ» по отдѣлу внѣшней политики, раздѣляющей и его симпатіи къ «согласію», и убѣжденіе въ необходимости усилить «боевую способность» страны на случай «нападенія», докторъ Эрикъ Геденъ, работавшій одно время даже въ органѣ правыхъ «Свенска Дагбладетъ», пришелъ къ заключенію, что переживаемый Швеціей моментъ очень серьезень. Въ отличіе отъ Брантинга, онъ полагалъ, что однихъ дипломатическихъ переговоровъ съ партиями для предупрежденія опасности войны недостаточно. Въ то же время, такъ какъ вступленіе Швеціи въ войну при данныхъ условіяхъ носило бы явный характеръ «нападающей» войны, а не «оборонительной», то онъ выступилъ со статьей на страницахъ органа молодыхъ «Стормклокана»: — «Теперь мы должны дѣйствовать или насъ вовлекутъ въ войну!» Какъ «дѣйствіе» выдвигалась всеобщая забастовка.

Брантингъ послѣшилъ, конечно, отмежеваться отъ своего сотрудника. Но мѣстные организаціи реагировали иначе. Было очевидно, что созданный при данномъ настроеніи чрезвычайный сѣздъ угрожаетъ принятіемъ самыхъ рѣшительныхъ резолюцій и проваломъ всѣхъ плановъ Брантинга...

* * *

Рѣшающимъ для правленія партии моментомъ было собраніе стокгольмской коммуны (партийной организаціи) 12-го марта. Впервые

Брантингъ потерпѣлъ официальное поражение. Незначительнымъ, правда, большинствомъ собраніе провалило предложеніе Брантинга и приняло резолюцію Гедена о созывѣ конгресса. Коммуна потому отказалась отъ послышки делегата на конгрессъ молодыхъ, но исключительно изъ опасенія «раскола», которымъ довольно недвусмысленно угрожаютъ не молодые, а старики въ формѣ исключенія молодыхъ изъ партіи. Тѣми же опасеніями раскола руководились и другія партійныя и профессиональныя организаціи, высказываясь за созывъ съѣзда, забастовку и болѣе рѣшительныя мѣры, но не рѣшаясь все же послать делегата на «конгрессъ мира». Однако, многія организаціи выбрали делегатовъ.

13 и 14 марта состоялось засѣданіе правленія партіи сообща съ представителями правленія профессиональныхъ союзовъ, на которомъ большинствомъ противъ четырехъ голосовъ было рѣшено конгресса не созывать и выпустить манифестъ къ рабочимъ. Какъ и въ выпущенномъ нѣсколько ранѣе манифестѣ по поводу выборовъ въ ландстинги, партія не отрицаетъ опасности войны, но она думаетъ справиться съ нею менѣе дорогими средствами, чѣмъ экстраординарный конгрессъ. Манифестъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ всеобщей забастовки и другихъ болѣе рѣшительныхъ средствъ борьбы — «смерти на улицѣ». Онъ полагаетъ, что пролетаріатъ можетъ бороться съ угрожающей опасностью только мирными парламентскими средствами, собраніями и резолюціями. Если опасность дѣйствительно наступитъ, то старые и опытные вожди сами уже знаютъ, что дѣлать: пролетаріатъ можетъ на нихъ положиться и спокойно выжидать событий...

Въ «Соціаль-демократѣ» и въ другихъ органахъ печати правыхъ социаль-демократовъ говорилось еще объ «анархизмѣ», «раскольничествѣ» и т. д. Тѣмъ не менѣе конгрессъ состоялся 18 и 19 марта, причемъ на немъ присутствовало болѣе 100 делегатовъ отъ партійныхъ и профессиональныхъ организацій, представлявшихъ въ общей сложности около одной трети организованныхъ рабочихъ. Клубы молодыхъ, насчитывающіе почти одиннадцать тысячъ членовъ, были представлены почти всѣ.

* * *

Въ порядкѣ дня конгресса стоялъ только вопросъ о предупрежденіи вовлеченія Швеціи въ войну, который былъ разбитъ на два вопроса: «парламентское дѣйствіе пролетаріата» и «внепарламентское дѣйствіе». Докладчикомъ по первому вопросу былъ Линдгагенъ, по второму — Геденъ.

По первому вопросу съѣздъ одобрилъ тактику меньшинства, голосяущаго противъ расходовъ на мобилизацію и требующаго демобилизаціи. Самую мобилизацію, въ то время, какъ Швеціи «никто не угрожаетъ и возможность защиты по меньшей мѣрѣ сомнительна», съѣздъ призналъ «безсмысленнымъ гумбугомъ». Но если страна все же будетъ вовлечена въ войну, то «мы заявляемъ, что послѣдуемъ примѣру рус-

ской, сербской, болгарской и итальянской партій, германскаго меньшинства и аналогичныхъ направленийъ въ другихъ воюющихъ странахъ, которыя высказались открыто въ парламентахъ за классовую борьбу и братство народовъ и въ полномъ соответствии съ этимъ отклоняютъ всякаго рода военный бюджетъ.

Мы остаемся попрежнему цѣлкомъ на нашей старой платформѣ и при нашемъ старомъ лозунгѣ: «ни одного человѣка, ни одного ере — милитаризму!»

«Внѣпарламентское дѣйствіе» сформулировано въ тезисахъ предполагающагося манифеста къ шведскому народу.

Окончательное рѣшеніе по этому вопросу долженъ былъ вынести новый экстраординарный конгрессъ изъ членовъ партіи, профессиональныхъ союзовъ и клубовъ молодыхъ, созывъ котораго предполагается въ томъ случаѣ, если положеніе въ странѣ вновь обострится. Выбранная на съѣздѣ коммисія, сообща съ правленіемъ клубовъ молодыхъ, обращается съ предложеніемъ о созывѣ такого конгресса къ официальнымъ органамъ партіи и профессиональныхъ союзовъ. Если они вновь откажутся, то коммисія сообща съ правленіемъ молодыхъ созываетъ такой конгрессъ сама на самыхъ широкихъ основаніяхъ, чтобы на немъ было представлено какъ можно болѣе рабочихъ. По существу же самого вопроса конгрессъ полагаетъ, что вовлеченіе Швеціи въ войну было бы самымъ тяжкимъ преступленіемъ противъ шведскаго народа и прежде всего противъ молодежи, которая падетъ первой ея жертвой. Швеціи извнѣ никто не угрожаетъ, и единственный ея дѣйствительный врагъ это тѣ элементы, которые стараются вовлечь ее въ войну. Съ какою бы точки зрѣнія ни подходить, — ясно одно, что миръ долженъ быть сохраненъ во что бы то ни стало и всѣми средствами.

Опытъ воюющихъ странъ показалъ, что господствующіе классы и правительство можетъ удержатъ отъ войны только сила народа, что однихъ парламентскихъ мѣръ борьбы для этого недостаточно; и съѣздъ высказывается поэтому за необходимость подготовки организованнаго внѣпарламентскаго массоваго дѣйствія. Прежде всего, такимъ средствомъ можетъ быть массовая стачка, обнимающая всѣ предприятия, имѣющія значеніе для мобилизаціи, не исключая и изготовляющихъ предметы питанія, оружіе, средства и пути сообщенія и т. д. Гдѣ стачка не удастся, можно прибѣгать къ обструкціи. Конгрессъ не видитъ въ стачкѣ ни единаго, ни при всѣхъ условіяхъ достаточнаго средства борьбы. Въ зависимости отъ реакціи господствующихъ классовъ, она можетъ перейти въ другія болѣе острые средства борьбы, вплоть до открытаго уличнаго возстанія, какъ подчеркивали нѣкоторые ораторы въ своихъ рѣчахъ. Если бы какое-либо правительство, продолжаетъ манифестъ, въ противорѣчіе съ традиціонной политикой шведскаго народа и его волей соблюсти нейтралитетъ до конца, ввергло бы страну въ войну, то отсюда само собою вытекаютъ послѣдствія и способы дѣйствія противъ такого правительства.

Конгрессъ обращается затѣмъ ко всѣмъ политическимъ партіямъ.

которыя стоятъ на иной позиціи, но хотятъ мира для страны и предлагаютъ имъ оказать рабочимъ всякую помощь въ борьбѣ за миръ. «Нашъ лозунгъ — миръ во что бы то ни стало!»

Правая пресса, натурально, подняла шумъ и пустила инсинуацію, что конгрессъ устроенъ русскимъ правительствомъ, которое будто бы систематически поддерживаетъ въ Швеціи выгодное ему «ферсфарнигилистическое» (отказъ отъ защиты страны) движеніе. Правительство рѣшило, конечно, использовать возбужденіе и создаетъ политическій процессъ по образцу «страны чудесъ» (Пруссія), какъ выражается Брантингъ. Къ Геглунду, Гедену и Ольелунду (редактору анархическаго журнала «Пожаръ») предъявлено обвиненіе въ государственной измѣнѣ по статьѣ, угрожающей минимально каторгой отъ двухъ до шести лѣтъ, а въ особо тяжкихъ случаяхъ и смертной казнью. Всѣ три, конечно, арестованы. Чтобы убѣдить народъ въ «измѣнѣ», распространяются всякія небылицы о живущихъ въ Стокгольмѣ русскихъ; многихъ изъ нихъ допрашиваютъ. Одинъ (Долголевскій) арестованъ, какъ бывший будто бы на конгрессѣ...

Правая пресса торжествуетъ, надѣясь, что на этой почвѣ удастся вырвать у парламента болѣе строгія мѣры противъ антимилитаристской пропаганды и получить много лишнихъ голосовъ на предстоящихъ надняхъ выборахъ въ ландстинги. Тѣ же опасенія высказываетъ и Брантингъ...

Но можетъ быть, конечно, и наоборотъ... По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что, разъ начавшись, движеніе борьбы за миръ всѣми средствами не прекратится ни отъ неудачнаго исхода выборовъ, если таковой и будетъ, ни отъ усиленія наказаній за антимилитаристическую пропаганду. Сенсационный процессъ, чѣмъ бы онъ ни окончился, (лично я склоненъ думать, что правительство на немъ даже при шведскомъ способѣ суда, т. е. безъ присяжныхъ, только оскандалится), дастъ лишь новый матеріалъ для усиленія антимилитаристическаго движенія и республиканскихъ тенденцій. Еще не было ни одной идеи, которая, имѣя корни въ определенной странѣ, не развивалась бы изъ-за того, что противъ инициаторовъ и борцовъ за нее принимаются рѣшительныя репрессіи... «Миръ въ Швеціи требуетъ своихъ мучениковъ», писалъ органъ молодыхъ... Такое же опасеніе начинаетъ проскальзывать и въ правой прессѣ, напримѣръ, въ «Svenska Dagbl.»... Ближайшее будущее покажетъ, кто ошибается въ расчетѣ.

Н. Севскій.

Мартъ 1916.

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ ГЕРМАНИИ.

У насъ все еще продолжаютъ спорить о томъ, обогащается или разоряется население вслѣдствіе войны. Въ дѣйствительности, современная война, какъ и всякій кризисъ, но въ исключительно крупномъ масштабѣ, оказываетъ на «населеніе» двойственное вліяніе: богатые обогащаются еще больше, бѣдные становятся еще бѣднѣй. Въ то время какъ миллионеры получаютъ сказочную «военную прибыль», въ то время какъ зажиточные люди увеличиваютъ свое благосостояніе, рабочіе, мелкіе служащіе, низшіе чиновники вынуждены чрезвычайнo сжать свой бюджетъ. Но особенно разрушительно дѣйствуетъ война на промежуточный слой, такъ называемой, «мелкой буржуазіи», которой приходится ликвидировать свои предприятия и массами переходить въ ряды пролетаріата. Процессъ этотъ протекаетъ съ большою интенсивностью во всѣхъ воюющихъ странахъ. Въ Германіи онъ легче, чѣмъ гдѣ-нибудь, можетъ быть подвергнутъ количественному учету. О размѣрахъ прилива буржуазіи въ ряды пролетаріата даетъ возможность судить профессиональная статистика.

Въ самомъ дѣлѣ, процентъ мобилизованныхъ рабочихъ извѣстенъ довольно точно. Союзы, представленныя въ «генеральной комиссіи свободныхъ профес. союзовъ», все время публикуютъ въ своихъ органахъ, обычно еженедѣльно, сколько мужчинъ мобилизовано изъ числа ихъ членовъ за данную недѣлю, сколько вышло по другимъ причинамъ и сколько поступило новыхъ.

Всѣ союзы «генеральной комиссіи» (такъ называемые «свободные», т. е. прямыкающіе къ с.-д.) включали въ себя къ началу войны около 2.300 тыс. мужчинъ. Данныя о приливѣ и отливѣ членовъ и о мобилизованныхъ опубликованы пока до начала марта. Предполагая мартовскіе итоги равными мѣсячной средней за предшествовавшіе три мѣсяца, получаемъ на 31 марта п. ст. 1916 г., т. е. какъ разъ черезъ 20 мѣсяцевъ войны, всего 53.4% мобилизованныхъ изъ всего мужского пролетаріата въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Такъ какъ свободные проф. союзы, вмѣстѣ съ вновь вступившими въ нихъ за время войны мужчинами (около 300 тысячъ) включаютъ въ себя почти четверть всего мирнаго состава мужского германскаго пролетаріата въ возрастѣ 17 — 60 лѣтъ (почти 10.900 тыс.) и такъ какъ эти союзы схватываютъ достаточно широко всѣ мѣстности страны, всѣ отрасли работы по найму, — то по даннымъ «свободныхъ союзовъ» можно судить о процентѣ мобилизованныхъ среди рабочихъ вообще.

По этому расчету, призванныхъ въ войска окажется за первые 20

мѣсяцевъ войны среди рабочихъ и служащихъ 5.800 тыс. человекъ. Если бы приливъ свѣжихъ силъ въ рабочіе ряды шелъ, какъ раньше, только пополняя нормальную убыль вълѣдствіе смерти, инвалидности и обычного отлива, то общее количество рабочихъ-мужчинъ въ Германіи черезъ 20 мѣсяцевъ войны должно было бы оказаться меньше состава мирнаго времени приблизительно на 5.800 тыс. чел. Если принять во вниманіе ту величину, на какую приливъ превышалъ обычно отливъ, то все же послѣ 20 мѣсяцевъ войны мужской рабочей составъ долженъ былъ бы уменьшиться на 5.500 тыс. чел.

Для опредѣленія дѣйствительнаго уменьшенія имѣются опубликованныя данныя о нѣсколькихъ тысячахъ больничныхъ кассъ, обнимавшихъ въ день объявленія войны 8.400 тыс. мужчинъ рабочихъ (т. е. почти двѣ трети всего мужского пролетаріата всѣхъ возрастовъ). До настоящаго времени ихъ мужской составъ уменьшился на 37,5%. Предполагая такую мѣру сокращенія не только для двухъ третей, но для всего мужского пролетаріата, получаемъ къ концу 20-го мѣсяца войны уменьшеніе мужчинъ на 4.750 тыс. чел. Иначе сказать, сверхъ обычнаго прилива въ пролетаріатъ свѣжихъ силъ изъ его потомства и припельцевъ со стороны, — за время войны въ него вошло въ Германіи еще не менѣе 750 тыс. лишнихъ, добавочныхъ мужчинъ. А такъ какъ собственное потомство пролетаріата заключается уже всецѣло въ нормальномъ приливѣ, то эти три четверти милліона лишнихъ мужчинъ могли быть только выходцами изъ буржуазіи. Безъ войны за 20 мѣсяцевъ изъ буржуазіи въ пролетаріатъ перетекло бы лишь около четверти милліона мужчинъ. Теперь же перетекъ милліонъ.

Можно сдѣлать такое сопоставленіе. Кромѣ пролетаріата, въ Германіи предъ войной было только 9 милл. мужчинъ не моложе 16 лѣтъ (въ томъ числѣ и вышніе служащіе). Изъ нихъ въ войскахъ состоятъ 3.800 тыс. Немобилизованныхъ мужчинъ изъ всѣхъ буржуазныхъ слоевъ въ Германіи должно было остаться такимъ образомъ 5.200 тыс. И изъ этого-то количества три четверти милліона, около 15%, обратились въ наемныхъ рабочихъ и служащихъ, словомъ, пролетаризовались уже за первые полтора года войны! Этимъ можно измѣрить значеніе толчка, даннаго войною пролетаризаціи мелкобуржуазныхъ слоевъ.

До войны абсолютная численность буржуазныхъ элементовъ въ странѣ поддерживалась приблизительно на одномъ уровнѣ: сколько уходило въ пролетаріатъ, столько приблизительно нарастало естественнымъ путемъ. Такъ какъ при этой неподвижности буржуазіи пролетаріатъ постепенно росъ, то изъ году въ годъ все же происходило нѣкоторое передвиженіе въ распредѣленіи по классамъ всего населенія въ пользу пролетаріата. Но война однимъ ударомъ чрезвычайно ускорила этотъ процессъ. Если верхи буржуазіи крайне наживаются, то низы ея цѣлыми массами двинулись въ пролетаріатъ, а не только отдаютъ въ него избытокъ своего прироста, какъ раньше.

Если же оставшіеся немобилизованными мелкие буржуа на 15% не могли сохранить своего самостоятельнаго хозяйства и превратились

въ пролетаріевъ, — то легко понять, насколько значительно должно быть разложене среди мелкихъ хозяйствъ, собственники которыхъ призваны на военную службу. Въдь въ послѣднемъ случаѣ хозяйство оставалось часто на рукахъ одной только жены, т. е. было еще слабѣе обеспечено трудовыми силами, чѣмъ хозяйство оставшихся немобилизованными мужчинъ.

Газеты пестрятъ мартирологомъ «маленькихъ людей», сообщениями о массовомъ ихъ разореніи. Каждая новая государственная монополія, — а количество ихъ все растетъ, — проходитъ по трунамъ многихъ тысячъ мелкихъ предпріятій, навсегда и безповоротно исчезающихъ съ поверхности хозяйственной жизни. Чрезвычайному усилению власти банковъ, головокругительнымъ прибылямъ крупной промышленности и сельскаго хозяйства соответствуетъ быстрое таяніе мелкой буржуазіи, вывѣтриваніе этого промежуточнаго класса, этой прослойки между капиталистами и рабочими.

Капиталисты и рабоче Германіи въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, дѣлаются предоставленными только самимъ себѣ и другъ другу. Если бы сегодня кончилась война, то въ Германіи противостояли бы другъ другу гораздо болѣе, чѣмъ раньше, — мощный и организованный капитализмъ, и гораздо болѣе, чѣмъ раньше, — многочисленный и составляющій большую прежняго долю населенія пролетаріатъ. Отношенія обнажаются и упрощаются, дѣлаются доступнѣе пониманію и внушительнѣе по впечатлѣнію. Не даромъ даже такие известные своей умѣренностью и преданностью защитѣ отечества люди, какъ депутаты Легины и Давидъ, публично и повторно предрекаютъ Германіи послѣ конца войны столкновенія между германскими рабочими и германскими капиталистами «неслыханной остроты, неслыханнаго объема и неслыханной важности» и призываютъ германскихъ рабочихъ уже теперь имѣть это въ виду. О другихъ болѣе радикальныхъ критикахъ и ихъ оцѣнкахъ нечего ужъ и говорить.

Въ рейхстагѣ 17 янв. н. ст. 1916 г. прогрессивный (лѣволиберальный) депутатъ Вендорфъ сообщилъ, что въ одномъ Лейпцигѣ за 1915 г. совершенно закрылось 760 самостоятельныхъ ремесленныхъ предпріятій. Въ Берлинѣ (безъ предмѣстій) введеніе хлѣбной монополіи имѣло слѣдствиемъ закрытіе 300 булочныхъ. Если такую же пропорцію взять по отношенію къ населенію Германіи, то это дало бы для всей страны больше десяти тысячъ булочныхъ, владельцы которыхъ улетучились изъ рядовъ «самостоятельныхъ хозяевъ».

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ послѣдствиемъ введенія системы и планомерности въ организацию распределенія. Обществу въ цѣломъ вовсе не нужны двѣ конкурирующія булочные въ двухъ сосѣднихъ участкахъ, — ради уменьшенія накладныхъ расходовъ и технического облегченія работы всего монопольнаго аппарата оно склонно свести число булочныхъ къ количеству, опредѣляемому интересами потребителей, а не стремленіями мелкобуржуазныхъ эле-

ментовъ удержать свое по видимости самостоятельное положеніе. Равнымъ образомъ, созданное въ 1915 г. сосредоточеніе перемалыванія громадныхъ массъ зерна въ управленія «Kriegsgetreidestelle» повело къ тому, что свыше десяти тысячъ мелкихъ мельницъ уже два года стоятъ безъ работы, многія изъ нихъ проданы на сломъ и владельцы ихъ уже забыли, когда были самостоятельными хозяевами. До войны перерабатывающая способность крупныхъ мельницъ не использовалась полностью — и потому находили себѣ занятія тысячи и тысячи мелкихъ мельницъ. Теперь ихъ существованію нанесенъ былъ тяжелый ударъ, несмотря на всѣ протесты въ прусскомъ ландтагѣ немногихъ вѣрныхъ ихъ друзей.

Какъ извѣстно, въ германской индустріи во всѣхъ главныхъ отрасляхъ почти съ самаго начала войны устроено по центральному «Kriegsgesellschaft». Само собой разумѣется, руководителями этихъ центровъ являются въ каждой области представители крупнѣйшихъ предприятий страны. Правительство надѣлило эти центры правомъ распределять секвестрованные сырые матеріалы между отдѣльными фирмами и т. п. Ворота пренебрегаютъ интересами мелкой промышленности; пользуясь правомъ ознакомленія съ документами, узнаютъ всѣ отношенія мелкихъ предприятий и перетягиваютъ къ себѣ ихъ клиентуру и т. п. Жалобы на «Kriegsleitungsbüros» и другіе центры доходили уже до трибуны рейхстага, но, конечно, безрезультатно.

Законъ 1 февр. н. ст. 1916 г. секвестровалъ большую часть всякихъ матерій, готовыхъ платьевъ и матеріаловъ для нихъ, какъ на фабрикахъ, такъ и въ магазинахъ. Изъ будущей своей выработки фабрики могутъ продавать частнымъ предприятиямъ лишь небольшую, предписанную закономъ часть (остальное идетъ правительству на армію). Въ концѣ марта новый законъ учредилъ «Reichskleidungsstelle» — имперскій центръ бѣлья и платья». Новому центру поручено изъ остающихся послѣ удовлетворенія запросовъ арміи матеріаловъ снабжать по доступной цѣнѣ одеждою малоимущіе классы населенія.

Все это приводитъ къ тому, что мелкія портновскія и швейныя заведенія должны закрыться. Ибо запасовъ хватаетъ лишь для болѣе крупныхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 5 рабочихъ каждое. Мелкія предприятия не имѣютъ средствъ для оптовыхъ покупокъ матерій прямо на фабрикахъ или у оптовиковъ, — потому имѣющееся ограниченное количество матерій сосредоточивается въ рукахъ крупныхъ конфекціонныхъ фирмъ. Мелкія предприятия работали обычно на индивидуальнаго заказчика, — а «имперскій центръ платья» нуждается въ массовомъ, дешевомъ и дешовомъ производствѣ на маломощаго потребителя, для чего специально приспособлены огромныя конфекціонныя предприятия, истинныя «фабрики платья» (занпмающія, впрочемъ, и домашнихъ рабочихъ).

Между тѣмъ мелкихъ портновскихъ и швейныхъ предприятий, въ каждомъ изъ которыхъ занято менѣе пяти лицъ, въ Германіи чи-

слится какъ разъ полмилліона. Война уничтожаетъ ихъ теперь чуть ни полностью однимъ ударомъ — восстановленіе ихъ въ такомъ же объемѣ послѣ войны весьма мало вѣроятно. И до войны имѣлась уже тенденція къ развитію крупныхъ магазиновъ платья, работающихъ на заказъ. Теперь они получаютъ всѣхъ клиентовъ мелкихъ заведеній, владельцамъ послѣднихъ представляются пособія до присканія новаго занятія (которое, конечно, можетъ быть лишь работой по найму). Врядъ ли послѣ такого разоренія бывшіе владельцы полумилліона мелкихъ портновскихъ и швейныхъ заведеній смогутъ когда-либо открыть ихъ вновь и отбить обратно клиентуру отъ крупныхъ предприятий.

Нѣчто подобное создала монополія торговли скотомъ (рогатыми, свиньями и овцами), осуществленная союзнымъ совѣтомъ въ январь-мартъ 1916 и увѣнчанная въ концѣ марта созданіемъ «Reichsfleischstelle». «Имперскій мясной центръ» долженъ организовать равномерное распредѣленіе мяса по карточкамъ среди всего населенія, какъ это годомъ раньше сдѣлалъ «имперскій зерновой центръ» — съ хлѣбомъ. А лежащая въ основѣ дѣла монополія торговли скотомъ — частью вовсе лишила занятія, частью только выбросила изъ рядовъ «самостоятельныхъ хозяевъ» десятки тысячъ скупщиковъ по всей странѣ. При этомъ, если равномерное распредѣленіе мяса по карточкамъ и будетъ стѣснено послѣ войны, то монополія торговли скотомъ предназначена правительствомъ къ сохраненію и во время мира. Аграрии и потребители не препятствуютъ этому, ибо рассчитываютъ такимъ путемъ погнѣбить между собой обычные барыши торговыхъ посредниковъ.

Можно бы значительно увеличить количество иллюстрацій разложенія мелкобуржуазныхъ элементовъ хозяйства подъ влияніемъ слѣдствій войны въ Германіи. Ограничусь указаніемъ еще только на одинъ слой населенія — на низшіе слои крестьянства.

На первый взглядъ можетъ показаться, что сельское хозяйство должно усиленно обогащаться вслѣдствіе господствующей дороговизны продовольствія. Средняя дѣна нормального продовольствія средней семьи была въ городахъ Германіи въ январь 1916 г. на 60% больше, чѣмъ за полтора года передъ тѣмъ въ послѣдній мирный мѣсяць *. Германскіе сельскіе хозяева дѣйствительно наживаются, — но только тѣ изъ нихъ, кто продаютъ больше, чѣмъ покупаютъ. Между тѣмъ, уже до войны было много крестьянскихъ хозяйствъ, настолько мелкихъ, что они почти ничего не продавали, или продавали такъ мало, что выручки еле хватало на удовлетвореніе личныхъ и хозяйственныхъ потребностей (сверхъ удовлетворявшихся натурой изъ собственного хозяйства). Важно отмѣтить, что подобные крестьяне кормъ для своего скота почти всегда покупали на сторонѣ. Теперь дороговизна корма значительно больше дороговизны продовольствія: — кукуруза въ че-

* По расчетамъ С. П. Тюрина въ Москвѣ дороговизна достигла 60% на четверть года раньше, уже въ октябрь 1915 г. И раньше въ этомъ отношеніи Москва обгоняла Германію. Такъ, въ мартъ 1915 г. средняя дороговизна въ Германіи 25%, а въ Москвѣ 36%.

тыре раза дороже ржи и т. п. Вместе съ тѣмъ часто и продавать то стало нечего.

По официальнымъ даннымъ, урожай 1915 г. оказался на четверть ниже средняго — въ значительной мѣрѣ благодаря недостаточной обработкѣ полей. Но хуже всего на обезпеченіе рабочей силой подѣйствовали повторныя мобилизации въ средѣ мелкаго крестьянина, пдѣ послѣ ухода мобилизованнаго владѣльца часто не оставалось вовсе взрослого мужчины. Уже и до войны въ Германіи прочно держалось только среднее крестьянство, начиная приблизительно съ владѣнія въ 5 гектаровъ (4½ десят.). Владѣющіе отъ 2 до 5 гект. уже и до войны медленно сползали внизъ. Владѣющихъ менѣе чѣмъ двумя гектарами вообще не приходится причислить къ крестьянству, ибо по переписи 1907 г. изъ нихъ занималась сельскимъ хозяйствомъ лишь восьмая часть, имѣвшая менѣе сороковой части всей сел.-хоз. площади; да и это были въ значительной части наемныя рабочіе, для нуждъ своего домоводства обрабатывавшіе немного земли. Среднее крестьянство въ общемъ и теперь сводитъ еще концы съ концами, а болѣе крупное (свыше 10 гектаровъ на владѣніе) даже наживается, равно какъ и помѣщики. Зато мелкое крестьянство массами ликвидируетъ свое хозяйство, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Медленная пролетаризация этой группы, имѣвшая мѣсто и до войны, приняла теперь почти катастрофическій характеръ. О численности владѣльцевъ всѣхъ этихъ группъ передъ войной могутъ дать представление цифры переписи 1907 года, ибо перемены въ этой области происходили въ Германіи весьма медленно, какъ показали три повторныя переписи, и не были значительны.

<i>При разлѣрѣ владѣнія.</i>	<i>Число владѣльцевъ.</i>
отъ 2 до 5 гектаровъ	1,000,000
„ 5 „ 10 „	670,000
„ 10 „ 100 „	675,000
свыше 100 „	23,500

Правда, изъ владѣльцевъ отъ 2 до 5 гект. четверть уже и тогда не занималась самостоятельнымъ сельскимъ хозяйствомъ (болѣе крупныя занимались почти всё поголовно). Теперь же консервативно-аграрныя газеты буквально полны жалобами на усилившееся бѣгство изъ деревни. Сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ въ рядѣ районовъ теперь просто на-просто прикрѣпили къ ихъ хозяевамъ на все время войны распоряженіями военнаго начальства. Но что дѣлать съ «самостоятельными владѣльцами» отъ 2 до 5 гект., которые не состоятъ ни при какомъ хозяйствѣ, которыхъ не къ кому прикрѣпить, которые «свободно» бросаютъ свое бѣдное хозяйство, не будучи въ силахъ его болѣе поддерживать, и разсѣиваются въ поискахъ болѣе благодарнаго труда?

Пока придумано только одно: закономъ 31 марта н. ст. 1915 г.

«союзный советъ» обязать мѣстных самоуправленія обрабатывать за свой счетъ всѣ земли, забрасываемыя ихъ владѣльцами. И «уклоняющіеся отъ собственнаго хозяйства» владѣльцы сплошь и рядомъ поступаютъ рабочими къ мѣстнымъ самоуправлениямъ, чтобы обрабатывать свои собственные заброшенные участки. Владѣльцу невыгодно вести самостоятельное хозяйство на 4-хъ гектарахъ, но мѣстному самоуправленію выгодно нанять рабочаго для обработки 20 гектаровъ, составленныхъ изъ пяти такихъ хозяйствъ.

Массовой переходъ мелко-буржуазныхъ элементовъ въ ряды пролетаріата не въ состояніи, однако, пополнить убыль рабочаго класса, вызываемую войной. За первые 20 мѣсяцевъ войны численность германскаго пролетаріата сократилась на 21%. Если допустить, что размѣры производства колеблются пропорционально числу занятыхъ въ немъ рабочихъ, то это равносильно сжатію германскаго народнаго хозяйства на одну пятую. Приходится къ тому же принять во вниманіе, что теперь болѣе процентъ рабочихъ падаетъ на женщинъ и пожилыхъ людей, а также на лицъ, сравнительно мало опытныхъ въ той работѣ, которую имъ приходится выполнять. Съ другой стороны, это ухудшеніе качественнаго состава германскаго труда покрывается усиленіемъ его напряженности. Недостатокъ рабочихъ замѣняется усиленнымъ использованием оставшихся, усиленной ихъ эксплуатацией. По крайней мѣрѣ, многи разныхъ отраслей промышленности, даже такихъ тяжелыхъ, какъ горная, свидѣтельствуютъ, что средняя успѣшность труда одного рабочаго выѣшняго состава не понизилась сравнительно со средней производительностью труда въ соответственныхъ отрасляхъ до войны.

Какъ отразится въ дальнѣйшемъ на работоспособности выѣшняго поколѣнія германскаго пролетаріата подобное длительное перенапряженіе, одновременное съ ухудшеніемъ быта (питаніе, напр., ухудшилось на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$, смотря по отрасли, — а оно и до войны не было особенно великолѣпнымъ), — это понятно само собой. Пока же германскій капитализмъ держится, сжавшись на одну пятую. Это сжатіе, правда, меньше того, какое послѣдовало въ Германіи въ первый мѣсяць войны подъ непосредственнымъ вліяніемъ внезапнаго потрясенія. Тогда многимъ казалось уже, что готово исполниться известное пророчество Бебеля о неминуемомъ хозяйственномъ крахѣ на другой день послѣ объявленія войны. Но въ своей планомерной самоорганизации капитализмъ нашелъ тогда средства къ спасенію отъ немедленнаго осуществленія бибелевскаго пророчества. Производительныя силы были перегружены, и обезпечена была возможность взаимно-пропорциональнаго приложенія ихъ во всѣхъ областяхъ. Крушенія хозяйственной жизни не послѣдовало, и надъ пророчествомъ Бебеля стали иронизировать.

Однако, прошло полтора года, и стало выясняться уже для многихъ гѣмецкихъ наблюдателей, что отсрочка была лишь временная. Все дѣло свелось къ тому, что вмѣсто стихійнаго, быстраго паденія съ вершинъ капитализма въ хаотическое небытіе чуть ли не натуральнаго хозяй-

ства въ Германіи происходитъ планомерно организованное опусканіе въ то же натуральное хозяйство. Конечно, натуральное хозяйство, — это, выражаясь математическимъ языкомъ, «предѣлъ» паденія, но и теперь уже ясно, что при достаточной продолжительности этотъ «предѣлъ» можетъ обратиться въ самую подлинную дѣйствительность. Еще 4 или 5 лѣтъ — и люди начнутъ ходить пѣшкомъ за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, будутъ ѣсть руками за отсутствіемъ ножей и вилокъ и т. д., и т. п. По крайней мѣрѣ, въ Германіи число занятыхъ рабочихъ даже въ такихъ основныхъ отрасляхъ, какъ добыча угля или изготовленіе металла, неуклонно уменьшается съ чисто математической правильностью.

Эластичность капитализма наткнулась на абсолютный недостатокъ рабочихъ рукъ — и въ немъ находитъ свое ограниченіе. Пока можно было пополнять убыль отъ мобилизацій привлеченіемъ неиспользованныхъ раньше рабочихъ силъ общества, германскій капитализмъ чувствовалъ себя болѣе или менѣе благополучно. Въ концѣ концовъ превращеніе всего этого милліона прежнихъ мелкихъ торговцевъ или избыточныхъ мелкихъ предпринимателей или членовъ буржуазныхъ семействъ въ наемныхъ рабочихъ и служащихъ означало превращеніе неработающихъ въ производствѣ, или работавшихъ въ отсталыхъ условіяхъ, людей въ работающихъ при болѣе совершенномъ использованіи ихъ силъ.

Эластичность германскаго капитализма сказала и въ томъ, что онъ сумѣлъ даже повысить кое-гдѣ качественный уровень и технику производства. Такъ, до войны Германія производила больше чугуна, чѣмъ сталь, а теперь производитъ больше стали, чѣмъ чугуна. И если бы война сегодня прекратилась, то германскій капитализмъ могъ бы вообще считать себя вышедшимъ изъ нея сравнительно благополучно. Но она сегодня не кончается, и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе капитализмъ катится навстрѣчу пророчеству Бебеля о разложеніи хозяйства.

Германскій капитализмъ втянулъ уже въ замѣщеніе убыли едва ли не большую половину тѣхъ силъ, на которыя вообще онъ могъ рассчитывать. Военное благополучіе капитализма, прочность военнаго его хозяйства оказалась построенной на системѣ прогрессивнаго уничтоженія возможности поддерживать въ наличности основное условіе его существованія — достаточный запасъ эксплуатируемыхъ людей. Для познанія этой, — право же, нехитрой — истины дѣятелямъ капитализма и общественному мнѣнію Германіи понадобилось полтора года войны. Въ другихъ странахъ, находящихся въ условіяхъ, отнюдь не лучшихъ, чѣмъ Германія, «общественное мнѣніе» и теперь еще далеко отъ познанія этой истины. Разъ не будетъ хватать людей для обслуживанія хотя бы и сжавшагося механизма національнаго хозяйства — неизбеженъ переходъ къ его разложенію, возвратъ, — въ перспективѣ, — къ примитивнымъ формамъ хозяйства, къ какому-нибудь экономическому «бронзовому вѣку» въ двадцатомъ столѣтіи.

Недостатокъ рабочихъ силъ заставляетъ Германію планомерно

эксплуатировать военнопленных. В настоящее время труд менше, чемь восемь миллионов занятых по найму свободных мужчинъ всякаго возраста, дополняется принудительной работой свыше, чемь полутера миллионовъ мужчинъ военнопленныхъ въ возрастѣ 18 — 45 лѣтъ. Трудъ пленныхъ является по существу крѣпостнымъ трудомъ. Въ этой формѣ возродилось теперь крѣпостное право — вплоть до вѣшняго вмѣшательства въ лично-семейныя дѣла человека.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ контроль надъ отданными на обязательныя работы пленныхъ, условия оплаты и пр. соответствуютъ приведенному образцу, — рѣчь идетъ о «временныхъ крѣпостныхъ», какъ выразился П. Н. Мплюковъ въ Гос. Думѣ о славянскихъ пленныхъ въ Россіи. И такіе крѣпостные рабочіе составляютъ уже теперь въ Германіи цѣлыхъ 20% по отношенію ко всѣмъ свободнымъ рабочимъ — мужчинамъ всякаго возраста. Въ дальнѣйшемъ соотношеніе можетъ измѣняться только къ невыгодѣ свободныхъ рабочихъ, которыхъ постепенно мобилизуютъ, тогда какъ «крѣпостные рабочіе» остаются при плугѣ, лопатѣ или киркѣ (въ Рурскомъ бассейнѣ, главномъ каменноугольномъ районѣ Германіи, въ мирное время было 390 тыс. углепромышленныхъ рабочихъ; въ ноябрѣ 1915 г. ихъ осталось уже только 293 тыс. — на четверть меньше; изъ этой четверти было свободныхъ 255 тыс., пленныхъ, т. е. крѣпостныхъ, 28 тысячъ, и вывезенныхъ во время войны изъ русской Польши, т. е. полукрѣпостныхъ, 10 тыс.).

Если изъ числа свободныхъ мужчинъ исключить подростковъ до 18 лѣтъ и стариковъ свыше 50 лѣтъ, то «крѣпостные» рабочіе составятъ въ Германіи уже теперь 30% по отношенію къ свободнымъ мужчинамъ рабочимъ. Въ этомъ чрезвычайномъ ростѣ крѣпостного труда въ современной Германіи нельзя не видѣть признака постепеннаго движенія отъ капиталистическаго строя къ добуржуазному, къ феодальному (въ экономическомъ смыслѣ). И не случайно, что почти весь этотъ крѣпостной трудъ направленъ въ сельское хозяйство, въ традиционную обитель крѣпостничества. Въ томъ, что пѣлый рядъ нѣмецкихъ городовъ поставили теперь производство *деревянной* обуви для малоимущаго населенія нельзя видѣть только проявленіе ловкаго приспособленія къ недостатку и дороговизнѣ кожи. Въ феодальныя времена малоимущіе дѣйствительно хаживали въ деревянныхъ ботинкахъ, — а на дамскія сумочки и въ наши дни кожи еще хватаетъ.

Если война продолжится еще 20 месяцев — возьмем для примера срок, упомянутый германским военным министром — то за этот срок будет мобилизовано в Германии еще до 4 милл. мужчин. Свободных рабочих — мужчин в возрастъ 18—49 лѣтъ — останется около полутора миллиона, а плѣнных «крепостныхъ» будетъ во всякомъ случаѣ ужъ больше двухъ миллионовъ, даже если ихъ будетъ сдаваться въ плѣнъ втрое менѣе прежняго. Разумѣется, этотъ расчетъ не претендуетъ на точность (могутъ замедлиться мобилизаціи, хотя пока это не особенно замѣтно). Во всякомъ случаѣ Германия приблизится къ любопытному состоянію того муравейника, гдѣ хозяева-муравьи занимаются исключительно войной, а вести все свое домашнее хозяйство заставляютъ исключительно плѣнныхъ муравьевъ-рабовъ.

Можно ли будетъ назвать это капиталистическимъ строемъ? И каковы будутъ измѣненія техники? Не по пути ли къ натуральному хозяйству?

М. Лурье.

ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Въ рабочей толпѣ.

(Личныя впечатлѣнія).

Мнѣ пришлось столкнуться съ французскимъ рабочимъ за станкомъ, на фабрикѣ, во время войны. Изъ того, что прежде зналъ я о немъ, сохранились воспоминанія о его индивидуализмѣ, живости, горячемъ темпераментѣ.

Онъ всегда вносилъ въ общее дѣло свою бытовую, типичную нотку: легко воспламенялся, непосредственно реагировалъ на насилие, всегда былъ склоненъ къ исканіямъ, избѣгалъ высокихъ членскихъ взносовъ въ организаціяхъ, во всякой дисциплинѣ видѣлъ петлю личной независимости, но всегда былъ готовъ отозваться на общее — «героическимъ жестомъ», былъ общительнымъ и хорошимъ товарищемъ. И теперь я его увидѣлъ въ новой обстановкѣ — приниженнымъ, подозрительнымъ въ общеніи съ другими замкнувшимся въ себя. Въ разговорахъ — дальше шаблоновъ ежедневной печати — не шли. На большихъ вопросахъ останавливались... краснорѣчивымъ молчаніемъ, и этимъ невольно подчеркивали, что съ ними не все обстоитъ благополучно.

Мысль, какъ бѣлка въ колесѣ, вращалась вокругъ одного: чужого, не своего. И видно было, людямъ боязно говорить о томъ, что у нихъ на душѣ, что они боятся своей тѣни, — боятся осмыслить то, что переживаютъ. Старая общественность, если не умерла, то замерла.

Французскій рабочий, который въ теченіе многихъ лѣтъ леглялъ надежду «отдѣлаться отъ государства», создать «въ чужомъ станѣ» свое «правоохраненное убѣжище» — всемогущій синдикатъ, постепенно от-

нимающій у старой организаці общественнаго дѣлаго всѣ производительныя функціи, вдругъ воочию убѣдился, что не эта организація, вопреки ожиданіямъ, оказалась пережиткомъ, а его собственная узко-корпоративная и профессионально-политическая общественность, не справившаяся съ задачами, поставленными передъ ней объективными ходомъ вещей.

Онъ очутился у разбитаго корыта. Это — у всѣхъ на умѣ. Но немногіе рѣшаются высказать, потому что изъ сказаннаго нужно сдѣлать выводы.

Рабочій-массовикъ, онъ злобствуетъ на весь міръ, — на «бошей»*, «которые навлекли на него бѣду», на клерикаловъ, которыхъ «даже война не останавливаетъ отъ сведенія счетовъ съ республикой», на социалистовъ, «которые его предали». Но надъ всѣмъ преобладающій мотивъ: кабы можно было «начать жизнь сначала»... послѣ войны. Сейчасъ онъ озабоченъ своей личной судьбой. Со старыми вольностями покончено. Надо опасаться всякому на свой ладъ. На заводѣ мѣста всѣ *считаны*. «Того гляди, угодишь на фронтъ!» — за рѣзкое слово, за неисправность въ работѣ, а то и просто, если понадобится жѣсто кому-нибудь изъ «сродственниковъ хозяина», желающихъ за рабочимъ станкомъ въ тылу избавиться отъ прелестей *guerre d'usure*.

Первыя впечатлѣнія — гнетущія, сѣрыя. Все, какъ по заведенному. Люди тоже вродѣ заводныхъ механизмовъ. Утромъ:

— *Ça va?*

— *Ça va bien!*

Скучное перечисленіе газетныхъ новостей. Немножко стратегии, военной тактики, и слишкомъ много пустопорожней фразеологии. Въ большинствѣ — читатели бульварной прессы, большихъ парижскихъ газетъ. Попадаются рѣдкіе читатели «*L'humanité*». «*Bataille*». — Эти дѣлаютъ видъ, что они «не оставляютъ своего», но имъ никто не вѣрять, да и они сами себѣ и своимъ убѣжденіямъ тоже большей вѣры не даютъ.

Все слилось въ одно національное лицо, «хоть штаны на него натянивай»... У всѣхъ одна злоба дня: война, клерикалы и *embusqués*, главное *embusqués*! Удрывающіеся отъ военной службы «*filis au papa*» (маменькины сынки) — въ производствѣ амуниціи. Никогда не бравшіе въ руки напильника и замѣщающіе рабочихъ-специалистовъ. На эту тему говорить много и горячо, ожесточенно спорять, но въ предѣлахъ газетной полемики. Комментируютъ усиленно «законъ Дальбьеа» и знаменитый шестой параграфъ его, предоставляющій хозяевамъ предпріятій право рѣшать о *лично* составѣ «специалистовъ», необходимыхъ для производства. Потомъ, разговоръ незамѣтно переходитъ на... *appétitifs*, выпивочную часть, и... становится всеобщимъ.

Алкоголизмъ въ настоящее время принялъ огромнѣйшіе размѣры

* «Бошъ» — нѣмецъ.

среди французских рабочих. Убивающая — физически и психически — своей длительностью (11 часовая рабочая день) и однообразием работа гонит рабочего в кабаки, и там он ищет забвения своей горькой доли. Пьют большинство: пьют подростки-ученики, женщины, грудь которых усиленно применяется во многих отраслях производства — дешевая и невзыскательная рабочая сила!

Перерыв на обед.

В суматохе проглатывается несколько кусков. (Жизнь подорожала, мясом не разживешься). И опять на завод, до 7 вечера. В темноте начинается рабочий день, в темноте и кончается.

Город портовый, сплошь заселенный рабочим людом, изобилующий кафе. Кафе повсюду, на каждом углу, по несколько в одном доме на более оживленных улицах. Нет другого средоточия общности, как только кафе (отсутствует даже cinema!) И после трудового, истинно каторжного дня, народ валом валит в мигающие кутными огнями грязные помещения со стойками, изукрашенными разнообразным ассортиментом вина, наливки и водки.

Там можно всегда встретить солдат на отпуску — говорят о сдвиге в окопах, долгах, мучительном, зачастую в воде по колено, при питании «в сухомятку» по неделям, под непрерывным градом летящих с вражеской стороны «чемоданов», *magmites*. Слова неохотно связываются друг с другом, затрудняются в выборе их. Хочется, как будто, высказаться о чем то другом, о *своем* горь, а описывают нехотя впечатления, зарубцевавшиеся тяжелыми ранами в души.

Много матросов в кафе, пришедших с «угольщиками» в порт. Вся эта смешанная, пестрая толпа кричит, спорит, «пробует» *arregitiis*, пока разбитая и еще больше развинченная, чем раньше, не разливается по домам, чтобы завтра чуть-свете сплнить на завод (мо-

близованные за прогулъ караются высидкой), на фронтъ, въ море, — кому куда надо.

* * *

Черезъ мѣсяць послѣ моего приѣзда, прислали партію мобилизованныхъ рабочихъ изъ одного крупнаго центра. Они сразу заставили заговорить о себѣ, обратили всеобщее вниманіе маленькаго городка, зарывшагося съ головой въ повседневныя заботы, — своей сознательностью, умѣньемъ и желаньемъ разобраться въ окружающемъ. Катастрофа ихъ не сломила, они не покинули своихъ союзовъ и организаций. И главное, — наотрѣвъ отказались по указкѣ вождей «переучиваться» вправо. Это на время обрело ихъ на бездѣйствіе, но только на время. Публика начитанная и вдумчивая.

Интересный штрихъ: одинъ изъ нихъ, узнавъ, что я русскій, сталъ весьма основательно и обстоятельно излагать событія послѣдняго десятилѣтія русской истории и давать имъ весьма правильную оцѣнку. Разъяснилъ мое недоумѣніе:

— Ты знаешь? Это одинъ русскій перевелъ меня въ свою вѣру. Подъ его влияніемъ я вступилъ въ синдикатъ и партію. О, тогда, я только что вышелъ со службы, былъ отчаяннымъ *revanchard* (сторонникомъ реванша), однимъ словомъ, *imbécil heurteux* (самодовольнымъ болваномъ). Живо преобразился!

Перебираемъ дѣятелей рабочаго движенія. Одинъ въ министерствѣ, другой при министерствѣ, третій «удалился отъ дѣлъ» и т. д., и т. п. Печальная картина. — «Эрве? Ну, этотъ знаетъ, куда мѣтить. Обрабатываетъ съ успѣхомъ общественное мнѣніе консервжекъ и мелкихъ рантье. По всѣмъ Европамъ его славословятъ честнымъ демократомъ. А когда-то много усилий мы положили, чтобы поставить его газету, шпурой расплачивались... чтобы вывести въ люди эту желтую каналю...» «Мергеймъ — другое дѣло, устоялъ, одинъ изъ немногихъ».

Сторонникамъ официальной линіи конфедерации труда и партіи приѣзжіе буквально не давали проходу, травили ѣдкими французскими словечками — зло и мѣтко. Тѣ отмалчивались. Но вниманіе массовиковъ было приковано прочно къ нимъ, ихъ взглядамъ. Повѣяло новымъ.

* * *

Собрались мы, въ одно изъ воскресеній, въ бяржу труда, чтобы ближе приглядѣться къ публикѣ, которая «что-то дѣлаетъ». Неприглядное помѣщеніе, унылый видъ. Часть зданія забрана подъ казарму. На стѣнахъ разноцвѣтныя, выцвѣтшія (столь же выцвѣтшія, какъ выцвѣло ихъ содержаніе въ сознаніи тѣхъ, къ кому онѣ были обращены) афиши: «За англійскую недѣлю!» — подписано «Комитетъ соціальной защиты». «Противъ трехъ лѣтъ», «Долой Бяриба!» и т. д. Какъ будто забытые надгробные памятники, «оплакивающие мертвыхъ, но, увы, уже не зовущие живыхъ»*.

* Слова Жореса въ Базелѣ.

Секретарь синдиката металлургистовъ (самаго большого) юноша лѣтъ 17—18, всѣ его предшественники мобилизованы. Учитсѣ на работѣ, тратитъ массу энергии на... бюрократическое дѣлопроизводство. Мало задумывается надъ «духомъ живымъ» организаци. Изъ силъ выбивается, чтобы какъ-нибудь заинтересовать публику союзомъ. Абсентеизмъ приписываетъ *вильинимъ* условіямъ. Прислушивается къ принципиальнымъ спорамъ, но самъ держитсѣ въ сторонѣ и постепенно усваиваетъ скудный профессионально-политическій «активъ» «испытанныхъ вождей». На вопросы о причинахъ безвременья отыгрывается напускнымъ скептицизмомъ, видимо, тоже взятымъ на поддержаніе у старата поколѣнія. Такъ и говоритъ всѣмъ своимъ существомъ: «наше время, — не время широкихъ задачъ».

Тутъ же, въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ нимъ, фигура старата militant. редактора газеты, секретаря областного союза синдикатовъ. Всѣмъ своимъ видомъ показываетъ, что онъ что-то знаетъ, что онъ вовсе не на позиціи парламентской фракціи и Генеральной Конфедераціи Труда, но не время, дескать, объ этомъ говорить. Рабочихъ убѣждаетъ съ головой уйти въ «экономикку», использовать интенсификацію національной обороны для улучшения распатаннаго войной положенія. Политика — «сама приложится». Пока же санкционируетъ своимъ авторитетомъ поведение вождей. Для молоденькаго секретаря онъ — кладезъ общественной мудрости.

Биржа труда пустуетъ; одинокую посѣтителю робко заходятъ и боязливо осматриваются. Справляются черезъ союзъ о родственникахъ на фронтѣ или въ плѣну.

Вотъ — жена мобилизованнаго, — ее гонятъ съ квартиры. Разъясняютъ ей законъ о мораторіумѣ и совѣтуютъ отстаивать свое право. Уходить.

При видѣ всего этого одолеваетъ какая то «сонная одурь». Секретарь разворачиваетъ «L'Humanité», читаетъ вслухъ и подчеркиваетъ «замѣчательныя мѣста». Наши не выдерживаютъ, завязывается споръ. Вмѣшивается militant. подходят случайные посѣтителю. Militant говоритъ громко и выразительно, жестикулируя. Называетъ имена крупныхъ предпринимателей, понажившихся отъ поставокъ, указываетъ на повсемѣстное пониженіе расцѣнокъ. «Это надо прекратить. Это очередное, нужное дѣло». Все прочее — отъ лукаваго, объясняетъ: «У насъ есть ходы во вліятельныя учрежденія, къ вліятельнымъ лицамъ, нашимъ товарищамъ». И такъ далѣе. Его перебиваютъ: «Ну, да, этому училъ и учитъ Легианъ, Socialiste du Kaiser. И доканалъ рабочее движеніе. Что-жъ, и намъ идти отъ паденія къ паденію?»

Благородное негодование редактора. Съ Легиномъ и Шейдеманомъ онъ не согласенъ быть въ компаніи, но французскія условія нужно мѣрить иной мѣрой. «У насъ есть прочный политическій уютъ». Рабочіе переглядываются и улыбаются. «Ну, не всѣмъ въ немъ одинаково и достаточно уютно». Разговоръ перебрасывается на условія будущаго мира. Редакторъ кокетничаетъ наивностью: «Одновременно съ конгрессомъ ди-

пломатовъ, соберется рабочий конгрессъ. И онъ окажетъ влияние» и т. д. Многие отходятъ отъ него, убѣдившись, что это официально-партийное «окошко» законопачено достаточно основательно, чтобы могли проникнуть черезъ него какія-нибудь «влиянiя». Продолжаютъ бесѣду между собой.

* * *

Постепенно у насъ вошло въ привычку воскресеньями, иногда и въ будніе дни, встрѣчаться въ бирахъ. Рылись въ старыхъ журналахъ, обсуждали многое. Столковались другъ съ другомъ. Протянулись между нами идейныя и личныя связи. Тутъ были гедисты и либертеры, всѣ оказавшіеся у «разбитаго корыта», но упорно не желающие примириться съ положеніемъ, съ господствомъ «живого трупа» *официально-рабочей* общественности надъ новыми силами. Мы близко сошлись другъ съ другомъ, и жизнь въ маленькомъ портовомъ городкѣ, законченномъ дымомъ, съ нависшей непроницаемой стѣнной тумана, съ сѣрыми людьми перестала быть однообразной и безмысленной.

Въ людской стѣнѣ мы увидѣли брешь, «путь въ Эммаусъ».

Н. Егоровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ.

Прогрессивный блокъ приступилъ къ осуществленію своей программы по устройству тыла. И первымъ номеромъ этой программы считать реформа мѣстнаго самоуправления. 3-го марта прогрессивный блокъ поставилъ передъ Думой цѣлую коллекцію законодательныхъ предположеній по реформѣ мѣстнаго самоуправления, земскаго и городского. Въ частности, особенно остро стоялъ вопросъ о городской реформѣ, свѣдѣніе о проведеніи которой отстаивали: октябристы М. Арефьевъ и кадеты Л. Велиховъ и М. Новиковъ.

Представители блока такъ убѣдительно доказывали необходимость городской реформы и связь ея съ успѣшнымъ окончаніемъ войны, что даже думскій «звѣрилецъ», свѣдѣющій на правомъ секторѣ Таврическаго двора, присоединился къ предложенію ораторовъ блока не только признать желательнымъ скорѣйшее проведеніе реформы Городоваго Положенія, но и поручить выработку реформы городской группѣ Государственной Думы независимо отъ того, что и правительство согласилось къ осени текущаго года внести въ Думу свой законопроектъ.

Членъ Л. Велиховъ вполне правильно утверждалъ, что Дума не можетъ удовольствоваться обѣщаніемъ правительства выработать реформу, ибо совершенно невозможно поручать дѣло обновленія самоуправления той бюрократіи, которая на глушенія слабыхъ ростковъ нашего самоуправления создавала свою карьеру. И Дума единогласно пошла дорогой, указываемой блокомъ. Отнынѣ тезисъ, что «сначала побѣда, а потомъ реформа» — официально данъ въ архивъ, и Дума третьяго июня принялась за «реформы», выкинувъ въ первую голову флагъ реформы самоуправления. И должно признать, оставаясь, конечно, въ предѣлахъ «возможностей» блока, что реформаторская работа его, какова бы ни была она по существу, должна была начаться именно съ мѣстнаго самоуправления.

Муниципальная Россія уже давно переживаетъ кризисъ. Дѣло городского самоуправления съ самаго начала введенія новыхъ муниципальных органовъ въ 70-хъ годахъ было поставлено въ условія, далекія отъ совершенства. Послѣ-же реакціонной реформы 1892 г. Городовое Положеніе обрекло наши города на самую печальную будущность. Въ то время, когда въ Европѣ послѣднія десятилѣтія ознаменованы необычайнымъ расцвѣтомъ городской культуры и созданіемъ большого социального движенія въ пользу полнаго переустройства существующаго городского быта съ приближеніемъ его къ типу городовъ-садовъ, въ нашѣмъ отечествѣ города влачили самое жалкое существованіе.

Итоги дѣйствующей въ Россіи системы самоуправления были публично продемонстрированы 3 года тому назадъ на Всероссийской Гигиенической выставкѣ въ Петроградѣ. Муниципальная Россія предстала передъ общественнымъ мнѣніемъ во всемъ ея убожествѣ.

Выяснилось, что наши города не имѣютъ самыхъ элементарныхъ основъ благоустройства. Напримѣръ, даже въ столицахъ до 12—15% уличной площади было не освѣщено, въ губернскихъ городахъ не замощено до 50% улицъ, а въ уѣздныхъ—процентъ-замощенія улицъ достигалъ лишь немногихъ единицъ; освѣщеніе въ столицахъ было отъ 30 до 50% фонарей керосиновое въ губернскихъ городахъ на 90% фонарей керосиновое, а въ уѣздныхъ—сплошь керосиновое, или не было никакого (въ Финляндіи 97% городовъ освѣщаются электричествомъ); правильно поставленное водоснабженіе имѣлось въ 7% городовъ (за-границей — 80%); канализация проведена всего въ 1,3% всѣхъ городскихъ поселеній, при чемъ очистка сточныхъ водъ производилась въ 5 городахъ, т. е. въ 0,5% поселеній (за-границей правильная канализация почти въ 90% городовъ); городская врачебная помощь отсутствовала въ 20—25% губернскихъ городовъ и въ 50—75% городовъ уѣздныхъ, а тамъ, гдѣ имѣлись городскіе врачи, на одного доктора приходилось въ губернскихъ городахъ отъ 3.000 до 50.000 населенія, а въ уѣздныхъ — отъ 5.000 до 60.000 человекъ; есть губернскіе города, расходующіе на медико-санитарныя нужды всего 5% бюджета, и уѣздные, ассигнующіе лишь 1%.

Само собою разумѣется, что въ болѣе высокихъ областяхъ городской культуры, въ областяхъ, даже на Западѣ выдвинутыхъ лишь къ концу XIX и началу XX вѣка. — въ нашихъ городахъ картина получается еще болѣе печальная. О рациональной планировкѣ городовъ и о древонасажденіяхъ, о правильномъ строительствѣ домовъ, о послѣдовательныхъ мѣропріятіяхъ социально-политическаго характера, т. е. такихъ, которыя направлены къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ и неимущихъ слоевъ городского населенія, — обо всемъ этомъ, конечно, наши муниципалитеты никакого представленія не имѣютъ.

И вотъ, въ результатъ, въ Россіи даже въ губернскихъ городахъ смертность составляетъ отъ 30—40 человекъ въ годъ на 1000 населенія (въ столицахъ 25—28), въ то время, какъ за-границей максимальная смертность рѣдко повышается до 20 на 1000, а средняя — стоитъ на уровнѣ 10—15 на тысячу. Благодаря повышенной смертности, наша родина ежегодно, по приблизительнымъ подсчетамъ специалистовъ, теряетъ до 1.600.000.000 р.

Однако, центръ «муниципальнаго вопроса» сейчасъ лежитъ не въ томъ, «какъ ведется» наше городское хозяйство, а въ томъ, «какъ организовано» само городское самоуправленіе. Можно строить самыя обширныя и научно разработанныя программы «максимумъ» и «минимумъ» текущей муниципальной хозяйственной политики, но всѣ эти программы останутся мертвой буквой, пока существующая организациа городского самоуправления не измѣнится.

Измѣненіе основъ самоуправления, радикальная городская реформа — вотъ центральная злоба муниципального дня. Суть город-

ского кризиса заключается въ томъ, что дѣйствующее Городское Положеніе не соответствуетъ ни запросамъ современной общественной жизни, ни современному общественному сознанию, ибо различными кругами населенія одновременно заявляется общее требованіе немедленной реформы мѣстнаго самоуправления.

Расхожденіе нормъ дѣйствующаго муниципальнаго закона съ общественнымъ сознаніемъ сказывается теперь на каждомъ шагѣ. Примѣровъ къ сказанному можно было-бы привести сколько угодно. Прежде всего указанное расхожденіе проявляется въ томъ, что въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слояхъ наблюдается стремленіе проникнуть въ муниципальную цитадель, не считаясь съ существующимъ закономъ. Наиболее энергично пока выступали представители пролетариата; въ Вологдѣ, Астрахани и Петроградѣ рабочие заявили желаніе быть допущенными въ различныя городскія комиссіи, а въ Петроградѣ, кромѣ того, и къ участию въ городской думѣ. Во время послѣднихъ выборовъ въ Петроградѣ на собраніи избирателей появились женщины и требовали избирательныхъ правъ; былъ случай появленія женщины даже передъ избирательной урной; вопросъ о правахъ женщинъ возникъ и во Владивостокѣ. Женскія организаци въ Петроградѣ организовали въ началѣ февраля этого года большой публичный митингъ, пропагандировавшій идею женскаго равноправія.

Этотъ напоръ жизни поколебалъ ветхія стѣны Городоваго Положенія. Въ одномъ городѣ за другимъ въ составъ городскихъ комиссій начинаютъ допускаться представители нецензурныхъ элементовъ и женщины. Широкіе слои населенія проникаютъ одновременно въ организаци Союза Городовъ и въ созданныя кое-гдѣ особые обывательскія комитеты и совѣщанія. Такъ было въ Киевѣ, Астрахани, Орлѣ, Минскѣ, Мелитополѣ, Иркутскѣ, Вологдѣ, Екатеринбургѣ, Томскѣ, Прокуроровѣ и т. д. и т. д. Всѣ эти примѣры косвенно указываютъ на то, что настоящая постановка муниципальнаго управления совершенно не соответствуетъ жизни.

Но помимо такихъ косвенныхъ указаній послѣдніе мѣсяцы принесли намъ не мало фактовъ, еще болѣе опредѣленно говорящихъ о томъ-же. Чрезвычайно любопытенъ и яркъ инцидентъ, разыгравшійся совсѣмъ недавно въ Киевской городской думѣ. Тамъ городской гласный, пѣкто г. Плаховъ, въ заявленіи, поданномъ городскому головѣ, предлагалъ прямо и откровенно сказать населенію, что управа въ настоящемъ составѣ безсильна справиться съ работой, выдвинутой обстоятельствами военнаго времени, и просить населеніе придти на помощь управѣ.

На срочную необходимость городской реформы указывали въ теченіе послѣдняго года кооперативныя организаци на своихъ съѣздахъ и другіе общественные союзы. Одно изъ Петроградскихъ обществъ квартиранимателей еще болѣе года тому назадъ постановило, что «полное удовлетвореніе нуждъ квартиранимателей можетъ быть осуществлено лишь при всеобщемъ избирательномъ правѣ для выборовъ въ городскія думы». А отдѣлъ городского и земскаго хозяйства Русск. Техническаго Общества въ октябрѣ 1915 г. въ связи съ обсужденіемъ продовольственнаго вопроса, постановилъ признать необходимой «реформу мѣстнаго самоуправления на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права съ

предоставленіемъ его органамъ широкихъ полномочій и образованіемъ мелкихъ самоуправляющихся единиц».

На необходимости реформы мѣстнаго самоуправления много разъ въ теченіе своихъ работъ останавливался курортный съѣздъ, признавшій «что организаціями, наиболѣе приспособленными къ веденію курортнаго хозяйства и управленія, являются земскія самоуправления, а также реформированныя городскія съ расширеніемъ ихъ выборнаго состава и сферы ихъ компетенціи».*

Голоса въ пользу гоордской реформы раздавались даже съ праваго крыла русской общественности. Въ началѣ 1914 года въ Кіевѣ и въ Минскѣ организаціи націоналистовъ приняли резолюціи, требующія измѣненія городского самоуправления въ Западномъ краѣ въ цѣляхъ созданія национальныхъ курій и допущенія къ выборамъ квартиронанимателей. О городской реформѣ ходатайствовалъ Совѣтъ Общества заводчиковъ и фабрикантовъ (имѣя въ виду расширение правъ акціонерныхъ обществъ и компаній), съѣздъ биржевыхъ комитетовъ Сѣвернаго Кавказа и т. д.

Еще болѣе рѣшительно заявляли требованіе городской реформы съѣзды Всероссійскаго Союза Городовъ, происходившіе въ теченіе 1915 года. Въ апрѣлѣ областной съѣздъ городовъ Западной Сибири въ Омскѣ «высказался за расширение рамокъ Городового Положенія на началахъ увеличенія кадровъ избирателей и расширения бюджетныхъ правъ городовъ»**. Самарскій областной съѣздъ городского Союза «призналъ необходимымъ расширение муниципальнаго избирательнаго права путемъ привлеченія въ число городскихъ избирателей — квартиронанимателей, платящихъ и не платящихъ государственный квартирный налогъ»***. Наконецъ, Орловскій областной съѣздъ городовъ высказался за скорѣйшій пересмотръ Городового Положенія. Июльскій съѣздъ Всероссійскаго Союза городовъ, созданный по вопросу о борьбѣ съ дороговизной, также призналъ «необходимымъ незамедлительную реформу мѣстнаго самоуправления на широкихъ демократическихъ началахъ, расширение его правъ и предоставленіе ему независимости».

Незадолго до начала войны вопросъ о городской реформѣ возбуждался и въ нѣкоторыхъ городскихъ думахъ. Правда, такихъ думъ мы насчитаемъ немного: можно отмѣтить постановленіе Пятигорской городской думы ходатайствовать о расширеніи муниципальных избирательныхъ правъ, рѣшенія Московской, Петербургской и Воронежской думъ о выработкѣ проекта городской реформы, да возбужденіе вопроса о реформѣ Городового Положенія среди гласныхъ г.г. Саратова и Архангельска; но повсюду этотъ вопросъ двигался туго и съ началомъ войны совершенно заглохъ. Только въ Псковской думѣ въ связи съ борьбой противъ алкоголизма гласные вновь заговорили о необходимости расширения муниципальных избирательныхъ правъ, да былъ внесенъ докладъ о реформѣ Городового Положенія въ Петроградской думѣ.

За исключеніемъ послѣдняго факта, во всѣхъ другихъ случаяхъ

* М. Г. Диканскій «О русскихъ курортахъ» стр. 72.

** «Городское Дѣло» 1915 г. № 9, стр. 509.

*** «Городское Дѣло» 1915 г. № 13—14, стр. 763.

общественныхъ заявленій въ пользу реформы не было серьезнаго обсуждения основъ, на которыхъ должно было бы строиться новое Городовое Положеніе. Налицо оставался одинъ лишь фактъ голаго признанія неотложности реформы; въ лучшемъ случаѣ намѣчались крайне общія пожеланія, въ которыя сплошь да рядомъ можно было вкладывать весьма различное содержаніе. А между тѣмъ дѣло дошло уже до фактическаго осуществленія муниципальной реформы и въ самомъ ближайшемъ будущемъ въ Государственной Думѣ вопросъ о реформѣ городского самоуправленія станетъ во всей его конкретности.

Въ такую минуту чрезвычайно важно было-бы открыть широкую дискусію на тему о желательныхъ основахъ муниципальной реформы. Особенно необходимо демократическое освѣщеніе этого вопроса и привлеченіе къ нему вниманія широкихъ слоевъ трудящихся классовъ. До сихъ поръ демократическіе слои стояли въ сторонѣ отъ городскихъ думъ, и принципы мѣстнаго самоуправленія широкому общественному мнѣнію остаются совершенно неизвѣстны. Къ сожалѣнію, общее положеніе вещей въ данную историческую минуту таково, что надѣяться на конкретные результаты демократическаго освѣщенія вопроса о городской реформѣ не приходится. Общественное мнѣніе демократіи не организовано такъ же, какъ и сама демократія. Голосъ пародныхъ массъ не слышенъ, и это понятно.

Но страпнымъ является молчаніе нашихъ буржуазныхъ слоевъ, особенно молчаніе городскихъ думъ... Почему муниципальная Россія не высказываетъ своего отношенія къ основамъ городской реформы?

Молчатъ-ли она потому, что благоденствуетъ, или молчитъ она страха ради іудейскаго? Кто знаетъ? Какъ услышать «молчащій» голосъ и узнать «скрытыя въ сердцахъ» мысли? Задача эта непосильна самымъ искusstнымъ тайновѣдамъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ болѣе она недоступна простымъ смертнымъ. И вотъ городская реформа зарождается и первое время своего утробнаго существованія проводитъ въ обстановкѣ общественнаго безмолвія. Такая обстановка грозитъ тѣмъ, что третьейюньская дума проведетъ реформу въ такомъ видѣ, который будетъ очень далекъ отъ чаяній населенія, заявленныхъ имъ десять лѣтъ тому назадъ.

Если мы обратимся къ тому замѣчательному періоду въ нашей исторіи, когда наши муниципалы не «молчали», а въ многочисленныхъ ходатайствахъ, петиціяхъ и резолюціяхъ громко говорили бюрократіи о томъ, въ какую сторону требовалось направить государственный корабль, . . . — то найдемъ въ этомъ матеріалѣ не-мало чрезвычайно цѣнныхъ истинъ, сейчасъ уже, къ сожалѣнію, позабытыхъ.

* * *

Внутреннія причины выступленія городскихъ думъ въ то время были общи съ причинами возмущенія всей остальной Россіи. А внѣшнихъ поводовъ было два: указъ 12 декабря 1904 года съ общапіемъ реформъ вообще, а мѣстнаго самоуправления въ частности, и манифестъ 18-го февраля 1905 г. о реформѣ государственнаго строя. Хотя главное вниманіе городскихъ думъ было привлечено къ нуждамъ всего государства и общіе политическіе запросы въ общемъ оттъсняли всѣ остальные на второй планъ, тѣмъ не менѣе городскія самоуправления въ своихъ пети-

цияхъ и докладныхъ запискахъ коснулись всѣхъ областей городского самоуправления. Стоитъ только немного систематизировать пестрое разнообразіе отдѣльныхъ мыслей и положеній — и получится довольно цѣльная картина взглядовъ русскихъ муниципаловъ на сущность городского самоуправления и на предѣлы его реформы.

Прежде всего городскимъ думамъ пришлось столкнуться съ общей оцѣнкой городского самоуправления въ Россіи. Керченская дума въ своей петиціи о реформѣ государственнаго строя въ числѣ аргументовъ въ пользу этой политической реформы указывала, между прочимъ, на «вмѣшательство административной власти въ работу общественныхъ органовъ», дошедшее до крайнихъ предѣловъ, и на то, что министерство «вмѣсто расширенія извѣстныхъ правъ населенія стремится сохранить все по старому. А «въ результатѣ», резюмировала Керченская Дума, — «молчаніе или неискренне высказанное мнѣніе общественныхъ органовъ, усиленіе отрицательнаго отношенія и затаенная неприязнь къ органамъ правительственной власти со стороны общественныхъ силъ».

10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны въ Керчи эти слова... Но многое ли изъ нихъ утеряло въ своей жизненной остротѣ? И не подпишутся ли подъ ними теперь многие муниципалы?.. Жаловалась на административную опеку, лишаящую «городскія управления ихъ характера и значенія, какъ органа мѣстнаго самоуправления», и Рижская городская дума.

Въ ходатайствѣ передъ правительствомъ, Митавская дума утверждала, что «система опеканія и ограниченія самостоятельности и независимости городского общественнаго управления парализуетъ инициативу, энергію и влеченіе къ работѣ органовъ его, что замедляетъ ходъ общественной жизни, охлаждаетъ рвеніе и участіе населенія къ общественнымъ дѣламъ и мало-по-малу созрѣваетъ опасное равнодушіе къ онымъ, охватывающее все болѣе и болѣе широкіе круги общества». Гласные города Майкопа на думскомъ засѣданіи постановили: «1) Городовое Положеніе 1892 г. не даетъ представительства въ городскомъ общественномъ управленіи всѣхъ слоевъ населенія, что весьма ощутительно при разрѣшеніи пользы и нужды города; 2) Городовое Положеніе путемъ административной опеки, суживая компетенцію Городскаго Общественнаго Управленія, лишаетъ его должной инициативы при проведеніи въ жизнь общественныхъ мѣропріятій для благосостоянія общества».

На основаніи этихъ и многихъ другихъ соображеній, Полтавская дума считала, что реформа Городоваго Положенія должна быть «не частичнымъ исправленіемъ», а «самостоятельной законодательной работой». Критикуя со всѣхъ сторонъ существующее городское самоуправленіе, думы, повидимому, не преувеличивали значенія мѣстной реформы. Напримѣръ, избранная въ Симбирскѣ думская комиссія для пересмотра Городоваго Положенія представила докладъ, въ которомъ значилось: «Собравшіеся въ засѣданіе, члены комиссіи нашли, что... только пересмотрѣнное Городовое Положеніе не въ состояніи внести ощутительнаго улучшенія въ экономическую жизнь нашего отечества».

Голосъ городскихъ самоуправленій былъ достаточно единодушенъ въ отношеніи существующаго положенія вещей въ муниципалитетахъ. И въ 1905 г. не могло быть и рѣчи о примиреніи съ дѣйствительностью и

объ оставлении Городового Положенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ рукъ реакціонныхъ реформаторовъ 90-хъ годовъ.

Но городскія думы не ограничились одной критикой существующей организациі самоуправленія. Страна стояла наканунѣ полной перестройки всѣхъ частей государственной машины. Муниципаламъ приходилось указать на нѣчто положительное, что должно было придти на смѣну уходящему, т. е. общественнымъ дѣятелямъ надо было хотя бы въ общихъ чертахъ нарисовать краткую программу городской реформы и опредѣлить ея основные пункты. Полнаго единогласія, конечно, не получилось. Но въ общемъ ясно намѣтилась линия направленія муниципальныхъ устремленій, и по поводу отдѣльных частей реформы обнаружилась между городскими думами прочная солидарность.

Самымъ острымъ вопросомъ, наиболее волнующимъ городскихъ дѣятелей, былъ вопросъ объ основахъ избирательнаго права. Помимо, вообще, первостепеннаго значенія объема избирательнаго права, опредѣляющаго напередъ характеръ всей работы самоуправленія, — обойти молчаніемъ нашу старую цензовую систему было совершенно невозможно. По даннымъ правительственнаго отчета о выборахъ городскихъ гласныхъ въ началѣ XX столѣтія, касающемся 132 городовъ съ населеніемъ свыше 20.000 человекъ, видно, что въ среднемъ избирательное право принадлежало всего 1,0% городского населенія. А, такъ какъ на выборы являлось около $\frac{1}{3}$ части избирателей, то оказывалось, что 0,35% городскихъ жителей крупныхъ цензовиковъ — держатъ въ своихъ рукахъ судьбу многомилліоннаго городского хозяйства и населенія.

Не всѣ городскія думы опредѣленно очертили рамки избирательнаго права, какія должны быть установлены въ Городовомъ Положеніи. Саратовскій городской голова въ своемъ докладѣ высказывался лишь въ пользу «расширенія городского представительства», но среди членовъ комиссіи, обсуждавшей этотъ вопросъ, было не мало голосовъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Эриванская и Ковенская думы въ своихъ петиціяхъ утверждали, что самоуправленіе должно быть основано на началахъ «всесловности», съ привлеченіемъ «широкихъ слоевъ населенія безъ различія національности». Полтавская комиссія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ постановила, что реформа самоуправленія должна быть проведена на «широкихъ демократическихъ началахъ».

Въ числѣ городовъ, разбиравшихъ вопросъ объ избирательномъ правѣ, въ одну группу понадутъ Кострома и Митава, желавшія, чтобы избирательное право было распространено на всѣхъ плательщиковъ налоговъ съ недвижимыхъ имуществъ, торгово-промышленныхъ предприятий и квартиръ. Затѣмъ, города Варшава, Томскъ, Рига и Петербургъ условіемъ пріобрѣтенія избирательныхъ правъ ставили уплату какихъ бы то ни было городскихъ налоговъ. Изъ приведенныхъ выше городовъ Варшавскій магистратъ и Митавская дума нашли пужнымъ установить разрядные выборы. Томскъ и Варшава, кромѣ того, подчеркнули равенство національностей въ роисповѣданіи. Избирательное право, приведенное въ проектъ муниципальнаго ходатайства Петербургской думы (такъ и не увидѣвшаго въ свое время свѣта и только недавно извлеченнаго обновленческой думой изъ подъ архивной пыли),

формъ уплаты всякаго налога или сбора, устанавливало еще особый, рублевый избирательный сборъ, настолько расширяющій избирательный корпусъ, что петербургскій проектъ стоялъ на границѣ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ.

Въ другую группу муниципалитетовъ попадаютъ тѣ, которые прямо высказывались въ пользу всеобщаго избирательнаго права. За всеобщее избирательное право безъ различія національности и вѣроисповѣданія стояли городскія думы: Вятская, Краснохолмская, Московская, Одесская, Камышинская, Ставропольская, Тифлисская и Черниговская. Изъ этихъ двухъ группъ городскихъ управленій приняли равноправіе женщинъ городскія думы: Ковно, Эривани, Костромы, Томска, Петербурга, Вятки, Краснаго Холма, Одессы, Ставрополя и Чернигова. Не были обобщены молчаніемъ и условия, при которыхъ должны протекать выборы. Черниговская дума указывала, что «избирателямъ предоставляется свобода собраній для обсужденія программъ, указанія кандидатовъ въ гласные и обсуждения дѣятельности органовъ городского общественнаго самоуправленія».

Городскія думы отлично понимали, что избирательное право — это корень муниципальной реформы. Поэтому муниципалы были особенно горячивы и страстны именно въ этомъ вопросѣ. Выразилось это настроеніе городскихъ дѣятелей въ томъ, что они отказывались ждать момента, когда городская реформа будетъ проведена цѣликомъ, и такъ или иначе дѣлали попытки добиться въ первую голову расширения избирательнаго права.

Камышинскіе гласные, Одесская дума (въ 1907 г.) и мѣщане г.г. Дубны и Бузулука ходатайствовали, чтобы правительство, хотя бы временно, на ближайшіе выборы отказалось отъ существующаго избирательнаго ценза. Виленская дума просила, чтобы очередные городскіе выборы не производились до реформы избирательнаго права. А Бакинскіе городскіе гласные были крайне смущены тѣмъ обстоятельствомъ, что наступали муниципальные выборы, а реформа городского самоуправленія все еще не осуществлена и главная масса населенія осталась за порогомъ самоуправления; единственнымъ выходомъ Бакинской думѣ казалось самочинно осуществить всеобщее избирательное право, не дожидаясь соизволенія администраціи. Въ этомъ духѣ и было вынесено гласными постановленіе. И если таково было настроеніе гласныхъ-цензовиковъ, то каково же оно было у болѣе широкихъ слоевъ населенія?

Въ Саратовскую думу мѣстное населеніе представило петицію, въ которой «во имя простой справедливости» просило о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Въ Камышинѣ народный митингъ, высказавшись за всеобщее избирательное право, постановилъ бойкотировать городскіе выборы; вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано предложеніе осуществить всеобщее избирательное право захватнымъ путемъ. На городскихъ выборахъ въ Красноярскѣ рабочими также была сдѣлана попытка осуществить всеобщее избирательное право захватнымъ путемъ; однако, опытъ не удался, и выборы были проведены по старому цензовому закону. Естественно, что при энергичномъ нажимѣ населенія на муниципальные хозяевъ, послѣднимъ не оставалось ничего иного, какъ подерживать по мѣрѣ своихъ силъ общія требованія.

Больше единодушія проявили муниципалы по другимъ вопросамъ городской реформы, которые не затрагивали классовыхъ интересовъ нашей буржуазии и касались лишь самоуправления въ его цѣломъ, независимо отъ его состава. Черниговская дума желала «расширення круга вѣдомства» самоуправления и находила, что ему «необходимо предоставить завѣдываніе дѣлами о пользахъ и нуждахъ городского населенія, поскольку удовлетворить ихъ ему посильно». Въ кругъ муниципальной компетенціи дума, между прочимъ, относила «завѣдываніе учебно-просвѣтительными заведеніями, содержимыми на его счетъ, а равно и участие въ завѣдываніи учебными заведеніями, содержимыми за счетъ казны»; черниговскіе гласные находили, что при «тѣхъ обо-стренныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между полиціей и населеніемъ», было бы лучше перевести полицію въ вѣдѣніе города; затѣмъ выставлялось требованіе «возстановленія института участковыхъ мировыхъ судей и предоставленіе городу права выбора ихъ»; наконецъ, Дума считала необходимымъ предоставить городскимъ самоуправлениямъ «право организациі періодическихъ съѣздовъ».

Чрезвычайно обстоятельный планъ городской реформы и правильный анализъ сущности самоуправления были сдѣланы Ставропольской городской думой въ ея петиціи и въ докладной запискѣ, поданной министру внутреннихъ дѣлъ. Дума писала, что отдѣленіе «хозяйственной стороны мѣстнаго общественнаго благоустройства отъ всѣхъ другихъ сторонъ его представляетъ собой нѣчто искусственное и непримѣнимое въ дѣйствительности... Въ дѣйствительности же явленія нравственныя, правовыя, хозяйственныя и другія переплетаются въ тѣсный узелъ, и ихъ можно только искусственно разрѣзать, но отнюдь не раздѣлять на рѣзко отличающіяся другъ отъ друга категории».

Дума, исходя отсюда, ставила непремѣннымъ условіемъ городской реформы передачу въ руки муниципалитетовъ «всего мѣстнаго самоуправления, во всѣхъ его видахъ». Затѣмъ должно быть установлено «участіе представителей мѣстнаго самоуправления съ правомъ голоса во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на мѣстахъ, и неограниченное право возбужденія ходатайствъ передъ всѣми центральными государственными учрежденіями и правительственными лицами по всѣмъ вопросамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и государственнымъ, такъ какъ нѣтъ такого общегосударственнаго вопроса, который бы не касался мѣстной жизни». «Вѣдѣнію мѣстнаго самоуправления, — писала Ставропольская дума въ своей петиціи — подлежатъ всѣ мѣстныя дѣла безъ исключенія, какъ хозяйственныя, такъ и дѣла управленія: народное благосостояніе, народное здравіе, народное образованіе, внѣшнее благоустройство, полиція, выборъ мѣстныхъ судей, изданіе обязательныхъ постановленій, право петиціи по всѣмъ вопросамъ мѣстнаго и государственнаго характера и т. д. И все это должно находиться въ полномъ завѣдываніи органовъ мѣстнаго самоуправления».

Краснохолмская городская дума въ своемъ адресѣ высказывала убѣжденіе, что «мѣстному самоуправленію должны подлежать всѣ дѣла, касающіяся хозяйства и управленія, въ настоящее

время раздѣленны между различными видами мѣстныхъ учреждений и администраціи. Въ частности, городскому самоуправленію должна быть подчинена полиція «и завѣдываніе въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніи» начальными и средними учебными заведеніями.

Подробно остановилась на вопросѣ муниципальной компетенціи Бятская дума. По ея мнѣнію, «сфера дѣятельности органовъ самоуправления должна быть расширена, и послѣдніе должны взять на себя удовлетвореніе всѣхъ мѣстныхъ польвъ и нуждъ», въ томъ числѣ «въ полномъ объемѣ всѣ вопросы» народнаго образованія, организаціи полиціи, изданія обязательныхъ постановленій, выбора мѣстныхъ судей и т. д., и т. д. Городамъ должно быть предоставлено право петицій «по вопросамъ какъ мѣстнаго, такъ и общегосударственнаго характера». Томская дума дала своимъ делегатамъ на городской сѣздъ порученіе отстаивать требованіе «самоопредѣленія и самообложенія» городской общины, которая должна «широко вѣдать всѣ мѣстныя нужды, какъ духовныя такъ и матеріальныя, въ томъ числѣ «безопасность населенія»; такъ же городъ «долженъ имѣть своихъ представителей въ коллегіяхъ мѣстныхъ учреждений, содержимыхъ на общегосударственныя средства».

Проектъ Городоваго Положенія, составленный комиссіей Петербургской думы, также настаивалъ на передачѣ городамъ организаціи полиціи и на расширеніи правъ муниципалитетовъ въ области народнаго образованія. Ковенская дума ходатайствовала о «распространеніи компетенціи самоуправления на всѣ области мѣстной жизни». О томъ же говорить докладъ Тифлискаго городского головы (предоставленіе городскому самоуправленію «всѣхъ вопросовъ мѣстнаго хозяйства и охраны общественной «безопасности», а также и «начальнаго образованія») и резолюція Майкопской думы (самоуправленіе должно завѣдывать рѣшительно всѣми мѣстными общественными дѣлами).

Нѣкоторые вопросы муниципальной компетенціи привлекали къ себѣ наибольшее вниманіе. Во-первыхъ, народное образованіе, въ сферѣ котораго требовалась полная автономія, отдѣленіе отъ министерства народнаго просвѣщенія; во-вторыхъ, муниципальная полиція и, въ третьихъ, право городскихъ союзовъ и сѣздовъ. О передачѣ городскимъ самоуправлениямъ полицейскаго дѣла ходатайствовали Петербургъ, Москва, Курскъ, Могилевъ, Харьковъ, Казань, Самара, Саратовъ, Новороссійскъ, Владикавказъ, Черниговъ, Полтава, Царицынъ. Нѣкоторыя думы указывали и на тѣ принципы, которые должны были быть заложены въ основу полицейской организаціи. Напримѣръ, Новороссійская дума считала, что полиція должна находиться въ полномъ распоряженіи городской думы, внѣ какихъ бы то ни было постороннихъ влияній, и что дѣла полицейскаго характера должны быть переданы особой полиціи.

О правѣ муниципальных сѣздовъ ходатайствовали по инициативѣ Московской думы: Нижний-Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Орелъ, Харьковъ, Курскъ, Воронежъ, Тула, Тверь, Ярославль, Кострома, Казань, Ростовъ-на-Дону, Кутаисъ, Херсонъ, Вильно, Могилевъ, Чита, Каменецъ-Подольскъ, Красный Холмъ, Нахичевань, Таганрогъ и т. д. Московскій городской голова кн. Голицынъ указывалъ на программу этихъ сѣздовъ и въ томъ числѣ въ первую голову ставилъ пересмотръ Городоваго Положенія. О городской реформѣ говорили и другія думы.

давая своимъ делегатамъ на сѣздѣ инструкціи относительно основныхъ началъ самоуправления.

Забываясь о правильной постановкѣ муниципальной компетенціи, нѣкоторыя думы упомянули и о финансовыхъ правахъ городовъ.

Рига ходатайствовала о подоходномъ налогѣ; Митава, Кострома и др. объ уничтоженіи привилегіи изъятія отъ обложенія налогомъ казенныхъ, удѣльныхъ и церковныхъ имуществъ. Вятская дума въ своей петиціи писала, что, «сообразно съ расширеніемъ компетенціи органовъ самоуправления, должны быть увеличены матеріальныя средства, которыми они могутъ располагать путемъ расширенія права самообложенія и организаціи доступнаго кредита изъ общегосударственныхъ средствъ для развитія муниципальныхъ предпріятій, какъ источника городскихъ доходовъ». Правда, финансовые вопросы затрагивались городскими думами слегка, ибо въ 1906 г. муниципалы хорошо сознавали, гдѣ лежитъ центръ тяжести реформы и разрѣшенія городского кризиса. И потому, коснувшись вскользь городскихъ финансовъ и бюджетныхъ правъ, думы сейчасъ же переходили къ другому изъ «больныхъ вопросовъ» нашего самоуправления — къ отношенію къ нему органовъ административной власти.

Городскія самоуправления являлись въ Россіи какимъ-то чужероднымъ тѣломъ. Бюрократія съ годами не только не думала мириться съ началами самоуправления, но, наоборотъ, ею въ концѣ XIX вѣка былъ открытъ противъ нихъ новый энергичный походъ. Лишивъ самоуправленія права разрѣшенія многихъ существеннѣйшихъ вопросовъ мѣстной жизни, преградивъ къ участию въ немъ доступъ широкимъ народнымъ массамъ, бюрократія въ заключеніе поставила органы самоуправления въ тѣснѣйшую зависимость отъ администраціи. Поэтому требованіе «освобожденія управления отъ административной опеки» было всеобщимъ. Самарская бюджетная коммисія указывала, что единственнымъ опекуномъ самоуправления можетъ быть законъ. Полтавская дума постановила, что городская реформа должна быть построена на основѣ полной независимости отъ администраціи.

Отношенія центральной правительственной власти и органовъ мѣстнаго самоуправления—вопросъ вообще очень сложный и плохо урегулированный. Весьма вѣроятно, съ нимъ придется считаться и будущему трудовому государству. Тѣмъ болѣе сложенъ онъ въ настоящее время государственной централизаци. Однако, между городами не было по этому поводу большихъ разногласій. Въ основномъ всѣ были согласны, что «въ предѣлахъ своего вѣдѣнія органы мѣстнаго самоуправления дѣйствуютъ вполне самостоятельно» (Ставропольская городская дума), что «всѣ постановленія городской думы приводятся въ исполненіе, не ожидая ихъ утвержденія администраціей» и что «члены исполнительныхъ органовъ городского управления, т. е. городской управы и исполнительныхъ коммисій, вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей, на основаніи избранія ихъ думою, безъ утвержденія административной властью» (Одесская дума). «Отношенія между городскими общинами и государствомъ должны быть строго опредѣлены закономъ, и государственное управленіе не можетъ пользоваться содѣйствіемъ общины безъ согласія послѣдней» (Томская дума).

Петербургская, Митавская и Одесская думы опредѣленно

устанавливали, что правительственная власть имѣеть право наблюдать лишь за законностью постановлений и дѣйствій органовъ городского общественаго управления». Только Майкопская дума находила, что «правительству должно принадлежать лишь право контроля въ интересахъ государственныхъ». Ставропольская дума считала, что контроль за законностью дѣйствій городского самоуправления долженъ быть «возложенъ на центральное учрежденіе Имперіи, организованное по тому же типу, какъ и самыя учрежденія мѣстнаго самоуправления, т. е. на принципѣ избранія самимъ населеніемъ».

Всѣ эти мнѣнія отдѣльныхъ муниципалитетовъ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что городскія думы желали пользоваться широкой автономіей и независимостью отъ центральной власти.

Къ числу вопросовъ, не привлечшихъ къ себѣ большаго вниманія нашихъ городскихъ управленій, относится вопросъ о внутренней организации самоуправления, его распорядительныхъ и исполнительныхъ органовъ. И опять-таки, не потому этотъ вопросъ оставался въ тѣни, что въ немъ все ясно, и что въ немъ въ настоящее время все обстоитъ вполне благополучно, а потому, что другіе — особенно объ избирабельномъ правѣ и административной опеке, преобладали надъ всемі остальнымъ. Тѣмъ не менѣе, совсѣмъ вопросъ о внутренней организации обойденъ не былъ. Митавская, Петербургская и Черниговская думы желали, чтобы предсѣдательствованіе на общихъ собраніяхъ гласныхъ было возложено на особое, избираемое думой, лицо, а не на городского голову, являющагося главой исполнительной власти и лицомъ подчиненнымъ по отношенію къ думѣ. При настоящемъ же порядкѣ предсѣдательствованіе головы на засѣданіяхъ думы сводится къ подчиненію распорядительнаго органа власти исполнительной.

Ставропольская дума затронула въ высшей степени важный вопросъ объ уничтоженіи бюрократизма внутри городскихъ думъ. Для этого—говорила Ставропольская дума, — городскіе избиратели должны имѣть право собираться не только передъ выборами, но и для требованія отчета у избранныхъ ими гласныхъ, заявлять имъ о своихъ желаніяхъ и т. п. Но наиболѣе существенное нововведеніе Ставропольская дума предлагала въ видѣ установленія референдума. «Наиболѣе важные вопросы нужно предоставить самому населенію. Такіе вопросы послѣ рѣшенія ихъ въ думѣ должны быть перенесены на разрѣшеніе избирателей всего города». Западъ давно уже знаетъ референдумъ и другія формы усовершенствованной организаціонной техники. Но отъ нашихъ муниципаловъ подобное требованіе приходилось слышать впервые.

Городская реформа обсуждалась и на сѣздахъ земско-городскихъ дѣятелей, созывавшихся нѣсколько разъ въ періодъ 1904—1905 годовъ. По поводу основъ городского самоуправления сентябрьскій сѣздъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей принялъ такія постановленія:

1. Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправления долженъ простирается на всю область мѣстнаго управления, включая сюда и полицію безопасности и благочинія, за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управления, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни требуютъ централизаціи.

2. Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ

мѣстнаго самоуправления, при чемъ окончательное рѣшеніе по возникшимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

3. Органамъ мѣстнаго самоуправления должна принадлежать широкая власть издавать въ предѣлахъ законовъ общеобязательныя постановления. При этомъ возможно большая часть предметовъ, подлежащихъ нынѣ вѣдѣнію законодательной власти, должна быть отнесена къ кругу дѣйствія обязательныхъ постановленій.

Что касается избирательнаго права, то его предѣлы были установлены съѣздомъ въ связи съ вопросомъ выясненія основъ общей конституціи. Юньское совѣщаніе 1905 г. представителей городовъ признало всеобщее избирательное право безъ различія пола и національности.

Какъ ни пестры были въ общемъ мнѣнія городскихъ дѣятелей, но все-таки сведенныя всѣ вмѣстѣ они ясно показывали, въ какомъ направленіи желала муниципальная Россія видѣть развитіе организаціи городского самоуправления. Въ двухъ словахъ, муниципальная реформа городскимъ дѣятелямъ въ 1905 году рисовалась слѣдующимъ образомъ:

1. Самое широкое, даже всеобщее избирательное право съ равнымъ правомъ національностей и женщинъ;

2. Компетенція самоуправления должна охватывать всю область мѣстнаго управленія съ полиціей безопасности включительно; съ городовъ снимаются государственныя повинности и расширяется право обложения; города получаютъ право союзовъ и съѣздовъ;

3. Дѣятельность городскихъ думъ свободна отъ надзора за цѣлесообразностью и подчинена лишь контролю за законностью, порученному судебнымъ органамъ Имперіи; должностныя лица и думскія постановления не подлежатъ утвержденіямъ администраціи;

4. Распорядительная и исполнительная власть въ городскомъ самоуправленіи строго раздѣляется и вторая подчиняется первой; усиливается вліяніе избирателей на городскихъ гласныхъ и вводится референдумъ.

* * *

Таковы были взгляды городскихъ дѣятелей на муниципальную реформу въ годъ общаго подъема. Программа, выдвигаемая въ то время ими, была вполне демократична и совпадала съ теченіемъ мысли лѣвыхъ политическихъ группъ Россіи.

Каково-же мнѣніе нашихъ муниципаловъ о городской реформѣ въ данную минуту? Немного приподымаетъ завѣсу на этотъ вопросъ матеріалъ, полученный анкетой Городской Группы Государственной Думы, предпринятой въ 1913 г. Это не совсѣмъ свѣжій матеріалъ, и надо думать, что за прошедшіе съ тѣхъ поръ 3 года кое-что уже успѣло измѣниться во взглядахъ городскихъ дѣятелей, но пока это единственныя данныя, рисующія намъ полетъ реформаторской мысли нашей муниципальной Россіи.

Въ общемъ вопросъ объ избирательномъ правѣ затронули въ своихъ отвѣтахъ только 34 города (изъ 64-хъ, отозвавшихся на анкету). Оказалось, что 10 городовъ признали дѣйствующій избирательный законъ вполне «удовлетворительнымъ» (?). Къ числу такихъ счастливыхъ го-

родовъ, принадлежать, съ одной стороны, большой губернской городъ Орель, а съ другой, ничтожный городишка Кемь, заброшенный на далекий Сѣверъ Европейской Россіи. 18 городовъ признали своевременнымъ распространіе избирательныхъ правъ на квартиронанимателей, и только 5 высказались противъ этой мѣры, при чемъ 3 изъ нихъ объяснили причину своего отрицательнаго отношенія тѣмъ, что квартиронаниматели не уплачиваютъ въ городскую кассу никакихъ налоговъ. Два города полагали ограничить избирательныя права условіемъ обладанія какого-либо недвижимаго имущества и одинъ городъ предлагалъ допустить къ выборамъ всѣхъ, зарабатывающихъ не менѣе 300 р. въ годъ.

За разрядную систему выборовъ оказалось только 6 городовъ, а 17 высказались категорически противъ.

По вопросу объ установленіи образовательнаго ценза голоса разбились; 14 городовъ считали, что требованіе такого ценза излишне, а 14 склонялись къ его введенію; главнымъ образомъ, требованіе грамотности относилось не къ активному, а къ пассивному избирательному праву. Не оказалось единодушія и по вопросу о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ. 14 городовъ заявили себя сторонниками женскаго равноправія, а 16—противниками, при чемъ два послѣднихъ объяснили такое свое мнѣніе неграмотностью женщинъ и «несвоевременностью» сейчасъ такой реформы. Почти такъ же разбились голоса и по поводу избирательныхъ правъ духовенства; 16 городовъ не нашли возможнымъ предоставлять духовенству право участія въ городскомъ самоуправленіи. За сохраненіе ограниченій въ правахъ евреевъ подали голоса 9 городовъ, а 6 признали необходимымъ предоставить евреямъ избирательныя права.

Оставляя въ сторонѣ детальныя вопросы организациі городского самоуправленія, намѣченные анкетой, мы приведемъ лишь наиболѣе существенныя. 2 города признали полезнымъ учредить районныя муниципальныя органы. 8 городовъ заявили, что необходимо расширеніе компетенціи городскихъ думъ, а 15 признали существующую компетенцію «достаточной». Изъ числа первыхъ однимъ городомъ было указано на необходимость предоставленія органамъ самоуправления права принудительнаго сноса частновладельческихъ зданій въ цѣляхъ общественной пользы, а три города высказались за учрежденіе муниципальной полиціи. 10 городовъ жаловались на «чрезмѣрность» опеки являть городскими думами, установленной со стороны администраціи, при чемъ 4 города опредѣленно формулировали требованіе, чтобы правительственный надзоръ былъ установленъ только за законностью постановленій думы, а не за цѣлесообразностью ихъ.

Анкета заключала вопросъ и объ организациі городскихъ союзовъ и сѣздовъ. 28 городовъ признали муниципальное объединеніе полезнымъ и необходимымъ,—такъ же, какъ и городскіе сѣзды.

Анкета заставила высказаться самыя заурядныя паны городскія самоуправления, далекіе медвѣжьи углы, подлинную провинціальную темную Русь. Интересно сопоставить съ этимъ мнѣніемъ провинціи точку зрѣнія Петроградской городской думы, выраженной ею въ лицѣ подготовительной комиссіи, внесшей докладъ о городской реформѣ. Столичные гласные, принадлежащіе къ составу «прогрессивной» группы Обновленія, нашли возможнымъ расширить избирательное право только на кварти-

ронанимателей, отказавшись, такимъ образомъ, отъ проекта, выработаннаго думскою комиссіей въ 1906 году, согласно которому избирательныя права должны были принадлежать всѣмъ, платящимъ какой-либо городской налогъ, и устанавливавшаго особый «избирательный» налогъ въ размѣрѣ одного рубля. Новая точка зрѣнія Петроградской думы являлась серьезнымъ шагомъ вспять по сравнению съ тѣмъ, что высказывалось 10 лѣтъ тому назадъ, ибо тогда избирательное право фактически являлось почти всеобщимъ, тогда какъ теперь предлагался квартиронанимательскій цензъ.

Если суммировать преобладающія мнѣнія городскихъ дѣятелей, высказанныя въ анкетѣ Городской Группы, то окажется, что муниципальная Россія въ данную минуту считаетъ необходимымъ поставить городскую реформу на слѣдующія основанія.

1. Избирательное право должно быть равнымъ и предоставлено всѣмъ квартиронанимателямъ.
2. Равноправіе половъ и національностей признано лишь половиною голосовъ, собранныхъ анкетой.
3. Компетенція городскихъ думъ должна быть расширена.
4. Правительственная опека надъ органами самоуправления должна быть снята.

Эта новая, болѣе современная «программа» муниципальной реформы далеко отстаетъ отъ тѣхъ пожеланій, какія высказывались муниципальной Россіей 10-11 лѣтъ назадъ не только по своему содержанию, но и по формѣ, по разработанности и опредѣленности требованій.

На примѣрахъ, данныхъ анкетой Городской Группы Государственной Думы и особенно на поучительномъ примѣрѣ Петроградской думы, мы имѣемъ случай убѣдиться въ томъ, какъ мѣняются взгляды нашихъ ценовыхъ общественныхъ круговъ въ зависимости отъ различныхъ историческихъ моментовъ. Всеобщее избирательное право, громко провозглашаемое муниципалами на сѣздахъ и въ городскихъ думахъ въ 1905 году, превратилось черезъ 10 лѣтъ въ лучшемъ случаѣ въ избирательное право «всѣхъ квартиронанимателей». И къмъ утверждаются эти новыя прогрессивныя основы? Къмъ подписанъ докладъ, вносимый въ Петроградскую думу? Гласными конституционно-демократической партіи и даже лидерами ея: А. И. Шингаревымъ и Л. А. Велиховымъ, безпартійнымъ лѣвымъ Г. А. Фальборкомъ и прогрессистами изъ «Вѣстника Европы» М. М. Ковалевскимъ и В. Д. Кузминымъ-Караваемъ...

Можно-ли возмущаться тѣмъ, что гдѣ-то въ далекой Кеми или Тегушахъ современные темные, полуграмотные «муниципалы» тоже молчатъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ? Наоборотъ, удивленія достойно, что городской дѣятель маленькаго далекаго Ольвиополя считаетъ возможнымъ предоставить избирательное право всѣмъ, зарабатывающимъ не менѣе 300 рублей въ годъ, т. е. 25 р. въ мѣсяцъ; вѣдъ такой цензъ мало чѣмъ отличается отъ всеобщаго избирательнаго права!.. И не являются-ли эти невѣдомые городскіе дѣятели далекой глуши краснорѣчивымъ укоромъ для тѣхъ всероссійскихъ общественныхъ знаменитостей, которыя успѣли основательно переукрасить свои знамена и отказаться отъ основнаго требованія своей программы, отъ «всеобщаго избирательнаго права?!»

Либеральная буржуазія любитъ «моду»; подлежатъ законамъ моды и ея программныя заявленія. На «всеобщее избирательное право» сейчасъ «моды» нѣтъ. А посему, конечно, и городская реформа пройдетъ въ Государственной Думѣ совсѣмъ не на тѣхъ основахъ, которыя выдвигались 10 лѣтъ тому назадъ.

Лишь трудовая демократія не измѣнила своихъ взглядовъ за истекшіе годы. Выступление защитниковъ ея интересовъ на только что закончившихся выборахъ въ Петроградскую городскую думу и первымъ пунктомъ поставившихъ требованіе всеобщаго избирательнаго права, показало, что сознанію демократіи чужды капризы политической «моды». И нѣтъ сомнѣнья, если-бы голосъ демократическаго общественнаго мнѣнія вновь прозвучалъ въ защиту основъ городской реформы, широко признанныхъ въ годы нашего государственнаго обновленія, то и либеральная городская буржуазія вспомнила-бы розовыя чаянія своей политической весны, и у нея нашлись-бы тѣ-же мысли и слова, которыя оказались такъ основательно позабытыми сейчасъ.

Что мы не ошибаемся, лучше всего показываетъ послѣдній Всероссийскій Съѣздъ Городскаго Союза. Еще сравнительно недавно, съ полугода тому назадъ, съѣздъ заявлялъ лишь «о демократизации» городского самоуправленія и осторожно умалчивалъ о тѣхъ предѣлахъ реформы, которыя были бы ему желательны. Теперь обстановка, повидимому, снова мѣняется и на мартовскомъ съѣздѣ раздаются уже болѣе опредѣленные рѣчи. Вотъ какова оказалась резолюція съѣзда по вопросу о городской реформѣ.

Признавая настоящую неотложность скорѣйшаго осуществленія реформы городского положенія, съѣздъ полагаетъ, что въ основаніе такой реформы должны быть положены нижеслѣдующія начала:

1) Распространеніе компетенціи городскихъ общественныхъ управленій на всю совокупность мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ.

2) Ограниченіе надзора за городскими самоуправлениями со стороны администраціи предѣлами законности, при чемъ окончательное разрѣшеніе споровъ, могущихъ возникнуть между городскими общественными управленіями и органами надзора, должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

3) Отмѣна правительственныхъ утвержденій по отношенію къ лицамъ, избираемымъ и приглашаемымъ на службу по городскому общественному управленію.

4) Расширеніе избирательнаго права съ привлеченіемъ къ городскимъ выборамъ всѣхъ слоевъ городского населенія безъ различія національности и безъ подраздѣленія на разряды (куріи) и съ предоставленіемъ женщинамъ, какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права.

5) Предоставленіе большимъ городамъ, съ населеніемъ не менѣе 100.000 жителей, права наряду съ центральными думами и управами организовать мелкія самоуправляющіяся единицы въ видѣ избираемыхъ населеніемъ cadaго района города участковыхъ совѣтовъ, которые въ свою очередь избираютъ исполнительные органы—участковыя управы.

6) Укрѣпленіе финансоваго положенія городовъ путемъ освобожденія городскихъ общественныхъ управленій отъ общегосударственныхъ расходовъ и повинностей и предоставленія имъ новыхъ источниковъ дохода, а равно и права устанавливать нормы обложенія съ распространеніемъ права обложенія на всѣ безъ исключенія недвижимыя имущества.

7) Предоставленіе городскимъ общественнымъ управленіямъ права вступать по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ ихъ компетенціи, въ союзы съ общественными управленіями другихъ городовъ, а также земствъ, и созывать по этимъ вопросамъ съѣзды.

Кромѣ того, съѣздъ считалъ, что необходимо скорѣйшее разрѣшеніе вопроса объ установленіи правильныхъ соотношеній между городами и земствами и высказывался за желательность учрежденія въ Москвѣ при земскомъ и городскомъ союзахъ банка городского и земского кредита на началахъ взаимно-общественной организаци.

Съѣздъ поручаетъ главному комитету союза городовъ по соглашенію съ главнымъ комитетомъ земскаго союза созвать не позднѣе юня 1916 г. специальное совѣщаніе представителей городскихъ и земскихъ самоуправленій для обсужденія вопроса объ учрежденіи банка городского и земскаго кредита.

Итакъ, вновь ставится прежній лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Правда, онъ выраженъ очень «смягченно», упоминается о привлеченіи къ выборамъ «всѣхъ слоевъ городского населенія», но по существу вопросъ не мѣняется. Этой своей резолюціей съѣздъ несомнѣнно вошелъ въ конфликтъ съ прогрессивнымъ блокомъ въ Государственной Думѣ, городская комиссія которой отвергла всеобщее избирательное право.

Прогрессивный, кадетско-октябристскій парламентскій блокъ, готовящій муниципальную реформу на цензовомъ и куріальномъ началѣ, долженъ призадуматься. Вотумъ городского съѣзда 14-го марта показываетъ, что гражданское и политическое сознаніе муниципальной Россіи начинаетъ просыпаться. И если этотъ процессъ общественнаго обновленія пойдетъ далѣе, то можетъ случиться, что мудрые строители блока либеральной буржуазіи всѣхъ оттънковъ заговорятъ на разныхъ языкахъ не только съ демократической Россіей, но даже и съ широкими кругами городской буржуазіи.

М. Петровъ.

ОБЛАСТНОЙ СИБИРСКІЙ СЪѢЗДЪ.

Только что закончился въ Иркутскѣ первый областной съѣздъ городовъ Восточной Сибири. Этотъ съѣздъ, быть можетъ, не оправдалъ въ полной мѣрѣ надеждъ, которыя возлагались на него сибирскими областниками. Не оправдалъ онъ и тѣхъ тревогъ и опасеній, съ которыми ожидала его мѣстная администрація. Но все же съѣздъ удался, прошелъ съ известнымъ подъемомъ, и было въ ходѣ его работъ нѣсколько моментовъ, которые заставляютъ отмѣтить его, какъ весьма крупное, весьма значительное явленіе въ жизни Сибири.

Подготовка къ съѣзду началась давно, еще съ прошлаго лѣта. Объ областномъ объединеніи сибирскихъ городовъ заговорили почти сразу, лишь только начали создаваться въ Сибири отдѣлы Всероссийскаго Союза Городовъ. Эти «отдѣлы» въ Сибири играли иную роль, чѣмъ въ Европейской Россіи. Въ Россіи составъ отдѣловъ земскаго и городского союзовъ приблизительно тотъ же, что составъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. На мѣстахъ эти отдѣлы не объединяютъ широкихъ слоевъ населенія, но зато союзы земскій и городской создаютъ на про-

странствъ всей Россіи объединеніе земствъ и городскихъ самоуправленій, до сихъ поръ дѣйствовавшихъ слишкомъ разрозненно, разобщенно.

Не то въ Сибири. Здѣсь отдѣлы Союза Городовъ оказались значительно шире городскихъ самоуправленій. Въ нихъ вошли почти все мѣстные общественные дѣятели, въ нихъ вошла почти вся сибирская интеллигенція,—врачи, адвокаты, инженеры. Въ ихъ осталась лишь демократія. Но объединеніе этихъ отдѣловъ вокругъ московскаго центра оказалось призрачнымъ. Такое объединеніе не могло быть дѣйствительнымъ уже въ силу географическихъ условий, дѣлающихъ возможнымъ объединеніе сибирскихъ городовъ лишь вокругъ какого либо мѣстнаго центра.

Отсюда понятно, почему идея областного съезда ожила въ Сибири, лишь только началось присоединеніе сибирскихъ городовъ ко всероссійскому союзу.

Наплывъ бѣженцевъ въ Восточную Сибирь минувшей осенью потребовалъ большого напряженія силъ мѣстныхъ общественныхъ организацій. Отдѣлы Союза Городовъ стали играть въ мѣстной жизни замѣтную роль. Съ увеличеніемъ ихъ значенія усилились толки объ областномъ съездѣ.

Администрація долгое время не разрѣшала съезда. Затѣмъ разрѣшила, но при этомъ ограничила, какъ составъ участниковъ съезда, такъ и кругъ подлежащихъ обсужденію съезда вопросовъ. Отъ участія въ съездѣ были устранены рабочіе профессиональные союзы, просвѣтительныя и научныя общества и сельскіе кооперативы, — иными словами, у съезда было заранее отсѣчено его демократическое, лѣвое крыло. Что же касается до подлежащихъ обсужденію съезда вопросовъ, то кругъ ихъ былъ строго ограниченъ «дѣловыми» рамками, при чемъ было указано точно и ясно, какихъ вопросовъ съездъ не долженъ касаться ни подъ какимъ видомъ.

Подъ запретъ не попали лишь такіе вопросы «общегосударственнаго значенія», какъ порто-франко для портовъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, судъ присяжныхъ и земство для сибирскихъ губерній. Но со всеми этими ограниченіями составъ съезда оставался довольно широкимъ,—какъ и кругъ стоящихъ передъ съездомъ вопросовъ. На съездъ были приглашены представители: 27 городскихъ самоуправленій, 22 отдѣла Всероссійскаго Союза Городовъ, 20 различныхъ организацій, вѣдающихъ помощью жертвамъ войны, 15 комитетовъ помощи бѣженцамъ, 8 врачебныхъ организацій, 16 кооперативныхъ организацій, 9 различныхъ правительственныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, съездъ долженъ былъ объединить буржуазно-общественныя организаціи всей Восточной Сибири — отъ Енисея до Великаго Океана. А благодаря присутствію представителей кооперативовъ, на съездѣ могъ прозвучать и голосъ сибирской демократіи, ибо по условіямъ жизни Сибири кооперативы являются здѣсь единственными устойчивыми и прочными организаціями, охватывающими значительные круги низовъ населенія.

Какъ я отмѣтилъ, сѣздъ не оправдалъ всѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Прежде всего, составъ сѣзда оказался уже, чѣмъ можно было ожидать. Сѣзхались далеко не всѣ приглашенные, даже не всѣ своевременно увѣдомившіе организационное бюро о своемъ участіи въ сѣздѣ. Всего на сѣздѣ участвовало 96 делегатовъ, но изъ нихъ большую часть составляли представители различныхъ иркутскихъ организаций и вообще мѣстные люди: 22 члена организационнаго бюро, 9 правительственныхъ лицъ, 6 представителей иркутской городской думы и мѣстнаго сѣдѣла Союза Городовъ и др. Прибыло на сѣздѣ изъ разныхъ концовъ Сибири челоуѣкъ 40 — 45. И, собственно говоря, только въ нихъ и сосредоточился интересъ сѣзда.

По сравненію съ относительно однородной буржуазно-интеллигентской мѣстной, иркутской частью сѣзда, прибывшіе делегаты оказались крайне пестры по составу. Тутъ были и городскіе головы захолустныхъ городовъ, явно терявшіеся въ непривычной обстановкѣ; и представители хищническаго капитала Дальняго Востока, страстные идеологи протекціонизма; и посѣдѣвшіе въ общественной работѣ интеллигенты-областники, хранители старыхъ либеральныхъ традицій; и недавніе ссыльно-поселенцы, прибывшіе на сѣздѣ въ качествѣ представителей кооперативовъ.

Присутствіе на сѣздѣ ссыльныхъ чуть не привело къ крушенію сѣзда въ самомъ началѣ его работъ. Дѣло въ томъ, что какъ разъ передъ открытіемъ сѣзда произошли перемѣны въ составѣ высшей администраціи иркутскаго генераль-губернаторства. И новый генераль-губернаторъ началъ съ распоряженія: устранить отъ участія въ сѣздѣ лицъ, ограниченныхъ по суду въ правахъ. Это распоряженіе было получено организационнымъ бюро наканунѣ открытія сѣзда, когда часть делегатовъ уже прибыла въ Иркутскъ. Оказалось, что въ силу распоряженія генераль-губернатора исключенію со сѣзда подлежатъ 12 — 15 челоуѣкъ, въ большей части, — представители кооперативовъ.

По закону ссыльные въ Сибири могутъ участвовать въ кооперативахъ. И такъ какъ ссыльные являются, безспорно, наиболѣе культурнымъ и идейнымъ слоемъ сибирскаго населенія, то понятно, что они оказываются во главѣ большей части кооперативныхъ товариществъ и союзовъ.

Западная Сибирь въ этомъ отношеніи находится въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ Восточная Сибирь. Въ Томской губ., напримѣръ, имѣется налицо достаточно мѣстныхъ силъ для руководства развивающимся кооперативнымъ движеніемъ. Ссыльные работаютъ здѣсь въ кооперативахъ, чаще всего, въ качествѣ служащихъ. Но въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ и въ Забайкальской Области ссыльные являются и организаторами кооперативовъ, и инструкторами, и инициаторами союзаго объединенія товариществъ, и руководителями кооперативной печати. Мѣстная администрація прекрасно освѣдомлена объ этомъ, но знаетъ также, что иначе и быть не можетъ по условіямъ жизни Восточной Сибири. Вѣдь здѣсь безъ ссыльныхъ не обходится ни одна го-

родская управа, ни одно статистическое отдѣленіе, ни одна буржуазная газета, ни одна крупная контора, — вообще ни одно дѣло, гдѣ требуются грамотные и культурные люди.

Новый иркутскій генераль-губернаторъ, не успѣвшій ориентироваться въ бытовыхъ особенностяхъ Восточной Сибири, распорядился исключить ссыльных со съѣзда. Передъ съѣхавшимися делегатами всталъ вопросъ: подчиниться ли сообщенному имъ, унижительному для нихъ, требованію и изгнать изъ своей среды представителей кооперативнаго движенія, или же въ видѣ протеста закрыть съѣздъ, не приступая къ работамъ? Первое засѣданіе съѣзда закрылось послѣ избранія президіума и приглашенія распорядженія генераль-губернатора. Президіумъ поѣхалъ выгнать недоразумѣніе.

Общественное значеніе этого недоразумѣнія усиливалось тѣмъ, что на протяжении короткаго времени это оказалось третье недоразумѣніе на почвѣ устраненія ссыльных отъ общественной дѣятельности. Всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, иркутскіе рабочіе, собравшіеся для выбора своихъ представителей въ военно-промышленный комитетъ, отказались отъ выборовъ и покинули собрание, когда имъ было объявлено, что ссыльные въ выборахъ участвовать не могутъ. Немного раньше по такому же мотиву отказались отъ выборовъ въ военно-промышленный комитетъ и черемховскіе рабочіе. Инциденты — ясно рисующіе нынѣшнюю роль ссылки въ общественной жизни Восточной Сибири.

Опасность, грозившая съѣзду, миновала. Генераль-губернаторъ отменилъ свое распоряженіе. Засѣданія съѣзда возобновились, и благополучное разрѣшеніе этого перваго инцидента сообщило дальнѣйшей работѣ съѣзда характеръ особенной сдержанности и дѣловитости.

Попытаюсь подвести итоги этой работы.

Кромѣ ряда длинныхъ и весьма обстоятельныхъ резолюцій, практическимъ результатомъ съѣзда делегаты и устроители его считаютъ учрежденіе областной организаціи городовъ Восточной Сибири. Учреждены двѣ такихъ организаціи: Восточно-Сибирская (охватывающая губерніи Енисейскую и Иркутскую и области Якутскую и Забайкальскую), имѣющая своимъ центромъ Иркутскъ, и Дальне-Восточная, съ центромъ въ Благовѣщенскѣ.

Несомнѣнно, что такое объединеніе сибирскихъ городовъ — шагъ впередъ въ развитіи мѣстной общественности. Но учесть цѣнность этого шага въ настоящее время трудно. Слишкомъ легко вновь учрежденныя областныя организаціи могутъ оказаться лишними двумя звеньями въ длинной цѣпи организацій, существующихъ лишь на бумагѣ. Самый съѣздъ минутами наводилъ на невеселыя мысли относительно будущности зарождающагося областного объединенія. Думалось невольно:

— Что дастъ объединеніе, когда объединяющіяся ячейки такъ далеки отъ духа общественности, такъ убоги духовно?..

Но это относится уже къ характеристикѣ съѣзда.

Собственно говоря, цѣнность съѣзда — въ вырисовавшейся благодаря ему картинѣ жизни Восточной Сибири. Все, что могли дать участ-

ники съезда, это вскрыть общими усилиями особенности жизни нашей восточной окраины. Это они и сдѣлали. Въ этомъ направленіи дѣйствовали всѣ ораторы, всѣ докладчики, — отъ крайнихъ лѣвыхъ, представителей демократической части съезда, до благонамѣренныхъ городскихъ головъ и жизнерадостныхъ, полныхъ оптимизма, представителей вѣдомствъ.

* Вскрытую ими картину можно опредѣлить однимъ словомъ: хаосъ. О чемъ ни заходила рѣчь на съездѣ, все оказывалось въ состояніи хаотическаго безпорядка, въ состояніи полнаго разложенія. О неурядицахъ и разрухѣ во всѣхъ сторонахъ жизни восточно-сибирскихъ городовъ говорили листки анкеты, произведенной организационнымъ бюро при подготовкѣ съезда. О томъ же говорили докладчики и сѣхавшіеся изъ глухихъ угловъ Сибири делегаты. Опровергая другъ друга, ораторы лишь глубже и ярче отгѣняли картину хаоса. Лишь только прозвучитъ въ рѣчи того или другого оратора нотка официального оптимизма, сразу выступаетъ противъ него другой участникъ съезда, и нотка оптимизма заглушается цѣлыми аккордами отчаянія. Жаловались другъ на друга, искали виновниковъ, искали выхода. Представители кооперативовъ разоблачали дѣятельность цензовыхъ думъ. Представители думъ жаловались на недостатки городского положенія и на дѣйствія администраціи. Представители официальныхъ учреждений жаловались другъ на друга и на мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей.

Къ этому сводилась вся информаціонная, освѣдомительная часть работъ съезда.

Говорятъ о продовольственномъ кризисѣ, о борьбѣ съ дороговизной... Оказывается, въ однихъ мѣстахъ таксы издавались одна за другой, тѣ другихъ — цѣны предоставлялись на усмотрѣніе купцовъ и на Божью волю. Въ однихъ городахъ — дѣйствовало сразу три-четыре продовольственныхъ комитета, конкурировавшихъ другъ съ другомъ, въ другихъ мѣстахъ — продовольственнымъ вопросомъ никто не интересовался. Здѣсь — закупили продукты и не сумѣли продать ихъ, тамъ — наладили аппаратъ для продажи, да не сумѣли организовать закупку. Здѣсь — администрація бездѣйствуетъ, тамъ — развила такую энергію, что «быватель взвылъ отъ горькихъ плодовъ «административнаго восторга». Здѣсь — городскія думы установили сотрудничество съ кооперативами, тамъ — дума и кооперативъ смотрятъ другъ на друга, какъ воюющія державы.

Такая же неразбериха и въ бѣженскомъ дѣлѣ... Ни общихъ руководящихъ принциповъ, ни однообразія организационныхъ формъ. На всемъ печать случайности, слѣшки. Подобрались хорошіе люди, — бѣженцы могутъ дышать. Во главѣ дѣла оказались люди поллоше, — бѣженцы плачутъ. Попало дѣло въ чиновничьи руки, — окончательно пиши пропало. При этомъ, въ однихъ городахъ — бѣженскимъ дѣломъ занято съ полдюжины комитетовъ, въ другихъ мѣстахъ — все лежитъ на плечахъ чуть ли не одного лица. Комитеты помощи бѣженцамъ здѣсь — сливаются съ отдѣлами Всероссийскаго Союза Городовъ, насчитывающими

вотни членовъ, тамъ — сводятся къ куцымъ комиссіямъ при городскомъ самоуправленіи. А всего хуже, что руководящія указанія, получаемыя мѣстными организаціями отъ администраціи, оказываются такъ же противорѣчивы, какъ противорѣчивы организаціонныя формы мѣстныхъ ячеекъ, какъ противорѣчивы и личные взгляды доморощенныхъ общественныхъ дѣятелей.

Переходятъ къ вопросу о выселенцахъ, — и картина оказывается еще безпорядочнѣе... Съѣзду приходится касаться вопроса объ основаніяхъ и поводахъ высылки. Выясняется, кто кого и за что выселяетъ. Краски въ картинѣ оказываются настолько густы, что президіумъ не находитъ возможнымъ баллотировать резолюцію, единогласно принятую въ секціи.

Говорятъ на съѣздѣ о положеніи городскихъ финансовъ... Опять хаосъ. Воплемъ отчаянія звучитъ докладъ гор. Енисейска. Кажется чудомъ, какъ это Енисейскъ, да и другіе сибирскіе города не исчезли до сихъ поръ съ лица земли. Денегъ нѣтъ, муниципальных предпріятій нѣтъ, элементарнѣйшихъ признаковъ благоустройства нѣтъ, и надеждъ, и просвѣта впереди нѣтъ, такъ какъ нѣтъ ни людей для веденія городского хозяйства, ни пониманія, какъ вести его. И это въ то время, когда города Сибири растутъ въ 2 — 3 раза быстрѣе, чѣмъ города Европейской Россіи!

Говорятъ о положеніи медицины въ городахъ и деревняхъ Сибири. Говорятъ о борьбѣ съ эпидеміями, о размѣщеніи военно-плѣнныхъ, о санитарныхъ мѣропріятіяхъ въ связи съ передвиженіемъ войскъ..

Я затруднился бы въ выборѣ фактовъ, характерныхъ для этой картины. Фактовъ слишкомъ много. Въ теченіе четырехъ дней съ утра до вечера говорили о нихъ на съѣздѣ...

Много говорили на съѣздѣ о способахъ къ устраненію неурядицъ мѣстной жизни. Выработали планъ борьбы съ дороговизной. Намѣтили планъ врачебно-санитарныхъ мѣропріятій. Составили перечень исправленій, которыя должны быть внесены въ городское положеніе для того, чтобъ города получили возможность организовать мало-мальски сносно свое хозяйство.

Во всѣхъ принятыхъ съѣздомъ постановленіяхъ пожеланія узко-гѣлового характера переплетались съ пожеланіями, такъ сказать, декла-

ративнаго характера. Такое соединеніе въ резолюціяхъ двухъ существенно различныхъ началъ было, впрочемъ, неизбежно, — оно вытекло изъ самой природы съѣзда. Съѣздъ не могъ не заняться выработкой конкретныхъ указаній для тѣхъ организацій, которыя прислали на него своихъ представителей. А вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ уклониться областной съѣздъ отъ выраженія нѣкоторыхъ желаній и требованій населенія.

Отсюда многократныя упоминанія въ резолюціяхъ о необходимости земства для Сибири и объ измѣненіи общихъ условій. Отчасти по собственному побужденію, отчасти въ видѣ уступки своему лѣвому демократическому крылу, — съѣздъ разбросалъ чуть ли не по всѣмъ своимъ резолюціямъ упоминанія о свободѣ коалицій, о развитіи кооперативовъ, о расширеніи избирательнаго права въ органы городского самоуправления и т. д. Благодаря этому, резолюціи областного съѣзда оказались радикальнѣе и демократичнѣе, чѣмъ постановленія большинства съѣздовъ и совѣщаній, происходившихъ за послѣднее время въ Москвѣ и Петроградѣ.

Но главное политическое значеніе съѣзда я вижу не въ этомъ. Политическій интересъ его сосредоточивается, на мой взглядъ, въ борьбѣ между демократическими и цензовыми элементами съѣзда, въ борьбѣ, которая началась на первомъ засѣданіи, продолжалась на всемъ протяженіи преній, наполнила значительную часть работы секцій.

На этой сторонѣ дѣла я хотѣлъ бы остановиться.

Какъ я упоминалъ уже, на съѣздѣ, рядомъ съ представителями узко-цензовыхъ городскихъ думъ и буржуазно-интеллигентскихъ общественныхъ организацій, оказалась кучка представителей кооперативовъ. Они имѣли за собой нѣсколько пролетарскихъ потребительныхъ товариществъ и два крупныхъ союза — Забайкальскій, объединяющій до 100 стѣльныхъ кооперативовъ, и Прибайкальскій, объединяющій 80 кооперативовъ. Къ этой кучкѣ кооперативовъ примкнуло нѣсколько делегатовъ, представлявшихъ на съѣздѣ различныя буржуазно-интеллигентскія организаціи. Такимъ образомъ сложилась на съѣздѣ разнородная по составу, но вполнѣ однородная по политическому настроенію «демократическая группа», численностью отъ 11 до 15 человекъ. Не располагая ораторскими силами, наталкиваясь на каждомъ шагѣ на противодѣйствія, со стороны президума, эта группа сумѣла все же выявить отношеніе демократіи ко всѣмъ стоящимъ передъ съѣздомъ вопросамъ и наложила свою печать на всѣ работы съѣзда.

Въ началѣ съѣздъ, какъ будто, готовъ былъ идти въ нѣкоторыхъ вопросахъ за своимъ демократическимъ крыломъ. Такъ, по предложенію кооперативовъ, съѣздъ постановилъ прервать въ самомъ началѣ свое засѣданіе впредь до выясненія вопроса о делегатахъ изъ ссыльныхъ. Но въ дальнѣйшемъ отношенія между цензовымъ большинствомъ съѣзда и демократическимъ меньшинствомъ начали обостряться, и съѣздъ закончился грубымъ насиліемъ президума надъ представителями «демократической группы».

Самымъ замѣчательнымъ въ выступленіяхъ «демократической группы» на съѣздѣ я считаю то обстоятельство, что она рѣзко и рѣ-

нительно отмежеввалась отъ большинства съѣзда по вопросу о современныхъ событіяхъ.

Съѣздъ былъ созванъ подъ знакомъ войны. Въ рѣчахъ ораторовъ обычные лозунги нашего времени звучали болѣе глухо, но все же за всѣми рѣчами цензурниковъ и представителей вѣдомствъ чувствовалось молчаливое признание, что съѣздъ призналъ организовать внутреннюю жизнь для достиженія внѣшнихъ успѣховъ. На первомъ же дѣловомъ засѣданіи, лишь только закончилось чтеніе привѣтствій, «демократическая группа» выступила съ декларацией, въ которой, опредѣляя свое отношеніе къ задачамъ момента, подчеркнула свою полную солидарность «съ представителями демократіи, выступавшими на московскихъ совѣщаніяхъ Всероссійскаго Союза Городовъ», и «съ представителями рабочаго класса въ Государственной Думѣ».

Эта декларация явилась какъ бы знаменемъ, выкинутымъ «демократической группой». Въ дальнѣйшемъ ея ораторы не пытались развивать интернационалистскую идеологию, но разбирали конкретные вопросы, стоявшіе передъ съѣздомъ, и въ каждомъ вопросѣ противопоставляли демократическую точку зрѣнія точкѣ зрѣнія либеральной. Таковы были, прежде всего, выступленія представителей «демократической группы» по продовольственному вопросу.

Докладчики съѣзда въ числѣ причинъ дороговизны указывали на повышение заработной платы рабочихъ. «Демократическая группа» указала, что повышение заработной платы всегда отстаетъ отъ роста товарныхъ цѣнъ, и выдвинула стачечную борьбу на первый планъ среди доступныхъ пролетаріату методовъ борьбы съ бѣдствіями дороговизны. Докладчики съѣзда обосновывали необходимость порто-франко для сѣверныхъ и восточныхъ портовъ Сибири. Въ противовѣсъ имъ «демократическая группа» выдвинула лозунгъ торговой политики, основанной на свободѣ обмѣна.

Докладчики съѣзда развивали идею общеимперскаго продовольственнаго центра, составленнаго изъ представителей вѣдомствъ, земствъ, городовъ, военно-промышленныхъ комитетовъ и различныхъ торгово-промышленныхъ организацій. «Демократическая группа» выступила съ критикой этого проекта, передающаго продовольственное дѣло страны въ руки такихъ группъ и классовъ населенія, которые зачастую заинтересованы въ поддержаніи спекуляціи и взвинчиваніи цѣнъ. Въ противовѣсъ этому проекту группа выдвинула идею демократическаго продовольственнаго центра, опирающагося на мѣстные продовольственные комитеты демократическаго состава. Наконецъ, ораторы «демократической группы» обосновывали въ своихъ рѣчахъ необходимость «общихъ мѣропріятій» для успѣшной борьбы съ дороговизной (финансовая реформа и измѣненіе самыхъ началъ управленія).

Президіумъ ввелъ часть пожеланій группы въ резолюціи, которыя на послѣднемъ засѣданіи были предложены съѣзду отъ имени президіума. Но предложеній о свободѣ торговли, объ отмѣнѣ косвенныхъ налоговъ, о демократическомъ продовольственномъ центрѣ и пр., президіумъ упорно

не желалъ ставить на голосованіе, признавая ихъ необоснованными, легкомысленными и выходящими за предѣлы компетенціи съезда. Только послѣ настойчивыхъ требованій группы ея резолюція была подвергнута баллотировкѣ и отвергнута (40 голосами *противъ*, при 14 голосахъ *за*).

Не менѣе любопытна борьба, разыгравшаяся на съѣздѣ между «демократической группой» и цензовиками по вопросу о способахъ улучшения финансоваго положенія городовъ Восточной Сибири. Докладчикъ и ораторы большинства съезда указывали выходъ изъ финансоваго кризиса, переживаемаго сибирскими городами, въ освобожденіи городовъ отъ расходовъ на полицію и расквартированіе войскъ, въ передачѣ городамъ квартирнаго и промысловаго налоговъ, въ облегченіи имъ кредита изъ государственнаго казначейства, въ отмѣнѣ административнаго надзора за цѣлесообразностью принимаемыхъ городскихъ смѣтъ и въ тому подобныхъ частичныхъ улучшенияхъ городского положенія.

«Демократическая группа» со всей энергіей выступила противъ этой программы полумѣръ и заплатокъ. Давъ рѣзкую критику дѣятельности органовъ самоуправленія сибирскихъ городовъ, группа указала причину переживаемаго городскимъ хозяйствомъ кризиса: узко цензовой составъ городскихъ думъ. Соотвѣтственно этому группа указала и выходъ изъ тупика: переустройство городского самоуправления на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Цензовики не могли не принять къ зову. И пренія о финансовомъ положеніи восточно-сибирскихъ городовъ вылились въ глубоко интересный споръ о томъ, возможно ли улучшение городского хозяйства при сохраненіи цензоваго представительства въ городскихъ думахъ. Цензовики доказывали, что возможно. Кооператоры оспаривали ихъ утвержденіе. Въ концѣ концовъ, большинство съезда ввело въ свою резолюцію указаніе, что, наряду съ частичными измѣненіями городского положенія, необходимо привлечь самые широкіе демократическіе слои населенія къ участию въ городскихъ выборахъ. «Демократическая группа» не нашла возможнымъ удовлетвориться этой уступкой и настояла на голосованіи своей резолюціи о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, какъ единственной возможной основѣ городского самоуправления. Эта резолюція была отвергнута 37 голосами — противъ, при 17 голосахъ — за. Иркутскіе кадеты голосовали *противъ* этой резолюціи съ единодушіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла.

Такая же борьба разыгралась между цензовиками и «демократической группой» по вопросу о вводимомъ въ Сибири земствѣ. Но здѣсь поправка группы собрала 21 голосъ *за*, при 31 голосѣ — *противъ*. Заключительная резолюція «демократической группы», подтверждавшая положенія, выставленныя въ деклараціи, не была допущена предсѣдателемъ съезда къ оглашенію. И протесты группы по поводу этого насилія были прерваны поспѣшнымъ заявленіемъ предсѣдателя о закрытіи съезда.

Вотъ — наиболее интересные моменты работъ первого областного съезда городовъ Восточной Сибири.

Какъ я говорилъ, трудно учесть цѣнность практическихъ результатовъ работъ этого съезда. Но на этомъ съездѣ прозвучалъ голосъ демократіи. «Демократическая группа» нашла силы и мужество противопоставить свой голосъ голосу цензовиковъ, бывшихъ хозяевами съезда. Съездъ превратился въ арену борьбы цензовой и демократической Сибири. Въ ходѣ этой борьбы цензовики сдѣлали рядъ шаговъ влѣво...

Но цѣннѣе всего основной фактъ: *вся демократическая работа была выполнена на съездѣ силами группы, выкинувшей знамя со старыми идеалами международной демократіи.* Этотъ фактъ долженъ быть отмѣченъ въ исторіи сибирской и россійской общественности.

В л. В о й т и н с к и й.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Всякій разъ, когда поднимаются разговоры о заработной платѣ, со стороны промышленниковъ выдвигается одинъ и тотъ-же аргументъ, что заработная плата весьма значительно возросла за время войны. Это положеніе обыкновенно иллюстрируется указаниями на то, что теперь нѣрѣдко рабочіе зарабатываютъ 10—12 и даже болѣе рублей за десяти-часовой рабочий день.

На первый взглядъ кажется, что промышленники правы, что дѣйствительно, заработки повысились весьма значительно.

Такъ-ли, однако, это въ дѣйствительности? Заработки квалифицированныхъ рабочихъ, несомнѣнно, повысились значительно; слесаря и токаря, наиболее опытные лекальщики и инструментальщики могутъ зарабатывать даже свыше 12 рублей въ день, но нельзя въ сложномъ вопросѣ брать исключенія. Между тѣмъ, именно эти категоріи рабочихъ являются «аристократами труда», матеріально наиболее обеспеченными. и представляютъ собою исключеніе.

Въ противовѣсъ этимъ исключеніямъ можно привести другія, столь-же разительныя данныя относительно весьма низкихъ заработковъ на фабрикахъ. Наиболее существенно и важно то, что повышение заработковъ коснулось лишь нѣкоторыхъ областей промышленной дѣятельности, главнымъ образомъ связанныхъ съ войной, въ то время какъ заработки въ другихъ, такъ сказать не мобилизованныхъ отрасляхъ труда остались почти на прежнемъ уровнѣ. Нельзя брать ни той, ни другой крайности. Нельзя изъ высокихъ заработковъ отдѣльныхъ, весьма, между прочимъ, немногочисленныхъ категорій выводить цѣлую систему повышения оплаты труда.

Не надо забывать, сверхъ того, что дѣло не въ томъ количествѣ

денегъ, которое получаетъ рабочій за свой трудъ, а въ томъ количествѣ предметовъ потребления, какіе онъ можетъ приобрести для обезпеченія существованія своей семьи и своего собственнаго. Дѣло не въ томъ, что раньше, напримѣръ, рабочій могъ заработать два рубля въ день, теперь же три или четыре, а въ томъ, можетъ-ли онъ просуществовать на эти деньги со своей семьей или нѣтъ. Весь вопросъ въ томъ, въ соотвѣтствіи-ли съ общимъ вздорожаніемъ жизни поднялась заработная плата или нѣтъ.

Жизнь вздорожала во много разъ и объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній.

Теперь изслѣдователи вопроса о дороговизнѣ жизни стараются опредѣлить ея вздорожаніе. Такъ, въ № 24 Городского Дѣла приведено довольно сложное вычисленіе, въ результатъ котораго получается вздорожаніе предметовъ питанія на 33%. Цифра эта можетъ вызвать весьма серьезныя возраженія хотя-бы уже потому, что въ томъ-же номерѣ приведены цифры вздорожанія хлѣбныхъ продуктовъ на 80% и мясныхъ — на 50—60%. Такимъ образомъ, эти продукты въ среднемъ поднялись въ цѣнѣ на 70%, а они вѣдь составляютъ главный предметъ питанія широкихъ слоевъ демократіи въ городахъ.

Естественно, что цифру вздорожанія жизни приходится значительно повысить, тѣмъ болѣе, что при полученіи упомянутой цифры не учтено вздорожаніе квартиръ, отопленія, освѣщенія, одежды, обуви и прочаго. Если же принять во вниманіе эту сторону дороговизны, тогда цифра общаго вздорожанія жизни дѣлаетъ стремительный прыжокъ вверхъ.

Въ какомъ-же отношеніи къ вздорожанію жизни стоитъ реальное повышеніе заработной платы? Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи нѣтъ статистики, которая опредѣляла-бы заработки по профессіямъ. точнѣе по отдѣльнымъ специальностямъ въ одной и той же профессіи.

Приходится брать среднія цифры, сознавая, что онѣ внутри профессій не даютъ точной картины высоты заработковъ, что онѣ въ извѣстной мѣрѣ страдаютъ неточностью.

Въ отчетѣ Страховаго Товарищества за 1914 годъ приведена слѣдующая таблица общаго количества рабочихъ и общей уплаченной имъ заработной платы:

Профессія.	Количество рабочихъ.	Заработокъ въ рубляхъ.
Обработка волокнистыхъ веществъ	59.806	16.960.498
Производство бумаги и издѣлій изъ бумаги	26.466	10.940.176
Обработка дерева	23.041	5.519.913
Обработка металловъ	101.906	54.344.170
Обработка минеральныхъ веществъ	34.620	7.862.646
Обработка животныхъ продуктовъ	12.346	5.572.550
Пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ	22.819	6.776.204
Техно-химическихъ	22.637	8.567.964
Прочихъ предприятий	10.464	4.939.667

Изъ нея мы можемъ вывести средній заработокъ рабочихъ данной профессіи въ 1914 году.

Цифры эти охватываютъ обширный районъ въ пять губерній (Петроградская, Новгородская, Олонецкая, Псковская и Эстляндская), но, къ сожалѣнію, здѣсь всё онѣ смѣшаны, такъ сказать, въ одну кучу. Сверхъ того, заработки по отдѣльнымъ специальностямъ внутри одной и той же профессіи могутъ быть весьма различны; здѣсь-же въ эти общіе итоги входятъ и данныя относительно женщинъ, подростковъ и чернорабочихъ, что значительно понижаетъ среднія цифры.

Все же мы выведемъ эти среднія:

Обработка волокнистыхъ веществъ	23,6	руб. въ мѣсяцъ.
Производство бумаги и издѣлій изъ бумаги . . .	34,4	»
Обработка дерева	20,1	»
» металловъ	44,4	»
» минеральн. вещ.	19,0	»
» животн. продукт.	37,6	»
» пищев. продукт.	24,7	»
» техно-химич.	31,6	»
Проч. предприятия	39,3	»

Если бы можно было какимъ-нибудь образомъ отдѣлить заработки взрослыхъ мужчинъ по отдѣльнымъ профессіямъ, то мы получили бы болѣе достовѣрную картину, но этого, къ сожалѣнію, на основаніи упомянутаго отчета, сдѣлать нельзя. Приходится прибѣгнуть къ другимъ источникамъ.

По отчету больничной кассы при заводѣ Гейслера съ іюня по декабрь 1914 г. (напечатанъ въ журналѣ «Вопросы Страхованія» — № 1 — 1916 г.), средній заработокъ составляетъ 2 р. 70 коп. Больше всего получаютъ токаря, фрезеровщики и маляры — въ среднемъ по 4 р. 30 к., слесаря — 3 р. 42 к., деревообдѣлчики — 3 р. 25 к., чернорабочіе — 1 р. 80 к., ученики — 43 к., мальчики — 39 к.

Упомянутый заводъ въ смыслѣ оплаты труда ничѣмъ не выдѣляется среди другихъ заводовъ Петроградскаго района, причемъ въ отчетѣ Страхового Товарищества онъ отнесенъ къ группѣ металлообрабатывающихъ заводовъ, которые въ общемъ имѣютъ болѣе высокую оплату труда.

Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о степени повышенія заработной платы для Петроградскаго района въ 1915 году. Вообще, эта часть статистики поставлена въ отчетахъ фабрикъ и заводовъ хуже всѣхъ другихъ. Зато имѣются данныя для 1915 года, касающіяся Московскаго района, гдѣ проведено даже известное разграниченіе между подростками и женщинами, съ одной стороны, и мужчинами — съ другой.

Группы производствъ.	Средний мѣсячный зарабо- токовъ всѣхъ рабо- чихъ.			Средний мѣсячный зара- ботковъ взрослыхъ муж- чинъ.		
	Дек.	Ноябрь.	Окт.	Дек.	Ноябрь.	Окт.
Обработка волокни- стыхъ веществъ	24,57	23,96	23,46	34,84	32,57	31,87
Обработка металловъ	48,67	50,45	53,39	59,89	62,57	63,51
Химич. производство	37,88	34,27	33,37	42,14	41,30	40,66
Обработка животн. продуктовъ	29,99	35,95	36,58	61,63	53,81	57,70
Обработка питательн. и вкус. вещ.	28,76	30,03	28,17	38,84	42,35	40,68
Обработка минеральныхъ веществъ	27,30	32,50	30,30	36,59	38,89	40,58
Обработка дерева	36,14	38,21	35,37	49,12	41,98	43,91
Бумаго-полиграф. произв.	37,02	36,20	33,65	51,62	49,88	45,05
Проч. производства	42,75	45,20	40,95	58,95	60,38	61,15
Произв. электр. энергіи	135,19	92,99	100,70	135,19	92,99	100,70
По всѣмъ произв.	36,56	36,01	36,20	49,17	50,03	49,89

(Извѣстія Общества заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго района №№ 1 и 2 1916 г.)

Цифры заработковъ не могутъ слишкомъ рѣзко отличаться другъ отъ друга въ двухъ сосѣднихъ районахъ, такъ какъ тогда начинается эмиграція изъ областей худшаго заработка въ мѣстности, гдѣ трудъ оплачивается лучше. Такимъ образомъ, съ нѣкоторыми оговорками можно сравнить между собою двѣ приведенныя таблицы, и тогда получается приблизительно среднее повышение заработной платы по отдѣльнымъ профессіямъ въ теченіе года войны:

Группы производства.	Повышеніе мѣсячнаго заработка въ рубл.; въ проц.	
	въ рубл.	въ проц.
Обработка волоkn. вещ.	3,3	13
» металловъ	6,0	13
» дерева	15,2	75
» животн. продукт.	1,6	5
» бумаги и полигр.	0,0	0,0
Химич. производство	3,0	9,7
» минеральн. вещ.	11,0	58
» пищев. и вкусов. продукт.	6,0	25

Вообще говоря, заработки стремятся къ извѣстному уравниванію: повышаются слишкомъ низкіе, между тѣмъ какъ болѣе высокіе остаются на прежнемъ уровнѣ. Такъ, напримѣръ, рѣзко повысились заработки рабочихъ по обработкѣ дерева (75%) и сравнительно очень мало повысились заработки металлистовъ и текстильщиковъ (13%).

Съ другой стороны повысились-ли эти средні заработки въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ общей дороговизны? Безусловно нѣтъ. Въдѣ прикидая даже завѣдомо низкую цифру повышения стоимости продуктовъ питанія въ 33%, мы получаемъ, что лишь рабочіе, занятые при обработкѣ дерева и минеральномъ производствѣ, могутъ удержаться на прежней ступени жизни въ отношеніи питанія. Если-же учесть общее вздорожаніе жизни, тогда уже ни одна изъ этихъ отраслей труда не успѣваетъ за дороговизной.

По даннымъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1913 годъ, средняя мѣсячная заработная плата рабочихъ, безъ различія ихъ пола и возраста, составляла въ Московскомъ районѣ — для металлистовъ 32 рубля, для текстильщиковъ — 16,6 руб., т. е. съ 1913 года заработная плата возросла для первой категории на 62%, для второй — на 42,8%.

Опять-таки эти цифры отстаютъ отъ общаго вздорожанія жизни, такъ какъ стоимость жизни только за время войны несомнѣнно повысилась, по крайней мѣрѣ на 100%.

Для сравнительно хорошо обследованнаго въ промышленномъ отношеніи Московскаго района мы получаемъ средній заработокъ взрослого мужчины около 50 руб. въ мѣсяцъ. При безумной дороговизнѣ жизни существовать съ семьей на 2 р. въ день — немислимо. Только заработки квалифицированныхъ рабочихъ по производству электрической энергіи значительно превышаютъ эту среднюю норму, достигая въ среднемъ отъ 100 до 120 рублей въ мѣсяцъ. Въ остальныхъ профессіяхъ они весьма близко подходятъ къ этой средней нормѣ, уклоняясь лишь для текстильщиковъ до 32 рублей. Заработки чернорабочихъ по Московскому району въ среднемъ составляютъ 1 р. 23 к. въ день, т. е. приближаются къ заработкамъ текстильщиковъ. (Изв. О-ва Зав. и Фабр. Моск. района № 1 — 1916 г.). Въ общемъ и цѣломъ послѣдніе весьма несущественно отличаются отъ заработковъ чернорабочихъ въ Петроградскомъ районѣ.

Во всякомъ случаѣ эти общія цифры не могутъ дать вполне точной картины того, что происходитъ на рабочемъ рынкѣ въ смыслѣ колебаній заработной платы. На вышеприведенномъ примѣрѣ завода Гейслера мы видѣли, какія значительныя колебанія возможны въ заработкѣ рабочихъ и какъ далеко онъ можетъ уклониться въ ту или другую сторону отъ среднихъ цифръ.

У насъ подъ рукой данныя относительно одного изъ металлообрабатывающихъ заводовъ, являющагося типичнымъ представителемъ этой категории заводовъ. Хорошіе рабочіе-специалисты зарабатывали на немъ въ теченіе мая, іюня и іюля, въ среднемъ, въ день:

Профессіи.	1914 г.	1915 г.	Увеличеніе въ %
Механики	3 р. 61 к.	4 р. 56 к.	26,3
Слесаря	4 р. 39 к.	5 р. 51 к.	25,5
Токаря.	3 р. 71 к.	4 р. 58 к.	23,4

Такимъ образомъ, для этой категоріи рабочихъ, составляющихъ цѣль квалифицированныхъ рабочихъ, повышение въ среднемъ будетъ лишь около 25%, т. е. опять-таки въ весьма значительной степени остается позади общаго вздорожанія жизни и того реального паденія въ цѣнѣ нашего рубля, которое мы всё переживаемъ. Такимъ образомъ, реально положеніе упомянутыхъ категорій рабочихъ не улучшилось отъ увеличенія ихъ заработка. При общемъ значительномъ вздорожаніи жизни, ихъ матеріальное положеніе, наоборотъ, ухудшилось, несмотря на болѣе высокіе заработки.

На этомъ же завоѣ средній заработокъ чернорабочихъ въ это-же время увеличился приблизительно на 10%, а женщинъ — на 20%, при томъ, опять-таки оговариваюсь, что средніе заработки на немъ не выше, чѣмъ на другихъ металлообрабатывающихъ заводахъ.

Несомнѣнно заработная плата во время войны проявляетъ извѣстную тенденцію къ повышенію. Тенденція эта не исчерпывается приведенными примѣрами.

Автору этой статьи удалось произвести довольно подробное обследованіе высоты заработной платы (по даннымъ больничныхъ кассъ) на 15-ти важнѣйшихъ металлообрабатывающихъ заводахъ Петроградскаго района въ періодъ войны — и установить средніе заработки по отдѣльнымъ специальностямъ за первые мѣсяцы 1915 и 1916 г.г.

Цифры, характеризующія высоту заработной платы годъ тому назадъ и теперь, — значительно разнятся. Оно и не удивительно. Въдъ тогда было только начало той міровой трагедіи, которая разыгрывается на нашихъ глазахъ, теперь — происходитъ то, что предсказывали лишь наиболѣе чуткіе и дальновидные изслѣдователи социальныхъ отношеній.

Теперь уже во всю ширь поставленъ вопросъ о недостаткѣ продуктовъ питанія, о глубокомъ экономическомъ кризисѣ, вызванномъ войной, о дороговизнѣ, какъ весьма сложномъ социологическомъ явленіи, и др.

Такимъ образомъ, цифры, относящіяся къ началу 1915 г., характерны для до-военныхъ и начала военныхъ отношеній, цифры 1916 г., напротивъ, характеризуютъ заработную плату въ разгаръ военной кампаніи.

Вотъ эти среднія цифры:

Спеціальности:	Часовая заработная плата		
	1915 г.	1916 г.	увеличение %%
Токаря	39,6	56,7	42,5
Токаря снарядн.	44,0	74,0	68,2
Слесаря	28,0	47,1	67,8
Слесаря снарядн.	37,0	52,0	40,5

Фрезеровщики	29,0	49,6	69,8
Строгальщики	34,0	57,0	67,6
Долбежники	41,0	55,0	34,0
Кузнецы	38,0	60,0	58,0
Молотобойцы	20,0	31,0	55,0
Прессовщики	35,0	45,0	28,0
Столяры	33,0	48,0	45,0
Плотники	19,0	30,0	58,0
Мѣднолитейщики	36,0	46,0	30,0
Размѣтчики	32,0	48,0	56,0
Токаря инструмент.	45,0	68,0	51,0
Слесаря инструмент.	38,0	59,0	55,0
Револьверщики	29,0	46,0	57,0
Формовщики чугунолит.	40,0	55,0	38,0
Шпшельники	31,0	43,0	39,0
Маляры	37,0	44,0	16,0
Жестяники	14,0	19,0	35,0
Механики	41,0	51,0	24,0
Чернорабочіе мужчины	13,8	20,3	46,0
Чернорабочія женщины	9,0	11,0	22,0

Если эти цифры умножить на десять, то получится средний заработок рабочего за десятичасовой рабочий день. Здесь, как дымь, разсыплются утверждения промышленников о чрезмерно высоких зарплатах. Ведь только одни снарядные токаря зарабатывают в день свыше 7 рублей, а даже инструментальщики зарабатывают уже значительно меньше.

Однако, здесь важны не абсолютные цифры, так как они сравнительно мало убедительны, а главным образом процентное повышение заработной платы. Последнее же весьма незначительно. Только для некоторых категорий труда, а именно для наиболее квалифицированных рабочих, это составляет около 70%, для остальных же категорий это процентное увеличение зарплат — значительно ниже. Если же взять средние цифры по заводам, то исчезнет миф о пролетарях, зарабатывающих «больше, чем инженеры».

Средние часовые заработки по заводам составляли для Петроградского района — в 1915 г. 29, 23 коп., для 1916 г. — 35, 25 коп., т. е. возвысились всего лишь на 21%.

Если мы опять вернемся к той же, весьма и весьма низкой цифре вздорожания жизни, которая приведена в Городском Дѣлѣ (33%), то получим значительное отставание заработной платы от все увеличивающейся дороговизны — вывод, подтверждаемый всей экономической наукой и опытом многих десятилетий.

Петроград в настоящее время является центром военного производства страны, в нем сосредоточены все важнейшие отрасли

военной индустрии, и естественно, въ немъ сильнѣе бьется пульсъ мобилизованной промышленности.

Поэтому возможно, что въ немъ заработки вообще нѣсколько выше, чѣмъ въ Москвѣ, но все-же эта разница слишкомъ незначительна и приведенныя цифры могутъ служить мѣриломъ роста заработковъ.

Средній заработокъ рабочихъ по металлу, включая плату за сверхурочныя работы и всѣ приплаты: военныя пособія, на дороговизну жизни и т. д., — составлялъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1915 г. (на 11-ти московскихъ заводахъ).

Ц е х ъ:	Количество рабочихъ	Средни часовой заработокъ одного рабочаго (въ коп.)
Токаря взрослые	1.118	41,48
Слесаря взрослые	931	31,83
Слесаря инструмент.	168	29,76
Модельщики	184	32,87
Литейщики	613	33,12
Кузнецы	207	46,38
Молотобойцы	223	24,17
Чернорабочіе мужчины	912	16,97
Чернорабочія женщины	319	10,86

(Изв. Заводч. и Фабр. Московскаго района за 1916 г. № 2).

Если эти данныя сравнить съ данными Петроградскаго района, то получится повышение заработной платы съ октября — ноября 1915 года по февраль 1916 г. на

Ц е х ъ:	Повышеніе въ %%
Токаря	36,0
Слесаря	48,4
Кузнецы	30,0
Молотобойцы	30,0
Чернорабочіе мужчины	18,0
Чернорабочія женщины	0,0

т. е., въ этотъ періодъ заработки продолжали повышаться.

Совершенно другую картину представляютъ заработки въ текстильной промышленности Петроградскаго района.

Правда, съ начала 1915 г. до начала 1916 г. они повысились приблизительно на 30 — 40%, но по абсолютной величинѣ они весьма низки.

Такъ, средніе заработки въ часъ составляютъ:

Ц е х ъ:	1915 г. (въ копейкахъ)	1916 г.	увеличеніе въ %%
Смазчики	13,0	18,9	45
Каталы	14,0	19,5	42
Кузнецы, слесаря и токаря . . .	17,5	22,5	30
Маляры	13,2	15,2	14
Лучшіе специалисты прядильщики .	24,5	30,5	23
Ткачи	10,7	15,8	50
Чернорабочіе	10,5	15,5	49

Такимъ образомъ, въ текстильной промышленности высшіе заработки въ 1916 году составляютъ около 3 рублей въ день при десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Ясно, что при настоящей дороговизнѣ на такой заработокъ существовать почти невозможно.

Съ другой стороны, заработки кузнецовъ, токарей и слесарей въ текстильной промышленности (22,5 коп. въ часъ) ниже среднихъ часовыхъ заработковъ тѣхъ-же категорій рабочихъ въ металлообрабатывающей промышленности (54,6 к. въ часъ) приблизительно на 140%.

Даже заработки чернорабочихъ въ той и другой отрасли труда представляютъ довольно значительную разницу. Такъ, заработки чернорабочихъ въ текстильной промышленности составляютъ 15,5 коп. въ часъ, а въ металлообрабатывающей промышленности 20,3 коп. въ часъ, т. е. разнятся на 31%.

Въ послѣднее время заработки чернорабочихъ эволюционируютъ въ смыслѣ ихъ увеличенія.

Согласно объявленію Генерала Дроздова, на Путиловскомъ заводѣ установленъ минимумъ платы чернорабочимъ мужчинамъ въ 2 р. 10 коп. за десятичасовой рабочий день, — 15% военного пособия.

Такимъ образомъ, для чернорабочихъ устанавливается минимумъ въ 2 р. 40 коп. въ день. Естественно, что по этому минимуму будутъ выравниваться заработки чернорабочихъ во всемъ Петроградскомъ районѣ.

Таковы колебанія въ заработной платѣ на частныхъ заводахъ. Что касается казенныхъ заводовъ, то въ отношеніи ихъ у насъ не имѣется общихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о заработкахъ на нихъ. Знаменитый и злободневный въ настоящее время Путиловскій заводъ, по даннымъ Центрального Военно-Промышленного Комитета, не отличается слишкомъ высокими заработками: такъ, средний заработокъ на немъ составляетъ около 3 р. 20 к. въ день.

Съ другой стороны, лишнимъ подтвержденіемъ сравнительно скромныхъ заработковъ на Путиловскомъ заводѣ является колоссальная текучесть его рабочего состава. Такъ, на заводѣ работаетъ около 25.000 человекъ и въ теченіе года съ него перешло на другіе заводы свыше 23.000 человекъ, несмотря на существующія въ этомъ отношеніи

ствления. На этомъ примѣрѣ подтверждается, вѣроятно, известная поговорка — «рыба ищетъ, гдѣ глубже, человекъ — гдѣ лучше»...

Въ последнее время на Путиловскомъ заводѣ повышены заработки всѣхъ категорій рабочихъ.

Согласно объявленію новой администраціи, въ общемъ, заработки повышены на 5—30% для мужчинъ, на 5—35% для женщинъ и на 10—50% для подростковъ.

На другихъ заводахъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, заработки выше, и потому рабочія массы тянутся туда, гдѣ трудъ оплачивается сравнительно лучше. Правда, слишкомъ крупныхъ различій въ этомъ отношеніи нѣтъ — заработки на фабрикахъ и заводахъ стоятъ приблизительно на одномъ уровнѣ, — а если различія и являются, то немедленно регулируются передвиженіемъ массъ соответственно приведенной уже пословицѣ.

Въ общемъ, заработки передвигаются вслѣдъ за усиленіемъ дороговизны и паденіемъ въ цѣнѣ рубля; промышленники должны съ этимъ примириться. ввиду весьма остраго недостатка въ рабочихъ и необходимости продолжать производство въ усиленномъ темпѣ; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ разобранныхъ примѣровъ, реальная заработная плата все-же остается позади увеличения дороговизны.

Особнякомъ стоитъ вопросъ объ оплатѣ труда чернорабочихъ: по подсчету «Изв. О-ва Зав. и Фабр. Моск. района № 1, 1916 г., стр. 23» — они составляютъ около 12% общаго числа рабочихъ (на 307 фабрикахъ и заводахъ съ 212.712 рабочими занято 26.200 чернорабочихъ). Зарботки ихъ лишь въ 3.900 случаяхъ превышаютъ 1 р. 60 к. въ день, а въ 6.550 случаяхъ — даже ниже 1 рубля.

Приблизительно на томъ же уровнѣ стоятъ они и въ Петроградѣ, колеблясь въ общемъ почти въ тѣхъ-же предѣлахъ и составляя въ среднемъ для мужчинъ около 1 р. 30 к. — 1 р. 50 к. въ день и для женщинъ около 90 коп.

Въ совершенно исключительныхъ условіяхъ находились до сихъ поръ ремонтные рабочіе въ трамвайныхъ и вообще городскихъ предпріятіяхъ. Картину этой отрасли труда выяснила, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, временная приостановка движенія трамваевъ, имѣвшая мѣсто въ январѣ этого года. Въ засѣданіи Городской Думы 27 января («Рѣчь», № 27) обнаружилось, что слесаря въ среднемъ зарабатываютъ 1 р. 90 к. въ день, между тѣмъ какъ бабы, убирающія вагоны, зарабатываютъ не меньше 1 р. 70 к. въ день. Максимальный заработокъ наиболее опытныхъ квалифицированныхъ ремонтныхъ рабочихъ составляетъ 2 р. 20 к. — 2 р. 30 к. въ день. Неудивительно, что Городская Дума на первомъ-же засѣданіи по поводу забастовки постановила повысить заработки всѣхъ рабочихъ на 50% («Совр. Сл.», 29—1—16 г.).

Заработная плата въ условіяхъ военнаго времени повышается. Это — фактъ, который подтверждается многочисленными примѣ-

рами. Но... совершенно не в тѣхъ предѣлахъ, какъ это стараются представить промышленники. Она увеличивается совершенно не въ тѣмъ темпѣ, какъ они объ этомъ говорятъ.

Однако, въ данномъ случаѣ важны не заявленія тѣхъ или другихъ группъ, даже весьма сильныхъ по своему социальному составу, а объективный языкъ цифръ и фактовъ; цифры же говорятъ, что повышение заработной платы не находится въ соответствии съ общимъ вздорожаніемъ жизни, съ тѣмъ сложнымъ социологическимъ явленіемъ, которому дано собирательное наименованіе «дороговизна». Для преобладающаго большинства профессій *реальная* заработная плата, несомнѣнно, падаетъ, уровень жизни понижается.

Р. Арский.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТКЛИКИ.

Еще два общественныхъ съѣзда прошли передъ нами—пироговскій и биржевой. И хотя газеты много писали и печатали обширные отчеты о засѣданіяхъ обоихъ съѣздовъ,—все же невозможно скрыть отъ себя фактъ ихъ очевидной вялости, опустошенности, особенно по сравнению съ тѣмъ взрывомъ общественныхъ настроеній и чаяній, свидѣтелями котораго мы были безъ малого годъ тому назадъ. Трудно отбѣлаться отъ впечатлѣнія, что два указанныхъ съѣзда—въ своемъ родѣ «послѣдняя туча разсѣянной бури».

I.

Такая старая общественная организація съ заслуженной репутацией, какъ пироговская,—именно въ силу своей репутации, не сразу могла созвать свой съѣздъ во время мировой войны. Дважды повторенныя въ этомъ направленіи попытки встрѣтили препятствія со стороны независимыхъ обстоятельствъ. Отъ осуществленія попытки въ Москвѣ пришлось совсѣмъ отказаться; на созывъ съѣзда въ Петроградѣ получилось разрѣшеніе лишь въ началѣ марта.

Быть можетъ, въ связи съ этимъ находится то обстоятельство, что составъ съѣзда былъ не совсѣмъ обычный: мало старыхъ «Пироговцевъ», много пожилыхъ врачей изъ провинціи, много женщинъ-врачей. Врачи средняго возраста, большей частью призванные на военную службу, были на съѣздѣ представлены слабо. Необычный составъ съѣзда отразился видимымъ отсутствіемъ сцепленія въ массѣ его членовъ, слабой ихъ идейной спайкой. Быть можетъ, тутъ сказывалась и специфическая профессионально-психологическая особенность врачебной среды—ея общая разъединенность, распыленность. По крайней мѣрѣ, эту особенность отмѣчали на съѣздѣ сами же его члены, когда обсуждался вопросъ о созданіи постоянной организаціи врачей.

Д-ръ Войцеховскій, напримѣръ, опредѣленно заявилъ, что, на основаніи своей 8-лѣтней борьбы и проповѣди необходимости профессиональной организаціи, онъ пришелъ «къ заключенію, что гораздо легче объединить ремесленниковъ, чѣмъ врачей».

Какъ бы то ни было, печать вѣдлости лежала на всемъ ходѣ работъ съѣзда.

Два—три пункта привлекли къ себѣ, главнымъ образомъ, вниманіе. Д-ра Дурново, Ростовцевъ, Жбанковъ, Зелигеръ, Сеземскій и др., участвовавшіе въ преніяхъ по докладамъ представителей военного и морскаго вѣдомствъ, нарисовали безотрадную картину положенія врачебно-санитарнаго дѣла. Много останавливались участники преній и на условіяхъ перевозки военноплѣнныхъ съ мѣста на мѣсто. Приведенные ораторами отдѣльные факты произвели тяжелое впечатлѣніе. Указывалось, что условія пребыванія военноплѣнныхъ и различныя эпидемическія заболѣванія могутъ отразиться печально и на остальномъ населеніи.

Нѣкоторымъ центромъ тяжести общественныхъ выступленій съѣзда была критика самой «общественности» въ обоихъ всероссийскихъ союзахъ—городскомъ и земскомъ. Дефекты этой общественности нашихъ цензовыхъ * организацій давно уже перестали быть секретомъ. Но до сихъ поръ въ организаціяхъ представителей земельного и домовладѣльческаго ценза отмѣчали главнымъ образомъ ихъ склонность поворачиваться спиною къ демократіи. На съѣздѣ-же ярко обрисовался и бюрократическій духъ этихъ организацій, тенденція ихъ руководителей свысока третировать даже такихъ представителей третьяго элемента, какъ врачи,—наконецъ, наличность у этихъ руководителей того націоналистическаго душка, который составляетъ органическій ингредиентъ бюрократизма.

Характерно, что никто изъ дѣятелей и руководителей союзовъ не сдѣлалъ попытки отразить критику, направленную противъ нихъ членами съѣзда. Не даромъ говорятъ, что отсутствіе отвѣта—въ своемъ родѣ тоже отвѣтъ. Особенно обращало на себя вниманіе отсутствіе стараго члена пиროговскихъ съѣздовъ, виднаго дѣятеля союза городовъ,—депутата Шингарева.

Жалобы съѣзда характерны, однако, и для нихъ самихъ, не только для дѣятелей союзныхъ организацій. Въ этихъ жалобахъ врачей отражается ихъ собственная слабость, неспособность ихъ отвоевать соотвѣтственное къ себѣ отношеніе со стороны цензовиковъ. Сумѣлъ же въ свое время приобрести надлежащій удѣльный вѣсъ и заставить считаться съ собою третій элементъ въ земствахъ. Быть можетъ, тутъ опять-таки сказывается сила того преобладанія центробѣжныхъ тенденцій надъ центроостремительными въ средѣ врачей, о которомъ упоминалось выше. Не малую роль играетъ здѣсь, вѣроятно, и обща

* Врачъ союза городовъ, д-ръ Сысинъ опредѣлилъ составъ этого союза въ видѣ 80% цензоваго элемента и 20% нецензоваго.

черта, характерная для установившейся у нас за послѣдній годъ атмосферы—паденіе культурныхъ цѣнностей, торжество духа приобритательства, духа наживы и спекуляціи, господство лозунга: лови моментъ.

По крайней мѣрѣ, на самомъ съѣздѣ чрезвычайно опредѣленно обрисовалась особая разновидность *спекуляціи* со стороны врачей — свирѣпствующая система *совѣстительства* лазаретныхъ должностей. Особенно чудовищныхъ формъ эта система достигла въ столицахъ, гдѣ число должностей на одного врача доходитъ иногда до 10 — 15, а число пациентовъ — до *тысячи*. Само собою разумѣется, что съѣздъ былъ совершенно бескленъ противъ этого позорнаго торжества спекуляціи на народное здравіе, охватившей довольно широкіе круги врачей.

Что касается политическихъ настроеній членовъ съѣзда, то до его начала кое-что въ этомъ отношеніи пыталъ даже нѣкоторые опасенія. Они не оправдались. Но не получилось и противоположнаго впечатлѣнія. Кромѣ специальной короткой резолюціи по еврейскому вопросу, была принята и обстоятельная демократически построенная общеполитическая резолюція, — «живсь-резолюція», какъ она была названа кое-гдѣ въ газетахъ. Тутъ все на своемъ мѣстѣ, ясно, кругло, но обычно, безъ индивидуальности. Когда читаешь ее, такъ и кажется, что группа членовъ, выполняя порученіе, по традиціи набросала общественные пункты требованій, а общее собраніе также по традиціи приняло ихъ безъ обсужденія, безъ преній. Не было настроенія противъ резолюціи, но не было и живого настроенія за нее. Какъ мы уже сказали, съѣздъ былъ вообще безъ настроенія...

II.

Въ совѣстѣ иной обстановкѣ мы оказываемся, перенесясь на «2-ой чрезвычайный всероссійскій съѣздъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства», занятія котораго послѣдовали черезъ недѣлю послѣ пироговскаго съѣзда.

Это уже не столько общественный, сколько групповой съѣздъ лѣятелей опредѣленнаго класса — представителей крупнаго торговаго капитала. Тутъ о распыленности и вялости рѣчи быть не можетъ. Это постоянная организація, существующая уже 10 лѣтъ и ежегодно собирающаяся на свои очередные съѣзды (помимо чрезвычайныхъ). Тутъ имѣется постоянно дѣйствующій въ Петроградѣ Совѣтъ Съѣздовъ, вооруженный богатымъ рабочимъ аппаратомъ, непрерывно и активно защищающій интересы своего класса передъ правительственными органами и находящійся въ регулярныхъ сношеніяхъ со своими членами — мѣстными организаціями торговаго капитала (115 случаевъ сношеній перваго рода и 223 случая второго рода перечисляетъ объѣднанный отчетъ Совѣта Съѣздовъ за 1915 годъ).

Понятно, здѣсь созывъ съѣзда теперь и прежде не наталкивался ни на какия рогатки. Больше того: *entente cordiale* между властью

и элементами съезда получило вышнее выражение в призыве на открытие съезда ряда товарищей министров и других представителей ведомств, не исключая и ведомства внутренних дел. Да и в дальнейшем ходе занятий съезда представители власти немедленно давали объяснения по затронутым вопросам.

Между прочим, на съезде было не мало лиц либеральных профессий, притом — в качестве членов съезда, представителей биржевых комитетов. Это обстоятельство обыкновенно остается скрытым от взора непосвященного наблюдателя съездов торгового капитала. Между тем оно играет довольно заметную роль, представляет немалый общественно-научный интерес и имеет значение, в частности, для правильной оценки занятий и данного съезда. За невозможностью остановиться здесь подробно на этом явлении, достаточно будет сказать, что тут мы имеем дело с особой разновидностью третьего элемента, в разных формах обслуживающей организации капитала, в частности — торгового. Тут — секретари биржевых комитетов, управляющие делами отдельных организаций, биржевые маклера, доверенные крупных фирм, адвокаты и т. п. По всему своему духу и настроениям эти элементы мало похожи на земский третий элемент. Процесс распределения разночинной интеллигенции по различным классам и ее ассимиляции внутри их сильно подвинулся у нас вперед. И дальше всего пошла эта ассимиляция внутри торгово-промышленного класса. Вот почему постороннему наблюдателю речей на данном съезде трудно было бы догадаться, что чуть не большинство ораторов совсем не «лушцы».

Вопросы о дороговизне, о транспорте и об организации торговли — такова была программа съезда. Из этих вопросов первый был, собственно, главным стимулом созыва чрезвычайного съезда. И центром тяжести разговоров явилась спекуляция торговцев, в которой обыватель склонен видеть главную причину терзающей его дороговизны. Задача съезда заключалась в том, чтобы снять это обвинение с торгового класса. В эту сторону были направлены энергичные речи ораторов, их жалобы на обрушиваемую на торговцев несправедливость, даже опасность.

В этом смысле ораторы шли на явные преувеличения, не жалея красок. «Вернутся люди с фронта и предъявят счет нашей общественности», — пугал съезд Тюменский представитель К. П. Самцов. «Еще послѣ войны на нас посыплется, — уверял томекий представитель С. П. Абрамовъ, — солдатъ скажетъ: «Для того я проливалъ кровь, чтобъ ты съ меня въ пять разъ дороже бралъ?» «Когда кончится война, на два мѣсяца надо будетъ торговцамъ исчезнуть, — такъ говорятъ въ народѣ», — заявилъ и Е. А. Семеновъ (Семипалатинск).

В то же время съезд, отыскивая виновников дороговизны, старался выдвинуть бюрократию с ее местничеством, некомпетентностью в торговле, безтолчью и неспособностью организовать слож-

ное дѣло. Значительная часть занятій съѣзда и прошла въ пикировку между представителями вѣдомствъ и капитала. Тутъ у членовъ съѣзда, несомнѣнно, была легкая задача. Достаточно вѣдь уже выяснена не организаціонная, а дезорганизаціонная роль администраціи въ продовольственномъ дѣлѣ — роль такихъ мѣропріятій, какъ дробныя и безпорядочныя запрещенія вывоза продуктовъ, произвольныя и несогласованныя реквизиціи, облавы на отдѣльныя группы торговцевъ, установленіе таксъ на мѣстахъ сбыта при отсутствіи нормировки цѣнъ на мѣстахъ производства, или нормировка цѣнъ въ одномъ городѣ при отсутствіи таксъ въ сосѣднемъ городѣ и т. п.

Къ общественнымъ фактамъ ораторы съѣзда присоединили еще рядъ красочныхъ картинъ и эпизодовъ. Ф. П. Сапуновъ (Курскъ), наприм., разсказалъ, какъ мѣстный правительственный уполномоченный установилъ одну цѣну на прѣчиху для всѣхъ уѣздовъ, не считаясь съ неизбежными накладными расходами на ея перевозку изъ мѣста производства въ мѣста сбыта. Когда биржевой комитетъ указалъ на необходимость болѣе гибкихъ цѣнъ, уполномоченный съ олимпійскимъ величіемъ отвѣтилъ: «Мнѣ все равно, для меня всѣ уѣзды равны». П. О. Силантьевъ (Рыбинскъ) вызвалъ много смѣха, процитировавъ нѣкоторыя цифры изъ статистики министерства вн. дѣлъ о видимыхъ запасахъ хлѣба на 1 января 1916 г.: по этой статистикѣ выходитъ, что въ рядѣ хлѣбородныхъ губерній значится всего нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ хлѣба, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ даже просто нуль. А между тѣмъ «мы все лучше знаемъ» — таково общій тонъ администраціи въ борьбѣ съ дороговизной, по словамъ доклада комитета мясной биржи.

Другой пунктъ атаки съѣзда на администрацію — различное ея отношеніе къ торговому элементу, съ одной стороны, и къ помѣщичьему — съ другой. Представитель екатеринославскаго комитета указывалъ на снисходительность администраціи, оставляющей безъ кары многочисленныя продажи помѣщиками хлѣба по цѣнамъ выше установленной таксы и въ то же время карающей бабу за продажу десятка яицъ не по таксѣ. Тотъ же представитель спрашивалъ, почему мѣстный уполномоченный не обращаетъ вниманія на спекуляцію крупныхъ помѣщиковъ, скрывающихъ свой хлѣбъ отъ реквизиціи для продажи его впоследствии по болѣе высокимъ цѣнамъ. Этимъ вызвано было даже немедленное вмѣшательство въ пренія товарища министра земледѣлія — инцидентъ, о которомъ писали всѣ газеты.

М. С. Яковлевъ (слобода Николаевская, Астрах. губ.) шелъ еще дальше и спрашивалъ, почему не принимаются мѣры противъ сахарозаводчиковъ, получающихъ 80% прибыли, почему не устанавливаются твердыхъ цѣнъ для пароходчиковъ, мануфактуристовъ и пр.?

Словомъ, аргументація членовъ съѣзда въ вопросѣ о дороговизнѣ и спекуляціи имѣла благодарный сюжетъ — напущеніе бюрократіи. Для съѣзда и вообще для торговаго класса она въ своемъ родѣ — шовсе

introuvable. Въ самомъ дѣлѣ, всю вину за дороговизну можно свалить на бюрократію, — всякій охотно повѣритъ, а съ другой стороны, бюрократія именно своими дезорганизующими мѣропріятіями создаетъ благодарную почву для той самой спекуляціи, на которой торговый элементъ теперь наживаетъ неслыханные барыши. Чего-же лучше?

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ о спекуляціи до существу. И меньше всего приходится отрицать тотъ фактъ, что не въ ней коренная причина дороговизны. Даже больше того: въ безопасности, законности и прочихъ особенностяхъ мѣропріятій нашей бюрократіи во время войны тоже, вѣдь, не приходится искать настоящихъ корней нынѣшней дороговизны, которые лежатъ гораздо глубже. Но какъ на почвѣ дѣйствія болѣе глубокихъ причинъ извѣстныя специфическія черты бюрократическаго творчества создаютъ обостренную дороговизну и даже абсолютный недостатокъ продуктовъ, точно также общія причины и бюрократическія мѣропріятія вмѣстѣ создаютъ ту сплошную разруху, которая такъ благоприятна для процвѣтанія самой безшабашной спекуляціи. И тогда вступаетъ въ полную силу вопросъ: *cui prodest?*

Какъ спекулируютъ, напр., банки продуктами массоваго потребления, предметами поставокъ военному вѣдомству и валютою, — выяснено въ статочной мѣрѣ *. Но и прочимъ торговымъ кругамъ почему-бы, спрашивается, составить исключеніе? «Мы также любимъ родину, какъ и остальные классы, — заявляли ораторы на сѣздѣ. На этотъ этический аргументъ можно бы возразить трезвыми словами представленнаго на сѣздѣ Николаевскимъ бирж. комитетомъ доклада: Нельзя «переносить вопросъ о борьбѣ съ дороговизной съ практической почвы борьбы интересовъ въ область этико-общественныхъ пожеланій» (стр. 9). И совершенно справедливо тотъ же докладъ возражаетъ противъ «предъявляемаго общественнымъ мнѣніемъ къ торговцамъ требованія, чтобы они отказались отъ выгодъ создавшихся условий рынка, гдѣ спросъ значительно превышаетъ предложеніе».

Именно такъ и обстоитъ дѣло. Именно *исключеніемъ* должны быть стѣбльные торговцы, чтобы не использовать общую разруху, чтобы отказаться отъ возможныхъ «выгодъ создавшихся условий рынка». Развѣ не въ органической связи съ этой возможностью и неизбежностью спекуляціи на народномъ несчастіи стоитъ рядъ знаменательныхъ фактовъ, начиная отъ эпидеміи мотовства и роскоши и кончая отношеніемъ многихъ элементовъ къ вопросу о продолжительности войны и даже къ самому ея «пріятію»? Развѣ, наконецъ, секретъ, что даже и въ прошломъ, до войны, синдикатскіе круги практиковали умышленное сокращеніе производства, тѣмъ и вызвали рядъ «голодовъ» (нефтя-

* Любопытно, что въ преніяхъ на сѣздѣ не участвовали вовсе представители банковъ, — между тѣмъ почти всѣ крупнѣшіе банки (числомъ 11) входятъ въ постоянный составъ всероссійской биржевой организаци.

ной, угольный, вагонный и пр.), что и тогда они вели беззастычивую спекуляцию казенными ресурсами при благосклонном содействии ведомств, — напярим., вь комитетъ по распредѣленію заказовъ?

И выслушавъ горячіе протесты ораторовъ съезда противъ «отдѣльныхъ нечестныхъ торговцевъ» - спекулянтовъ трудно отдѣлаться отъ вопроса: почему-же *сами* представители капитала не организовали борьбы съ этими «отдѣльными» спекулянтами? Почему не обнаруживали ихъ, не принимали мѣръ противъ нихъ? Кто же съ большимъ успѣхомъ можетъ это сдѣлать, какъ не сама эта профессиональная и общественная среда? Но не только до съезда не дѣлали они этого, но и на самомъ съездѣ заговорили объ этомъ лишь въ цѣляхъ самозащиты, подъ давленіемъ страха передъ тѣмъ, что на нихъ «посылается» послѣ войны и отъ чего «придется исчезнуть на два мѣсяца». Они ограничились лишь «этическими» аргументами и обвиненіемъ другихъ, даже и не подумавъ серьезно остановиться на вопросѣ о размѣрѣ спекуляціи, ея роли въ ряду другихъ факторовъ и о средствахъ борьбы съ нею...

Впрочемъ, у нихъ есть одинъ аргументъ, который они выдвигали весьма рѣшительно и даже въ резолюцію ввели (по 1-ой секціи): это «неорганизованность», «распыленность» торговой среды. Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ явнымъ лицемеріемъ, которое у такого опытнаго дипломата, какъ председательствовавшій В. И. Тимирязевъ, «доходитъ до грани», а у другихъ обходится безъ нея. Достаточно того, что эти жалобы на неорганизованность раздаются изъ той среды, которая на мѣстахъ имѣетъ 97 своихъ биржевыхъ комитетовъ, кромѣ прочихъ еще организацій, притомъ раздаются на *одинадцатомъ* по счету *всероссійскомъ* съездѣ этихъ организацій, гдѣ представлены 65 биржевыхъ комитетовъ, сверхъ 20 другихъ торгово-промышленныхъ организацій, да еще двухъ десятковъ крупнѣйшихъ банковъ, страховыхъ обществъ и пр. И они еще имѣли «мужество» на съездѣ (затѣмъ это повторило «Утро Россіи») сравнить свою «распыленность» съ организованностью союза городовъ, который и до сихъ поръ не легализованъ, возникъ только во время войны и успѣлъ создать 9 областныхъ комитетовъ...

Въ концѣ концовъ, какія-же мѣры намѣтили съездъ въ цѣляхъ борьбы съ дороговизною? Съездомъ, какъ таковымъ, выдвинута въ этомъ направленіи одна панацея: *свобода торговли*. Около этого пункта вертѣлись, въ сущности, рѣчи всѣхъ ораторовъ. Долой таксы — таковъ былъ рефрэнъ рѣчей сельдяного короля, И. Г. Волкова (Астрахань), С. П. Абрамова (Томскъ), П. О. Силантьева (Рыбинскъ) и пр. и пр. Не будемъ спрашивать, на какую высоту взлетѣли бы цѣны, еслибъ совсѣмъ не было нормировки, и до какой онѣ поднимаются тамъ, гдѣ царить вполне «свободная игра экономическихъ силъ». Не будемъ также требовать, чтобъ наши рыцари свободной конкуренціи остались вѣрными этому принципу и въ вопросѣ

« таможенной политикѣ. Нельзя быть требовательнымъ къ съѣзду, главная задача котораго заключалась въ томъ, чтобъ доказать три положенія: что, во-первыхъ, никакой спекуляціи у насъ вовсе нѣтъ, что, во-вторыхъ, ею занимается не весь торговый классъ, а отдѣльные ея представители, и что, въ третьихъ, торговый классъ на то и существуетъ, чтобы извлекать «выгоды изъ создавшихся условий рынка, гдѣ спросъ значительно превышаетъ предложение»...

Вопросъ объ организации торговли рѣшить было легко: оставалось только принять участие въ продовольственномъ комитетѣ, создаваемомъ при союзѣ городовъ. И не надо быть пророкомъ, чтобъ предвидѣть, что Совѣтъ съѣздовъ биржевой торговли станетъ къ московскому продовольственному комитету въ такое же отношеніе, въ какое сталъ промышленный Совѣтъ съѣздовъ къ Центральному военно-промышленному комитету. Недаромъ же противъ предложенія о передачѣ выработки мѣръ борьбы со спекуляціей въ московскій продов. комитетъ такъ характерно тутъ же запротестовалъ М. А. Токарскій, главарь новой организаціи металлургистовъ и инициаторъ похода противъ военно-промышл. комитетовъ: «Не надо намъ московскаго комитета, гдѣ сидитъ *космополитическій конгломератъ гражданъ всей Россіи!*»...

Чтобы покончить съ бѣглой характеристикой послѣдняго проявленія мобилизаціи общественности, остается только въ двухъ словахъ упомянуть объ одномъ странномъ, въ обстановкѣ даннаго съѣзда, предложеніи — о союзѣ крестьянскаго и рабочаго съѣздовъ. Съ этимъ предложеніемъ явился и къ нему то и дѣло возвращался делегатъ тюменскаго бирж. комитета, К. П. Самцовъ. Въ своей мотивировкѣ предложенія онъ опредѣленно заявлялъ, что крестьяне и рабочие это и есть тѣ элементы, которые, «вернувшись съ фронта, предъявятъ счетъ нашей общественности». Ораторъ доказывалъ необходимость созыва рабочихъ и крестьянъ на съѣздъ, чтобъ объяснить имъ, что «не етъ насъ дѣло, а въ порядкѣ»...

Если такое тонкое построеніе дѣйствительно лежало въ основѣ требованія г. Самцова, то надо сказать, что члены съѣзда его не оцѣнили. «Я и Самцовъ, какъ вамъ извѣстно, не купцы», — коротко заявилъ семипалатинскій делегатъ, Е. А. Семеновъ (адвокатъ), — «но, какъ уполномоченный купечества, я противъ этихъ съѣздовъ». «Мы противъ сословности, а потому и противъ сословныхъ съѣздовъ рабочихъ и крестьянъ» — поддержалъ Семенова А. Н. Афанасьевъ (Владивостокъ). Наконецъ, настроеніе съѣзда закрѣпилъ предѣдатель. В. И. Тимирязевъ: «Мы, вѣдь, сами не организованы. Резолюція о рабочемъ и крестьянскомъ съѣздѣ чужда дѣлу, для котораго мы собрались»... Положеніе было ясно: за предложеніе Самцова поднялось кромѣ него самого, только два члена изъ общаго собранія съѣзда...

А. Ерманскій.

ПО РОССИИ.

ПИСЬМА ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА.

(Продолженіе). *

Дорогой Джэкъ!

Вы пишете, что хотѣли бы что-нибудь узнать не только о «верхнихъ десяти тысячахъ», но и о «русскомъ мужикѣ, который является осью и становымъ хребтомъ великой имперіи». Общую характеристику его я дать пока не могу. Поэтому я ограничусь лишь краткимъ отчетомъ о своемъ путешествіи, предоставляя вашему критическому чутью строить изъ фактовъ выводы и гипотезы. Разговоры туземцевъ я привожу въ подлинникѣ. Это поможетъ вамъ войти въ духъ русскаго языка, филологическія же трудности вы легко преодолѣете съ помощью словаря Даля.

Я отправился въ село П., расположенное въ пятнадцати верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Р. Станція оказалась тоже большимъ торговымъ селомъ, и на мое счастье я попалъ туда какъ разъ въ день ярмарки.

Вы знаете, Джэкъ, что такое англійская сельская ярмарка. На главной площади стоятъ палатки. Къ каждому товару приклеенъ ярлычокъ съ обозначеніемъ цѣны. У прилавка стоитъ женщина съ чулкомъ въ рукахъ или пожилой человекъ съ газетой и спокойно ждутъ покупателей, притворяясь, что до покупателей имъ, въ сущности, очень мало дѣла. Въ проходахъ между палатками чинно ходятъ одѣтые по воскресному фермеры, острымъ взглядомъ пронизывая товары и дѣлая видъ, что они очутились здѣсь совсѣмъ случайно, по пути отъ добрыхъ знакомыхъ. Иногда они останавливаются, говорятъ торговцу: «добрый день», берутъ вещь, вынимаютъ деньги и уходятъ, сопровождаемые вѣжливымъ: «благодарю васъ». И промежутокъ между этими двумя фразами занимаетъ не болѣе полминуты. Все просто, немногословно и по-церковному чинно.

Базаръ въ русской провинціи столь же отличенъ отъ этой знакомой вамъ картины, какъ персидскій караванъ-сарай отъ Англійскаго банка. На товарахъ нѣтъ ярлычковъ. Продавцы говорятъ, кричатъ и убѣждаютъ безъ умолку. А покупатели или

* См. «Лѣтопись» № 4 за 1916 г.

бредутъ мимо, сонные и меланхоличныя, какъ каторжники на прогулкѣ, или бросаютъ:

— Ври больше! Не знаемъ мы, что ли, настоящихъ-то цѣнъ!

Произнесеніе этой сакраментальной фразы символизируетъ начало знакомства и намѣчаетъ базу для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Въ переговорахъ этихъ видное мѣсто занимаетъ Богъ, совѣсть и тому подобныя отвлеченныя сюжеты. При этомъ слова неизмѣнно сопровождаются чѣмъ-то вродѣ священнаго танца. Мужикъ-покупатель отступаетъ, придвигается, уходитъ, возвращается, опять уходитъ и опять возвращается. А торговецъ наступаетъ, поворачивается спиной, хлопаетъ себя по ляжкамъ, догоняетъ уходящаго, опять идетъ обратно и восклицаетъ: «тьфу!» И сдѣлка окончательно завершается только тогда, когда мужикъ назвалъ торговца Иродомъ и исчезъ изъ поля зрѣнія, а торговецъ кинулъ мужику: «дурь деревенская!» и, рѣшительно махнувъ рукой, устремилъ свое вниманіе на проходящую бабу. Это значитъ, что силы борцовъ уравновѣсились и не подадутся больше ни въ ту, ни въ другую сторону. Тогда слѣдуетъ послѣднее па. Мужикъ возвращается и снисходительнымъ тономъ говоритъ «давай, что-ли! Нечего зря горло-то драть!» На что торговецъ, протягивая товаръ, подаетъ реплику: «Слава Богу, проспался! Ну, и уходи, не засти глаза, Христа ради!» Такъ звучитъ по-русски прощальное англійское «благодарю васъ!»

Какъ вы видите, Джэкъ, коммерческій ритуаль здѣсь очень сложенъ и не можетъ не отнимать времени. Законъ спроса и предложенія обрастаетъ элементами богословскими—«побойся Бога!», моральными—«совѣсть-то, совѣсть-то гдѣ у тебя?», социальными—«а барину-то давеча за сколько отдалъ?», психологическими—«дурь деревенская!», историческими—«сорокъ пять лѣтъ на свѣтѣ живу, а такихъ цѣнъ не слыхивалъ!» и эстети-ческими—художественный, но неудобный для печати стиль. Торгъ естественно превращается въ диспутъ, а диспутъ затрагиваетъ всѣ стороны человѣческаго бытія. Я слѣдилъ съ часами въ рукахъ за мужикомъ, покупавшимъ шерстяныя перчатки. Это отняло у него ровно полтора часа, и онъ, навѣрное, чувствовалъ бы себя глупымъ, обманутымъ и несчастнымъ, если бы потратилъ на это меньше. И во всей этой толпѣ, заполнившей площадь, единственнымъ человѣкомъ, окончившимъ торгъ въ полминуты, былъ вашъ покорный слуга, который купилъ себѣ на память раскрашенный боченокъ. Правда, этотъ боченокъ на слѣдующій день автоматически разсыпался.

Однако, на русскомъ базарѣ не все предоставлено риторическому искусству—стихійной игрѣ экономическихъ силъ. Если опредѣленіе цѣнъ зависитъ отъ частныхъ лицъ, то за доброкачествомъ продуктовъ блюдетъ государство. Предиявитель

государства (урядникъ) въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ своего англійскаго собрата. Англійскій полисменъ, попавъ на ярмарку, стоитъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и старается, чтобы его не замѣчали: онъ весь—воплощенное бездѣйствіе. Русскій же полисменъ (урядникъ) вездѣсущъ. Все время, пока я былъ на ярмаркѣ, онъ переходилъ отъ палатки къ палаткѣ и изслѣдовалъ качество товаровъ. Онъ пробовалъ подсолнухи, конфеты, моченые яблоки, медъ, пирожки, сало, пряники и подсолнечное масло. Нѣкоторыя вещи онъ бралъ на домъ, новидимому, для производства анализа. Такъ, онъ послѣдовательно опустилъ въ карманъ слѣдующія вещи: селедку, лимонъ, кусокъ мыла, пару туфель, пригоршню крупы, деревянную ложку, дюжину гвоздей, сальную свѣчку, игрушечную лошадку, скребницу и полфунта халвы. Естественно, что при такомъ неуспѣшномъ надзорѣ торговцы не смѣютъ продавать плохихъ вещей. Изъ этого вы видите, что аксіома русскаго административнаго права: «власть никогда, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не должна бездѣйствовать»—приводитъ въ провинціи къ весьма благодѣтельнымъ послѣдствіямъ.

Попатавшись часа два по базару, я рѣшилъ разыскать себѣ ямщика въ село П. Ямщиковъ было нѣсколько. Они группой стояли въ углу площади и, поджидая кліентовъ, мирно бесѣдовали и покуривали самодѣльные папиросы. При моемъ появленіи эта идиллическая картина сразу нарушилась. Ямщики двинулись на меня плотной стѣной, окружили со всѣхъ сторонъ и стали предлагать свои услуги. Это не значитъ, однако, что каждый говорилъ свою цѣну и потомъ отходилъ къ сторонѣ. Суть была въ томъ, что цѣны-то какъ разъ и не предлагалъ никто. На мой вопросъ: «сколько?» я услышалъ такіе отвѣты:

- Зря не возьмемъ!
- Возимъ по-божьи, а не то, чтобы какъ-нибудь.
- Слава Богу, тоже крестъ на себѣ имѣемъ.
- Извѣстное дѣло, надо по правдѣ.
- Вамъ чтобы безъ обиды, и намъ безъ обиды.

Этотъ неожиданный подходъ къ дѣлу пріятно удивилъ меня. Подмѣтивъ мой иностранный обликъ, ямщики, очевидно, хотѣли подбодрить меня и показать, что я нахожусь среди друзей.

Растроганный, я ласково сказалъ имъ ту цѣну, за которую, какъ мнѣ говорили, обычно возятъ отъ станціи Р. до села П.

— Три рубля, друзья мои!

Настроеніе толпы рѣзко измѣнилось. Брови насупились, на губахъ зазмѣнились ироническія улыбки, говоръ изъ пѣвучаго сталъ отрывистымъ.

Я понялъ, что совершилъ нетактичность и дѣйствительно обидѣлъ расположенныхъ ко мнѣ людей. Желая загладить свой промахъ, я конфузливо произнесъ:

— Шесть!

Лица ямщиковъ прояснились. Очевидно, эта цѣна болѣе соответствовала обычаямъ мѣстности. Одинъ изъ ямщиковъ, пожилой сѣдобородый крестьянинъ, неожиданно выпырнулъ изъ-за плеча сосѣда и заявилъ, что, если разсуждать по справедливости, то необходимо прибавить еще рубль. Лошадь его, какъ онъ увѣрялъ, была отличная, а экипажъ покоенъ, какъ дѣтская колыбель (люлька). Я согласился.

И снова измѣнилась картина. Оттѣсенный крестьяниномъ сосѣдъ былъ оскорбленъ столь неуважительнымъ отношеніемъ къ своей личности и громко заявилъ протестъ.

— Ты чего зря суешься-то?—крикнулъ онъ.

— Умирать пора, а онъ лѣзетъ!—кричали справа.

— Облапошилъ барина, да и радъ!—кричали слѣва.

— Ну, и народъ пошелъ!—вздыхалъ кто-то сзади.

— А вы вотъ что, баринъ,—обратился вдругъ ко мнѣ оттѣсенный ямщикъ.—Вы глупыя-то слова не слушайте. Я васъ за шесть рублей свезу, и выйдетъ по-хорошему.

На этотъ разъ обидѣлся сѣдобородый крестьянинъ.

— А ты чего не въ свое дѣло встрялъ?—негодующе воскликнулъ онъ.

— А ты чего?

— Куда ты прешь?

— А ты куда прешь?

— Озорникъ!

— Охальникъ!

По своему англо-саксонскому опыту я зналъ, что такія слова не произносятся зря и всегда являются прологомъ къ дѣйствию. Я ждалъ, что съ минуты на минуту начнется боксъ и внутренно проклиналъ себя за неумѣлую тактику. Къ боксу, однако, противники не приступали. Сѣдобородый крестьянинъ вдумчиво посмотрѣлъ на своего конкурента и проговорилъ:

— У своей лошади овесъ воруетъ, а туда же—ямщи-и-къ.

А конкурентъ отвѣчалъ:

— А у Ивана Семеныча кто въ прошломъ году колесо укралъ? Думаешь, не знаемъ?

Потомъ оба они выразительно плюнули въ землю и повернулись другъ къ другу спиной. Такъ, безъ всякихъ дѣвій, и кончился поединокъ. Смущенный происшедшимъ и чувствуя себя невольнымъ виновникомъ ссоры, я тронулся вслѣдъ за моимъ возницей. «Ну, и народъ пошелъ!—сокрушенно повторялъ онъ.—Ненавистники, прямо надо сказать ненавистники! Такъ и нарвать у старичка хлѣбъ отбить!» А вдогонку мнѣ въ толпѣ ямщиковъ раздавались голоса:

— Семь рублей слушилъ,—вотъ это чисто!

— Баринъ-то должно быть, гулящій.

— Какое тамъ гулящій! Просто съ дурью — по обличью сразу видно.

Моего поведенія, очевидно, не одобряли. Было ясно, что я нарушилъ какой-то принципъ, измѣнилъ принятымъ здѣсь исконнымъ традиціямъ. Но въ чемъ заключалась моя вина, я такъ и не могъ разобрать.

Черезъ полчаса мой старичокъ, покормивъ лошадь, собрался въ путь. Пока я усаживался въ телѣгу, ямщики ходили вокругъ и обмѣнивались дружескими замѣчаніями со старичкомъ. А его недавній конкурентъ, тотъ самый, который обвинялъ его въ кражѣ колеса, попросилъ у него табаку и поправилъ на лошади хомутъ. Когда экипажъ уже началъ трогаться, одинъ изъ ямщиковъ подошелъ ко мнѣ и отъ имени своихъ коллегъ попросилъ на чай.

— По случаю счастливаго отъѣзда,—объяснилъ онъ.— Поэтому баринъ-то ужъ очень хорошій.

Я далъ ему рубль и мы поѣхали, сопровождаемые гуломъ искреннихъ привѣтствій. Повидимому, ямщики поняли, наконецъ, чистоту моихъ намѣреній и рѣшили высказать свое обо мнѣ мнѣніе въ наиболѣе дипломатической формѣ. Такова разница народныхъ обычаевъ, Джэкъ. Если къ вамъ подойдетъ незнакомый англійскій фермеръ и скажетъ: «дайте мнѣ денегъ, сударь, потому что вы—хорошій человѣкъ!»—вы посовѣтуете ему или выспаться, или пойти къ доктору. Но если эту же просьбу вы услышите отъ русскаго крестьянина, вы должны дать ему рубль,—не меньше, ибо иначе васъ сочтутъ скрягой, но и не больше, ибо тогда васъ ославятъ дуракомъ.

Счастливо избѣгнувъ обѣихъ этихъ характеристикъ, я пустился, наконецъ, въ дорогу. Заманчивыя обѣщанія моего возницы оказались нѣсколько преувеличенными. Я склоненъ даже сказать, что они рѣшительно не соответствовали дѣйствительности. Телѣга при малѣйшемъ ускореніи движенія трясла такъ, что всѣ органы, нервы и позвонки съѣзжали, казалось, со своихъ мѣстъ; лошадь, въ свою очередь, обнаруживала врожденное отвращеніе къ быстрому аллюру и при каждомъ ударѣ возжами отрицательно мотала головой, какъ бы желая сказать, что этотъ аргументъ не измѣнить ея укореившихся мнѣній. Поэтому, ѣхали мы тихо и коротали время въ дружеской бесѣдѣ.

Однако, бесѣда наша наладилась не сразу.

Возница мой, повидимому, не имѣлъ никакого отношенія ни къ частнымъ, ни къ правительственнымъ детективнымъ бюро. Тѣмъ не менѣе разговоръ его носилъ на первыхъ порахъ освѣдомительно-официальный характеръ. Онъ спрашивалъ меня о моей профессіи, возрастѣ, окладѣ жалованья, родственныхъ связяхъ, будущей женѣ, роли въ промышленности и торговлѣ и цѣляхъ моего путешествія. Словомъ, общее направленіе бе-

сѣды было таково, что въ Англи оно неминуемо закончилось бы одной изъ двухъ фразъ,—или: «какого чорта вы суετε пось въ чужія дѣла?», или: «въ чемъ вы меня обвиняете, сэръ?» Но я зналъ, что въ Россіи первая фраза навела бы на подозрѣнія, а вторая была бы истолкована, какъ признаніе собственной виновности. Чтобы убѣдить вашего собесѣдника, что вы человѣкъ надежный, въ Россіи нужно или сообщить, чѣмъ занималась ваша прабабушка, или показать вашъ паспортъ. Но моя прабабушка, къ сожалѣнію, не занималась ничѣмъ. Поэтому для устранения возможныхъ сомнѣній мнѣ пришлось прибѣгнуть ко второму средству. Я вынулъ мой добрый англійскій паспортъ съ огромнымъ гербомъ наверху, красной печатью внизу и многочисленными штемпелями по бокамъ, развернулъ его во всю ширину и показалъ старичку.

— Я вотъ кто,—сказаль я и сталъ медленно переводить:— «Отъ имени его величества, короля Великобританіи и императора Индіи Георга V. Мы, канцлеръ имперіи, первый лордъ казначейства, маркизь Сомерсетъ изъ Эльсбюри, графъ Пауденсэнетъ овъ-Эгили повелѣваемъ всѣмъ властямъ и чиновникамъ великобританской короны и просимъ правительства, а равно посольства, консульства и пограничныя власти дружественныхъ державъ оказать содѣйствіе великобританскому гражданину Вильяму Симпльтону, отправляющемуся въ путешествіе въ заграничныя страны. Что и удостовѣряютъ своей подписью: сэръ Эдуардъ Грей, канцлеръ казначейства, и маркизь Сомерсетъ».

По мѣрѣ того, какъ я читаль, лицо старичка странно мѣнялось. Изъ добродушнаго оно становилось испуганнымъ. Глаза смятенно блуждали по гербу и печати и потомъ останавливались на моей персонѣ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто открыли въ ней нѣчто новое. На кончикѣ носа нависла крупная капля пота. Когда я кончилъ, старичокъ робко заговорилъ:

— Вы, значитъ, изъ начальства будете.... Ужъ вы меня, дурака, извините. Мы ничего. Мы люди маленькіе. Вамъ, извѣстно, лучше знать, дѣло господское.

Вотъ какое магическое дѣйствіе производитъ даже въ этихъ удаленныхъ отъ цивилизаціи мѣстахъ имя сэра Эдуарда Грея!

•Старичокъ замолчалъ. Потомъ, глубоко вздохнувъ, онъ началъ усиленно подстегивать лошадь. Лошадь сперва затрясла головой, потомъ лягнула, потомъ фыркнула и, наконецъ, понеслась галопомъ. Телѣга начала подсакивать на рытвинахъ, какъ резиновый мячъ. У меня что-то мучительно екнуло въ поясницѣ, стрѣльнуло въ боку и заерзало въ груди.

— Тише, ради Бога тише!—крикиулъ я со стономъ.

Старичокъ сразу натянулъ возжи и крикиулъ лошади:

— Тп-р-ру, куда бѣжишь, окаянная!

И потомъ съ виноватой улыбкой обратился ко мнѣ:

— Я думалъ, вамъ поскорѣе нужно. Ужъ вы меня, дурака, извините... Вамъ, извѣстно, лучше знать... Дѣло господское.

Разговоръ нашъ сразу изсякъ и возобновился только тогда, когда я, отхлебнувъ виски, поднесъ стаканчикъ моему ямщику. Онъ опять сталъ очень разговорчивымъ, но отъ вопросительнаго жанра перешелъ къ жанру повѣствовательному. Онъ рассказывалъ мнѣ о жизни своей общины, и изъ словъ его выходило какъ будто, что каждый изъ его односельчанъ специализировался по какому-нибудь одному пороку. Одинъ, несмотря на наступившую трезвость, напивался до пьяна валеріановыми каплями; другой, сапожникъ по профессіи, употреблялъ для тѣхъ же цѣлей спиртовой сапожный кремъ; третій былъ скупъ; четвертый предавался мотовству; пятый приставалъ къ своимъ снохамъ; шестой презиралъ работу и всѣ дни проводилъ въ мѣстномъ кафѣ. Словомъ, это былъ рассказъ Лота, единственнаго праведника въ городѣ нечестивыхъ. При этомъ я совершенно не уловилъ тѣхъ нотокъ добродушнаго юмора, которыми такъ скрашиваются обывательскія сплетни англійскихъ фермеровъ. Мой собесѣдникъ былъ не юмористъ, а обличитель, сродный по духу пророкамъ Библии. Онъ негодовалъ, судилъ, выносилъ приговоры и каждый свой рассказъ заключалъ неизмѣннымъ припѣвомъ: «если бы мнѣ дали волю, я бы имъ показалъ!» И при этомъ каждый разъ стегалъ лошадь по самому чувствительному мѣсту.

Съ нами повстрѣчалась какая-то женщина, закутанная въ темный платокъ. Лошадь у нея была сытая, телѣга крѣпкая, упряжь новая. Такія лошади, телѣги и упряжь бываютъ только въ прочно ноставленныхъ и хорошо оборудованныхъ хозяйствахъ.

Старичокъ вѣжливо раскланялся съ женщиной, спросилъ о здоровьѣ родственниковъ и проводилъ ее долгимъ, не то задушевымъ, не то одобрительнымъ взглядомъ.

— Вотъ это баба, такъ баба! — обратился онъ ко мнѣ. — Умѣетъ дѣла отдѣлывать! Вотъ опять поѣхала къ шестичасовому поѣзду, на дураковъ охотиться.

Фраза эта, очевидно, заключала въ себѣ какой-то сокровенный смыслъ, и я неспросилъ разъясненій.

— А вы видѣли у нея въ ногахъ корзиночка стоять? Такъ вотъ, въ этой корзиночкѣ—бутылки съ денатуратомъ. Приѣдетъ она на станцію, подсмотреть себѣ приѣзжаго, который видомъ поглубже, и подрядится его везти. А потомъ по дорогѣ начнетъ его угощать, напоитъ его допьяна и очиститъ всѣ карманы. Иногда пьянаго къ себѣ привезетъ ночевать, иногда свалить на дорогѣ, но только съ цѣлымъ кошелькомъ отъ нея никто еще не уходилъ: не такая это женщина. Женщина, однимъ словомъ, политическая.

Я поинтересовался узнать, какъ смотреть на эту Клеопатру ея сосѣди.

— А имъ что же?—нѣсколько изумленно спросилъ старичокъ.—Дураковъ надо учить. Если человѣкъ своего характера не соблюдаетъ, жалѣть его нечего. Поучать его разъ, поучать другой,—и станетъ онъ отъ этого умнѣе. А баба тоже видитъ свой интересъ. Раньше у нея изба была развалена, а теперь вотъ крышу покрыла тесомъ, купила корову и поросенка, и живетъ слава Богу.

Мой собесѣдникъ подумалъ немного и потомъ продолжалъ:

— Съ нашимъ народомъ по Евангелію жить нельзя. Народъ нашъ темный, необразованный, однимъ словомъ распущенный народъ. А распущенность—грѣхъ. За нее отъ Бога штрафъ бываетъ. Однимъ Онъ болѣзнь посылаетъ, а другимъ—вотъ Анисью Ивановну, чтобы чувствовали. На свѣтѣ, баринъ, зря ничего не бываетъ.

Онъ еще подумалъ, стегнулъ лошадь и закончилъ своей обычной фразой:

— Эхъ, если бы мнѣ дали волю, я бы имъ показалъ!

Оригинальность его взглядовъ меня поразила. Я сталъ недоумѣвать, почему бы и въ самомъ дѣлѣ нашимъ богословамъ не пересмотрѣть Библию съ этой точки зрѣнія . . . . .

это время стояли гдѣ-то поодаль и гадали, куда каждый домъ уиадеть. А потомъ бросились всѣ къ свалившимся съ неба зданіямъ и заняли, какое пришлось. Интересно только знать, что дѣлалъ тогда мѣстный муниципалитетъ?

Я остановился въ кафе (чайной). Дожидаясь заказаннаго чая, я слышалъ, какъ ямщикъ повѣствовалъ какимъ-то слушателямъ о «большущей красной печати», о гербѣ и о какомъ-то «левизорѣ». Слушатели его ахали и оживленно шептались. Потомъ и слушатели и ямщикъ куда-то ушли, и во всемъ помѣщеніи я остался одинъ. Я долго буду помнить это мѣсто, ибо здѣсь совершилось одно изъ значительпѣйшихъ событій моей жизни. Здѣсь я познакомился съ мѣстнымъ антихристомъ.

Знакомство наше состоялось такъ. Я сидѣлъ за столомъ и пилъ чай, наслаждаясь покоемъ послѣ недавнихъ мученій, какъ вдругъ въ комнату вошелъ худенькій, тщедушный, неопредѣленныхъ лѣтъ человекъ, съ багровыми пятнами на щекахъ и робко подошелъ ко мнѣ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ, снимая шапку.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ я.

— Извините, если я васъ беспокою, но вы, говорятъ, ревизоръ и, такъ сказать, начальственное лицо. Такъ, можетъ быть, вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь, вы пожалуете ко мнѣ откушать чаю. Кстати посмотрите школу и ознакомитесь съ дѣломъ преподаванія. Я, видите ли, здѣшній учитель, Иванъ Петровичъ Стремоуховъ.

— Очень радъ,—сказалъ я,—но вы введены въ заблужденіе. Я вотъ кто,—н, вынувъ паспортъ, я прочиталъ все, что тамъ говорилось, моему новому знакомому.

Онъ сразу сталъ развязнѣе и веселѣе.

— А, вотъ что,—сказалъ онъ.—А я, признаться, думалъ, что вы по случаю доноса. Но все-таки, пожалуйста, откушать чайку.

Ничего не понимая, я тѣмъ не менѣе иринялъ приглашеніе и скоро очутился въ квартирѣ учителя. Для человека, занимающаго столь почтенный общественный постъ, помѣщеніе было болѣе чѣмъ скромно. Обстановка въ гостиной, если не считать трехъ стульевъ, стола и нѣсколькихъ деревянныхъ ящичковъ съ огородными растеніями, отсутствовала. Изъ кухни, находившейся рядомъ, несло паромъ и какими-то очень острыми дѣтскими запахами.

— Садитесь,—сказалъ онъ.—Самоваръ сейчасъ будетъ. Жена, извините, стираетъ пеленки, такъ немного задержалась. Глаша, поторопись, гость пришелъ!—крикнулъ онъ въ открытую дверь.

Начался разговоръ. Мой хозяинъ спрашивалъ меня о положеніи англійскаго учителя и почему-то все ахалъ и уди-

влялся. Его изумляло, что англійскій учитель живетъ въ четырехъ комнатахъ, получаетъ семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и можетъ не ходить въ церковь. Но особенно его изумляло и трогало то, что англійскій учитель зависитъ только отъ своего начальства. Это, повидимому, казалось ему недостижимымъ блаженствомъ, о которомъ можно только мечтать на праздникамъ.

Послѣдняго я не понялъ и попросилъ разъясненій.

— Да какъ же не счастье?—заволновался онъ.—Зависѣть только отъ своего начальства... А я то отъ сколькихъ завишу? Вотъ, позвольте пересчитать по пальцамъ.

И онъ началъ пересчитывать: мэръ мѣстечка («старшина»), священникъ, церковный староста, полицейскій инспекторъ («становой»), полицейскій констэбль, («урядникъ»), судья («земскій начальникъ»), попечитель школы, инспекторъ, «предсѣдатель земской управы» (chairman of the county council), лавочникъ и вообще всѣ крестьяне.

— Отъ всѣхъ завишу и передъ всѣми трепещу,—патетически воскликнулъ онъ.—Каждый можетъ написать доносъ и загубить на вѣкъ.

Около мопхъ ногъ вдругъ раздалось хрюканіе: появившійся откуда-то поросенокъ аппетитно жевалъ краешекъ мопхъ брюкъ. Учитель покраснѣлъ, сорвался съ мѣста, схватилъ животное за уши и швырнулъ его въ полуоткрытую дверь спальни.

— Мы съ женой, видите-ли, поросенка подъ кроватью держимъ,—конфузливо пояснилъ онъ.—Животное деликатное, холоду не переноситъ, а дѣвать рѣшительно некуда. Ничего не подѣлаешь—оскудѣніе и дороговизна продуктовъ. Такъ вотъ вы о начальствѣ изволили спрашивать. Я вамъ на этотъ счетъ расскажу собственную свою исторію. Ахъ, о чаѣ-то мы и забыли! Глаша, когда же самоваръ?

Въ кухнѣ женскій голосъ буркнулъ что-то несвязное. Учитель перешелъ къ повѣствованію.

Исторія эта въ общихъ чертахъ сводилась къ слѣдующему:

Нѣсколько времени назадъ м-ръ Стремоуховъ рѣшилъ устроить кооперативъ. Несмотря на неодобреніе мѣстнаго клерджимена, дѣло пошло хорошо: записалось много членовъ, собрали денегъ, открыли лавочку и начали торговать. Однако, вскорѣ пошли какіе-то темные слухи: крестьяне стали говорить, что народился антихристъ, и что выдаваемые кооператорамъ членскія книжки и есть та печать звѣря, о которой говорится въ Откровеніи. Дѣло осложнилось еще больше, когда клерджимень (батюшка) въ одной изъ своихъ воскресныхъ проповѣдей объявилъ, что народившійся антихристъ есть не кто иной, какъ Иванъ Петровичъ Стремоуховъ. Началось смятеніе и расколъ: одни вышли изъ кооператива, другіе заколебались, и кооперативъ временно пришлось закрыть. А въ надлежащія мѣста сразу

полетѣло нѣсколько доносовъ, и нѣкоторые изъ нихъ обратили на себя вниманіе властей. Одно разслѣдованіе уже было, и теперь Иванъ Петровичъ ожидалъ другого.—«А служилъ-то я пятнадцать лѣтъ-съ!»—закончилъ онъ.

Чѣмъ больше я слушалъ моего новаго друга, тѣмъ больше убѣждался, что бѣдняга заболѣваетъ маніей величія.

Подумайте, Джекъ: пятнадцать лѣтъ педагогической службы, семья, очевидная чахотка, поросенокъ подъ кроватью— и вдругъ Антихристъ, воплощеніе вселенскаго зла! Какимъ безумцамъ, а, тѣмъ болѣе, какимъ теологамъ можетъ придти въ голову совмѣщеніе такихъ несомнѣстимостей? Я печально смотрѣлъ на м-ра Стремоухова и мысленно спрашивалъ себя, сколько времени онъ еще протянетъ.

— Да, въ антихристы попалъ, въ антихристы,—повторялъ онъ съ печалью и злобой.—Думалъ, что и вы вотъ насчетъ этого же пріѣхали.

— Да, у васъ какой-то распущенный народъ,—вѣжливо согласился я.—Вотъ и мой ямщикъ то же говорилъ,—а онъ, повидимому, человѣкъ строгихъ правилъ.

— Это Лаптевъ-то?—воскликнулъ учитель.—Да, онъ первый былъ помощникъ батюшки въ этомъ дѣлѣ. Лавочку свою хотѣлъ открыть,—вотъ и старался.

«Несомнѣнно, манія величія, соединенная съ маніей преслѣдованія»—мысленно поставилъ я діагнозъ и рѣшилъ попрощаться.

— А какъ же чай-то?—опять вспомнилъ мой хозяинъ и раздраженно крикнулъ въ дверь:—Глаша! Скоро ли самоваръ? Гость-то вѣдь уходитъ.

На что послышался рѣзкій, сварливый полушопотъ:

— Чай вышелъ, сахаръ Манька изгрызла, а Сергѣй Ильичъ въ долгъ больше не отпускаетъ.

— Вы ужъ извините, — пристыженно заговорилъ м-ръ Стремоуховъ. — Знаете вѣдь время-то какое: дороговизна, отсутствіе предметовъ первой необходимости и при томъ въ нѣкоторомъ родѣ учительскій санъ.

Онъ долго искалъ въ передней мою шапку, очутившуюся почему-то на мѣшкѣ съ мукой, долго подавалъ мнѣ пальто, велѣлъ женѣ почистить мои калоши и вообще, видимо, тянулъ время. Наконецъ, когда я взялся за ручку двери, онъ остановилъ меня и опять заговорилъ:

— Вы ужъ извините... Я хотѣлъ васъ попросить. Вы—человѣкъ столичный и даже заграничный, имѣете великосвѣтскія связи. Скажите вы имъ, что все это вздоръ насчетъ тамъ антихриста и прочее. Въ церковь я хожу каждое воскресенье, ни въ какихъ неблагонадежностяхъ не замѣченъ, вообще политической не занимаюсь. А кооперативъ,—такъ это дѣло хозяйствен-

ное, да и притомъ, онъ прикрытъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ, однѣ хлопоты и непріятности. Такъ вы ужъ, пожалуйста, замолвите словечко, гдѣ слѣдуетъ. Вамъ больше повѣрять.

«Великій Боже!» подумалъ я. «Какое отношеніе имѣю я. Вильямъ Симпльтонъ, эсквайръ, великобританскій подданный, къ антихристу, русской политикѣ, моральной благонадежности м-ра Стремоухова и потребительной лавкѣ въ селѣ П.?» Но, чтобы не вызвать у моего хозяина буйнаго припадка, я только сказалъ успокоительно:

— Да, конечно, постараюсь,—и вышелъ на улицу.

Я вернулся въ чайную и прошелъ въ комнату, гдѣ былъ раньше. Тамъ меня дожидались урядникъ, мѣстный клерджи-мэнъ и старшина.

Урядникъ спросилъ у меня документъ и сталъ нерѣшительно вертѣть его въ рукахъ, поворачивая вверхъ и внизъ. Я перевелъ содержимое его по-русски. Послѣдняя фраза паспорта и, вѣроятно, подпись сэра Эдуарда Грея и здѣсь оказали свое магическое дѣйствіе. Урядникъ вытянулся, приложилъ руку къ козырьку и почтительно спросилъ:

— Не будетъ ли какихъ приказаній? Приказано-съ оказать содѣйствіе.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что ничего не нужно, но онъ тѣмъ не менѣе зачѣмъ-то шлепнулъ подвернувшуюся дѣвчонку и велѣлъ ей убираться вонъ.

Священникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Учителя ревизовали? Осмѣлюсь предложить вамъ нѣкоторыя дополнительныя данныя. Первый смутьянъ-съ и по нѣкоторымъ признакамъ въ глубинѣ души сочувствуетъ революціонерамъ.

Я сказалъ, что объ этомъ мы поговоримъ потомъ.

Старшина освѣдомился, не нужно ли мнѣ ямщика. Я сказалъ, что буду ему чрезвычайно благодаренъ, если онъ будетъ добръ его достать.

Я думалъ, что мои испытанія кончились, но я ошибался. Несмотря на категорическіе запреты урядника, охранявшаго дверь, въ комнату вошли двѣ бабы. Одна спрашивала меня, какъ ей получить пособіе отъ казны по случаю забраннаго въ солдаты мужа, другая допытывалась, какъ ей написать жалобу на зловку, оскорбившую ее неудобными для женщины словами. При этомъ она полностью повторила всѣ неудобныя слова. Я сталъ опять объяснять, что я—Вильямъ Симпльтонъ, великобританскій подданный, какъ это и удостовѣряетъ министръ его величества сэръ Эдуардъ Грей, что я специалистъ по античной словесности, но отнюдь не по юридическимъ наукамъ, и что я не долженъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла дружественной страны. Но на все это я слышалъ лишь одинъ отвѣтъ:

— Вы, известное дѣло, человекъ ученый. Ваше дѣло господское—вамъ лучше знать.

Я въ изнеможеніи откинулся на стулъ и заявилъ, что всѣ дѣла разсмотрю завтра, а сейчасъ хочу спать. Почти полусоннаго, старшина отвелъ меня къ себѣ на квартиру и, по свойственному русскимъ гостепріимству, уложилъ на лучшей своей кровати. Я спалъ тревожно. Мнѣ снилось, что тысячи людей куда-то спѣшать, разбѣгался по разнымъ направленіямъ и опять встрѣчаясь въ одномъ и томъ же мѣстѣ. У каждаго изъ нихъ тысячи голосовъ, тысячи уклончивыхъ жестовъ, вѣчно мѣняющіяся, словно ручей, текуція лица. Они говорятъ, но никогда не доканчиваютъ фразы. Они какъ будто думаютъ, но никогда не собираютъ своихъ мыслей. Они что-то дѣлаютъ,—но дѣла ихъ разбросаны въ пустомъ пространствѣ и растрочены въ незаполненномъ времени. Мнѣ мутно, тоскливо и страшно. А рядомъ со мной стоитъ въ своей барашковой шапкѣ м-ръ Стивэнъ Грэмъ и кричитъ въ мегафонъ: «Разница между западной Европой и Россіей,—это разница между Марфой, пекущейся о земномъ, и Маріей, пекущейся о небесномъ».

Отъ крика этого я проснулся. Кричалъ, оказалось, не м-ръ Стивэнъ Грэмъ, а старшина, и кричалъ онъ слѣдующее:

— Марья, чего шляешься-то, подоль задравши? Баринъ скоро проснется, самоваръ ставь, да живѣй.

Вашъ *Вильямъ Симпльтонъ*.

ТРЕЗВОСТЬ ВЪ СИБИРИ.

До введенія принудительной трезвости Сибирь потребляла огромное количество казенной водки.

По даннымъ официальной статистики, въ 1906 г. Сибирь выпила водки 6.046.000 вед., въ 1907 — 5.986.000 вед., въ 1908 — 5.385.000 вед., въ 1909. — 6.403.000 вед., 1911 — 6.188.000 вед., въ 1912 — 6.546.000 вед. Въ 1906 г. въ Сибирѣ было потреблено въ среднемъ вина на каждую душу населенія: въ городахъ 3,6 ведеръ, въ уѣздахъ — 0,58, вообще — 0,76. Сибирь пьетъ больше, чѣмъ Россія. Въ Сибирѣ приходится на душу пропитыхъ денегъ за пятилѣтіе 1904—1908 гг. въ городахъ — 25 р. 47 к., въ уѣздахъ — 5 р. 83 к.; въ Россіи же въ городахъ — 12 р. 67 к., въ уѣздахъ — 3 р. 66 к. Западная Сибирь всегда пила больше Восточной; напр., въ 1912 г. первая потребила 4.532 т. вед., вторая — 2.014 т. Сибирь, за исключеніемъ Приамурскаго края, пропила за шесть съ половиною лѣтъ (съ 1906 до половины 1912 г.) 387.656.000 руб. Эту гору золота пропиваютъ только 10 миллионовъ жителей великой окраины. Полмилліона

жителей Приамурскаго края проплатили за время съ 1909 по 1912 годъ 51.330.000 рублей. Даже главный начальникъ края обратилъ внимание на сильно развивающееся въ Приамурьѣ пьянство и поручилъ своей канцелярии заняться разработкой этого вопроса и выработкой мѣръ борьбы съ этимъ зломъ. Впредь же до разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, признавъ необходимымъ безотлагательно принятіе мѣръ борьбы съ пьянствомъ имѣющимися въ распоряженіи органовъ администраціи способами.

Но въ этотъ статистическій подсчетъ не входитъ количество ведеръ водки, выдѣланной самими сибиряками; она всегда ими производилась въ громадномъ количествѣ и особенно усиленно производится теперь, послѣ запрещенія продажи казенной водки *. Иностранцы выдѣлываютъ, такъ называемую, водку «тарасунь», а крестьяне самогонку (самосидку). «Гонятъ» ее изъ ржи, ячменя и картофеля. Для этого имѣются (спеціальныя аппараты, сработанные слесарями изъ бѣлой жести. Въ виду примитивности приборовъ, служащихъ для выгонки, получаемое вино отличается грязно-сѣрымъ цвѣтомъ и удупливымъ запахомъ, содержитъ много ядовитаго сивушнаго масла; это самогонное вино содержитъ до 50 проц. спирта.

Пьютъ «самогонку» съ удовольствіемъ, а для большей крѣпости прибавляютъ аммоній и капли сѣрной кислоты. Вино съ такими спеціями деретъ въ горлѣ, вызываетъ тошноту и одуряюще дѣйствуетъ на мозгъ. Но это-то и цѣнится потребителями. До войны цѣны на самогонное вино доходили до 80 коп.; теперь онѣ повысились въ десять разъ.

Дѣйствіе самогонки на организмъ убійственно. Отъ нѣсколькихъ рюмокъ появляется безсознательное состояніе и часто даже смерть отъ паралича сердца или дыхательнаго центра.

«Пьютъ это вино, — говоритъ «Омскій Вѣстникъ» въ корреспонденціи «Пьянство и болѣзни въ поселкѣ Князевскомъ и другихъ Тарскаго у. Акмолинской обл.», — всѣ, безъ различія пола и возраста. Особенно повальныя размѣры пьянство принимаетъ въ праздничные дни. Въ это время въ амбулаторіи князевскаго медицинскаго пункта бессмѣнно, ночью и днемъ, дежурятъ фельдшеръ и фельдшерца, оказывая помощь спившимся и раненымъ. Пьянство, невѣжество, нищета, почти постоянное недобданіе, тяжелый, изнурительный трудъ даютъ въ суммѣ поголовное вырожденіе и колоссальную смертность. Среди дѣтей много идіотовъ, эпилептиковъ, хореиковъ и тому подобныхъ нервныхъ больныхъ, — все это отраженіе наслѣдственности отцовъ-алкоголиковъ».

* Объ этомъ въ нынѣшнемъ году не разъ сообщалось въ газетахъ «Сибири», «Иркутск. Жизни» и «Сибирск. Жизни». Какъ сообщаетъ корреспондентъ «Заб. Нови», въ селѣ Маломъ Куналеѣ, Забайк. обл., при наличи 250 дворовъ не менѣе 50 дворовъ занимаются «изготовленіемъ самосидки», находя въ этомъ довольно выгодный промыселъ. Сбытъ самосидка находитъ на Бичурѣ, Петровскомъ заводѣ и другихъ болѣе населенныхъ мѣстахъ.

Какъ бы то ни было, а закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ уменьшило въ Сибири пьянство, ибо, при всей энергіи синопяковъ, все-таки не выпнать имъ столько «самогонки» и «самосидки», сколько спирту доставлялось раньше правительствомъ для Сибири. Но съ уменьшеніемъ пьянства повсемѣстно начинаетъ развиваться другое, не меньшее зло — разнаго рода наркоманіи (морфинизмъ, опіекуреніе, кокаинизмъ, кодеинизмъ). Еще и прежде, до введенія принудительной трезвости, явленіе наркоманіи замѣчалось среди Восточной части сибирскаго населенія и съ каждымъ годомъ тамъ замѣтно прогрессирувало, а теперь это ужасное зло перенесено съ Востока Сибири во всѣ почти ея города и начинаетъ проникать въ села и деревни. Благодарить за это надо предприимчивыхъ коммерсантовъ Харбина, Владивостока, Благовѣщенска. Они ради легкой наживы и зашибанія крупныхъ денегъ перенесли свою торговлю въ Иркутскъ, Читгу, Красноярскъ, Томскъ и другія мѣста. Не такъ давно Иркутскъ былъ взволнованъ арестомъ большой группы видныхъ лицъ города — опіеторговцевъ. Всего арестовано было свыше 38 человекъ, въ числѣ ихъ были и зубные врачи, и крупные коммерсанты, и провизоры. У многихъ изъ нихъ было найдено громадное количество опія въ плиткахъ и кускахъ въ 10—15 фунтовъ, приготовленнаго для сбыта, нѣкоторые изъ нихъ сознались въ торговлѣ этимъ «товаромъ». Въ недалекомъ будущемъ предстоитъ интересный процессъ иркутскихъ опіеторговцевъ.

Наркоманія, какъ показала арестъ опіеторговцевъ, пустила глубокіе корни въ Иркутскъ, и сбытъ опія, морфія, кокаина, кодеина идетъ въ огромномъ количествѣ и по бѣшенымъ цѣнамъ. Откуда же появилась эта новая форма страшной болѣзни въ Сибири?

Пришла и распространилась наркотическая зараза изъ тюрьмы и отъ китайцевъ. Изъ 35 зарегистрированныхъ врачомъ Н. И. Старокотлицкимъ въ 12 и 13 годахъ наркомановъ, 10 чел. начали предаваться наркотическимъ средствамъ въ Благовѣщенской тюрьмѣ.

До чего сильно было тамъ распространеніе морфинизма, можно судить по тому, что однажды самой администраціей тюрьмы было зарегистрировано свыше 300 морфинистовъ изъ 1000 человекъ всего тюремнаго населенія. Какъ легко тамъ люди заражались наркоманіями, показываетъ слѣдующій случай: зарегистрированный въ числѣ этихъ десяти народный учитель попалъ въ тюрьму случайно по подозрѣнію въ какомъ-то уголовномъ преступленіи, и такъ какъ скоро выяснилась полная его непричастность къ преступленію, то черезъ три мѣсяца онъ былъ выпущенъ на свободу, а дѣло о немъ прекращено. Но вышелъ онъ уже настоящимъ морфинистомъ: привычка, по рассказу его, создавалась такимъ образомъ: попавъ неожиданно для себя въ тюрьму, онъ находился въ состояніи, близкомъ къ отчаянію. Сердобольный товарищъ по камерѣ, видя его нравственныя терзанія, приступилъ къ нему съ талисманомъ утѣшенія и счастливаго забвенія въ видѣ шприца и порціи морфія. Средство помогло... Черезъ нѣкоторое время пришло похмелье, а съ нимъ еще болѣе тяжкія думы и

страдания. Снова порция той же панацеи отъ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ золъ. Послѣ уже самъ приходитъ, просить, а черезъ короткое время новая жертва злой наркомании была уже вполне готова.

Масса арестантовъ, освобождающихся изъ тюрьмы съ усвоенной тамъ привычкой къ наркоманьямъ, дѣлаются распространителями заразы среди внѣтюремнаго населенія. *

Откуда и какимъ путемъ сотни, а можетъ быть, и тысячи наркомановъ достаютъ наркотическія средства? Вѣдь для каждаго морфиниста нужно въ одинъ день въ среднемъ до 2 гр. морфія, а въ мѣсяцъ это составляетъ около 60 гр., т. е. больше $\frac{1}{8}$ фунта; откуда же берется такое громадное количество наркотика? Главными поставщиками его являются китайцы, какъ это установлено въ Восточной Сибири.

Нѣкоторые изъ нихъ только тѣмъ и промышляютъ, говорятъ выше цитированный авторъ, что торгуютъ въ разноску морфіемъ, кокаиномъ и героиномъ. Кроме того, въ опіумныхъ китайскаго квартала всегда къ услугамъ всякаго желающаго не только опіумъ но и прочіе упомянутые наркотики, которые отпускаются и порціями, по вспрыскиваніямъ, и на вѣсъ, про запасъ. Не брезгаютъ этимъ промысломъ и русскіе. Наиболее единодушны въ этомъ смыслѣ указанія морфинистовъ н. а. одинъ аптекарскій магазинъ. Сначала этотъ магазинъ отпускалъ наркотическія вещества прямо по спросу. Когда начали про него поговаривать, онъ сталъ примѣнять болѣе осторожный методъ: покупатель заявлялъ свое требованіе и тутъ же уходилъ, минутъ на 15—20. Въ это время въ особомъ шаклаузѣ, представляющемъ маленький сарай въ глубинѣ двора, шла отвѣска требуемаго препарата. Когда покупатель возвращался, онъ тутъ же бралъ свою покупку и немедленно уходилъ съ ней. Однако, послѣ одного обыска и этотъ способъ пересталъ практиковаться, какъ опасный: тогда въ лицѣ одного китайца, получившаго русское прозвище «Кузыка», явился посредникъ. Ежедневно съ утра этотъ посредникъ съ банкою морфія выходилъ на улицу и здѣсь велъ бойкую торговлю, продавая, по увѣренію одного изъ наркомановъ, нѣкоего К., около кило въ сутки.

На вопросъ относительно того, какъ велико приблизительно число наркомановъ въ г. Благовѣщенскѣ, нѣкоторые морфинисты утверждаютъ, что если считать китайцевъ съ корейцами, которыхъ чуть ли не больше, чѣмъ русскихъ, то общее число будетъ около 1—2 тысячъ, — цифра, которая покажется близкой къ истинѣ, если принять во вниманіе, что одинъ «Кузыка» въ день продаетъ до 1000 граммъ морфія.

И въ заключеніе своей статьи авторъ ставитъ вопросъ: какъ смотрѣть на распространеніе наркомании въ гор. Благовѣщенскѣ? Серьезная ли это опасность, крупное общественное зло, или невинное увлеченіе, вредъ, примѣрно, столь моднаго въ послѣднее время увлеченія

* «Сиб. Врач.» № 19, статья «Морфинизмъ и другія наркоманіи въ Амурской обл.». Н. И. Старокотлицкій.

танцемъ «танго», да къ тому же еще отдѣльныхъ обреченныхъ отъ природы на это личностей (туда де имъ и дорога)?

«Если принять во вниманіе, что изъ 16 наркомановъ, лечившихся въ больницѣ, четверо умерло отъ кахексии и общаго сепсиса, вызваннаго уколами, если къ этому присоединить, что всего за 1½ мѣсяца случайнаго отправления мною обязанностей городского врача, мнѣ пришлось видѣть 3—4 трупа, идѣ другой причины, кромѣ какъ крайнее злоупотребленіе наркотическими уколами (объ этомъ свидѣтельствовали истощеніе, шары по всему тѣлу, слѣды недавнихъ уколовъ, указанія близкихъ) нельзя было и найти, то самый вопросъ объ этомъ будетъ звучать неопозволительно-злой насмѣшкой. Если къ этому прибавить еще десятки бродячихъ тѣней, которыхъ каждый, вѣроятно, встрѣчалъ на улицахъ, попрошайничавшихъ или группой расположившихся на углу улицы со своими орудіями самоотравленія, то всякому ясно будетъ, что тутъ не случайность и не забава, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящей тяжелой эпидеміей, доводящей своихъ жертвъ до крайнихъ степеней духовнаго и физическаго истощенія, до смерти социальной и физической, причемъ самый процентъ смертности, судя по всему, весьма великъ».

На сильнѣйшее распространеніе наркоманіи было обращено вниманіе не только Приморскаго Военнаго Губернатора *, но и Министерства Внутреннихъ дѣлъ **. Оно стало не на шутку беспокоить также мѣстную прессу, и зимой прошлаго года мѣстные газеты въ цѣломъ рядѣ статей и хроникерскихъ замѣтокъ отмѣтили это прискорбное явленіе, а газета «Эхо», помимо того, въ статьяхъ «Мѣстные управители», указывала, что однимъ изъ «культуртрегеровъ» морфинизма является массажистъ г-нъ Козинцеръ. Жертвой его «врачеванія» оказалась пѣвая г-жа Макаревичъ, которая послѣ прохожденія «курса леченія» у массажиста, вынуждена была заканчивать его въ психиатрическомъ отдѣленіи городской больницы. Необычайное развитіе среди населенія Амурской обл. морфинизма продолжается.

Зараза наркоманіей развивается съ поразительной быстротой. Увлечение опиумъ и морфіемъ захватываетъ все новые и новые круги населенія.

Вначалѣ разсадникомъ морфинизма, какъ мы уже упоминали, являлась тюрьма, откуда морфинизмъ быстро распространился среди железнодорожныхъ рабочихъ и живущихъ на Амурѣ китайцевъ и манч-

* Приморскимъ военнымъ губернаторомъ разосланъ начальникамъ полици, крестьянскимъ начальникамъ и начальникамъ казачьихъ участковъ для объявленія населенію циркуляръ, въ которомъ сказано, что собираніе опія допускаться не будетъ, почему и во избѣжаніе большихъ убытковъ лѣтомъ будущаго года рекомендуется населенію воздерживаться отъ аренды участковъ земли.

** Въ министерство внутреннихъ дѣлъ за послѣднее время поступаютъ донесенія съ востока Россіи отъ начальниковъ Приамурской, Забайкальской и Приморской областей о невѣроятномъ распространеніи среди населенія потребленія опія. (Приам. № 2331).

журь, затѣмъ постепенно имъ были заражены плотники, ремесленники и вообще тотъ людъ, который имѣлъ какое-либо отношеніе къ тюрьмѣ и къ постройкѣ желѣзной дороги. Затѣмъ зараза была занесена въ тайгу, въ среду золотопромышленныхъ рабочихъ, и, наконецъ, теперь распространяется въ деревнѣ среди крестьянъ. Въ Благовѣщенскѣ наркоманія принимаетъ характеръ такого же бытового явленія, какъ пьянство. На любой улицѣ можно видѣть морфинистовъ, откровенно на глазахъ у публики продающихъ, покупающихъ и вспрыскивающихъ дозы морфія. *

Даже доходитъ до того, какъ сообщаетъ корреспондентъ газ. «День» изъ Благовѣщенска, что по главнымъ улицамъ бродятъ блѣдныя, испитыя, одѣтыя въ невозможную рвань, тѣни, откровенно обращающіяся къ встрѣчнымъ:

— «Дайте на шприцъ морфія. Ну, на полшприца, на укольчикъ». Жутко дѣлается, глядя на эти полунагія, дрожащія фигуры, цѣлыми днями слоняющіяся по улицамъ при 30 градусахъ мороза. Все, представляющее хоть какую-нибудь цѣнность: шапка, сапоги, пиджачишко — все давно спущено за морфій, «загнано за два шприца», («техническое» выраженіе).

Гдѣ они ютятся при благовѣщенскихъ холодахъ? Вездѣ, гдѣ только можно: подъ параднымъ подъѣздомъ, въ полѣвнищахъ дровъ, больше же всего — въ общественныхъ ретиредахъ.

Тутъ и грузчикъ, и гимназистъ, и сынъ богатаго кушца, и суфлеръ, и землемѣръ, и газетный работникъ, и бывший студентъ.

Вспрыскиваніе морфія происходитъ открыто, въ ретиредахъ. Пѣна — «гривна за уколъ». Длинными шеренгами тянутся по утрамъ несчастные къ своему «клубу», чтобы получить живительный «укольчикъ».

Печальнѣе всего, что морфинизмъ быстро прививается и среди учащихся.

Постоянная потребность въ наркотикахъ и страхъ хоть на короткое время остаться безъ нихъ, заставляютъ наркомановъ объединяться въ сплоченныя группы на началахъ своего рода взаимопомощи, причемъ имѣющій морфій считаетъ своимъ долгомъ дѣлиться имъ съ другими, если наркотики не служатъ для него средствомъ наживы и эксплоатации. Одинъ молодой человекъ, морфинистъ, умѣвшій растрогать своимъ истощеннымъ и изнуреннымъ видомъ, въ очкахъ, придающихъ ему видъ впаваго въ бѣдность юноши изъ интеллигентной семьи, ухитрился набирать подавній, по собственнымъ его увѣреніямъ, по 20 — 25 руб. въ день, но порой не имѣлъ ни копейки: по его словамъ, всѣ деньги уходили у него на наркотики, которыми онъ дѣлился со своими многочисленными товарищами по несчастью. На углахъ некоторыхъ улицъ морфинисты располагались группами, иногда до-

* «Эхо».

больно многочисленными, и здѣсь безъ стѣсненія занимались самоотра-
вленіемъ, оказывая услуги другъ другу.

Опытъ и практика помогли наркоманамъ, говорить изслѣдователь.
выработать весьма остроумный способъ выпрыскиванія, очень простой.
требующій мало времени и удобный въ смыслѣ чистоты и предохра-
ненія отъ занесенія инфекции шприцемъ.

Обычно каждый морфинистъ носитъ съ собой, кромѣ шприца и
коробки съ порошкообразнымъ или прессованнымъ морфіемъ, вату,
свѣчку и металлическую чайную ложку. Въ ложку онъ нали-
ваетъ немного воды, кладетъ туда кусочекъ прессованнаго или
порошкообразнаго морфія и нагрѣваетъ на зажженной свѣч-
кѣ. Растворъ обычно беретъ столь крѣпкій, что морфій можетъ раство-
риться безъ остатка лишь при кипяченіи. Когда морфій въ кипяченой
водѣ растворился, морфинистъ беретъ и кладетъ въ ложку кусочекъ
ваты, которая почти весь растворъ вбираетъ въ себя. Послѣ этого,
кончикомъ шприца безъ иглы онъ придавливаетъ вату ко дну ложки
и начинаетъ набирать жидкость, которая поступаетъ въ шприцъ че-
резъ вату и такимъ образомъ фильтруется. Фильтрацію эту онъ продѣ-
лываетъ неоднократно, выбрасывая нѣсколько разъ растворъ изъ
шприца на вату и снова забирая его черезъ нее въ шприцъ, причемъ
горячимъ растворомъ игла промывается и до нѣкоторой степени дезин-
фицируется. Когда растворъ послѣ многократнаго повтореннаго наби-
ранія и выпускающаго жидкости охладился и сталъ только теплымъ, дѣ-
лается самое выпрыскиваніе. Такой манипуляціей морфинисты сразу и
растворяютъ морфій, и стерилизуютъ, и фильтруютъ растворъ, и по-
сильно дезинфицируютъ самый инструментъ кипящей водой. Приѣмъ
продѣлывается очень быстро; иногда, однако, беретъ верхъ нетерпѣніе.
выпрыскивается недостаточно охлажденный растворъ, причиняющій са-
мые настоящіе ожоги.

Наркоманія во всѣхъ видахъ — это страшное зло, требующее са-
мыхъ рѣшительныхъ мѣръ борьбы.

А между тѣмъ тайная торговля опиумомъ, морфіемъ, кокаиномъ
и др. наркотиками нашими законами почти не предусмотрена, а если
она и карается, то ничтожнымъ наложеніемъ штрафа въ видѣ
100 — 300 рублей; такіа мѣры не могутъ, конечно, устранить апше-
титы торговцевъ чужимъ здоровьемъ и приостановить тайную торговлю
разнаго рода наркотиками. Въ борьбѣ съ тайнымъ винокурениемъ уже
давно применяются суровыя кары, и въ цѣляхъ ихъ осуществленія су-
ществуетъ цѣлое вѣдомство, испытанное на практикѣ — амцивное. И.
несмотря на то, говоритъ «Сибирь», что противъ тайнаго винокуре-
нія высылаются одна за другой административныя рати, — оно въ Сибири все
расчетъ и все усиливается. А для борьбы съ опиумокурениемъ 3-го июля
а.г. въ порядкѣ 87 ст. общ. законовъ проведенъ законопроектъ. Суш-
ность этого закона сводится къ слѣдующему. 1) Въ приамурскомъ
генералъ-губернаторствѣ и Забайкальской области, иркутскомъ ге-
нералъ-губернаторствѣ посѣвъ мака запрещается; 2) также запре-

шается привозить изъ-за границы въ имперію курительный опій, а также трубки и другія приспособленія для куренія опія.

За производство посѣва мака въ предѣлахъ приамурскаго генералъ-губернаторства виновные подвергаются заключенію въ тюрьму и денежному взысканію въ размѣрѣ 300 руб. за каждую десятину, или часть десятины посѣва. Эти временныя правила, — говоритъ газета «Сибирь», — являются отвѣтомъ на участившееся опіекуренье въ Восточной Сибири и Приамурской области и они пока представляютъ собой единственную мѣру борьбы съ величайшимъ зломъ, появившимся на аванъ-сценѣ сибирской жизни почти тотчасъ же за запрещеніемъ продажи и выкурки вина.

И дальше, посвящая передовицу законопроекту о борьбѣ съ опіекуреньемъ, газета правильно замѣчаетъ:

Съ какой стороны ни подойти къ выработаннымъ правиламъ, вѣрнѣе — къ редакционнымъ соображеніямъ, которыя скрываются за приведенными въ новомъ законѣ карами, намъ приходится отмѣтить только одно: борьба объявлена органомъ государственной власти и вестись будетъ только этой же властью.

Въ этомъ — залогъ слабыхъ результатовъ объявленной опіекуренью войны.

Общество въ этой войнѣ не участвуетъ, а разъ не участвуетъ, и разъ обществу, населенію, не предоставленъ надлежащій просторъ для борьбы съ опіекуреньемъ и разъ оно даже не попало на учетъ при смотрѣ тѣхъ силъ, которыя могутъ дать генеральное сраженіе относительно новому печальному явленію — опіекуренью, то о результатахъ этой борьбы говорить не приходится. Они будутъ минимальными, если не совершенно ничтожными.

Справедливость этого мнѣнія подтверждаютъ повседневные факты борьбы съ опіекуреньемъ и контрабанднымъ провозомъ опія — наша, такъ сказать, практика этой борьбы.

Къ чему привела эта борьба? Къ десяткамъ протоколовъ? Къ задержанію нѣсколькихъ десятковъ предприимчивыхъ коммерсантовъ? А апожеезомъ ея явилось раскрытіе крупныхъ злоупотребленій со стороны Иркутской сыскной полиціи, столь крупныхъ, что почти весь составъ ея, начиная съ ея главы, г. Романова, былъ ввергнутъ въ тюрьму.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

„СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ“.

(Замѣтки о выставкѣ).

Ритмъ нашей художественной жизни постепенно оживился настолько, что смѣна ея текущихъ событій то и дѣло опережаетъ регистрирующую работу журнальнаго критика; не успѣла еще появиться предшествующая моя статья о «Мирѣ Искусства», какъ новая двухнедѣльная выставка «Современной Русской Живописи», устроенная въ апрѣлѣ Н. Е. Добычиной, явилась словно откликомъ на высказанныя мною тогда чаянія и сомнѣнія. Откликомъ нѣсколько ироническимъ и не лишеннымъ двусмысленности; правда, здѣсь объединились силы, противопологающія себя «Миру Искусства», отъ него случайно отколотившаяся или имъ до поры до времени игнорируемая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, широкое участіе въ новомъ начинаніи такихъ художниковъ, какъ Машковъ и Кончаловскій, весьма знаменательнымъ образомъ совпало съ избраніемъ обоихъ «москвичей» въ число членовъ упомянутого общества. Какъ видно, мы имѣли полное основаніе разсматривать ихъ въ прошлый разъ въ непосредственной связи съ выставкой «Мира Искусства». Для обоихъ этихъ даровитыхъ живописцевъ, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ, «Союзы Молодежи» и «Бубновые валеты» служатъ какъ бы предварительнымъ стажемъ до поступленія въ единственное руководящее общество, эпизодомъ изъ жизни Божьей передъ проихановеніемъ въ умѣренный поясъ искусства. Здѣсь нѣтъ ни внутренняго перелома, ни, тѣмъ паче, ренегатства, благо непреодолимаго «несходства характеровъ», полярной противоположности никогда налицо и не было.

Да и среди остальныхъ участниковъ этой «выставки бури и натиска», быть можетъ, меньше истинно независимыхъ, еще невѣдомыхъ избранниковъ, чѣмъ просто оставленныхъ «Миromъ Искусства» для дальнѣйшаго испытанія, съ нервнымъ трепетомъ ожидающихъ, когда ласковый спрутъ протянетъ къ нимъ свои чуткія щупальцы.

Однако, несмотря на свою частичную смежность съ опредѣлившимися уже давно группировками и отсутствіе сплошнаго средостѣнія, на совершившуюся тѣмъ временемъ «канонизацію» Машкова* и Кончаловскаго, несмотря, наконецъ, на всякое отсутствіе полноты, — вы-

* Слѣдуетъ оговориться, что Машковъ уже не первый годъ привлекался въ качествѣ экспонента къ выставкамъ «Мира Искусства» и даже «Союза».

ставка «Современной Русской Живописи» остается весьма выразительной манифестацией нового духа. Она подводит — пусть в предварительной лишь, общей и нервно сбивчивой форме — итоги «некоторым» неотънесенным еще тяготениям, о которых речь впереди. Сосредоточенное усилие новой живописи принуждает здесь посетителя к вниманию и уважению. Нетъ эксцентричной инсценировки обычных футуристских кувсткамерж, отвратительнаго заискивания въ праздной толгѣ подъ личиною запальчивости и вызова. Изъ всѣхъ выставокъ истекшаго художественнаго года именно на этой вѣтѣ порывами рѣзкій и живительный духъ.

Не слѣдуетъ, однако, полагать, что участники «Выставки Современной Русской Живописи» спаяны между собою единствомъ задачъ и самаго пониманія искусства. Значеніе ея существенно умѣряется тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло не съ замкнутой коллегіей, а со встрѣчей на нейтральной территории, не съ часовней, а съ перекресткомъ. Мало того: здѣсь, на разрозненныхъ и не всегда значительныхъ примѣрахъ, выявлены основныя противорѣчія живописныхъ школъ XX вѣка, мотивы страстныхъ разногласій. Какъ это бываетъ очень часто, борцы за новое искусство уподобляются гладиаторамъ, поражающимъ на аренѣ другъ друга. По жестокому свойству и, пожалуй, праву молодости, они выступаютъ, какъ фанатики и великіе инквизиторы живописи; убѣжденность ихъ ламбантива, но нетерпима до брезгливости; они ощущаютъ потребность непрестанно размежевываться: они всегда готовы отвергнуть все остальное искусство и упразднить свои собственныя достижения вчерашняго дня ради какого-либо словечка кружковаго жаргона, обратившагося въ символъ вѣры. Они далеки отъ умиротворяющаго эклектизма «Міра Искусства». Въ этомъ боевомъ обостреніи заимствованныхъ или добытыхъ самостоятельно художественныхъ догматовъ, — очевидная незрѣлость, но въ то же время движущее начало молодого искусства.

Такъ и на выставкѣ «Современной Живописи» на нашихъ глазахъ происходитъ очная ставка двухъ доктринъ, которая мы съ большей или меньшей чѣткостью можемъ расшифровать въ произведеніяхъ участниковъ. Я намеренно оставляю въ сторонѣ сложную и непрерывно мѣняющуюся номенклатуру школъ, толковъ и ересей, возникающихъ каждодневно для эфемернаго бытія, чтобы выяснитъ въ наипростѣйшемъ выраженіи основную антитезу, раздвоившую искусство нашихъ дней. Въ немъ противопоставляется живопись плоскостная, расчленяющая поверхность картинны, живопись пространственной, разрабатывающей картинку въ глубину. Средствами первой, декоративной и цвѣтной по преимуществу, служатъ распределеніе красочныхъ массъ и возникающій изъ этого распределенія линейный ритмъ. Предметомъ второй, геометрической и отвлеченной, служитъ строеніе и плотность живописной матеріи. Матерія эта пріобрѣтаетъ аскетическую скудость; колоритъ приглушенъ и отрѣшенъ отъ первенства; все подчинено суровому культу обнаженной формы. Ощущеніе глубины и выпуклости предметовъ воз-

никаетъ уже не изъ пластической лѣпки и свѣтотѣни, а изъ соотношенія объемовъ и конструкціи тѣлъ.

Эта вторая тенденція, тяготѣніе къ «абсолютной живописи», къ отысканію специфическихъ свойствъ картины, свободной отъ всѣхъ внѣшней и узъ предметнаго міра, отъ цвѣта, формы и освѣщенія реальныхъ вещей, мечта о претвореніи живописи въ чистую идею становится на очередь послѣ цѣлаго почти столѣтія радостнаго упоенія цвѣтомъ и свѣтомъ. Эти то двѣ концепціи, декоративная и пространственная, и являются предѣлами, между которыми колеблется неутомимый маятникъ новаго нашего искусства.

* * *

Двѣ комнаты, всецѣло посвященныя И. Машкову и П. П. Кончаловскому, имѣютъ очевидной цѣлью представить всѣ стадии развитія этихъ живописцевъ съ «монотрафической», если позволено такъ выразиться, полнотю; затѣя поучительная, но не слишкомъ благоприятная для такихъ художниковъ, какъ они. Творчество ихъ нуждается въ строгомъ выборѣ; такъ, извлеченіе изъ архива нѣкоторыхъ раннихъ этюдовъ нагого тѣла, принадлежащихъ Машкову, говоритъ о чрезмѣрной экспансивности и общительности художника. Къ этому присоединяется впечатлѣніе нѣкотораго единообразія, происходящаго не отъ избытка, а скорѣе отъ недостатка личнаго характера. Представленный немногими образцами, какъ это имѣетъ мѣсто въ «Мірѣ Искусства», вкладъ ихъ производить бы впечатлѣніе болѣе драгоценнаго.

Я не хотѣлъ бы повторять въ этихъ замѣткахъ положеній моей предыдущей статьи; конечно, на живописцахъ этихъ лежитъ явственная печать Сезанновскаго воздѣйствія, что и сближаетъ ихъ съ западными сверстниками. Но воздѣйствіе это, потрясшее всѣ основы европейскаго искусствопониманія, растворилось въ русскомъ морѣ или, вѣрнѣе, осталось на поверхности. «Сезаннизмъ» москвичей не болѣе какъ «мимикрія», наружное приспособленіе. Оно не видитъ дальше видимости, оболочки или счастливыхъ иногда заимствованій. Такъ, столь подкупающій оверный пейзажъ Машкова за № 62 уступаетъ лучшимъ «странипамъ» такихъ французскихъ художниковъ, какъ Вламанъ или ранній Деранъ, точно также какъ и пейзажъ съ мостомъ Кончаловскаго. Пока они пребываютъ въ области излюбленныхъ мотивовъ названныхъ французовъ, пока они живописуютъ природу Прованса или мертвую натуру, иллюзія ихъ внутренняго родства съ преемниками Сезанна остается въ силѣ. Но стоитъ имъ обратиться къ русскому ландшафту или портрету, какъ пропасть становится зияющей. Здѣсь, несмотря на громадные, доселѣ невиданные форматы холстовъ передъ нами лишь незаконченные фрагменты, безъ внутренняго единства. Монументальное подмѣнивается опрошнымъ, экспрессія красочныхъ массъ—грубостью и топорной подчеркнутостью очертаній. И это особенно у Машкова. Колос-

сальный «портретъ жены художника» поражаетъ отсутствіемъ композиціонной закъннутости; онъ весь состоитъ изъ не связанныхъ другъ съ другомъ колористическихъ эпизодовъ. Иное дѣло Кончаловскій, живописецъ съ осторожнымъ и разборчивымъ вкусомъ; гамма его всегда благородна и выдержана, пропорціи фигуръ «деформированы», но взвѣшены и расчитаны; однако, и его живопись не «интенсивна», а «экстенсивна», не собрана воедино въ внушительной сосредоточенности картины, а одѣваетъ стѣны сплошнымъ ковромъ обширныхъ, декоративныхъ по эффекту пятенъ.

Для этой орнаментальной подоплеку дѣятелей бывшаго «Бубноваго Валета» типиченъ до карикатурности третій участникъ нашей выставки, А. Лентуловъ. Его авторитетъ, мишурный и слащавый, несмотря на вышнее подобіе богатсрскаго размаха, рыночная нарядность орнамента на фонѣ портрета поэта Вермеля близки къ стилизованнымъ плакатовъ. У художника этого налицо показная, хвастливая сила ярмарочнаго Геркулеса, съ вздутыми бицепсами и порокомъ сердца. Нѣкоторое облегченіе вноситъ «Нижній-Новгородъ», трактованный въ духѣ прошлогоднихъ московскихъ «каприччио» художника, съ ихъ звонкимъ хаосомъ пестрыхъ цилиндровъ и конусовъ. Такъ же и въ «Нижемъ», этомъ лабиринтѣ красочныхъ граней, вызывающемъ въ воображеніи скорѣе какой-либо невѣдомый Вавилонъ или Персеполь, принципъ кубизма растворенъ въ лихомъ малиновомъ звонѣ красокъ, въ глубокой цвѣтности.

Къ московской группѣ — ибо мѣстныя различія обозначаются на выставкѣ чрезвычайно отчетливо — слѣдуетъ отнести еще двухъ примѣчательныхъ экспонентовъ, Рождественскаго и Мильмана. Первый изъ нихъ, такъ сказать, плоть отъ плоти г. Кончаловскаго; работы Рождественскаго (натюрморты въ коричнево-сѣромъ «ключѣ»), кажутся болѣе изысканной и строгой редакціей мотивовъ и техники старшаго мастера. Тяжкая же цвѣтность и нарочитая выразительность массъ пейзажа, подчеркнутость его граней, свойственныя второму изъ этихъ художниковъ, раскрываютъ передъ нами какъ бы обратную сторону той конструктивности, того духа плотности и стройности, въ которомъ мы усмотрѣли опредѣлительный признакъ новѣйшей ориентации современной живописи. Я отлично сознаю, что строки эти не похожи на панегирикъ; но онѣ отнюдь не клонятся къ умаленію совершающейся созидательной работы. Правда, одна волна за другой разбивается о какое-то внутреннее препятствіе, обращающее даже такія планомѣрныя попытки *идеографическаго* искусства, символики цвѣта и линіи, какъ живопись Бандинскаго, всего лишь въ фантастическую и ласкающую глазъ игру красочныхъ распылововъ и арабесокъ. «Духовность», провозглашенная имъ, сводится всего лишь къ непривычнымъ и пріятнымъ раздраженіямъ сѣтчатки. Далеко за предѣлами «Мира Искусства» духъ декоративности продолжаетъ торжествовать.

Но такова лишь одна из сторон медали: другой, противоположный облик выставки, дополняет и углубляет впечатление.

Посредствующее положение между обоими полюсами занимает Натань Альтмань; не вступая в безвоздушное пространство самоодвѣтлаго формализма, онъ изображаетъ натуру въ духѣ объективнаго сходства, но сводитъ его изображение къ стройной строительной схемѣ. На выставкѣ этотъ выдающійся художникъ представленъ, по видимому, въ силу личныхъ помѣхъ, немногими вещами: двумя рисунками и скульптурной «головой молодого еврея». Я оставляю въ сторонѣ два пейзажныхъ этюда, очевидно, раннихъ и въ общемъ незначущихъ. Въ обоихъ портретныхъ рисункахъ кистью остро почувствованныя индивидуальныя черты выражены черезъ пересѣчение плоскостей и граней. Этотъ геометрический строй кажется здѣсь привнесеннымъ извнѣ, прибавленнымъ къ даннымъ непосредственнаго воспріятія. Не приближаются ли эти приемы къ тому, что одианъ французскій критикъ обозначилъ, какъ «пигмелическую гимнастику кубизма»? Но тѣ же приемы естественно привели живописца Альтмана къ пластикѣ. Его первая скульптурная работа характеризуется той же совершенной уравновѣшенностью формы, что и прошлогодній портретъ Анны Ахматовой съ его «классической» законченностью. Это голова, выполненная очень высокимъ рельефомъ и связанная съ плоскостью только дощечкой, служащей фономъ. Здѣсь угловатая очерченность плановъ придаетъ экзотической маскѣ еврея нѣкоторую важную и меланхолическую строгость. Однако, это скульптурное интермеццо не вноситъ въ характеристику Альтмана чертъ рѣшалоющей новизны.

Искусство Льва Бруни (какъ извѣстно, наотрѣвъ отвергнутаго жюри «Мира Искусства», забраковавшаго также рисунки Альтмана), эксцентрично, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Разнообразно направленные поиски формы и выраженія не имѣютъ у него средоточія и не обнаруживаютъ внутренней устойчивости. Онъ испытываетъ себя въ различныхъ начинаніяхъ, изъ коихъ ни одно для него не необходимо и не закономерно. Его «Сирень» и особенно «Радуга» являются примѣрами условной транскрипціи мотива. Деревья пейзажа, мостъ радуги переданы словно цѣлыя системы круглыхъ толстыхъ трубъ, вертикальныхъ и пнутыхъ. Ритмъ основныхъ линий сочетается со столь же схематичной, но напряженной красочностью цвѣтной гаммы. Къ большей простотѣ сведена тема сирени: гроздя геометрическихъ массъ, зеленоватой и мѣловой окраски, съ глухими синими отсвѣтами по краямъ, образуютъ довольно гармоничное подобіе цвѣтущихъ кустовъ. Нѣтъ въ этихъ уклонахъ талантливаго дилетантизма, убѣждающей выясненности намѣреній. У художника, какъ это бываетъ въ ранней юности, словно «ломается голосъ» и звучитъ то въ одномъ, то въ другомъ регистрѣ. Такъ, въ портретѣ поэта О. Мандельштама мы встречаемся съ реалистической по существу трактовкой, но передающей сходство въ преувеличенномъ манерѣ героической и монументальной экспрессии. Вся

эта дробность и разнорѣчивость представленныхъ на судъ достижений говоритъ о преждевременности какихъ-либо выводовъ и итоговъ.

Связь съ окружавшими художниками другого «петроградца» *, П. В. Митурича, не очевидна. Это мѣткій рисовальщикъ-наблюдатель въ духѣ импрессионистскаго обобщенія. Онъ достигаетъ живости и чистоты графическаго впечатлѣнія простыми средствами косої штриховки перомъ. Его «Поле», съ своимъ многообразіемъ перспективныхъ плановъ, говоритъ о влияніи рисунковъ Ванъ-Гога, но вовсе лишено нечеткой выразительности штриха и пунктира великаго голландца. Не сливается съ общимъ впечатлѣніемъ отъ осторожныхъ, но привлекательныхъ работъ Митурича «Портретъ композитора Артура Лурье». Вся орпигинальность этого плаката, съ сѣрокоричневой гладкой поверхностью лилолеума—въ намеренномъ несовпадении контуровъ фигуры и предметовъ съ красочными границами ихъ.

Минувъ рядъ эпизодовъ, не имѣющихъ симптоматическаго значенія, переплѣты Пикассо даровитой Розановой, бесплодныя усилія Спандикова, напомнившіе, однако, въ своемъ «Каналѣ» близну и голубизну иныхъ акварелей Синьяка, небольшія панно М. Шейхеля, гдѣ сквозитъ наклоніе Матисса всюду виденъ указующій перстъ Петрова-Водкина: его пониманіе и его краски, — я перехожу, наконецъ, къ группѣ почти однородной. Участники послѣдней подходятъ къ истолкованію мертвой природы (тыквы, бутылки или рубанка), какъ къ задачѣ живописнаго учебника, свято блюды отвлеченный кодексъ «картиннаго» письма. Ихъ забота о выявленіи специфическихъ «родовыхъ» особенностей картины какъ таковой, отмежеваніи ея отъ декоративнаго панно настолько настоятельна, — что одинъ изъ выставленныхъ цикловъ такъ и обозначенъ въ каталогѣ подъ собирательнымъ названіемъ «Станковая живопись». То *настоящая картина*, которыхъ художники тѣмъ самымъ и просятъ «не смѣшивать съ однофамильцами». Къ группѣ этой можно отнести А. Прищенка, срывающаго людъ флагомъ «живописно-пластическаго футуризма» упорядоченную и схематическую передачу реалистическаго видѣнія вещей, симпатичнаго Карева и робкаго В. Денисова. Чрезвычайно любопытно, что живописный пуризмъ, исканіе «станковаго» характера приближало этихъ «крайнихъ» художниковъ (я разумѣю двухъ послѣднихъ) къ мотивамъ, фактурѣ и гаммѣ старыхъ голландцевъ. Исторія искусства падла на подобные парадоксы!

Выраженная въ разныхъ степеняхъ и отвѣтвленіяхъ доктрина стереометрическаго строенія картины, оброченный Сезанномъ лозунгъ о кубѣ, конусѣ и цилиндрѣ, какъ основахъ всякаго формальнаго бытія, остаются и на данной выставкѣ и во всей остальной новѣйшей живо-

* Къ петроградской группѣ относится и художница В. М. Хопасевичъ, которой предоставленъ особый залъ. Въ рядѣ портретовъ большого масштаба ея со вкусомъ и энергіей использованы формальныя и колористическія приобрѣтенія этихъ дней. У нея валицо композиціонный даръ; однако близка и опасность академической банальности («фехтовальная пауза»).

писи точкой зрѣнія рѣшительно преобладающей и еще не поколебленной. Въ живописи повелительно вступили новыя понятія и новыя стихи. Самый материал ея измѣнился. И передъ этимъ засишемъ объемовъ и граней мнѣ вспоминается замыселъ одного изъ «доисторическихъ романовъ» Роши-Старшаго, дѣдъ праотцы современнаго человѣчества, азиатскіе кочевники, поставлены лицомъ къ лицу съ неслыханно грознымъ противникомъ: цѣлымъ племенемъ *формъ*, именно конусовъ и цилиндровъ, послушныхъ загадочнымъ свойствамъ геометрическихъ тѣлъ, размножающихся несчетно и ведущихъ съ людьми уничтожающую войну. Мнѣ вспомнилась эта ретроспективная фантазмагорія французскаго писателя передъ лицомъ искусства, упразднившаго прежнія мѣрила творчества, человѣка и природу, и провозгласившаго побѣдоносное пришествіе формъ.

Я не включилъ въ свой перечень участниковъ выставки Марка Шагала и это потому, что мечта его, витающая въ иныхъ сферахъ, лишь залетная гостья среди естественныхъ хозяевъ этого начинанія. Да и вообще сужденіе о немъ затруднено чрезвычайно. Въ случайномъ контекстѣ выставки «обликъ его затуманенъ. Цикль изъ шестидесяти слишкомъ маленькихъ холстовъ одного формата лишь этапъ, отдыхъ или уклонъ на пути, начало котораго намъ неизвѣстно. Въ циклѣ этомъ (связанномъ съ пребываніемъ на родинѣ, — окраинѣ Витебска) чередуются и толпятся эмблемы, видѣнія, интимныя и иногда горестныя замѣты дѣйствительности, еврейскіе мѣщанскіе *interieurs* и призрачныя арлекины изъ семьи образовъ Пикассо, мертвенная кукольность быга и францисканская предельная благословенная бѣдность. Лиризмъ этого дикийвианнаго художника не поддается транскрипціи, ибо онъ течетъ и чужды готовыхъ схемъ. Намѣренная бѣдность формы, наивная раскраска полны внушеній. Мнѣ остался непонятнымъ и чуждымъ цикль большихъ панно, изображающихъ евреевъ, но я былъ очарованъ, въ такихъ вещахъ, какъ «именины», этой сладостной, лихорадочною экзальтаціей, этими большими и нѣжными куклами, ритмически влекомыми въ пространство лунчатической преезой. Подобными внушеніями и приковываютъ прежде всего работы художника, остающагося для насъ до поры до времени загадочнымъ, какъ загадочны вообще стихіи, изъ которыхъ складается отгмѣченная личность.

Андрей Левинсонъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ.

Комитетъ французской «Всеобщей Конфедерации Труда» опубликовалъ слѣдующее сообщеніе: «На засѣданіи, состоявшемся 1-го мая 1916 г., комитетъ разсматривалъ вопросъ объ условіяхъ найма рабочихъ-иностранцевъ. Кромѣ уполномоченныхъ конфедерации, въ засѣданіи этомъ приняли участие делегаты итальянскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ профессиональныхъ союзовъ. Было единодушно признано, что рабочимъ организациямъ страны, изъ которой вывозятся, и страны, въ которую ввозятся рабочіе, должно принадлежать право контроля надъ ихъ рекрутированиемъ и распределеніемъ. Собраніе оживленно обсуждало и въ принципѣ одобрило проектъ созыва международной конференціи пролетариата союзныхъ странъ для выработки тѣхъ гарантирующихъ интересы рабочихъ пунктовъ, которые должны быть включены въ будущій мирный договоръ. Эту конференцію предполагено созвать въ Лондонѣ въ началѣ іюля текущаго года».

* * *

Идея внесенія въ будущій мирный трактатъ особыхъ «рабочихъ пунктовъ» превращается, по словамъ «Temps», въ опасную манію, которая очень озабочиваетъ почтенную газету. Въ статьѣ «Претензіи синдикалистовъ» «Temps» пишетъ (см. № отъ 3 мая): «Съѣздъ профессиональныхъ союзовъ департамента Сены, собравшійся въ Парижѣ 1-го мая, считаетъ, что наступило благоприятное время для подготовки такого тактическаго хода, который, въ случаѣ успѣха, совершенно извратилъ бы логическое завершеніе войны, съ такою доблестью ведомой всѣми союзниками. Съѣздъ подтвердилъ перво-майскую резолюцію прошлаго года, которая существенными началами грядущаго мира провозглашаетъ независимость народовъ, устраненіе всякой тайной дипломатіи, ограниченіе вооруженій, какъ первый шагъ къ всеобщему разоруженію, и обязательное подчиненіе третейскому суду въ всѣхъ международныхъ спорахъ».

Впрочемъ, подобнаго рода отвлеченныя благоположенія не особенно тревожатъ «Temps», — газета пренебрежительно третируетъ ихъ, какъ «пустыя приманки», годныя для наивныхъ рабочихъ, но не заслуживающія вниманія серьезнаго политика («esprit politique»). Хуже то, что съѣздъ одобрилъ мысль американской федераціи труда созвать международный конгрессъ профессиональныхъ союзовъ одновременно съ мирной конференціей дипломатовъ и въ томъ же самомъ городѣ, гдѣ будетъ засѣдать эта послѣдняя. Въ этомъ проектѣ навязать конгрессу «рабочіе пункты» отъ имени «организованнаго труда всего міра» «Temps» видитъ духъ партійной исключительности, несовмѣстимый съ тѣми высокими задачами, которыя преслѣдуетъ въ настоящей войнѣ Согласіе.

Идеи цивилизации, права и справедливости, отстаиваемыя державами Согласия, въ корнѣ подрываются тѣмъ материалистическимъ классовымъ социализмомъ, въ которомъ газета усматриваетъ одинъ изъ зловреднѣйшихъ продуктовъ германскаго культурнаго варварства. Если бы война съ нѣмцами окончательно изгнала изъ Франціи германскую идею борьбы классовъ, если бы она привела къ прекращенію «войны противъ капиталистическаго общества», «если бы она увѣнчалась національнымъ возрожденіемъ, то мы почти склонны были бы сказать, что ужасное нѣмецкое нашествіе обошлось намъ не слишкомъ дорого», восклицаетъ «Temps» въ № отъ 9 мая.

Эти радужныя надежды пробудила рѣчь министра общественныхъ работъ, социалиста Самба, сказавшаго на торжествѣ, по случаю закладки канала Марсель-Рона: «Урокъ войны не пройдетъ для насъ даромъ. Жестокий, кровавый, могучій урокъ национальной солидарности! Тотъ же самый порывъ, который объединяетъ насъ сегодня, о который разбивается подъ Верденомъ яростный потокъ непріятельскаго вторженія, — этотъ же самый порывъ объединитъ насъ завтра въ общемъ стремленіи довести до максимума экономическое могущество Франціи».

Но даже столь возвышенный національный патриотизмъ социалистическаго министра не вполне удовлетворяетъ требовательную газету. Самбо позволилъ себѣ, между прочимъ, выразить скромную надежду, что «рабочіе должны занять въ национальной жизни то мѣсто, котораго они заслуживаютъ, должны получить признание своихъ правъ». Какъ? негодующе восклицаетъ по этому поводу «Temps», «въ этой странѣ свободы и равенства должны быть еще признаны какія-то новыя «права» за опредѣленною категоріей гражданъ?» Усматривая въ этихъ словахъ сѣмена «соціальной войны», «Temps» рекомендуетъ рабочимъ и ихъ министру брать примѣръ съ предпринимателей, свято чтущихъ принципы священнаго единенія: «среди предпринимателей нѣтъ ни одного такого, который не былъ бы проникнутъ сознаніемъ глубокой солидарности между капиталомъ и трудомъ; нѣтъ среди нихъ ни одного такого, который бы не понималъ, насколько ложны и пагубны какъ для самого рабочаго населенія, такъ и для процвѣтанія Франціи братоубійственныя теоріи, сѣющія сѣмена соціальной войны».

* * *

Если въ области внутреннихъ отношеній принципы права и справедливости, долженствующія восторжествовать послѣ побѣдоноснаго окончанія войны, рисуются солиднымъ кругамъ французскаго общества, какъ освобожденіе отъ братоубійственныхъ теорій социализма, то въ области колониальной политики торжество этихъ принциповъ равносильно окончательному преодолѣнію «глупаго и смѣшнаго гуманичанья». Обозрѣватель «Mesure de France», обсуждая колониальный вопросъ (въ № отъ 16 апрѣля), останавливается прежде всего на нѣкоторыхъ опасеніяхъ своихъ соотечественниковъ. Нѣкоторые боятся, — пишетъ онъ, — что при распредѣленіи колоній, отнятыхъ у Германіи, между Франціей и Англійей, эта послѣдняя «по своей старой привычкѣ, захочетъ оставить за собой львиную долю (la part du... léopard)». Опасенія эти авторъ считаетъ совершенно несостоятельными уже по одному тому, что подобныя

же мысли высказываютъ нѣкоторые «публицисты бошей». Гораздо сильнѣе беспокоятъ «Mercure de France» тѣ «ослѣпленные глупымъ и смѣшнымъ гуманичаньемъ писатели, которые по ту и другую сторону Ламанша пытались дискредитировать наше колониальное дѣло, въ особенности въ Конго». Высказавъ затѣмъ надежду, что въ дальнѣйшемъ колониальную политику Франци не будетъ отравлять «пасифистскій и гуманитарный ядъ», авторъ продолжаетъ: «Я сказалъ «пасифистскій» и «гуманитарный». Но было бы достаточно одного эпитета «христианскій», ибо это древнее и ложное ученіе о равенствѣ людей фатально приводитъ къ анархии въ странахъ, подчиненныхъ кастовому режиму... Но война призвана поставить на свое мѣсто всѣ цѣнности. Если она закончится побѣдоносно для союзниковъ, то, надо думать, на другой день послѣ нея, на другой день послѣ торжества пушечнаго права (du droit du canon), будетъ меньше мечтателей и опасныхъ утопистовъ, склонныхъ прославлять всемогущество нравственныхъ идей; быть можетъ, тогда мы увидимъ въ колоніяхъ примѣненіе здоровой и логичной политики господства, которая, что бы о ней ни говорили нѣкоторые, является наиболѣе гуманной, ибо только она одна предупреждаетъ бунты, не даетъ имъ зародиться и, такимъ образомъ, дѣлаетъ излишнимъ ихъ подавленіе въ потокахъ крови».

* * *

Пьеръ Миль опубликовалъ въ «Temps» рукопись одного нѣмецкаго профессора, за аутентичность которой онъ ручается, отказываясь, однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ назвать имя автора. Въ этой рукописи имѣется, между прочимъ, слѣдующее интересное сообщеніе: «Я не принадлежу къ числу нѣмецкихъ ученыхъ, подписавшихъ извѣстный манифестъ, но я не подписалъ бы и контръ-манифеста, составленнаго, какъ мнѣ извѣстно, другими представителями нѣмецкой интеллигенціи, желавшими заявить протестъ противъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета, противъ жестокостей и ненужныхъ опустошеній, совершенныхъ въ началѣ войны. Этотъ второй манифестъ, противоположный первому, отданъ, какъ мнѣ сообщили, на храненіе нотаріусу; авторы, съ одной стороны, не рискнули опубликовать его немедленно, зная, что это не пройдетъ для нихъ безнаказанно, — съ другой стороны, хотѣли официально засвидѣтельствовать дату его составленія, и, такимъ образомъ, заручиться доказательствомъ, что они не дожидались наступленія очевидныхъ неудачъ, для того, чтобы высказать свое неодобреніе актамъ, осудить которые они считали своей обязанностью».

* * *

Въ теченіе настоящей войны, вліятельными кругами Англи нерѣдко высказывалось недовольство парламентаризмомъ. Со стороны консерваторовъ пускается въ оборотъ идея объ установленіи диктатуры, со стороны же либерально-радикальныхъ круговъ слышатся предложенія произвести коренную ломку парламентскаго строя, но съ цѣлью усиленія вліянія народныхъ массъ. Для этого послѣдняго настроенія характерна статья W. Foster'a въ апрѣльскомъ № журнала «The Edinburgh Review».

Основной недостатокъ парламентарной системы, это, по мнѣнію Фо-

стера, — партийная организация и партийная дисциплина, въ силу которыхъ каждое министерство является отвѣтственнымъ не передъ всѣмъ народомъ въ цѣломъ, а передъ избравшей его партией. Фостеръ изслѣдуетъ отношеніе къ парламентаризму въ С.-Штатахъ, Франци и Англии и приходитъ къ слѣдующему выводу: «На парламентаризмъ въ Соед. Штатахъ смотрятъ съ безразличіемъ, во Франци — съ недоувѣріемъ, въ Англии — съ отвращеніемъ. Почему? Потому что принципъ его устарѣлъ, а практические результаты вредны. Принципъ парламента устарѣлъ потому, что въ силу измѣнившихся условий, т. е. культурнаго прогресса массъ и расширенія избирательнаго права—власть сосредоточилась въ рукахъ самого народа, который и долженъ былъ бы осуществлять ее непосредственно. Практика же парламентаризма вредна потому, что парламентаризмъ лишаетъ народъ чувства собственной его отвѣтственности... При нормальномъ ходѣ партийной системы, нижняя палата оказывается лишь машиной для регистраціи рѣшеній кабинета, отвѣтственнаго не передъ страной, а передъ избравшей его партией. И если кабинетъ живетъ въ согласіи съ своими партийными приверженцами, то онъ можетъ третировать Нижнюю Палату въ ея цѣломъ, какъ ему угодно. Уничтоженіе индивидуальности и независимости каждаго отдѣльнаго члена палаты, — условия, необходимыя при всякой представительной системѣ, — съ другой же стороны пустота и искусственность дебатовъ, являющихся простой тратой времени, ибо рѣшенія приняты заранѣе, — все это ясно показываетъ, что существующая парламентская система не можетъ болѣе приносить пользы и грозитъ опасностью для будущихъ судебъ нации».

* * *

Въ апрѣльскомъ № «Nation», Гобсонъ даетъ яркую картину измѣнившихся условий общественной жизни. Перечисливъ особенности «пруссачества» (всемогущество полиціи, отсутствіе свободы собраній и прессы и т. д.), Гобсонъ спрашиваетъ: «Но будетъ ли доволенъ англичанинъ, отправившійся на войну для уничтоженія прускаго духа, если, вернувшись въ Англию, онъ найдетъ у себя на родинѣ его факсимиле? Въдь въ силу акта о защитѣ государства, проведеннаго въ сентябрѣ 1914 г., парламентъ въ сущности уступилъ свои законодательныя функции исполнительной власти, уполномочивъ ее издавать и отмѣнять законы по собственному ея усмотрѣнію. По административнымъ приказамъ тайнаго совѣта (Privy Council) во многихъ случаяхъ нарушались законныя права гражданина, былъ установленъ новый родъ преступленій, учреждены новые трибуналы, введены въ дѣйствіе новые виды наказаній. Свобода слова нарушалась, и въ нѣсколькихъ случаяхъ съ этой цѣлью пускались въ ходъ солдаты, срывавшіе митинги. Такъ, напр., въ концѣ ноября былъ сорванъ митингъ союза парламентарскаго контроля по инициативѣ анти-германскаго союза и нѣкоторыхъ органовъ лондонской прессы. Самой мрачной чертой этого эпизода было введеніе въ залу солдатъ по поддѣланнымъ входнымъ билетамъ, и защита этого поступка въ парламентѣ со стороны товарища военнаго министра. Надо при этомъ замѣтить, что по какимъ то соображеніямъ, совершенно невыясненнымъ, военное министерство откомандировало на митингъ своего представителя, отчетъ котораго былъ сплошнымъ извращеніемъ

фактовъ. Въ силу закона о защитѣ государства, часто наказывались и совершенно индивидуальныя выраженія мнѣній. Такъ, напр., одного рабочаго, переписывавшаго въ общемъ помѣщеніи трактатъ Толстого о войнѣ, приговорили къ трехъ-мѣсячному аресту. Пьеса Броквея «Барыши дьявола», изображавшая роль, которую играютъ въ современныхъ войнахъ фирмы военной промышленности, не содержала въ себѣ рѣшительно ничего, дающаго полезныя свѣдѣнія неприятелю. Тѣмъ не менѣе, рукопись ея была взята полицией и уничтожена. За выраженіе въ разговорѣ анти-военныхъ мыслей (въ военномъ госпиталѣ) социалистъ, членъ шеффилдскаго попечительскаго совѣта, былъ присужденъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы. Вообще же, согласно закону о защитѣ государства, не только агитация противъ рекрутскаго набора, но и критика рекомендуемыхъ въ планѣ Дерби методовъ является наказуемымъ преступленіемъ».

КЪ НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ.

Н. А. Рубакинъ. «Среди книгъ», т. III, ч. I, изд. 2-е, книгоизд. «Наука», Москва, 1915 г., цѣна 2 р., VIII+200 стр.

Изъ «больного» или «экзотическаго» вопроса отставшаго въ своемъ развитіи европейскаго Востока, главнымъ образомъ, «лоскутной» монархія на Дунаѣ, национальный вопросъ дѣлается одной изъ волнующихъ миръ проблемъ, тѣсно сплетаясь съ вопросами и внѣшней и внутренней политики империалистскихъ государствъ въ ходѣ ихъ борьбы за «миродержавіе». Между тѣмъ врядъ ли въ какой-либо другой области научная разработка предмета такъ сильно отстала отъ растущаго интереса къ нему. Нѣтъ до сихъ поръ ни одной кѣедры въ европейскихъ университетахъ по нац. вопросу, нѣтъ систематическихъ изслѣдованій (если не считать двухъ-трехъ работъ «австро-марксистовъ»), нѣтъ до сихъ поръ въ Европѣ и общаго указателя литературы по национальному вопросу.

Книга Н. А. Рубакина представляетъ собою первый опытъ составленія такого указателя, главнымъ образомъ, русской литературы — оригинальной и переводной, указателя, который не только даетъ сухой перечень книгъ, но въ обширныхъ вводныхъ и пояснительныхъ обзорахъ стремится ориентировать читателя въ самомъ предметѣ.

Собственно-национальному вопросу посвящена вторая половина книги (стр. 100—200). Въ первой же половинѣ разсматриваются отдѣлы науки, составляющие какъ бы пролегомены къ широкой, философской постановкѣ национальной проблемы. «Человѣчество въ его отношеніи къ окружающей природѣ», «Страны и народы ихъ населяющіе», «Племенной и расовый составъ человѣчества», «Человѣчество, какъ одинъ изъ отдѣловъ животнаго міра» — таковъ фонъ, на которомъ всемірная история тклетъ сложный узоръ национальныхъ проблемъ въ собственномъ смыслѣ. Объ этой части лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Въ трактовкѣ вопросовъ о соотношеніяхъ человѣка и природы, о развитіи человѣчества и его культуры авторъ слишкомъ формально дер-

жался рамокъ школьныхъ дисциплинъ—географіи, антропологи и этнографіи. При этомъ, въ основу анализа національнаго вопроса въ рамкахъ каждой изъ такихъ дисциплинъ не положено какого либо единого, руководящаго принципа изслѣдованія. Отсутствіе послѣдняго замѣняется у автора въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ основному отдѣлу («Национальный вопросъ» — стр. 100 и слѣд.) и въ предисловіи ко всей книгѣ этическими «регулятивными идеями» вродѣ максимы: «будемъ смотрѣть прежде всего на то, что можетъ соединить людей, а не на то, что разъединяетъ ихъ», но этотъ этический элементъ чисто механически соединяется съ безпристрастно-описательнымъ классификаторствомъ, не выявляя точки зрѣнія автора въ самомъ вопросѣ. Мы думаемъ, что для ориентировки читателя важнѣе была бы опредѣленность, пусть даже односторонняя, собственной точки зрѣнія автора въ разбираемыхъ проблемахъ.

Стараясь выяснитъ существо національнаго вопроса, авторъ говоритъ: Национальный вопросъ . . . . есть вопросъ о національностяхъ, точнѣе говоря, о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ національностей и связанный съ этими послѣдними вопросъ о расахъ и племенахъ» (стр. 101). Но характеръ этой связи между «нацией» и «расой» остается у автора совершенно невыясненнымъ. Онъ ограничивается констатированіемъ того, что «чистыхъ расъ уже нѣтъ» и что «нельзя не считаться съ фактомъ самого существованія національностей, какъ расовыхъ и этническихъ разновидностей». Недостаточно разграничены обѣ эти категории:—раса, какъ результатъ общности естественной среды, и нація, какъ результатъ общности исторической судьбы, и не вскрыта динамика историческаго процесса, все болѣе отрывающаго національную общность отъ расовой, какъ и отъ другихъ рудиментовъ, составлявшихъ первоначально содержание нации» (религии, нравовъ и проч.), и все болѣе сводящаго это содержаніе къ общности языка.

Различныя дефиниціи нации изложены въ основномъ (съ небольшими дополненіями) по О. Бауэру (метафизическая, психологическая, эмпирико-описательная и материалистическая точки зрѣнія). Но при изложеніи взглядовъ материалистической школы, изъ Бауэра приведено лишь его общее указаніе на то, что «нація есть историческое въ насъ», и опущено его ставшее въ извѣстномъ смыслѣ классическимъ опредѣленіе нации, какъ «общности характера и культуры, выросшей изъ общности судьбы». Нѣтъ указанія на цѣнную работу Каутскаго «Nationalität und Internationalität (Erganzungsheft zur «Neuen Zeit» за 1908 г.), въ которой опредѣленіе Бауэра подвергнуто критикѣ (продолженіе полемики Каутскаго-Бауэра было въ «Neue Zeit» № 23 за 1908 г.: ст. Бауэра «Bemerkungen zur Nationalitätenfrage» и отвѣтъ Каутскаго тутъ же; Каутскій, какъ основной признакъ нации, выдвигалъ не «общность характера» и пр., а языкъ). Въ этой связи слѣдовало бы указать и на двухъ другихъ критиковъ Бауэра — голландскаго марксиста Антона Паннекука и австрійскаго Иозефа Штрассера, брошюры которыхъ («Klassenkampf und Nation» и «Die Arbeiter und die Nation»,—обѣ изданы въ 1912 г. въ Рейхенбергѣ въ Австріи и критикуютъ «национальный оппортунизмъ» Бауэра съ радикально-марксистской точки зрѣнія. Зато безъ всякаго ущерба для читателя можно было бы опустить и въ этой главѣ, и въ рядѣ послѣдующихъ непропорционально-обстоятельное изложеніе взглядовъ еврейскаго социаль-націоналиста Житловскаго.

Влияние писаний Житловского, которому авторъ часто некритично слѣдовалъ, особенно вредно отразилось на слѣдующей главѣ обзора («Отношение національнаго къ общечеловѣческому», стр. 107). Космополитизмъ и интернационализмъ противопоставляются здѣсь другъ другу съ такой рѣзкостью, что Марксъ, напримѣръ, оказывается космополитомъ, но не интернационалистомъ, а интернационализмъ толкуется въ духѣ простого синтеза равноправныхъ национализмовъ разныхъ націй.

Авторъ не провелъ различия между наивно-националистическимъ космополитизмомъ просвѣтителей XVIII столѣтія, думавшихъ сразу, доводами отъ чистаго разума, заставить исторію перескочить черезъ націи къ единому человѣчеству и, такъ сказать, въ порядкѣ декларативномъ объявить всѣхъ людей «гражданами міра», — и между критическимъ космополитизмомъ Маркса или Каутскаго, который хочетъ быть сознательнымъ отраженіемъ объективнаго процесса все растущей интернационализации и унитаризации жизни и культуры народовъ. Необходимо было указать, наперекоръ Житловскому (который, впрочемъ въ нынѣшней разрухѣ нашелъ множество неожиданныхъ послѣдователей), что въ интернационалистической идеологии, какъ она формулировалась вторымъ интернационаломъ, были двѣ струи: національно и интернационально окрашенная (достаточно сопоставить позиции Жореса, отчасти Бебеля, и Каутскаго, — напримѣръ, на Эссенскомъ партейтагѣ 1907 г., — въ вопросѣ о «защитѣ»), противорѣчіе между которыми во всей глубинѣ, правда, вскрыли лишь послѣднія событія. Кризисъ и былъ созданъ силой національныхъ пережитковъ въ интернациональной идеологии дѣятелей и массы; по вопросу о сознательномъ преодолѣнии этихъ перспективъ, приступа къ которому нельзя откладывать до завтрашняго дня, можно бы указать крайне интересное изслѣдование: «Die Krise und die Aufgaben der intern. S-die, von Axlerod», вышедшее въ Швейцаріи уже во время войны.

Главка объ «отношении мелкихъ народностей къ крупнымъ государственнымъ націямъ», навѣянная тѣмъ же Житловскимъ, совершенно ни къ чему. Вопросъ о соотношении между саксонцами, баварцами и т. д. и нѣмцами, — между такъ называемыми нарѣчьями и языками, есть частный моментъ въ общей проблемѣ национальной консолидации и ассимиляции, которую слѣдовало бы разработать въ особой главѣ. Терминъ Житловскаго «паннационализмъ» * ввелъ здѣсь еще автора въ искушение механически присоединить къ вопросу о сепаратизмѣ «народностей» (по отношенію къ націямъ) явленія совершенно иного порядка, какъ пангерманизмъ, ирредентизмъ, «желтую опасность» и т. п., и эти проблемы слѣдовало бы выдѣлить въ особую главу: національный вопросъ во внѣшней политикѣ.

Переходя отъ идеологии къ программѣ національнаго вопроса, авторъ

* Подъ этимъ Житловскій понимаетъ стремленіе растворить «народности» въ болѣе крупной (родственной) націи, причемъ безразборчиво примѣняетъ его и къ панславизму, и къ консолидации баварцевъ, пруссаковъ, и т. д. въ нѣм. націю! — Въ австро-марксистской литературѣ терминъ «паннационализмъ» примѣняется къ теоріи, сводящей интернационализмъ къ синтезу равноправныхъ национализмовъ. Въ этомъ смыслѣ Пернерсторферъ называлъ себя еще недавно «паннационалистомъ въ «Neue Zeit».

разсматриваетъ теорію, по которой «государство и нація — одно», и затѣмъ все великое многообразіе національной программы противопоставляетъ ей, какъ «федеративную точку зрѣнія!» Отъ федерализма совершенно не ограниченъ автономизмъ, а отъ послѣдняго — мѣстное самоуправленіе въ узкомъ смыслѣ. Почти вовсе не освѣщены споры среди русской демократіи по вопросу о національной программѣ. Совершенно не учтена знаменательная эволюція программъ національ-соціалистическихъ группъ въ Россіи въ періодъ 1905—07 гг. отъ сепаратизма черезъ федерализмъ къ автономизму; борьба между марксистами, отстаивавшими съ самаго начала программу автономизма, и этими группами лишь затемняется указаниемъ на то, что «значительная часть современныхъ социалистовъ» придерживается «рѣшенія въ смыслѣ федеративно-территориальной автономіи».

Экстерриториальность націй далеко не выяснена въ ея историческомъ значеніи, какъ явленіе новаго времени, и слишкомъ слабо освѣщена контрверза между сторонниками территориальной и экстерриториальной автономіи. Указанія литературы предмета здѣсь слѣдовало бы дополнить, по крайней мѣрѣ, цѣнными статьями изъ научнаго органа австр. с.-д. «Der Kampf», статьями Розы Люксембургъ въ «Przegladie S.-D.» (обоснованіе террит. автон.) и В. Медема въ «Вѣстникѣ Европы» (экстеррит. автономія; отвѣтъ проф. Грушевскаго тамъ же). Въ связи съ событіями послѣдняго времени, для ряда націй Россіи экстерриториальность получаетъ широкое значеніе, вопросъ о национальныхъ меньшинствахъ становится чрезвычайно актуальнымъ, и здѣсь особенно можно пожалѣть, что авторъ не использовалъ богатаго разработкой этихъ именно проблемъ «Kampf'a» (не говоря уже о томъ, что въ «Kampf'ѣ» есть и нѣкоторыя прямо классическія статьи по теоріи національнаго вопроса, какъ, напр., Бауэра о законахъ ассимиляціи и др.).

Слишкомъ ужъ мало вниманія удѣлилъ авторъ «национальному вопросу въ отдѣльныхъ странахъ» (стр. 115), помимо Россіи. Здѣсь изъ всѣхъ «государствъ национальностей» отмѣчаются, да и то неполно, лишь Австрія и Германія. Совершенно опущены Бельгія, Швейцарія, Америка, Канада и др. Не проведена параллель между различными государствами национальностей, не выясненъ глубоко интересный вопросъ о томъ, почему въ Швейцаріи, Бельгіи, Америкѣ (Соед.-Шт.), Канадѣ нѣтъ такихъ национальныхъ трений, какъ въ восточно-европейскихъ государствахъ націй*.

Наиболѣе разработанными являются дальнѣйше отдѣлы: о русскомъ национализмѣ и панславизмѣ (стр. 116—135). Далѣ слѣдуютъ «русские писатели, высказывающіеся противъ націонализма вообще и особой рус-

* По этимъ вопросамъ имѣются, правда, главнымъ образомъ лишь журнальныя статьи. За время войны можно бы указать двѣ работы Каутскаго (составившіяся изъ статей въ «Neue Zeit»): «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund», Nürnberg, 1915 и «Die vereinigten Staaten von Europa». Затѣмъ въ «Kampf'ѣ» статьи Реннера (особенно «Probleme des Ostens»), въ «Neue Zeit» статьи: Austerlitz, «Die nationalen Triebkräfte» (съ отвѣтомъ Каутскаго), Semkowsky, «Russland als Nationalitätenstaat». Довольно богатая, — по крайней мѣрѣ, количественно — литература по этимъ вопросамъ вышла за время войны по-англійски («The war and democracy» и др.).

ской национальной идеи в частности»; сюда собраны всё, у кого хоть какое-нибудь заявление можно найти против крайнего национализма, вплоть до небезызвестнаго когда-то сотрудника «Новаго Времени» Сигмы; но, странным образом, нѣтъ даже суммарнаго указанія на русских марксистовъ (хотя бы въ ихъ преемственной связи съ западничествомъ).

Обзоры «различныхъ течений национальной мысли среди народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи» (стр. 139—185), обнимаютъ украинскій вопросъ, бѣлорусское національное возрожденіе, польскій вопросъ въ Россіи, Австріи и Германіи (съ приложеніемъ специальнаго обзора мнѣній русскихъ публицистовъ по польск. вопросу), національный вопросъ въ Литвѣ (статья написана специально для рубачинскаго указателя литовскимъ публицистомъ А. Римка), національный вопросъ въ Финляндіи (больше о государственно-правовой проблемѣ, чѣмъ о внутри-національныхъ отношеніяхъ), грузинскій, армянскій и еврейскій національные вопросы.

Всѣ эти обзоры достаточно полны, особенно послѣдній, разматривающій отдѣльно еврейскій вопросъ на Западѣ и въ Россіи; здѣсь охарактеризована и литература по вопросу о польско-еврейскихъ отношеніяхъ, и по давнему спору между «искровцами» и «бундовцами», и литература разныхъ сионистско-соціалистическихъ теченій. Въ слѣд. изд. слѣдовало бы лишь прибавить обзоры національнаго вопроса латышскаго, эстонскаго, мусульманскаго и хотя бы суммарно другихъ пробуждающихся «неисторическихъ» націй Россіи (кстати, механизмъ этого пробужденія совершенно не выясненъ въ теоретической части книги). Въ обзоръ литературы польскихъ марксистовъ по еврейскому вопросу слѣдуетъ включить изданную въ Краковѣ въ 1913 г. книжку Марклевскаго: «Antysemitysme a robotnicy»; затѣмъ слѣдовало бы въ новомъ изданіи остановиться на обширнѣйшей нѣмецкой литературѣ о «восточныхъ евреяхъ», вышедшей за время войны (укажемъ здѣсь хотя бы на специальный номеръ «Süddeutsche Monatshefte» за февраль тек. года подъ загл. «Ostjuden», на брош. д-ра Бодмера: «Ein neuer Staatenbund und das Ostjudenproblem», въ изд. «Der deutsche Krieg», на рядъ статей въ «Preussische Jahrbucher»).

Послѣдняя главка обзоровъ Рубакина посвящена мнѣніямъ русскихъ публицистовъ по еврейскому вопросу. Затѣмъ идетъ перечень заглавій указанныхъ во всѣхъ обзорахъ книгъ и брошюръ по національному вопросу; такихъ заглавій всего около 300—350; но въ этой скудости сказался не столько сократившійся притокъ книгъ изъ Россіи, на который жалуется въ предисловіи авторъ (проживающій въ Швейцаріи), сколько бѣдность литературы — особенно болѣе серьезныхъ изслѣдованій — по національному вопросу вообще.

Въ слѣдующемъ изданіи автору слѣдовало бы ввести еще специальную главку объ организационно-національныхъ вопросахъ, встающихъ нерѣдко довольно остро въ профессиональныхъ союзахъ, кооперативахъ, политическихъ организаціяхъ рабочей демократіи (такъ называемый «сепаратизмъ» въ австрійскомъ движеніи и пр.). И еще одно: такъ какъ къ книгѣ Рубакина многіе, несомнѣнно, будутъ обращаться для ориентировки не только въ литературѣ національнаго

вопроса, но и въ самомъ вопросѣ, было бы полезно въ слѣдующемъ издани дать важнѣйшія статистическія данныя относительно національнаго состава населения различныхъ странъ, социальной структуры различныхъ націй и пр.

При всѣхъ отмѣченныхъ недочетахъ и пробѣлахъ, книга Рубакина, представляющая первый опытъ этого рода и въ европейской печати, явится для всѣхъ приступающихъ къ изученію національнаго вопроса, весьма цѣннымъ справочникомъ.

С. Сем—скій.

* * *

Т. Щепкина-Куперникъ. Отзвуки войны. Стихотворения. Издание т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1915. Ц. 50 коп.

Лирика Щепкиной-Куперникъ всегда была въ достаточной степени банальна. Но въ своей книгѣ она превзошла самое себя. Удивляться этому, конечно, не приходится. Когда поэтъ пишетъ цѣлую книгу на заданныя темы, онъ долженъ обратиться въ ремесленника. Не мало проваловъ мы видѣли въ «военныхъ» стихахъ нашихъ большихъ поэтовъ. Нетрудно себѣ представить, что должно случиться съ поэтомъ, который никогда высоко не гочымался.

Хуже всего то, что г-жа Щепкина-Куперникъ совершенно не знаетъ того, о чемъ она пишетъ. Уже кто, кажется, въ наши дни не видалъ солдатъ? А вотъ представьте себѣ — г-жа Щепкина-Куперникъ видала ихъ только на картинкѣ.

«Сколько юныхъ лицъ... сколько юныхъ глазъ
Смотрить на меня со страницъ
журнала»—

говорить она (стр. 49). И могутъ-ли звучать искренно слова жалости и состраданія не къ живымъ людямъ, а ихъ портретамъ въ «Огонькѣ»? И лебеди Иксельскихъ прудовъ для нея не живыя птицы, а

«...бѣлыя птицы поэмъ,
«Прекрасныхъ поэмъ Роденбаха»
(стр. 16).

Неудивительно, что въ ея страницахъ о Бельгии—а ихъ много—нѣтъ

ничего, кромѣ пустой реторики. Вотъ все ихъ содержаніе:

«О, Бельгіи несчастной
небеса!» (стр. 9)
«Мы дѣти Бельгіи несчастной» (стр. 11)
«Несчастной Бельгіи цвѣты»
(стр. 21)

И такое же безкрылое и безпорывное топтанье на одномъ мѣстѣ представляютъ собой и остальные отдѣлы книги съ ихъ непремѣнными сестрами милосердія, «Дѣтьми бѣженцевъ», «Старыми солдатами», Польшей, молитвами и елкой въ окопахъ. И не въ силахъ сообщить какую-нибудь художественную цѣнность этимъ мертвымъ страницамъ ни надсоновскія выраженія — «жажда идеала», «полновластно царить», ни даже «исправленные» пушкинскія строки:—

«Рвутся ядра, свищутъ пули»
(стр. 14).

Д. Выгодскій.

О. Мандельштамъ. Камень. Стихи. «Гиперборей». Петроградъ. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

По характеру своего дарованія О. Мандельштамъ принадлежитъ къ той многочисленной группѣ поэтовъ «хорошаго тона», поэтовъ-стилистовъ, «парнасцевъ», которыми почему-то особенно богато именно наше нескладное, бурное время, меньше всего, казалось бы, располагающее къ покою, пассивности и сладкимъ звукамъ изнѣженной лиры.

Индивидуалисты по убѣжденію.

новаторы по специальности, любители новизны и яркости, поэты этого толка меньше всего блещут оригинальностью, новизной и яркостью своих произведений, представляющих въ лучшемъ случаѣ запоздалые переводы съ французскаго, а въ худшемъ — перепѣвы нашихъ русскихъ «модернистовъ» старшаго поколѣнія. Много среди нихъ одаренныхъ, но почти нѣтъ талантливыхъ, много у нихъ изобрѣтательности, но — ни одного открытiя, много надуманности и — ни капли паѳоса. Прекрасные ювелиры чужихъ драгоценностей!

О. Мандельштамъ среди нихъ — не первый и не послѣднiй. У него есть несомнѣнное чувство красоты, ритма, его стихи хорошо отточены, его лексиконъ достаточно богатъ, но говорить поэту не о чемъ, слова звучать въ его душѣ, какъ въ пустотѣ.

«Отчего душа такъ пѣвуча
И такъ мало милыхъ именъ?»

И потому даже въ лучшихъ его стихахъ чувствуется несамостоятельность, чужия настроения. (Бальмонтъ).

«Скучный лучъ холодной
мѣрою
Сѣть свѣтъ въ сырость лѣсу,
Я печаль, какъ птицу, сѣрую
Въ сердцѣ медленно несу».

Чувство жизни — понижено, все окружающее кажется поэту блѣднымъ и мертвеннымъ:

«Я вижу мѣсяцъ бездыханный
И небо мертвеннѣй холста.
Твой миръ болѣзненный и
странный
Я принимаю, пустота!»

Въ пустотѣ, въ тишинѣ каждая мелочь замѣтна и нѣтъ мѣста ничему большому и яркому. Отсюда у поэта необычайное пристрастiе къ малымъ размѣрамъ, ко всему тонкому и хрупкому.

«Немного краснаго вина,
Немного солнечнаго мая,
И тоненькiй бисквиль ломая

Лѣтопись. Май 1916.

Тончайшихъ пальцевъ
бѣлизна».

Про весеннюю березу онъ говорить такъ:

«Узоръ отточенный и мелкiй,
Застыла тоненькая сѣтка,
Какъ на фаянсовой тарелкѣ,
Рисунокъ вычерченный мѣтко».

Даже свои страданья, свой «крестъ» представляется ему «легкимъ» и «тонкимъ»:

«Можетъ, мнѣ всего дороже
Тонкiй крестъ и тайный
путь».

Онъ противникъ всякаго дѣйствiя, всякой активности:

«Ни о чемъ не нужно говорить,
Ничему не слѣдуетъ учить»

или:

«Да обрѣтутъ мои уста
Первоначальную нѣмоту».

Все опредѣлившееся, уже рожденное къ жизни и дѣйствию вызывается въ немъ недовольство и печаль:

«Останься пѣной Афродита
И слово въ музыку вернись».

Но самъ онъ, однако, не молчить. О чемъ при такихъ условiяхъ можетъ говорить его поэзия? Ей остается одно — наблюдать и записывать. И она наблюдаетъ и записываетъ безъ всякаго разбора все, что попадется на глаза или придетъ случайно на умъ. Тутъ и «Ай-София» и «Notre Dame», Кинематографъ и Бахъ, Адмиралтейство и Римъ... И все это записано одинаково внѣшне, поверхностно и безлично. Въ этихъ точныхъ, холодныхъ описанiяхъ нѣтъ ни автора, ни его живыхъ оцѣнокъ, и потому всѣ предметы, чувства и событiя приобрѣтаютъ жуткую неподвижность и призрачность. Въ концѣ концовъ, и самъ авторъ исчезаетъ и тоже становится призракомъ.

«Неужели я настоящiй
И, действительно, смерть
придетъ! —

воскликаетъ онъ съ удивленiемъ.
Въ общемъ «Камень» О. Мандель-

штама — твердь, холоденъ, пре-красно ограненъ самыми изысканными стихотворными размѣрами, хорошо оправленъ римами, но все же блескъ его мертвый, тэт'овский.

А. С.

Для дѣтей. Стишки Льва Николаевича Модзалевскаго. Съ 35 рисунками Егора Нарбута. Петрогр., 1916. Изд. «Огни».

«Дѣти, въ школу собирайтесь,—
Пѣтушокъ пропѣлъ давно!
Попроворнѣй одѣвайтесь, —
Смотритъ солнышко въ окно»...

Эти стихи почти каждому знакомы съ дѣтскихъ лѣтъ, но почти никто не знаетъ автора ихъ. И еще много есть въ сборникѣ г. Модзалевскаго стихотвореній, давно вошедшихъ во всѣ школьныя христоматии. Казалось бы, что собрать ихъ воедино, какъ это сдѣлало издательство «Огни», напечатать четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, украсить изящными виньетками, снабдить портретомъ автора, его биографіей и факсимиле — дѣло очень хорошее и нужное. Вышло, однако, не такъ.

Очень сомнѣваемся въ томъ, чтобъ этотъ сборникъ пришелся по вкусу маленькимъ читателямъ. Вѣроятно же всего, онъ покажется имъ скучнымъ. Мало быть понятнымъ для дѣтей, надо быть интереснымъ, и это гораздо труднѣе; а сборникъ г. Модзалевскаго, съ мотыльками и цвѣтами, съ неизмѣнной моралью «кончилъ дѣло—гуляй смѣло», наврядъ ли удовлетворяетъ этому условію, и наврядъ ли заключаетъ въ себѣ сколько-нибудь поэзии. Приходится повторить старую истину, что настоящая поэзія понятна и дѣтямъ и нѣтъ во все надобности въ специальной «дѣтской» поэзии.

Но что особенно заставляетъ высказаться противъ сборника—это непростительная небрежность автора, допускающая неудачные, а часто и совершенно неправильные обороты рѣчи, какъ «взглянуло къ небесамъ» (стр. 32), «Всю землю одѣлъ еще снѣжный покровъ» (стр. 17) и др.,

или такую, недопустимую не только въ дѣтской книгѣ, фразу:

«Его голосъ такъ и блещетъ»
(стр. 22).

Та же небрежность и въ техникѣ. Авторъ то пользуется такими изысканными рифмами, какъ «нахлынетъ—бѣды нѣтъ», то обнаруживаетъ полную беспомощность, оставляя нѣкоторыя строки безъ рифмы, или разставляя повсюду частицы «уже», «нашъ» и др. «для размѣра».

Д. В.

А. С. Панкратовъ. Кровавое зарево. Очерки войны. Цѣна 1 р. 50 коп.

Многія страницы книги отведены описанію того, какъ г. Панкратовъ ѣлъ, пилъ, спалъ, ѣздилъ, ходилъ пѣшкомъ и наслаждался видами природы. Личность его выдѣляется огромнымъ, рѣзкимъ силуэтомъ на фонѣ «кроваваго зарева», описываемаго имъ безъ всякой пользы для читателя. Въ предисловіи онъ сообщаетъ, что «войну мнѣ пришлось наблюдать въ Галици. Вся исторія завоеванія этого края русскими и отходъ нашихъ войскъ прошли предъ моими глазами», но напрасно вы стали бы искать картины всего этого. Выѣхалъ онъ на войну съ записной книжкой и карандашомъ въ рукахъ, и совершенно не разбираясь, занесилъ въ нее все, что ему попадалось на глаза. Онъ самъ, ни мало не смущаясь, признается въ «привычкѣ все записывать». Вотъ онъ приѣхалъ на станцію «Богдановка», вынулъ книжку и записалъ: «Зданіе большое, помѣстительное. Казармы для служащихъ. Еще какіе-то дома и погребя». Вся книга написана въ такомъ родѣ. Для него «кровавое зарево» воплотилось въ разбитыхъ стеклахъ, поломанной мебели и взрытой окопами и снарядами землѣ. А если онъ видѣлъ что-либо пострашнѣе, то изложилъ въ высшей степени поверхностно. Въ тылу, среди разноплеменнаго населенія Галици, онъ отличаетъ исключительно бѣдствія и страданія русинъ. Дѣйствительно, го-

нения и преслѣдованія, которымъ подвергло австрійское правительство несчастныхъ русинъ, глубоко возмутительны и заслуживаютъ позорнаго клейма, но неужели другихъ гонимыхъ и страдавшихъ народовъ г. Панкратовъ такъ и не видалъ тамъ?

Не то плохо, что книга написана со спокойствіемъ лѣтописца, — это, пожалуй, даже хорошо, — но поражаетъ въ ней отсутствие личнаго интереса къ чему бы то ни было, безсвязное, ничѣмъ не объединенное, изложение событий. Онъ присутствовалъ на историческомъ полѣ грандіозныхъ битвъ, но безъ всякой мысли и значительной цѣли: «по привычкѣ все записывать» — записывалъ. Не человѣкъ, а кинематографическій аппаратъ!

А. А.—скій.

Уильямъ Дис. Локкъ. «Случайность». Романъ. Пер. Журавской. М. к-во «Сѣверные дни» 1916. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 к. Того же автора «Узурпаторъ», романъ. Въ томъ же извѣ Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.

Этому английскому писателю нѣсколько неожиданно у насъ почастливилось: извѣстность его въ Англии имѣетъ уже по-тенную давность, а лучшія его произведения появились еще цѣлое десятилѣтіе тому назадъ. Переводы романовъ Уильяма Дис. Локка и донинѣ печатались въ русскихъ журналахъ, не пробуждая особыхъ отголосковъ. Съ легкой же руки издательства «Сѣверные дни», приступившаго къ опубликованію собранія его сочиненій, имя его приобрѣло внезапную популярность и сегодня оно у многихъ на устахъ.

Локкъ не принадлежитъ къ разряду представителей «высокой» английской литературы, мастеровъ изысканнаго, а иногда загадочнаго стиля, какимъ является, напримѣръ, Джорджъ Мередитъ; его романы, прежде всего, занимательное чтеніе, приобретающее особую живость отъ мозаики остроумныхъ афоризмовъ, которыми пестритъ каждая страница. Это засиліе юмора, расширяющаго стройность конструкции, разрѣжающаго напряженіе дѣйствія,

есть типически англійскій порокъ; оно повинно въ медлительномъ темпѣ и растянутости большинства британскихъ романовъ. У Локка национальный недостатокъ этотъ искупается самымъ качествомъ этихъ блесковъ и эпизодовъ. Онъ писатель разнообразной и изящной культуры и острая парадоксальность его отступлений иногда напоминаетъ блистательныя словесныя игры уайльдовскаго лорда Генри («Портретъ Дорiana Грея»).

Стержнемъ насыщеннаго, такимъ образомъ, изложения является какое-либо сентиментальное осложненіе или фатальное стеченіе диковинныхъ обстоятельствъ, подвергающее испытанію и закаляющее волю героя. Излюбленные его образы: люди, вынесшие изъ житейскаго крушенія и гражданской гибели возрожденную и пламенную душу. При созданиіи этихъ фигуръ, живыхъ лишь наполовину, ему приходится на помощь мѣткая, но внѣшняя наблюдательность. Онъ присмотрѣлся къ мимикѣ и жестамъ человѣческой комедіи. Отсутствие же глубокаго проникновенія и творческой силы маскируются у этого любезнаго рассказчика способностью сочувственнаго волненія, иронической сердечностью тона.

У меня въ рукахъ два изъ романовъ Локка. Первый изъ нихъ «Случайность» имѣетъ темой трагикомедію любви англичанина къ дѣвушкѣ иной расы и культуры, второй «Узурпаторъ» посвященъ исторіи большаго человѣка, одного изъ современныхъ хозяевъ жизни, котораго лишь непоправимая катастрофа, крутой срывъ съ вершинъ власти и богатства, заставила найти себя и разгадать истинный голосъ своего сердца. Исторіи эти, оживленныя драматическимъ, а иногда и мелодраматическимъ нарастаніемъ интереса, читаются съ неослабнымъ любопытствомъ. Локкъ — литературная фигура втораго плана, но фигура привлекательная.

Достоинства переводовъ З. Н. Журавской давно оцѣнены по заслугамъ.

А. Л.—нѣ.

Эвелина Панкхерстъ. Моя жизнь. Записки суффражистки. Пер. съ англ. С. И. Цедербаумъ. Книгоиздательство М. Попова. Петроградъ (безъ года), 263 стр. Цѣна 2 руб.

Драматическая и отчасти психологическая сторона суффражистскаго движения въ Англии изложена въ мемуарахъ его руководительницы превосходно.

Съ начала XX вѣка, когда во главѣ движения стала г-жа Э. Панкхерстъ, оно проявлялось сперва въ формѣ мирной агитации, стремившейся провести уравненіе женщины въ политическихъ правахъ съ мужчинами путемъ парламентскаго акта. Но мирная агитация, пріобрѣвшая женскому голосованію общественное мнѣніе и даже парламентское большинство, не увѣнчалась практическимъ успѣхомъ: билль о женскомъ голосованіи, принятый въ 1911 г. въ палатѣ общинъ во второмъ чтеніи большинствомъ въ 137 голосовъ, былъ заторженъ правительствомъ Асквита и не дожидь до третьяго чтенія; а въ 1913 г. женская поправка къ избирательному закону Асквита, вводившему всеобщее, но только мужское избирательное право, была почти насильственно провалена спикеромъ палаты.

Спикеръ — прямой избранникъ палаты, да и правительство отвѣтственно передъ ней; ясно, что при энергіи и настойчивости палата легко добилась бы своего; слѣдовательно, ея сочувствіе дѣлу женскаго голосованія не было особенно глубокомъ. Г-жа Панкхерстъ рассказываетъ тѣ, далеко не всегда добросовѣстные приемы борьбы, къ которымъ прибѣгали Асквигъ и его товарищи по кабинету въ борьбѣ съ женскимъ голосованіемъ, и то лицемеріе, съ которымъ они давали обѣщанія, въ то же время конспирируя со спикеромъ, какъ бы ихъ нарушить.

Неудачи мирной агитации заставили суффражистокъ перейти къ болѣе рѣшительнымъ приемамъ борьбы. Въ

первую мирную фазу движения (около 1905 г.), суффражистки довольствовались тѣмъ, что срывали избирательные митинги, когда кандидаты уклонялись отъ отвѣта на ихъ настойчивые вопросы, берутся ли они провести женское голосованіе. Одновременно онѣ посылали многочисленныя депутации къ министрамъ; получивъ отказъ въ приемѣ, ихъ депутатки ломались въ двери. За это судьи присуждали ихъ къ штрафамъ, но суффражистки ихъ не платили и предпочитали краткую отсидку. Это еще вполне обычные приемы политической борьбы въ Англии. За ними послѣдовало битье стеколъ въ домахъ министровъ; но и тутъ еще не было чего-либо исключительнаго. Суды отвѣтили многочисленными приговорами, причемъ суффражистки должны были отбывать ихъ на общихъ съ уголовными преступниками, весьма тяжелыхъ, даже жестокихъ, основаніяхъ.

Чтобы добиться осуществленія своего, совершенно законнаго, требованія о трактованіи ихъ, какъ политическихъ преступницъ, онѣ начали протестовать тюремными голодовками, — съ этого, злѣйшаго изъ Россіи, приема суффражистское движеніе вступаетъ въ новую фазу, до сихъ поръ Англии не извѣстную. Отвѣтомъ правительства было насильственное кормленіе посредствомъ гуттаперчевой трубки, проводимой въ желудокъ, что при сопротивленіи женщинъ обращалось, дѣйствительно, въ бессмысленную и жестокую пытку. Подъ влияніемъ этихъ мученій суффражистки въ 1912—13 г., т. е. послѣ того, какъ ихъ уже принятый палатою билль былъ взятъ моромъ, окончательно сдѣлались милитантками и принялись поджигать почтовые ящики, рвать телеграфныя и телефонныя проволоки, уничтожать картины въ галлереяхъ, производить динамитные взрывы, причемъ, однако, всегда заботясь о томъ, чтобы ихъ покушенія не губили челоуѣческихъ жизней.

Всѣ эти дѣйствія поражаютъ от-

сутствием общепонятной связи с прямою целью суффражистокъ, — правомъ голоса для женщинъ, — вообще отсутствиемъ яснаго для посторонняго человѣка смысла. Въ изложении Э. Панкхерстъ всѣ эти дѣйствія дѣлаются, по меньшей мѣрѣ, понятными, какъ результаты крайняго озлобления, вызываемаго жестокостью и даже недобросовѣстностью правительства Асквита по отношенію къ суффражисткамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта борьба невольно вызываетъ изумленіе передъ энергіею и героизмомъ, съ какими вели ея англійскія женщины, жертвуя свободой и здоровьемъ, безпрестанно рискуя жизнью, подвергаясь мучительству и оскорбленіямъ.

Г-жа Панкхерстъ указываетъ на разное отношеніе правительства къ двумъ одновременнымъ движеніямъ: ульстерскіе уніонисты открыто готовились къ революціи, вербовали добровольцевъ, собирали оружіе и порохъ, призывали къ мятежу, — и ни одинъ изъ нихъ не былъ арестованъ, тогда какъ суффражистки за гораздо меньшее подвергались тюрьмѣ съ обязательными тяжелыми работами и насильственнымъ кормленіемъ.

Всѣ перипетии этой борьбы, поведение какъ суффражистокъ, такъ и правительства, выступаютъ въ книгѣ г-жи Панкхерстъ ярко, отчетливо и выпукло. Но если читатель, не довольствуясь драматической и психологической стороною дѣла, пожелаетъ выяснитъ себѣ политическую и социальную сущность женскаго движенія Англии, то книга г-жи Панкхерстъ его не удовлетворитъ.

Всякая политическая реформа есть орудіе для завоеванія социальной реформы, а право голоса въ особенности. Когда въ той же Англии передъ 1832 г. буржуазія требовала себѣ права голоса, то и ей самой было совершенно ясно, почему и для чего она его требуетъ, и намъ теперь это не менѣе ясно. Между тѣмъ, въ книгѣ Панкхерстъ женское голосованіе является какимъ-то самоудовольствующимъ благомъ; только мимоходомъ

она упоминаетъ о необходимости защиты материнства, о неудовлетворительности Ллойд-Джорджевскаго закона 1906 г. о защитѣ дѣтей и т. п. и общаетъ улучшение въ этихъ отношеніяхъ послѣ торжества женщинъ. Мимоходомъ она общаетъ также, что женщины послѣ получения права голоса «сравниютъ всѣ тюрьмы, сооруженныя мужчинами, съ землей» (стр. 72), но это обѣщаніе имѣетъ уже явно не серьезный характеръ: вѣдь ни для кого не тайна, что тюрьмы, — и часто весьма неприглядныя, — существуютъ и въ странахъ съ женскимъ голосованіемъ. Въ то же время г-жа Панкхерстъ рѣзко и презрительно отгораживается даже отъ такихъ мѣръ правительства и парламента, какъ пенсіи для престарѣлыхъ, — хотя въ нихъ совершенно одинаково заинтересованы и мужчины и женщины низшихъ классовъ (стр. 76): лучше затормозить, даже погубить эти пенсіи, только бы нанести вредъ либеральному правительству, — думаетъ г-жа Панкхерстъ.

Но самое замѣчательное въ тактикѣ суффражистокъ то, что онѣ не только не ищутъ союзниковъ въ широкихъ народныхъ массахъ, но рѣзко и рѣшительно отграничиваютъ себя отъ всѣхъ общественныхъ группъ, сочувствующихъ женскому голосованію, если только тѣ борются еще за что-нибудь, кромѣ женскаго голосованія. Женское голосованіе, въ какой бы то ни было формѣ, — и ничего кромѣ него; все остальное приложится само собою, — такъ можно кратко сформулировать программу суффражистокъ.

Билль, отстаиваемый суффражистками, былъ приноровленъ къ нынѣ дѣйствующему въ Англии избирательному закону 1884 г. и давалъ право голоса женщинамъ, нанимающимъ на свое имя квартиру, т. е. на равныхъ съ мужчинами началахъ; но это равенство чисто формальное и фиктивное, такъ какъ при немъ избирательныя права достались бы лишь весьма (сравнительно) небольшому числу женщинъ, и притомъ преимущественно изъ высшихъ классовъ. Въ случаѣ

его принятия суффражистский билль не только не был бы шагом на пути къ демократизации парламента, но усилилъ бы въ немъ аристократиче-ские и консервативные элементы. Въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ, почему не только принципиальный противникъ женскаго голосованія Асквитъ, но и его сторонникъ Ллойдъ Джорджъ и многие другіе «признан-ные (по словамъ Панкхерстъ) суф-фражисты» высказались противъ бил-ля суффражистокъ (стр. 61, 120, 121, 122, 123—134 и мн. др.).

Совершенно ясно, что борьба за женское голосованіе шла бы гораздо успѣшнѣе, если бы суффражистки связали свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ политически и социально обездолен-ныхъ классовъ и поставили своею цѣлью не формальное уравненіе по-литическихъ правъ обоихъ половъ на цензовомъ началѣ, а всеобщее из-бирательное право безъ различія по-ла. Но его то и боится г-жа Панк-херстъ:

«Всеобщее избирательное право для обоихъ половъ въ странѣ, гдѣ женщинъ на миллионъ больше чѣмъ мужчинъ, врядъ ли можетъ быть установлено при жизни читателей этихъ строкъ», говорить она (стр. 146).

Итакъ — всеобщее избирательное право есть мѣра слишкомъ радикаль-ная, слишкомъ утопическая, осуще-ствленіе которой возможно лишь въ очень далекомъ будущемъ; мы къ ней не стремимся и намъ не нужна поддержка тѣхъ, кто заинтересо-ванъ въ ней; съ нашими небольшими кадрами мы будемъ однѣ бороться за болѣе скромную реформу, именно за надѣленіе голосомъ сравнительно небольшой кучки привилегирован-ныхъ женщинъ, хотя эта реформа, усиливъ консерватизмъ палаты, дол-жна замедлить окончательное тор-жество всеобщаго голосованія.

Таковъ истинный смыслъ англій-скаго суффражизма. Противополож-ность между огромностью жертвъ и энергией борьбы, съ одной стороны, и

страхомъ передъ дѣйствительно ра-дикальной реформой, — съ другой изумляетъ читателя на всемъ протя-женіи книги англійской суффражист-ки, которая, видимо, сама не пони-маетъ съ достаточной ясностью ан-тидемократическаго смысла своей борьбы. А между тѣмъ, ей самой приходится признать, что «разно-образіе интересовъ въ средѣ са-михъ женщинъ» (стр. 44), помѣ-шало суффражисткамъ увлечь за бою даже женщинъ (стр. 122), и что все ихъ движеніе есть движеніе героическаго меньшинства, по пре-имуществу женщинъ изъ среднихъ и высшихъ классовъ; лишь по исклю-ченію въ немъ имѣется небольшое число работницъ, дѣйствующихъ бокъ-о-бокъ съ титулованными осо-бами. И это совершенно понятно: не могутъ жены рабочихъ воодуше-виться идеей борьбы за политическія права знатныхъ, богатыхъ лэди.

Несмотря на неясность политиче-ской и социальной мысли г-жи Панк-херстъ, ея книга полна захватываю-щаго интереса. Къ ней въ полной мѣрѣ можетъ быть приложено выра-женіе, что она читается, какъ ро-манъ.

Переводчикъ, видимо, плохо зна-комъ съ государственнымъ правомъ, и потому въ изложеніи законовъ и парламентскихъ сценъ встрѣчаются грубыя ошибки. Напримѣръ, основой англійскаго муниципальнаго избира-тельнаго права служить вовсе не «са-мостоятельное занятіе», какъ пишетъ переводчикъ (стр. 116), а наемъ или аренда части дома или земельного участка, т. е., пожалуй, и «занятіе» (occupation), но только въ особомъ смыслѣ этого слова. Асквитъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности «приказать» члену парламента поки-нуть засѣданіе, и спикеръ никоимъ образомъ не могъ требовать отъ не-го, чтобы онъ «повиновался приказа-нію премьера» (стр. 183—184), какъ это пишетъ переводчикъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ переводъ можно признать удовлетворительнымъ.

В. Водовозовъ.

К. Дубровский. «Рожденные в стране изгнания». — Биографии сибирских писателей, ученых и общественных деятелей. Петроградъ, 1916 г. 254 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Хотѣлось бы отнестись къ этой книжкѣ возможно снисходительно: литература о Сибири такъ скудна, попытки сведения въ цѣлое отдѣльных разобщенныхъ материаловъ такъ количественно ничтожны, что всякій элементарно-удовлетворительный шагъ въ этомъ направлении слѣдовало бы только привѣтствовать. Къ сожалѣнію, книжка г. К. Дубровскаго не удовлетворяетъ даже и самымъ элементарнымъ требованіямъ. Какъ по заданію, такъ и исполненію, это — только ученическая компиляция. Противъ компилированія въ данной области, правда, возражать не приходится, но пересказывать суконымъ языкомъ прекрасныя и хорошо извѣстныя книги врядъ ли стоитъ. А это именно продѣлываетъ авторъ съ томомъ IV-тымъ «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина.

Какъ образецъ изложения г. Дубровскаго, приводимъ отрывокъ изъ биографии Ядринцева: «Въ слѣдующемъ году онъ получилъ мѣсто завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ при алтайскомъ горномъ округѣ, но вскорѣ же по прибытіи на мѣсто службы въ гор. Барнаулъ внезапно скончался здѣсь, принявъ по ошибкѣ сильный растворъ опія»... Не правда ли — прямо изъ Чехова?

Полное игнорированіе материаловъ, порою очень популярныхъ, отсутствіе необходимыхъ ссылокъ на источники, при полномъ отсутствіи анализа перелагаемыхъ фактовъ, — все это дѣлаетъ компиляцію г. Дубровскаго совершенно ненужной. Навѣнымъ представляется и самый критерій, принятый составителемъ при выборѣ входящихъ въ книжку биографій: не тѣ или иныя заслуги передъ Сибирью, не степень вообще прикосновенности къ окраинѣ, а... фактъ рожденія въ «странѣ изгна-

нія». Критерій — чисто церковно-метрический.

Немудрено, поэтому, что «великимъ сибирякомъ» оказывается, напр., по г-ну Дубровскому, покойный химикъ Менделѣевъ, почтившій Сибирь лишь фактомъ своего рожденія въ Тобольскѣ; «гениальнымъ же сибирякомъ» оказался, по другой статейкѣ автора, и художникъ Врубель.

Характернымъ для такого сорта «мѣстнаго патриотизма» представляется и очевидное стремленіе автора затушевать всякаго рода отрицательные факты, могущие скомпрометировать, по мнѣнію г. Дубровскаго, того или иного «великаго сибиряка». Такъ, напр., авторъ ни звукомъ не обмолвился о томъ, какую же роль игралъ «гуманный, женственно-мягкій» Батеньковъ въ качествѣ члена совѣта аракеевскихъ военныхъ поселеній; ни слова не сказалъ о полигическихъ воззрѣніяхъ Менделѣева; участие Шапова въ «Православномъ Собесѣдникѣ» отмѣтилъ прикровенно: «помѣщалъ свои изслѣдованія въ одномъ изъ мѣстныхъ журналовъ»; и т. д. Такъ пишется г. Дубровскимъ — исторія!

Н. Чужакъ.

Сибирскія Записки. Журналъ литературный, научный и политическій. Выходятъ четыре раза въ годъ. 1916 г. № 1-й январь. Г. Красноярскъ.

Уже давно и много говорилось о неистощимыхъ богатствахъ Сибири и о ея будущей значительной роли въ жизни Россіи. Мѣстные интеллигенты издавна стремились къ тому, чтобы поднять культуру края, собрать воедино ея разрозненныя силы, добиться для нея элементарнѣйшихъ условій правильного развитія общественности. Нужно ли говорить, что жизнь края, отличающагося особымъ укладомъ, населеннаго самыми разнообразными народностями, ежеминутно выдвигаетъ свои задачи, которыя требуютъ немедленнаго

разрѣшенія прежде всего со стороны мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ; и правильность, быстрота, жизненность этихъ рѣшеній естественно зависятъ отъ той или иной организованности этихъ силъ. Передъ краемъ стоитъ большая и сложная задача, а потому всякая попытка, направленная на организацию общественныхъ силъ Сибири въ цѣляхъ реформирования и созиданія ея жизни, привлекаетъ наше особенное внимание. Къ такого рода попыткамъ слѣдуетъ отнести и разбираемый нами журналъ, который въ текущемъ году впервые выходитъ въ Красноярскѣ.

Дѣйствительно, все содержание его общественно-политическихъ статей или говоритъ намъ, гдѣ, въ какихъ ячейкахъ зарождается организация общественной и хозяйственной жизни Сибири, или знакомитъ насъ съ тѣмъ тернистымъ путемъ, по которому шло развитие общественности края, или, наконецъ, указываетъ тѣ задачи, которыя должны еще быть разрѣшены, ту работу, которая еще должна быть выполнена.

Такъ, интересная статья Дм. Илимскаго «Отъ распыленности къ организации» (Очерки сибирской кооперации) выясняетъ намъ то значение сибирскихъ кооперативовъ, которое они приобрѣтаютъ въ настоящее время для потрясеннаго, разстроеннаго войной хозяйства края, лишеннаго земствъ.—«Областной отдѣлъ» г. Потанина раскрываетъ всю трудность общественной работы сибирскаго интеллигента, ежечасно находящагося подъ Дамокловымъ мечомъ административной высылки изъ края; работники же нужны, ибо работа предстоитъ огромная.—Въ «Областныхъ очеркахъ» В. К. намѣчается цѣлый рядъ реформъ, долженствующихъ удовлетворить неотложнѣйшия нужды Сибири (неотложность послѣднихъ отмѣчалась еще 40 лѣтъ тому назадъ Ядринцевымъ и Потанинымъ); тутъ и судъ присяжныхъ, и земскія учрежденія, и высшія учебныя заведенія; а жизнь предъявляетъ все новыя и новыя требованія. Сколько нужно ра-

боты и силъ! Тонъ у журнала бодрый, весь онъ проникнутъ духомъ истинной общественности и цѣли ея ясны. Свою культурную работу онъ, повидимому, преемственно связываетъ съ дѣятельностью извѣстныхъ сибирскихъ патриотовъ—Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина; недаромъ въ первомъ номерѣ мы встрѣчаемъ интересныя письма перваго ко второму и статью самого Потанина, который состоитъ постояннымъ сотрудникомъ журнала.

Хочется думать, что журналъ вложитъ свою долю работы въ общее дѣло и привлечетъ къ себѣ внимание и сочувствіе лицъ, заинтересованныхъ въ жизни края и работающихъ въ немъ.

Помимо статей общественно-политическаго содержания («Областной отдѣлъ») въ журналѣ есть беллетристика и стихотворенія, а также статьи научнаго характера. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить интересную статью Н. Козьмина «Князь Иренакъ», рисующую борьбу русскихъ съ инородцами Енисейской и Томской губ. во второй половинѣ XVII столѣтія. Среди рассказовъ выдѣляется произведеніе Тараканова «Баянъ-Сулу» изъ жизни киргизовъ; при нѣкоторой растянутости въ немъ есть сильныя и яркія мѣста.

С. Е.

«Космополитъ». Международный ежемѣсячный журналъ. № 1. Москва, Мартъ, 1916 г.

Какъ-то даже не вѣрится, что въ наши кровавые дни, когда вся наша пресса отъ «Земщины» до «Современнаго Мира» объята духомъ воинствующаго патриотизма, могъ появиться легальный органъ печати, положившій въ основаніе своей программы «мечту о братствѣ народовъ, о взаимной работѣ націй и племенъ надъ устроениемъ свободной просвѣщенной жизни».

А между тѣмъ, это такъ. Передъ нами первый номеръ ежемѣсячника «Космополитъ», на знамени котораго написаны именно эти слова и еще слѣдующія: «Вызванный въ жизнь

въ переживаемые человечествомъ дни великихъ испытаній, журналъ все свое вниманіе отдастъ въ эти дни поискамъ возможности внести въ небывалый мракъ перемѣшавшихся понятій искру просвѣтленія.

Понятія, дѣйствительно, перемѣшались какъ нельзя болѣе, и внести просвѣтленіе — задача благородная. Посмотримъ же, какъ журналъ къ ней подходит и какъ онъ ее выполняетъ.

Въ успѣхѣ своего дѣла, какъ видно изъ передовой статьи, новый ежемѣсячникъ совершенно не увѣренъ, онъ даже не надѣется на откликъ. «Отвѣтнаго отклика на свой, полный мольбы и желаній, вопль «Космополитъ» ждать не дерзаетъ. Для этого слишкомъ мала его вѣра. Для него слишкомъ ясно, что его слабый стонъ въ лучшемъ случаѣ прозвучитъ стономъ въ пустынѣ, если... не вызоветъ насмѣшекъ».

До насмѣшекъ ли, когда мировая трагедія развертывается съ каждымъ днемъ все шире, «когда каждый день одни люди въ безчисленномъ количествѣ убиваютъ другихъ людей, каждый день обращаются въ бесплодную пустыню цѣлые города и селенія!» Но «Космополитъ», полагаясь на то, что «стрѣлять безконечно изъ пушекъ люди другъ въ друга не будутъ, что всѣхъ колоколовъ на пушки не перельютъ и что, слѣдовательно, настанетъ день, когда придется опускать голову и плакать надъ непоправимымъ совершеннымъ», склоненъ думать что «переживаемые человечествомъ трагическіе дни, несмотря на концентрацію въ нихъ всѣхъ силъ ненависти, приближаютъ народы другъ къ другу и въ особенности они приближаютъ враждующихъ». А дальше представленія «Космополита», по собственному признанію редакціи, переходятъ уже «въ область такъ сказать фантастическую». Ему представляется, что «человѣчество теперь стоитъ на рубежѣ того времени, когда то, что зовется политическими границами, раздѣляющими наши и

племена, начнетъ исчезать и совсѣмъ исчезнетъ».

Это во вступительной статьѣ. А на слѣдующихъ своихъ страницахъ журналъ рисуетъ тѣ пути, которые, какъ ему кажется, ведутъ къ этому идеальному будущему. И здѣсь то, въ этихъ статьяхъ, новый журналъ и обнаруживаетъ все свое безсиліе, «Такъ поймемъ же и поймемъ серьезно,—патетически восклицаетъ Н. Wasse, деканъ Кентерберійскій,—что самый вѣрный и единственный путь къ достиженію мира... находится въ насъ самихъ, въ укрощеніи насъ и въ помощи къ тому же окружающимъ насъ». И дальше: «Это произойдетъ не чрезъ какія-либо новыя политическія схемы или государственныя перемѣны, а воспитаніемъ въ душахъ правды и справедливости и мирнаго христіанскаго характера». Почти также рассуждаетъ и другой сотрудникъ «Космополита» г. Вентцель въ статьѣ «Какъ бороться съ милитаризмомъ».

Начинаетъ г. Вентцель съ мыслей о томъ, что: «Пока существуютъ государства и пока не жизнь народа является опредѣляющимъ факторомъ государственной жизни, а наоборотъ — жизнь государства опредѣляющимъ факторомъ народной жизни, до тѣхъ поръ война будетъ являться однимъ изъ неизбѣжныхъ бѣдствій». По мнѣнію этого автора, «глубокая ошибка думать, что съ пораженіемъ Германіи будетъ навсегда пораженъ и милитаризмъ. Его корни глубже, чемъ одна только Германія является его очагомъ. Милитаризмъ—это многоголовая гидра, отрубите ей одну голову, а на смѣну ей вырастаютъ и остаются другія, часто еще болѣе страшныя». Съ нѣкоторыми изъ положеній г. Вентцеля нельзя не согласиться, но тѣмъ неожиданнѣе и плачевнѣе его заключительный выводъ: «Спасти міръ отъ милитаризма можетъ только внутренняя культура, культура личности»..

Цитированными мною статьями и исчерпывается такъ сказать принципиальная часть «Космополита». Даль-

ше идутъ «Испанскія впечатлѣнія» Луи Бертрана, восточныя впечатлѣнія В. Пекарскаго и лирическая «Лѣсная фантазія» Вл. Овчаренко, туманно-сантиментальная по содержанию и довольно топорная по формѣ.

Вотъ и весь багажъ, съ которымъ «Космополитъ» рискнулъ предпринять свою трудную миссію. Выражаясь вульгарно, стоило ли для этого огородъ городить и затѣвать издание журнала параллельно на двѣнадцати европейскіхъ языкахъ, какъ это въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ сдѣлать редакция? Правда, къ помѣщенію въ первомъ номерѣ предполагалось еще четыре статьи: Д. Ф. «Можно ли говорить о мирѣ», А. Остробрамскаго «Великая война и международное купечество передъ судомъ истории», Бернини, «Воспоминанія объ Обераммергау» и Н. Мар—ова «Международная пресса, какъ факторъ, способствовавшій войнѣ», но названныя статьи, по причинамъ отъ редакціи независящимъ, не прошли. Можетъ быть, въ нихъ намѣчались иные пути и методы борьбы съ милитаризмомъ? Но, въ такомъ случаѣ, редакция противорѣчила бы сама себѣ...

Безильный и малосодержательный, новый журналъ все же любопытенъ, какъ попытка, какъ нѣкое исключеніе изъ «общаго правила» нашихъ дней.

Г. Вяткинъ.

А. Кизеветтеръ. Историческіе отклики. Москва 1915 г. Изд. К. Ф. Некрасова. Цѣна 2 р. 50 коп.

Новая книга проф. А. А. Кизеветтера представляетъ собою перепечатку его статей, появившихся въ повременныхъ и другихъ изданияхъ по поводу разнаго рода юбилейныхъ датъ и поминокъ. Здѣсь мы находимъ отклики на недавніе юбилеи 1613 г. («Избраніе на царство Михаила Федоровича Романова») и 1812 г. («Ф. В. Ростопчинъ»), на юбилей Московскаго Университета, очерки, посвященные отдѣльнымъ эпизодамъ и дѣятелямъ такъ называемой «эпохи великихъ реформъ» («Русское об-

щество и реформа 1861 г.», «Н. А. Милютинъ», «Борьба за земство при его возникновеніи») и, наконецъ, краткія характеристики Грановскаго, Герцена и Ключевскаго.

Популяризаторскій талантъ и солидная эрудиція автора спасаютъ его сборникъ отъ недостатковъ, обычно сопутствующихъ юбилейной литературѣ; отклики московскаго историка представляютъ несомнѣнный интересъ для читателя, если же и они не всегда свободны отъ розовой юбилейной окраски, то въ этомъ повинны не столько поводы, вызвавшие появленіе ихъ, сколько либеральная трактовка событій, вообще свойственная автору, несмотря на его стремленіе быть объективнымъ. Въ особенности это замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда проф. Кизеветтеръ касается «эпохи великихъ реформъ», которая все еще рисуется ему, какъ и другимъ нашимъ историкамъ, въ эпическихъ чертахъ, столь знакомыхъ намъ еще по извѣстной книгѣ Джаншева.

Особое мѣсто въ разбираемомъ сборникѣ занимаетъ обширная статья, посвященная Ф. В. Ростопчину. Это цѣлое изслѣдованіе, представляющее всестороннюю и мастерскую характеристику какъ личности самого Ростопчина, такъ и всей социально-политической обстановки, въ которой протекала громкая дѣятельность этого «героя» двѣнадцатаго года.

Въ изображеніи проф. Кизеветтера «Ростопчинъ — отдаленная эмбриональная форма современныхъ намъ истинно-русскихъ приверженцевъ самодержавія съ рабьей идеологией, но съ крамольническимъ темпераментомъ, готовыхъ съ пѣною у рта отстаивать абсолютную власть монарха, но лишь въ виду увѣренности въ томъ, что эта абсолютная власть можетъ служить не иначе, какъ интересамъ именно ихъ группы» (стр. 105—106). Надо отдать полную справедливость автору: онъ сумѣлъ дать намъ необычайно живой портретъ, въ которомъ отчетливо выдѣленные классовыя черты придають особую

значительность всей фигурѣ московскаго администратора. Статья читается съ неослабнымъ интересомъ, въ ней разбросано много любопытныхъ штриховъ, ярко характеризующихъ эпоху, когда «сердце истинно-русскаго барина, всегда и, несмотря ни на что», тяготѣвшее къ Парижу, трепетало отъ страха передъ тѣми же французами только потому, что изъ ихъ устъ могло раздаться магическое слово — воля и отозваться въ многомиллионной крестьянской массѣ.

Весьма любопытны сравнительныя характеристики Ростопчина и Аракчеева, а также отдѣльные эпизоды изъ административной практики московскаго главнокомандующаго; нѣкоторые изъ нихъ приобретаютъ иногда яркій интересъ современности и даже злободневности и, когда читаешь о нихъ, то невольно забываешь о томъ, что дѣло касается событий, давно минувшихъ... Статья проф. Кизеветтера о Ростопчинѣ является лучшимъ украшениемъ «Историческихъ откликовъ», изданныхъ, къ слову сказать, съ обычнымъ для издательства К. Ф. Некрасова изяществомъ.

А. К.—въ.

«Великорусскія сказки Пермской губ.», сборникъ Д. К. Зеленина. Записки И. Р. Географическаго Общества по отдѣлу этнографии. 1914.

Запись и издание народныхъ сказокъ только въ послѣднее время обставляется научными требованиями. Отъ Афанасьева, Худякова до Ончукова и Зеленина цѣлая история разнообразныхъ опытовъ, завершаемая работами сказочной комиссіи при И. Р. Г. О., одна изъ задачъ которой — выясненіе принциповъ, условий и техническихъ приемовъ собиранія и записи народной сказки.

Тѣмъ интереснѣе встрѣтить работу, можно сказать, мастера своего дѣла, премированного этнографа, специалиста лингвиста, Д. К. Зеленина; его «Пермскій сборникъ» — новый опытъ въ изученіи русскаго фольклора. Работа, дѣйствительно, образ-

цовая, которая надолго можетъ служить руководящей въ изданияхъ подобнаго рода. Вступительныя статьи: «Отъ сказочной комиссіи», «Предисловіе» и «О сказочникахъ и сказкахъ Екатеринбургскаго у.» вводятъ въ пониманіе характера и особенностей содержания сборника. Предъ нами Пермскій край, дикій, первобытный, необъятный и прорѣзывающій его горный кряжъ, таинственный, неисчерпаемый въ своихъ богатствахъ, привлекающій рабочій людъ со всей России. Это опредѣлило не только содержаніе, но и духъ и даже стиль пермскихъ сказокъ.

Надъ всею жизнью царить Уралъ, суровая природа котораго съ дѣбрями Бабы-Яги и ущельями Змѣевъ-Горынычей зачаровала фантазію народную. «Въ Уралѣ, въ темныхъ лѣсахъ»... «Не путемъ, не дорогою, лѣснымъ мѣстомъ Ураломъ»... «Въ Уралѣ у Яги-Ягинишни»... Тамъ въ «уральныхъ» мѣстахъ, обвѣянныхъ колдовскими чарами и страхами, совершается все сказочное дѣйствіе. Отсюда понятно господство сказки традиціонной. Въ другихъ мѣстахъ ея уже нѣтъ, а въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, несмотря на высокую, сравнительно, ступень образованности, она все еще живетъ. Это тѣ же съ дѣтства знакомые намъ персонажи:— «Иванъ Царевичъ съ царевной Лякушкой» (№ 19), старикъ «Самъ съ ноготь» (№ 22), «Звѣриное молоко» (№ 41) — особенно популярный сюжетъ по Уралу, «Марко Богатый» (№ 45, 64), «Морской царь» (№ 24) и пр. Но все это не старая схема, не мертвая реликвія. Вокругъ стараго сюжета, какъ около стараго пня, живетъ молодая жизнь. Мы всюду чувствуемъ отпечатокъ индивидуальнаго творчества, живую личность разсказчика. Идея народнаго творчества, дающаго произведеніе безличное, терпитъ окончательное пораженіе въ постановкѣ записи г. Зеленина, особенно въ тѣхъ характеристикахъ сказочниковъ, которыя онъ даетъ. Сказка начинаетъ разсматриваться, какъ личное произведеніе автора со всѣми особенностями индивидуаль-

наго творчества. Этот прием все болѣе завоевываетъ право гражданства у нашихъ собирателей сказокъ. (См. «Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края» бр. Соколовыхъ).

Они интересуются личностью рассказчика, и въ ней, дѣйствительно, дается многое для пониманія сказочнаго творчества. Г. Зеленинъ, напр., записалъ отъ 15 рассказчиковъ, и у каждаго свой репертуаръ, свой художественный приемъ рассказа. А. Ломтевъ, напр., сказочникъ серьезнѣй, сказочную традицію хранить благоговѣйно, бережно, напротивъ, Е. Саврулинъ краснобай, балагуръ, фантазии у него мало, зато его рассказъ красочный, интересный. Это новое течение въ технику собиранія и записи народной сказки, такъ ярко отразившееся у г. Зеленина, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать новой постановкѣ вопросовъ о народномъ творествѣ.

Итакъ, сюжетъ пермскихъ сказокъ хранить традицію, зато самый рассказъ и особенно складъ рѣчи говорить о другомъ. Это не рѣчь аборигеновъ. Пермскій промышленный районъ служить издавна приютомъ пришлаго люда. Здѣсь и крѣпостные на казенныхъ и помѣщичьихъ заводахъ, старовѣры и преступники, скрывающіеся отъ властей, и ленскіе промышленники въ поискахъ быстрой наживы, переселенцы не дошедшие до Сибири—все перемѣшалось въ непрерывномъ людскомъ потокѣ. Царить промыселъ, жизнь-борьба, всюду изворотливость, ловкость. Поэтому даже въ традиционной сказкѣ встрѣчаемъ ловкачей всякаго рода, устраивающихъ свою судьбу—каторжниковъ (№ 17), бѣглыхъ солдатъ (№ 13, 11), купеческихъ сынковъ (№ 8), а то просто рассказы про разбойниковъ (№ 5).

О сказкахъ Саврулина и говорить не приходится. Здѣсь, какъ напр., въ рассказѣ «Иванъ Купцовъ» и сказки собственно нѣтъ, а сама жизнь, смѣлая, яркая, идущая навстрѣчу опасности. И самый языкъ становится оттого выразительнымъ. «Ему (герою) воля была—на всѣ четыре стороны, безъ

отца; што онъ зналъ, то и дѣлалъ»... Или: «Кантонистъ Иванъ, разученный на 7 грамотъ», или: «Посылаетъ Веселой съ товарищами медвѣдя хмель таскать въ озерину—пи во дѣлать»... Это молодежь, а вотъ Марко-Богатый—это пермякъ разбогатѣвшій, ожирѣвшій, чванливый. Ожидая къ себѣ въ гости Христа, онъ «разостлалъ суконь, черныхъ и красныхъ, лакеевъ поставилъ возлѣ этихъ суконь» (282). Утромъ «Марко выходитъ, почесываетца у своихъ воротъ»... «У ево былъ монастырь (свой) на островахъ»... «Услыхалъ, что монастырь богать сталь, поѣхалъ навѣстить свой монастырь» (283).

Такъ отъ всего этого вѣетъ живой жизнью, искренней, реальной правдой. Мы окунаемся цѣликомъ въ бытовую пермскую жизнь, въ этнографію. И эта сторона народнаго творчества у насъ еще такъ мало изучена. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать скорое появленіе аналогичныхъ изданій по Вологодской, Тамбовской, Орловской, Псковской губ. («Вятскія сказки» изд. г. Зеленинымъ въ 1915 г.). Но г. Зеленинъ идетъ дальше. На ряду съ этнографіей его сказки даютъ, богатѣйшій лингвистическій матеріалъ. Специальное образование (см. его изслѣдованіе «Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ заднебныхъ далъ ему возможность съ особенной тонкостью подмѣтить слѣды разныхъ говоровъ у рассказчиковъ и въ говорѣ часто приходилось искать источниковъ той или другой сказки. Въ его сборникѣ встрѣчаемъ разнородныя особенности мѣстной рѣчи, такъ чутко схваченныя и старательно, бережно отмѣченныя. Это тѣмъ болѣе цѣнно, что, по отзывамъ собирателей сказокъ, такъ трудно сдѣлать точную записъ сказки «изъ устъ», и столь много здѣсь препятствующихъ условій, что порой она становится невозможной, и мы поневолѣ имѣемъ лишь суррогатъ народной рѣчи.

Я только коснулся нѣкоторыхъ принципиальныхъ вопросовъ изд.

г. Зеленина. Въ немъ есть еще богатая примѣчания и словарь. Противъ примѣчаній, дающихъ попытку научнаго объясненія разныхъ сказочныхъ темъ, можно возражать: они просто ненужны въ подобномъ изданіи. Въ дѣлени сказокъ по пунктамъ можно серьезно сомнѣваться: какъ образцовое руководство оно можетъ повести къ произволу. Употребленіе же особаго шрифта для мѣстныхъ словъ (изъ опасенія смѣшенія ихъ значенія) можно считать за педантизмъ, такъ какъ врядъ ли кто изъ читателей, напр., слово *имя* въ смыслѣ *имѣ* смѣшаетъ съ существительнымъ *имѣ*, или *крести* (крестовая масть въ картахъ) смѣшаетъ съ повелительнымъ наклоненіемъ глагола: *крести*. Слово *ташки* г. Зеленина считаетъ мѣстнымъ словомъ Воронежской губ., между тѣмъ, оно попадаетъ также въ «Войнѣ и мирѣ» Л. Толстого.

А. М. Смирновъ.

Книга объ итальянскомъ империализмѣ (Roberto Michels: L'imperialismo italiano. Milano. Societa Editrice Libreria. 1914. P. 187+XVIII. Lire 5).

Авторъ настоящей книги, бывший приватъ-доцентъ Туринскаго, а теперь—профессоръ Базельскаго университета, еще не такъ давно принадлежалъ въ Германіи къ числу наиболее рьяныхъ и крайнихъ социалистическихъ «критиковъ слѣва». Онъ ожесточенно «разносилъ» легализмъ, оппортунизмъ, поппублицизмъ германской социаль-демократіи. Но былъ молодцу не въ укоръ,— и теперь передъ нами обычный солидный профессоръ съ полагающейся по штату «осторожностью» и «объективностью», приведшихъ его къ оправданію империализма вообще, и итальянскаго въ частности.

Общій духъ, пропитывающій все изслѣдованіе Михельса — это преклоненіе передъ эмпирическимъ фактомъ, стремленіе покрыть этотъ фактъ, по слову Герцена, «широкой амнистіей исторической необходимости».

Робертъ Михельсъ не «грубый материалистъ»... О, нѣтъ! Онъ протестуетъ противъ экономическаго объясненія природы современнаго империализма, онъ удѣляетъ много вниманія всевозможнымъ идейнымъ мотивамъ и соображеніямъ. Такъ, оставаясь во введеніи на вопросѣ о позднемъ, по сравненію съ другими государствами, зарожденіи итальянскаго империализма и его медленномъ развитіи, авторъ указываетъ на двѣ причины этого явленія: во - первыхъ, историческія традиціи (свободительная борьба съ угнетателями вселила въ итальянцахъ отвращеніе ко всякому угнетенію), во - вторыхъ, экономическая слабость страны...

Какъ хорошій «реальный политикъ», Робертъ Михельсъ признаетъ не только «разумность» — въ буквальномъ смыслѣ—всего существующаго, но и его вѣчность. Онъ цѣлкомъ стоитъ на почвѣ современныхъ общественныхъ отношеній, и возможность ихъ кореннаго измѣненія кажется ему «утопией», недостойной омрачить «научно-объективную» ясность его «реалистическаго» труда.

Немудрено поэтому, что онъ приходитъ къ апологии империализма: кто считаетъ непоколебимыми устои современнаго строя, тотъ долженъ придти къ сознанію «необходимости» империализма, являющагося его неизбежнымъ слѣдствіемъ. Какъ же обосновываетъ Р. Михельсъ необходимость для Италіи колониальной и империалистской политики? Въ первую голову онъ указываетъ на демографическую проблему: быстрый ростъ населенія при стационарномъ положеніи производительности земли создаетъ «избытокъ», ищущій выхода въ чудовищно развившейся эмиграціи. Такъ, въ 1876 году изъ Италіи эмигрировало 108 тысячъ чело-вѣкъ или 395 на 100 тысячъ населенія, а въ 1912-мъ — 708 тыс. или 2,028 чел. на 100 тыс. Общее же количество итальянцевъ, находящихся внѣ родины, составляло въ 1881 г.— 1.032,392 чело-вѣка, въ 1891-мъ—

1.983,206, въ 1901-мъ—3.344,548, въ 1910-мъ—5.557,746.

Изъ этого количества большая половина,—по приблизительнымъ статистическимъ разсчетамъ,—теряется для Италиі навсегда. Въ будущемъ это число еще увеличится, такъ какъ население растетъ съ необычайной быстротой: Италия, по плодородію браковъ, вторая въ Европѣ, послѣ России, страна. Къ высокой рождаемости надо прибавить уменьшение смертности: въ періодъ 71—80 гг., она равнялась 29,9%, въ 1910-мъ — 19,9%. По отчету Дирекціи Общественнаго Здравоья за 1912 годъ оказалось, что число смертей уменьшилось противъ 1911 г. на 110 тыс., и въ общемъ рождаемость составила 33%, смертность — 18%.

Густота населенія равняется въ среднемъ 121 чел. на кв. километръ, но такъ какъ треть территории состоитъ изъ мѣстъ некультивированныхъ и необитаемыхъ—горъ, болотъ и т. п.,—то истинная плотность достигаетъ 178 человѣкъ въ среднемъ на кв. кил., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымается до 229, уступая во всемъ мірѣ только Китаю (Бельгія—227, Англія — 215, Голландія — 157, Россія—20). За 30-лѣтіе 71—01 гг., густота населенія Италиі возрасла на 15%, за слѣдующее десятилѣтіе—на 7%, и это, несмотря на лихорадочный ростъ эмиграціи. Въ среднемъ, въ Италиі ежегодно население увеличивается на $\frac{1}{4}$ милліона. А между тѣмъ, согласно проф. Нитти, кв. километръ итальянской земли можетъ прокормить не болѣе 70—80 человѣкъ.

Изъ этого-то явленія эмиграціи, обусловленнаго «перенаселеніемъ», и вытекаетъ у автора его империалистскій полетъ мысли: Италиі «необходимы» собственныя колоніи, куда могъ бы изливаться избытокъ населенія, при существующемъ положеніи вещей зря пропадающій для Италиі въ закоеанской эмиграціи. Михельсъ посвящаетъ отдѣльную главу вопросу о «тенденціяхъ и противотенденціяхъ къ денационализаціи итальянцевъ за-границей», изъ

которой мы узнаемъ, что хотя итальянская эмиграція всегда живетъ своей особой колониальной жизнью, создавая вокругъ себя маленькую Италию со всѣми ея бытовыми особенностями — вплоть до макаронъ, — тѣмъ не менѣе, второе поколѣніе, дѣти эмигрантовъ, родившіяся за океаномъ, совершенно ассимилируются и нерѣдко стыдятся признаваться въ своемъ итальянскомъ происхожденіи. Имѣй Италия свои колоніи,—она не знала бы печальнаго явленія денационализаціи значительнаго количества трудового населенія. Такимъ образомъ, по Михельсу только империалистская политика можетъ излѣчить страну отъ зла эмиграціи. Изъ другихъ средствъ, профессоръ мимоходомъ рекомендуетъ еще неомальтузианство, но ему приходится съ грустью констатировать, что малокультурная Италия еще не доросла до пониманія премудрости этого способа разрѣшенія социальныхъ вопросовъ...

Живя въ Италиі и занимаясь проблемой эмиграціи, нельзя, разумѣется, не знать, что въ странѣ выдвигаются способы борьбы съ эмиграціей, весьма далекие отъ «кардинальнаго» рѣшенія Р. Михельса. Рекомендуются осушение болотъ, активная борьба съ маляріей, горное лѣсоводство, реформа арендныхъ договоровъ, экспроприація латифундій, переходъ къ болѣе интенсивной земледѣльческой культурѣ,—а слѣдовательно, и введеніе всеобщаго обученія (въ Италиі около 40% населенія безграмотно). Извѣстны всѣ эти требованія и нашему автору, но онъ презрительно называетъ ихъ «полумѣрами», безапелляционно заявляя, что всѣ эти средства могли бы, пожалуй, уменьшить потокъ эмиграціи, но отнюдь не прекратить его.

И тутъ авторъ подходитъ къ весьма интересному и важному вопросу итальянской дѣйствительности: средствомъ наиболѣе дѣйствительнымъ для борьбы съ эмиграціей было бы, по его мнѣнію, могучее развитіе индустриі, которая позволила бы пролетаризирующимъ массамъ при-

ложить свой труд на родной почвѣ. Но развитію промышленности въ Итали препятствуетъ, прежде всего, отсутствие угля: собственнымъ углемъ она едва покрываетъ $\frac{1}{3}$ своего потребления. Вотъ нѣсколько данныхъ для иллюстраціи положенія: въ 1902-мъ году Италия добыла 414 тыс. тоннъ угля, а ввезла—5.373,000. За 15-лѣтіе, 88—903 гг., въ Италию ввезено 71 милл. тоннъ угля на сумму около 2-хъ миллиардовъ лиръ.

Ясно, въ какую экономическую и политическую зависимость отъ поставщиковъ угля это ставитъ страну, и какія возможны на этой почвѣ злоупотребленія и спекуляціи (такъ, теперь во время войны англичане подняли фрахтъ въ 12—15 разъ).

Правда, въ Итали очень популярна идея «блага угля»,—использованія гидравлическихъ силъ, и уже теперь въ итальянской промышленности ихъ утилизація превышаетъ $2\frac{1}{2}$ миллиона лощ. силъ. Но, разумѣется, это почти капля въ морѣ, и по вычисленіямъ главнаго проповѣдника этой идеи, проф. Нитти, для полного освобожденія итальянской индустри отъ угольнаго Дамоклова меча потребовался бы предварительный расходъ въ миллиардъ лиръ.—Миллиардъ!—воскликаетъ «реальный политикъ» Михельсъ.—Весьма сомнительно, чтобы теперь итальянское правительство смогло израсходовать такую сумму (на ливійскую авантюру—другое дѣло!)... Ergo, оставаясь на почвѣ «реальной дѣйствительности» приходится признать, что единственному, способному бороться съ эмиграціей, средству положены непреодолимая преграды: изъ-за зависимости отъ иностраннаго угля итальянская индустрія не можетъ свободно развиваться... Р. Михельсъ забываетъ сообщить—или умалчиваетъ,—что на-ряду съ «непреодолимымъ» миллиардомъ, для торжества «блага угля» въ Итали необходимо еще одно предварительное условіе: не совсѣмъ почтительное обращеніе со священнымъ принципомъ частной собственности и, вмѣстѣ съ этимъ, значительная социализація производства...

Такъ обстоитъ дѣло съ «необходимостью» демографической. Что же касается политической, то она, по Михельсу, сводится къ проблемѣ «народной гордости»: Италия, которая по густотѣ населенія, силѣ эмигрантскаго движенія должна бы занимать второе мѣсто — послѣ Англи—среди колониальныхъ державъ,—въ дѣйствительности является одной изъ послѣднихъ скрипокъ въ мировомъ концертѣ. Это обстоятельство тяжело отражается на положеніи итальянскихъ эмигрантовъ, третируемыхъ, къ *quantité negligible*, понижаетъ вообще «духъ» націи и угрожаетъ ей дальнѣйшей деградацией. Успѣшная колониальная политика сильно подняла бы авторитетъ Итали, обновивъ ея силы, и явилась бы прочной гарантіей достойнаго существованія итальянцевъ за-границей. Р. Михельсъ здѣсь снова повторяетъ, что «моралисты могутъ оплакивать» подобное средство для поднятія престижа, но, увы! —такова дѣйствительность... Нетрудно, однако, даже оставаясь на почвѣ «реальной политики», убѣдиться, что отнюдь не недостаточность «великодержавности» Итали дѣлаетъ изъ ея эмигранта «*una cattiva figura*», смѣшную фигуру.

Такъ, изъ книги Р. Михельса мы узнаемъ, что итальянскій эмигрантъ—одинъ изъ самыхъ нищихъ и невѣжественныхъ: по даннымъ за пятилѣтіе 1902—1907 гг. средняя сумма денегъ, ввозимыхъ каждымъ итальянскимъ эмигрантомъ въ Америку, равнялась 19,4 доллара, между тѣмъ какъ англичане ввозятъ въ среднемъ—57,1 дол., нѣмцы—39,0 дол., скандинавцы—22,6 дол. (Болѣе нищими, чѣмъ итальянцы, оказываются преимущественно выходцы изъ Россіи: русскіе—16,6 дол., евреи—12,3 дол., поляки—17,1 дол., литовцы—10,3 дол.). Безграмотныхъ на каждые 100 эмигрантовъ данной національности насчитывается: итальянцевъ—32,1, скандинавцевъ — 0,3, англичанъ—0,8, нѣмцевъ—4,7, евреевъ—19,2, японцевъ—26,9.

Позади итальянцевъ стоятъ лишь кроаты—36,4, литовцы—45,7, порту-

гальцы—54,0 и турки—54,1, на одномъ съ итальянцами уровнѣ поляки—32,1 и русскіе—32,0.

Говоря объ итальянцахъ, приходится, впрочемъ, различать между сѣверянами и южанами. Такъ, сѣверяне привозятъ съ собой въ среднемъ въ Америку 25,5 дол., южане—13,3; безграмотныхъ сѣверянъ — 11,50%, южанъ—52,0. Ясно, такимъ образомъ, что нищета и невѣжество являются основными причинами пренебрежительнаго отношенія къ итальянцамъ за-границей, а отнюдь не низкая степень «величія» итальянскаго государства. Можно было бы указать Роберту Михельсу, съ одной стороны, на выходцевъ весьма активной «великой державы», являющихся не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ итальянцы, объектами презрѣнія и сверхъ-эксплоатации; съ другой стороны, на эмигрантовъ изъ маленькихъ нейтральныхъ государствъ, напримѣръ, скандинавцевъ, пользующихся извѣстнымъ «почетомъ»...

Итакъ, по Роберту Михельсу, имперіализмъ «необходимъ» Итали со всѣхъ точекъ зрѣнія—и для тѣла, и для души, если можно такъ выразиться... Но каково должно быть направление колониальной политики Итали, куда она должна конкретно стремиться?

Ливійскій опытъ авторъ считаетъ неудачнымъ, Триполи и Киренаику—не лежащими по пути итальянской великодержавности... Въ этой авантюрѣ, стоившей Итали столько жизней и денегъ (900 милл. лирь), вызвавшей кризисъ и безработицу, «объективный» авторъ видитъ, однако, высокую «моральную» цѣнность: «побѣды» въ Африкѣ подняли «духъ» нации, повысили, такъ сказать, государственную стоимость Итали, приобщили ее къ лику «великихъ» державъ. Но, какъ правильно замѣчаетъ по другому поводу авторъ—«una cosa è il patriottismo, un'altra il bisogno economico» (одно дѣло — патриотизмъ, а другое — экономическая надобность), а съ этой послѣдней точки зрѣнія

приходится признать, что триполитанскій опытъ явился только что не катастрофой...

«Естественное» направленіе колониальной политики Итали Робертъ Михельсъ видитъ въ Тунисѣ, являющемся какъ бы продолженіемъ Сицилии. Здѣсь, на этомъ вопросѣ, какъ извѣстно, довольно остро столкнулись интересы Франци и Итали. По даннымъ 1910 года въ этой официально французской колонии жило 35 тысячъ французовъ, изъ которыхъ 10 тыс.—на правительственной службѣ и 105 тысячъ итальянцевъ, преимущественно рабочихъ. Итальянское «засиліе» такъ велико, что господствующимъ и официальнымъ языкомъ всегда былъ прежде итальянскій. Послѣ 1896 года,—абиссинскаго пораженія Итали—Франція стала энергично бороться съ этимъ «засильемъ», она вынудила Италию согласиться на трактатъ о запрещеніи увеличенія количества итальянскихъ школъ и ихъ расширенія... Она стала давить на итальянцевъ и другими способами: путемъ нераспространенія рабочаго и фабричнаго законодательства на колонию, предпочтенія рабочихъ другихъ национальностей и т. п. Заняте Франціей Туниса въ 81-мъ году и послужило, какъ извѣстно, главной причиной, бросившей Италию въ объятія центральныхъ державъ... Р. Михельсъ, въ нѣсколькихъ главахъ обрисовывая положеніе Итали на международно-импералистскомъ ристалищѣ, довольно удачно вскрываетъ его исключительную трудность: африканскій имперализмъ ведетъ ее къ столкновенію съ Франціей, адриатическій—съ Австріей, а въ перспективѣ—съ Россіей... Очень любопытны также очерки распространенія импералистской идеологии въ Итали, постепенный переходъ отъ «Italia unita» къ «la più grande Italia»... Интересно замѣчаніе автора о томъ, что современный національ-имперализмъ есть родное дѣтище ирредентизма, и элементы импералистской идеологии авторъ

находить «въ замаскированной формѣ» еще у Джузеппе Мадзини... (см. примѣч. на стр. 106).

Въ общемъ, теоретически слабая и бездоказательная, книга Р. Михельса изобилуетъ интересными и хорошо подобранными данными. Поэтому, появление ея въ русскомъ переводѣ—съ соответствующимъ предисловіемъ,—было бы вполне желательно.

Раф. Григорьевъ.

Энзисъ. Война и германская социаль-демократія. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1916 г. III стр. Цѣна 75 коп.

Исторія германской социаль-демократіи новой формации начинается съ знаменитаго голосованія 4 августа, въ значительной степени предупредѣливаго событія послѣдующей эпохи. Четвертаго августа социаль-демократическая фракція рейхстага голосовала за военные кредиты... Казалось, ея выступленіе было единодушно, но въ дѣйствительности уже тогда народилось меньшинство, во главѣ съ Либкнехтомъ, Мерингомъ, Ледебуромъ и Розой Люксембургъ, которое повело энергичную борьбу съ официальной позиціей партіи.

Для нѣмецкой социаль-демократіи главной угрозой являлась возможность вторженія России и возможность ея побѣды. На этомъ страхѣ базировалась ея тактика. Большинство своимъ поведеніемъ создало гражданскій миръ, т. е. прекратило всякую классовую борьбу внутри Германіи. Съ другой стороны прекратился и походъ всѣхъ бюргерскихъ партій на социаль-демократію и свободные союзы. Громадная разница существуетъ между парадными выступленіями въ рейхстагѣ и критической мыслью массъ. Вполнѣ понятно, поэтому, что съ перваго-же дня начались попытки дать извѣстную идеологию войны. Попытки такого рода дѣлали Бернштейнъ, Каутскій и другіе дѣятели. Здѣсь сразу же обнаружались серьезныя разногласія. Каутскій признавалъ интернаціональ лишь на время мира. Берн-

штейнъ всталъ на позицію шовинистовъ, общающихся политическую свободу России, принесенную на штыкахъ прусскихъ юнкеровъ. Другіе его сотоварищи зашли еще дальше... Бернштейнъ, однако, скоро повернулъ съ этого пути, но другіе дѣлаютъ логические выводы изъ его общихъ положеній. Нѣкоторые социалисты являются носителями идеи націонализма, защиты наши и даже ея моральнаго права на агрессивную политику. Въ началѣ они еще думали объ извѣстныхъ гарантіяхъ, направленныхъ противъ завоеваній областей, но постепенно официальное большинство партіи отказалось отъ этого требованія. Шейдеманъ, Гейне и Винигъ дошли до признанія общности интересовъ нѣмецкаго пролетариата и буржуазіи... Такая позиція усиливала и внѣшнюю реакцію официального правительства и внутреннюю—въ средѣ рабочаго класса.

Идейно сильнѣе всего пострадали профессиональные союзы. Они всегда были склонны къ извѣстнымъ компромиссамъ, къ торгу. Количественно профессиональные союзы также весьма серьезно пострадали отъ войны, но общая ихъ организованность и извѣстная приспособляемость отстояла ихъ существованіе. Профессиональные союзы сыграли весьма большую роль въ смыслѣ распределенія рабочей силы внутри Германіи, въ смыслѣ уменьшенія безработицы и пр., въ этомъ ихъ большая заслуга. Въ началѣ войны передъ ними были два пути: борьба съ правительствомъ, или компромиссъ, и они, не колеблясь, выбрали послѣднее. Профессиональные союзы являлись носителями националистической идеологии, которой не чужды были и широкія массы населенія. Наряду съ этими тенденціями нарождались и прямо противоположныя стремленія: то была идеология стараго до-военнаго отношенія къ войнѣ. Оппозиція по отношенію къ большинству партіи нарастала исподволь. Каждое новое засѣданіе рейхстага отрывало отъ парламентской фракціи новые элементы. Си-

ла оппозиции, такъ называемыхъ, «смутьяновъ», была, однако, не въ парламентѣ, но главнымъ образомъ, внѣ его стѣнъ. «Смутяны» создали свою прессу, нападающую на позицію социаль-шовинистовъ, на шатанія центра. Такимъ центромъ, лѣвымъ центромъ, является группа изъ трехъ лидеровъ движения: Каутскаго, Гаазе и Бернштейна, высказавшаяся тоже за миръ. Ихъ позиция не была такъ опредѣленна и рѣзка, какъ позиция «смутьяновъ» и пришли они къ ней сравнительно очень недавно. Но все-же единое настроение социаль-демократіи съ теченіемъ времени все болѣе дифференцируется. Разнообразие позиций германской социаль-демократіи явилось для многихъ полной неожиданностью, и, однако нельзя сказать, чтобы его нельзя было предвидѣть. Взрывъ шовинизма и послѣдующій разбродъ въ средѣ социаль-демократіи имѣетъ много различныхъ причинъ, но можетъ быть самой главной и серьезной изъ нихъ было влияние империалистической идеологіи буржуазіи и капитала. Въ рядахъ оппортунистовъ оно чувствовалось до войны, а во время нея лишь бурно проявилось во внѣ то, что раньше было подъ спудомъ. По мнѣнію апологетовъ империализма, ростъ капитализма и агрессивность его все болѣе и болѣе улучшаютъ материальное положеніе пролетариата, который такимъ образомъ, заинтересованъ въ сохраненіи своей страны и въ ея развитіи. Внѣшнія и внутреннія отношенія германской социаль-демократіи складываются въ зависимости отъ позиций, занятыхъ по отношенію къ войнѣ. Опредѣлились двѣ различныя

тактики: одна—примирившаяся съ империализмомъ, соглашающаяся «освободить» Польшу и Литву, не протестующая противъ захвата Бельгии и пр., другая—требующая мира и разоруженія. Естественно, что между ними не могло быть согласія и противорѣчія обострились все больше и больше. Одна часть склонна была требовать продолженія войны, другая стремилась къ миру... Въ книгѣ Энзиса кромѣ общей картины этой эволюціи двухъ частей германской социаль-демократіи, данъ богатый фактический матеріалъ, который даетъ возможность опредѣлить характеръ и развитие внутреннихъ отношеній въ партиі, а также ростъ оппозиціи со стороны «смутьяновъ».

Привлекая къ себѣ все новые и новые кадры единомышленниковъ, они толкаютъ большинство партиі, и особенно ея лѣвый центръ, на все болѣе рѣшительные шаги. Однако, ихъ конечныя задачи лежатъ еще очень далеко впереди.

Со многими положеніями автора можно не соглашаться. Можно также привести много фактовъ, не затронутыхъ имъ или недостаточно полно разсмотрѣнныхъ—но все-же нельзя ему отказать въ значительной заслугѣ передъ общественностью. Для демократіи далеко не безразлично то, что скрывалось подъ маской Burgfrieden'a, и что дѣлается теперь, когда маска эта сорвана, дѣйствительностью. Отъ этихъ событий зависитъ очень многое въ будущемъ, потому и внимательный и серьезный разборъ ихъ является весьма цѣннымъ. Какъ разъ такимъ характеромъ вдумчивости и серьезности отличается брошюра Энзиса.

Р. Арскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦЮ!

Ввиду одновременнаго появленія разсказа моего «У истоковъ сердца», какъ въ мартовской книгѣ «Лѣтописи», такъ и въ мартовской же книгѣ «Вѣстника Европы», я подтверждаю, что право на напечатаніе этого моего разсказа принадлежитъ «Лѣтописи». Появленіе же его въ «Вѣстникѣ Европы» произошло вслѣдствіе недоразумѣнія.

Н. Шкляръ.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦЮ.

- Андреевъ, Леонидъ.** *Полетъ.* Разсказы и пьесы. Т. XVI. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 230. Ц. 1 р. 40 коп.
- Аронсонъ, Григорій.** *Лирика.* Стихи. Скл. изд.: кн. маг. быв. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 92. Ц. 1 р.
- Брусиловскій, Е. М.** д-ръ. *Нѣкоторые итоги лиманнаго сезона.* Одесса. 1916. Стр. 16.
- Брусиловскій, Е. М.** д-ръ. *Одесскіе лиманы и морскія купанья.* Одесса. 1915. Стр. 42.
- Бѣловъ, Вадимъ.** *Разумъйте языцы.* Изд. «Лукоморье». П. 1916. Стр. 207. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣлый, Андрей.** *Петербургъ.* Романъ. Изд. въ кн. скл. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 276. Ц. 2 р.
- Въ Прибалтійскомъ краѣ.** *Эсты и латыши, ихъ исторія и бытъ.* Сборникъ статей подъ ред. проф. А. М. Рейснеръ. М. 1916. Стр. 285. Ц. 1 р. 50 коп.
- Верхоустиновскій, Б.** *Маленькая буря.* Романъ. Изд. бывш. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 170. Ц. 1 р. 50 к.
- Гантмахеръ, А.** *Сборникъ военныхъ разсказовъ.* Изд. автора. Одесса. 1915. Стр. 105. Ц. 60 к.
- Григорьевъ, Раф.** *Недавнее.* Романъ. Т. II. Изд. б. м. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 136. Ц. 1 р.
- Егоровъ, Павелъ.** *Рыдающій демонъ. Рифметы надъ Умیا.* Стихи. Изд. «Свѣтломиръ». М. 1916. Стр. 54. Ц. 1 рубль.
- Жаковъ, К. Ѳ.** *Гипотеза, ея природа и роль въ наукѣ и въ философіи.* Изд. Студ. О-ва Потреб. при Психо-Неврол. Ин-тѣ. П. 1915. Стр. 80. Ц. 60 к.
- Жуковская, Вѣра.** *Сестра Варенька.* Повѣсть старыхъ годовъ. Скл. изд. Петроградъ. — «Огни». Москва — «Задруга». М. 1916. Стр. 213. Ц. 1 р. 50 к.
- Записки декабриста И. И. Горбачевскаго.** *Библиотека мемуаровъ.* Вып. II. съ прилож. и со вступ. статьей Б. Е. Сыроѣчковаго. Изд. «Задруга». М. 1916. Стр. 323. Ц. 2 р.
- Звягинцевъ, Е.** *Правовое положеніе народныхъ библиотекъ за 50 лѣтъ.* Изд. Е. Д. Троицкой. М. 1916. Стр. 54. Ц. 30 к.
- Извѣстія Московскаго Военно-промышленнаго Комитета.** *Библиотека мемуаровъ.* Двухнедѣльный органъ № 13. Январь. Изд. Моск. Военно-Пром. Ком-та. М. 1916. Стр. 99.
- Извѣстія Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета.** Двухнедѣльный органъ № 14. Январь. Изд. Моск. Военно-Промышл. Ком-та. М. 1916. Стр. 96.
- Извѣстія Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета.** Двухнедѣльный органъ № 15-16. Февраль. Изд. Моск. Военно-Пром. Ком-та. Москва. 1916. Стр. 147.
- Извѣстія Московскаго Военно-Промышленнаго комитета.** Двухнедѣльный органъ № 17-18. Мартъ. Изд. Моск. Военно-Пром. Ком-та. Москва. 1916. Стр. 185.

- Клаузеръ, I. Л.**, д-ръ филос. *Сушность еврейской этики*. Одесса. 1916. Стр. 32. Ц. 25 к.
- Крепкинъ, Гр.** *Ревнитель свѣта—П. И. Макушинъ. 50 лѣтъ просвѣтительной дѣятельности. 25/111 1866—1916 гг. въ Сибири*. Изд. служ. и рабочихъ. П. Макушина. Томскъ. 1916. Стр. 103. Ц. 75 к.
- Кузьмина-Караваева, Е. Руѳь.** Стихи. Скл. изд.: кн. маг. 6. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 139. Ц. 1 р. 75 к.
- Лаврски, Н. А.** Э. *Миганаджанъ*. Изд. «Искусство и жизнь». М. 1916. Стр. 17. Ц. 1 р. 25 к.
- Лондонъ, Джекъ.** *Желѣзная пята*. Романъ. Т. XX. Авт. пер. съ англ. I. А. Маевского. Изд. I. А. Маевского. М. 1916. Стр. 264. Ц. 1 р. 25 к.
- Михеевъ, Л. Е.** *Шалости музы*. Стихи. Изд. маг. М. С. Калинина. М. 1913. Стр. 63.
- Нашъ журналъ.** Изд. «Свободное искусство». П. 1916. Стр. 65. Ц. 3р.25к.
- Отечество, сборники национальной литературы России.** Т. I. Подъ редакцией проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. Изд. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 480. Ц. 3р.75к.
- Письма португальской монахини. Переводъ и предисловіе А. Левинсона.** Изд. М. И. Семенова П. 1916. Стр. 87. Ц. 1 р.
- Поволжье, Приуралье и лечебныя степи.** Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Сост. Н. Массальскій. Изд. Э. Сурина. П. 1916.
- Поль Аданъ.** *Сила*. Т. I. Романъ съ предисловіемъ А. Левинсона. Перев. съ франц. С. С. Венгеровой и Б. Б. Дубино-Княжицкаго. Изд. М. И. Семенова. П. 1916. Стр. 319. Ц. 2 р.
- Прохаско, Ольга.** *Нѣсколько мыслей о религиозномъ воспитаніи*. Изд. И. Самоненко. Кіевъ. 1916. Стр. 19. Ц. 25 к.
- Публицистъ-гражданинъ, литературный сборникъ, посвященный памяти Г. К. Градовскаго.** П. 1916. Стр. 214. Ц. 2 р.
- Де-Роберти, Е. В.** *Понятія разума и Законы вселенной*. Пер. съ фр. С. Златковскаго подъ ред. автора, съ пред. М. Ковалевскаго. Изд. Студ. О-ва Петр. Психо-Неврол. И-та. П. 1914. Стр. 101. Ц. 45 к.
- Санжаръ, Надежда.** *Закладованное*. Изд. 2-е. Скл. изд.: Москва, Хлѣб-ный пер., 1. М. 1916. Стр. 71. Ц. 75 к.
- Санжаръ, Надежда.** *Записки Анны*. Изд. 2-е. Скл. изд.: Москва, Хлѣб-ный пер., 1. М. 1916. Стр. 149. Ц. 1 р. 20 коп.
- Санжаръ, Надежда.** *По своему*. Драма. Скл. изд.: Москва, Хлѣбный пер., 1. М. 1916. Стр. 93. Ц. 75 к.
- Садовской, Борисъ.** *Ледоходъ*. Статьи и замѣтки. Изд. автора. П. 1916. Стр. 201. Ц. 2 р. 50 к.
- Собомъ, Юрій.** *Антонъ Чеховъ*. Неизданныя страницы. Изд. «Сѣверные дни». М. 1916. Стр. 150. Ц. 1 р. 1 р. 25 к.
- Солнцева, Петръ, (Гребневъ).** *Подъ аккомпаниментъ мировой бури*. Стихи. Иркутскъ. 1915. Стр. 66. Ц. 40 к.
- Стелица, З. К.** *Здоровый эгоизмъ*. Скл. изд. въ кн. маг. Т-ва М. О. Вольфа. П. М. 1916. Стр. 10. Ц. 20 к.
- Стопани, А. М.** *Нефтепромышленный рабочи и его бюджетъ*. Изд. Комисіи Промышленной гигиены при О-вѣ врачей г. Баку. 1916. Стр. 118. Ц. 3 р. 50 к.
- Страда.** *Литературный сборникъ*. Изд. А. Д. Семеновскаго. П. 1916. Стр. 339. Ц. 2 р. 75 к.
- Стрибожичъ, Сергѣй.** *Рябины гроздья*. Стихи. Изд. автора. Вологда. 1916. Стр. 61.
- Струве, Петръ.** *Хозяйство и цѣна*. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Т. II. Вып. I. Изд. В. П. Рябушинскаго. М. 1916. Стр. 468. Ц. 2 р.
- Трудовое посредничество.** (Всероссийское бюро труда). № 2 Отд. отт. изъ № 35-36. «Изв. гл. ком. Всер. Зем. Союза». М. 1916. Стр. 194-229.
- Зинаида, Ц.** *Лучи и тѣни*. Стихи. Изд. «Прометей», Н. Н. Михайлова. П. 1916. Стр. 315. Ц. 2 р.
- Черкасовъ, Николай.** *Выше! Лиремы*. Стихи. Изд. автора. П. 1916. Стр. 63. Ц. 75 к.
- Черный, Борисъ.** *Четвертая тетрадь*. Стихи. Изд. автора. М. 1916. Стр. 21. Ц. 25 к.
- Чукаловъ, Савва.** *Сумерки*. Пѣсни сердца. Скл. изд. П. Лиговская, 44. П. 1916. Стр. 48. Ц. 60 к.
- Шмелевъ, Ив.** *Суровые дни*. Т. VII. Изд. Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 197. Ц. 1 р. 50 к.
- Эренбургъ, И.** *Стихи о канунахъ*. Скл. изд.: въ кн. маг. М. О. Вольфа. М. 1916. Стр. 169. Ц. 1 р. 50 к.

Т - В О
ТРЕУГОЛЬНИКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ

ДЛЯ НУЖДЪ
ЛАЗАРЕТОВЪ
ВСѢ
НЕОБХОДИМЫЕ
ПРЕДМЕТЫ
ИЗЪ РЕЗИНЫ,
ЭБОНИТА,
ПРОРЕЗИНЕННОЙ
МАТЕРІИ И ПР.

ПЕТРОГРАДЪ
ЕКАТЕРИН. КАН. 34

Сибирскій Торговый Банкъ

(Учрежденъ въ 1872 г.).

Правленіе въ Петроградѣ.

69 Отдѣленій и Коммисіонерствъ въ Европейской Россіи, Сибири и Средней Азій.

Въ Чрезвычайномъ Общемъ Собраніи, состоявшемся 30 марта 1916 года, присутствовало 111 акціонеровъ, представившихъ 20.672 акціи съ правомъ на 384 голоса.

Предсѣдателемъ Собранія избранъ единогласно г. Д. А. Казицынъ.

Общее Собраніе единогласно постановило: 1) вновь утвердить представленный Правленіемъ Банка отчетъ за 1912 годъ; 2) признать произведенную Правленіемъ, согласно предложенія Совѣта и Правленія, представленнаго Общему Собранію 23-го марта 1913 года, выдачу акціонерамъ въ дивидендъ Р. 3.000.000, т.-е. по Р. 37-50 на акцію правильною, а также признать правильнымъ отнесеніе остатка въ Р. 2.889-86 къ прибылямъ 1913 года и 3) признать соответствующей дѣйстви- тельнымъ нуждамъ Банка смѣту на 1913 годъ въ общей суммѣ Р. 3.260.166—38.

Извлеченіе изъ отчета за 40-й отчетный 1912 г.

КАПИТАЛЫ.	Руб.	К.
Основной распределенъ на 80.000 акц.	20.000.000	—
Запасный	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—
Запасный дивидендъ	4.000.000	—
Общій оборотъ капитала	17.909.740	493 26

СЧЕТЪ ПРИБЫЛЕЙ и УБЫТКОВЪ.

ПРИХОДЪ.	
Полученные проценты	10.553.863 1 5
Прибыль по комиссіоннымъ и фондовымъ операціямъ	2.281.532 3
Прибыль отъ продажи цѣнныхъ бумагъ, тратъ векселей на заграничные мѣста и драгоценныхъ металловъ	450.771 21
Получено по протестованнымъ векселямъ прежнихъ лѣтъ и другихъ поступленій	315.446 59
	<hr/>
	13.601.613 26
РАСХОДЪ.	
Уплаченные проценты	5.318.015 70
Расходъ по управленію и содержанію	3.222.206 95
Списано по протестованнымъ векселямъ и просроченнымъ ссудамъ	1.311.544 15
Прибыль	3.749.846 46
	<hr/>
	13.601.613 26
Прибыль за 1912 годъ	3.749.846 46
Уплачено Государственнаго и промысловаго налога	456.997 06
	<hr/>
	3.292.849 40
Чистая прибыль за 1912 годъ	483.000 —
Отчислено при реализаціи послѣдняго выпуска акцій для уравненія дивиденда	3.001 42
Остатокъ отъ 1911 года	
	<hr/>
	3.778.850 82

РАСПРЕДЕЛЕНІЕ ПРИБЫЛИ.

Въ дивидендъ гг. акціонерамъ	3.000.000 —
Въ пользу Членовъ Правленія	266.283 47
Въ пользу Членовъ Совѣта	116.677 49
Въ пользу служащихъ	393.000 —
Перечислено къ прибылямъ текущаго 1913 года	2.889 86
	<hr/>
	3.778.850 82

Дивидендъ по акціямъ Банка за 1912 годъ по 37 руб. 50 коп. за каждую акцію выплачивается съ 26-го марта сего года по предъявленію купона № 8.

Выдача дивиденда производится въ Правленіи Банка (Петроградъ, Невскій пр. 44) и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

Сибирскій Торговый Банкъ

(учрежденъ въ 1872 г.).

Правленіе въ Петроградѣ.

69 Отдѣленій и Коммисіонерствъ въ Европейской Россіи, Сибири и Средней Азій.
Въ Очередномъ Общемъ Собраніи, состоявшемся 30-го марта 1916 г., присутствовало 118 акціонеровъ, представившихъ 25.185 акцій съ правомъ на 417 голосовъ.

Предсѣдателемъ Собранія избранъ единогласно г. Д. А. Казицынъ.

Общее Собраніе единогласно постановило: 1) Утвердить представленный Правленіемъ отчетъ за 1915 годъ и выдать въ дивидендъ г.г. акціонерамъ Р. 2.400.000, т.-е. по Р. 30 на акцію, а остатокъ въ Р. 21.071 27 отнести къ прибылямъ текущаго 1916 г.; 2) Утвердить смѣту расходовъ на 1916 годъ въ суммѣ Р. 4.186.951 41 и уполномочить Совѣтъ на разрѣшеніе, по мѣрѣ надобности дополнительныхъ къ смѣтѣ ассигнованій.

Засимъ избраны: въ Члены Правленія—г.г. Л. Л. Греффъ и В. С. Субботникъ, въ Члены Совѣта—г.г. Н. Д. Байдакъ, М. И. Боголѣповъ, Г. Я. Алхазовъ, А. И. Грубе, Ф. А. Ивановъ, Н. Т. Каштановъ и А. П. Торнтонъ и въ Члены Ревизионной Коммисіи—г.г. К. К. Масляниковъ, В. В. Никифоровъ, И. Е. Паенсонъ, Р. Р. Севіеръ и А. Я. Торнтонъ.

По предложенію г. Предсѣдателя Общаго Собранія, Собраніе почтительно встанемъ память усопшихъ Члена Правленія и Директора Банка М. А. Соловейчикъ и бывшаго Члена Правленія и Совѣта Банка г. А. А. Дровжилова.

Извлеченіе изъ отчета за 43-ій отчетный 1915 г.

КАПИТАЛЫ.

Основной распределенъ на 80.000 акцій	Р. 20.000.000 —
Запасный	» 10.000.000 —
Запасная прибыль	» 1.000.000 —
Запасный дивидендъ	» 4.000.000 —
Общій оборотъ капитала: 29.848.045.933 60	

ПРИХОДЪ.

Полученные проценты	Р. 16.457.041 18
Прибыль по коммисіоннымъ и фондовымъ операціямъ	» 4.128.807 67
Прибыль отъ продажи цѣнныхъ бумагъ, траттъ и векселей на заграничныя мѣста и драгоценныхъ металловъ	» 1.579.318 96
Получено по протестованнымъ векселямъ прежнихъ лѣтъ и дру- гихъ поступленій	» 609.336 38
	<hr/> Р. 22.774.504 19

РАСХОДЪ.

Уплаченные проценты	Р. 11.921.067 21
Расходы по управленію и содержанію	» 4.009.180 96
Списано по протестованнымъ векселямъ, просроченнымъ ссу- дамъ, убытокъ на курсѣ цѣнныхъ бум. и сомнительнымъ долгамъ	» 2.743.977 37
Прибыль	» 4.100.278 65
	<hr/> Р. 22.774.504 19

Прибыль за 1915 годъ	Р. 4.100.278 65
Уплачено Государственного промысловаго налога	» 526.538 86

Чистая прибыль за 1915 годъ	Р. 3.573.739 79
Остатокъ отъ 1914 года	2.615 29

Р. 3.576.355 08

РАСПРЕДЕЛЕНІЕ ПРИБЫЛИ.

Въ дивидендъ г.г. акціонерамъ	Р. 2.400.000 —
Въ пользу г.г. Членовъ Правленія	» 282.101 67
Въ пользу г.г. Членовъ Совѣта	» 123.182 14
Въ пользу служащихъ	» 575.000 —
На изготовленіе новыхъ купонныхъ листовъ и гербовый сборъ по акціямъ и/Банка	» 125.000 —
Пожертвованія на военныя нужды	» 50.000 —
Причислено къ прибылямъ текущаго 1916 года	» 21.071 27

Р. 3.576.355 08

Дивидендъ по акціямъ Банка за 1915 годъ, по 30 руб. на каждую, выплачивается съ 31-го марта сего года, по предъявленію купона № 4.

Выдача дивиденда производится въ Правленіи Банка (Петроградъ, Невскій, 44) и во всѣхъ Отдѣленіяхъ.

АЗОВСКО-ДОНСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ БАНКЪ.

Состояніе счетовъ

на 1-е января 1916 г.

АКТИВЪ.	Въ правленіи. Въ Отдѣленіяхъ.		ИТОГО.
Касса (въ Госуд. кредитн. билет., золотъ и размѣнной монетъ)	3.910,199 79	5.599,961 68	9.510,161 47
Текущіе счета:			
1) въ конторахъ и Отдѣленіяхъ Госуд. Банка и Казнач.	2.411,753 67	9.582,410 30	11.994,163 97
2) въ частныхъ кредитныхъ Учрежденіяхъ	7.750,510 75	69,965 05	7.820,475 80
Учетъ векселей, имѣющихъ не мѣнѣ двухъ подписей	55.585,544 09	59.046,978 39	114.632,522 48
Учетъ соло-векселей съ обезпеченіемъ, тиражн. % бум., текущ. куп. и торговыхъ обязательствъ	67.914,338 40	813,556 69	68.727,895 09
Суды подъ залогъ:			
1) Государств. Правительств. гарантированныхъ % бумагъ	75,116 92	1.359,123 83	1.434,240 75
2) Актій и облигацій, Правительств. негарантирован.	64,555 —	402,243 13	466,798 13
3) Товаровъ	— —	246,505 85	246,505 85
Суды подъ соло-векселя, обезпеч. сельско-хозяйств. имѣніями	201,502 85	3.565,836 13	3.767,338 98
Авансы подъ ж.-д. дубликаты и коносаменты	89,367 35	577,754 08	667,121 43
Спеціальныя счета до востребованія (On call):			
1) подъ обезпеченіе % бумагъ	51.525,310 40	40.121,836 55	91.647,146 95
2) " " векселей и товаровъ	5.289,372 75	32.173,143 19	37.462,515 94
Цѣнные бумаги, принадлежатія Банку:			
1) Государств. и Правительств. гарантѣр.	33.449,515 63	757,907 40	34.207,423 03
2) Актіи, паи и облигаціи Правительств. негарантирован.	19.596,539 91	2.547,679 11	22.144,219 02
Тратты и векс. на загр. мѣста, банкноты и иностр. монеты	705,848 06	61,092 99	766,941 05
Покупка и продажа проц. бум по порученіямъ	193,255 38	386,219 96	579,475 34
Корреспонденты Банка:			
1) По ихъ счетамъ (Logo):			
а) Кредиты подъ обезпеченіе: бумагами гарантированными негарантированными	53.972,099 14	— —	53.972,099 14
векселями	78.729,776 27	4.279,690 66	83.009,466 93
товарами, дубликат. и коносаментами	6.061,785 12	4.212,653 18	10.274,438 30
торговыми обязательствами	721,400 —	2.099,736 25	2.821,136 25
б) Бланковые кредиты	11.496,035 41	1.601,059 45	13.097,094 86
2) По счетамъ Банка (Nostro):	7.913,286 43	5.513,392 81	13.426,679 24
а) Свободныя суммы въ распоряженіи Банка	9.189,950 55	756,558 29	9.946,508 84
б) Векселя у корреспондентовъ	2.121,208 77	11.713,736 86	13.834,945 63
Счетъ съ Отдѣленіями	— —	114.768,737 78	114.768,737 78
Протестованные векселя	684 —	10,323 —	11,007 —
Расходы, подлежащіе возврату	19,223 41	240,354 —	259,577 41
Обзаведеніе и устройство	161,300 43	396,904 67	558,205 10
Переходныя суммы	682,016 74	716,578 89	1.398,595 63
Комиссіонныя векселя	8.069,018 01	25.621,055 12	33.690,073 13
Недвижимое имущество, принадлежатое Банку	3.112,099 81	7.740,220 74	10.852.320 55
Государственный налогъ (съ прибыли)	1.028,876 79	— —	1.028,876 79
	432.041,491 83	336.983,216 03	769.024,707 86
ПАССИВЪ.			
Складочный капиталъ	50.000,000 —	— —	50.000,000 —
Запасный капиталъ	25.000,000 —	— —	25.000,000 —
Особый резервный капиталъ	16.250,000 —	— —	16.250,000 —
Погасительный фондъ недвиж. имущества	1.601,089 19	— —	1.601,089 19
Вклады: На текущіе счета:			
1) а) обыкновенныя	69.438,218 08	188.884,876 59	258.323,094 67

б) Условные	26.961,798 57	38.719,074 89	65.680,873 46
2) Срочные	7.120,046 26	23.716,257 37	30.836,303 63
3) Безсрочные	2.354,300 —	4.061,200 53	6.415,500 53
Переучет векселей и спец. счетъ въ Конт. и Отд. Госуд. Банка .	114,009 50	3.647,323 23	3.761,332 73
Корреспонденты Банка:			
1) По ихъ счетамъ (Лого):			
а) Свободныя суммы въ распоряженіи корреспондентовъ	87.807,283 24	27.091,273 01	114.898,556 25
б) Векселя на комиссіи	10.190,226 78	37.334,791 98	47.525,018 76
2) По счетамъ Банка (Nostro):			
Суммы, остающіяся за Банкомъ	934,472 74	1.608,463 95	2.542,936 69
Счета Отдѣленій съ Правленіемъ	114.768,737 78	— —	114.768,737 78
Проценты, подлежащіе уплатѣ по вкладамъ	214,663 91	1.147,740 04	1.362,403 95
Проценты, перешедшіе на 1916 годъ	2.190,687 18	1.051,990 49	3.242,677 67
5% Государственный налогъ	311,700 51	453,296 69	764,997 20
Государственный налогъ по спеціальнымъ счетамъ	66,766 53	38,850 28	105,616 81
Переходныя суммы	1.950,944 01	947,812 27	2.898,756 28
Неоплаченный дивидендъ	958,555 —	— —	958,555 —
Переводы къ оплатѣ	1.755,072,82	8.280,264 71	10.035,337 53
Остатокъ прибылей прежнихъ лѣтъ	2.674,575,93	— —	2.674,575 93
Чистая прибыль операціоннаго года	9.378,343 80	— —	9.378,343 80
Цѣнности на храненіи			
Р. 24.775,004 85.			
	432.041,491 83	336.983,216 03	769.024,707 86

*) Въ томъ числѣ мораторные векселя на Р. 2.657,042 80.

СЧЕТЪ ПРИБЫЛЕЙ и УБЫТКОВЪ за 1915 годъ.

КРЕДИТЪ.

Проценты по учету: векселей, торговыхъ обязательствъ, тиражныхъ % бум. и срочн. куп	10.020,940 78		
» » соло - векселей, обезпечен. сельско - хозяйств. имѣн.	280,611 47		
» » ссудамъ подъ % бумаги	144,324 64		
» » » товары и авансы подъ дубл. в коносам.	79,232 37		
» » » спеціальн. счетамъ	8.900,458 46		
» купонамъ принадлежащихъ Банку % бумагъ	2.895,964 61		
» » счету съ корреспондентами	8.379,689 98		
» » тек. счетамъ въ частн. кред. учрежд. и по разн. операц.	340,849 99		
			31.042,072 30
Счетъ комиссіи	— —		3.898,740 81
» по траттамъ и векс. на заграничн. мѣста	— —		530,567 84
» » прибыли по % бумагамъ	— —		272,404 42
Доходъ съ недвижимаго имущества	— —		449,283 45
Прибыль разная	— —		209,521 39
Возвратъ долговъ, ранѣе списан. въ убытокъ	— —		824,396 44
			37.226,986 65

ДЕБЕТЪ.

Проценты по текущимъ счетамъ	10.628,910 33		
» » вкладамъ	1.768,508 61		
» » спеціальн. счету и переучету векс. въ Гос. Банкѣ	625,725 25		
» » счету съ корреспондентами	4.015,412 57		
» » разнымъ операціямъ	636,712 57		
			17.675,269 33
Расходы Банка	— —		5.528,387 78
Въ пользу Ссудо-Сберегат. и Страх. Кассы служащ. Пожертванія и друг. расх., связанные съ войной	— —		166,114 88
Асигнованные Общ. Собраніемъ 11 апр. 1915 г. для учрежденія фонда имени Д. И. Дармолатова	— —		25,000 —
С п и с а н о:			
со стоимости движимаго имущества	94,504 83		
» » недвижимаго имущества	216,940 47		
на покрытіе протестованныхъ векселей	1.298,807 88		
» » неблагонадежныхъ долговъ и другихъ убытковъ	2.732,728 24		
			4.342,981 42
Чистая прибыль	— —		9.378,343 80
			37.226,986 65

Предсѣдатель Правленія **Б. КАМЕНКА.**
 Члены Правленія **Е. ЭПШТЕЙНЪ, А. КАМИНКА, Е. ЛЬВОВЪ.**
 Гл. Бухгалтеръ **С. ДЖАНИДИ.**

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛА ОБЫКНОВЕННОГО ОБЩАГО СОБРАНИЯ
ГГ. АКЦИОНЕРОВЪ АЗОВСКО-ДОНСКОГО КОММЕРЧЕСКАГО БАНКА 14 АПР
1916 Г.

Къ Общему Собранію было представлено 154 а.ціонерами 51,132 акціи, а въ собраніе явилось 44 акціонера, располагающихъ по 45,090 акціямъ 257 голосами за себя и по довѣренностямъ.

Единогласно постановлено:

Отчетъ за 1915 годъ утвердить. Съ присоединеніемъ къ чистой прибыли въ 9.378,343 р. 80 к. нераспределеннаго остатка прибыли прежнихъ лѣтъ въ 2.674,575 р. 93 к. и за вычетомъ госуд. налога въ 1.028,876 р. 79 к., за отчисленіемъ 500,968 р. 02 коп. въ вознагражденіе Правленію. 192,424 руб. 95 коп. въ распоряженіе Совѣта и 577,274 р. 85 к. въ вознагражденіе служащимъ, выдать дивидендъ акціонерамъ 6.000,000 руб., что составляетъ по 30 р. на каждую акцію. Нераспределенный остатокъ прибыли въ 3.753,375 р. 12 к. присоединить къ прибылямъ текущаго 1916 года.

Утвердить смѣту расходовъ по содержанію всѣхъ учреждений Банка въ 1916 году въ общей суммѣ 6.201,000 р.

Утвердить предложеніе Правленія объ открытіи новыхъ Отдѣленій Банка.

Избраны: въ члены Совѣта—гг. М. Лавровъ, П. П. Рыковский, П. Г. Солодовниковъ, А. Е. Молчановъ, В. Г. Винтерфельдъ и Г. Е. Афанасьевъ; въ члены Правленія г. А. А. Вертъ и въ члены Ревизионной Комиссіи—гг. Н. Верховскій, Э. А. Де-Ливронъ, О. С. Клячко, А. Г. Рабиновичъ и К. П. Троицкій.

ВСЕ, ЧТО ПЕЧАТАЕТСЯ,

можно приобрести черезъ книжный магазинъ „Учитель“ Н. С. АБРАМОВА,
у Тучкова моста, Тел. 602—59.

**ПРАВЛЕНІЕ АКЦИОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА
„Акционерное Общество
ЛАНГЕНЗИПЕНЬ И К^о“**

на основаніи §§ 46 и 48 Устава имѣетъ честь пригласить гг. Акціонеровъ въ обыкновенное Общее Собраніе, назначенное въ пятницу, двадцать седьмого мая 1916 г. въ 4 часа пополудни въ помѣщеніи Правленія Общества, Петроградъ, Дивенская ул., № 1

ПРЕДМЕТЫ, ПОДЛЕЖАЩІЕ РАЗСМОТРѢНІЮ:

1. Докладъ Правленія о дѣятельности Общества за четвертый операціонный 1915 годъ.
2. Докладъ Ревизионной комиссіи, рассмотрѣніе и утвержденіе отчета и баланса за 1915 годъ и распределеніе прибыли.
3. Утвержденіе смѣты и плана дѣйствій на текущій 1916 г.
4. Избраніе одного директора Правленія взамѣнъ выбывающаго по старшинству и одного кандидата въ директоры и назначеніе имъ вознагражденія.
5. Избраніе пяти членовъ Ревизионной комиссіи и опредѣленіе вознагражденія имъ.
6. Утвержденіе договора отъ 31-го декабря 1915 года съ директоромъ-распорядителемъ Общества Г. Я. ПОГОРЪЛЬСКИМЪ и постановленія Правленія отъ 17-го того же декабря о продолженіи до пяти лѣтъ срока его полномочій.
7. Текущія дѣла.

Извлеченіе изъ § 53 Устава «Акціи на предъявителя даютъ право голоса въ томъ случаѣ, если онѣ представлены въ Правленіе Общества по крайней мѣрѣ за семь дней до дня общаго собранія и не выданы обратно до окончанія собранія. Взамѣнъ, подлинныхъ акцій могутъ быть представлены удостовѣренія (расписки) въ принятіи акцій на храненіе или въ закладъ, какъ государственныхъ, такъ и дѣйствующихъ на основаніи Правительствомъ утвержденныхъ уставовъ кредитныхъ (мѣстныхъ и иногороднихъ) учреждений... Въ удостовѣреніяхъ обозначаются нумера акцій»...

Пріемъ подлинныхъ акцій и удостовѣреній кредитныхъ учреждений производится въ Правленіи Общества ежедневно отъ 12-ти до 4-хъ ч. дня, кромѣ дней непростувственныхъ.

БАЛАНСЪ ПЕТРОГРАДСКАГО Международнаго Коммерческаго Банка

и ЕГО ОТДѢЛЕНІЙ, кромѣ Отдѣленія въ Брюсселѣ,
къ 1 февраля 1916 г.

Акционерный капиталъ въ 60,000,000 руб. распределенъ на 240,000 акции
по 250 р. Резервы—35,000,000 р.

Правленіе въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Петроградѣ: на Калашниковской биржѣ (Товарный Отдѣлъ) и Контора на Свѣной, Александровскѣ (Екатеринославской губ.), Архангельскѣ, Баку, Бахмутѣ, Бердянскѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Виндавѣ, Вознесенскѣ, Геническѣ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ, Каховкѣ, Керчи, Кіевѣ, Кисловодскѣ, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Кривомъ-Рогѣ, Курскѣ, Луганскѣ, Мелитополѣ, Минскѣ, Москвѣ, Николаевѣ, Одессѣ, Покровскѣ, Ростовѣ-на-Дону, Самарѣ, Саратовѣ, Симферополѣ, Сивильниковѣ, Старомъ-Осколѣ, Сумахѣ, Умани, Харьковѣ, Херсонѣ, Юзовкѣ, Ялтѣ, Феодосіи.

	Въ Петроградѣ.		Въ отдѣлен. **)		ВСЕГО.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
АКТИВЪ.						
Касса и текущіе счета въ Банкахъ	5.109,623	24	6.288,759	58	11.398,382	82
Учетъ векселей, тиражн. цѣнн. бум. и текущ. куп.	28.736,939	81	80.953,883	—	109.689,822	81
Мораторные векселя	—	—	2.181,384	70	2.181,384	70
Векселя и документы на инкассо	4.765,114	01	16.805,400	35	21.570,514	36
Ссуды подъ обезпеченіе	39.471,204	98	84.198,102	47	123.669,307	08
Цѣнные бумаги, принадлежащія Банку *)	54.542,109	89	4.417,021	47	58.959,212	36
Иностранные векселя и монеты	496,470	72	1.121,530	82	1.618,001	09
Корреспонденты Банка:						
Loto	211.174,361	20	55.947,605	74	267.121,966	94
Nostro	10.648,072	19	20.633,499	03	31.281,571	22
Счетъ Правленія съ Отдѣленіями Протестованные векселя	22.423,403	89	87.421,772	66	109.845,186	55
Текущіе расходы	—	—	121,798	73	121,798	73
Расходы, подлежащіе возврату	157,692	64	371,211	63	528,904	27
Расходы по учрежденію новыхъ Отдѣленій	676,834	40	—	—	676,834	40
Недвижимое имущество	8.205,378	21	—	—	8.205,377	21
Государственный промысловый налогъ	—	—	45,750	—	46,500	—
Переходящія суммы	1.634,529	56	4.204,704	99	5.848,234	55
	388,060,100	87	364,734,995	86	752,795,096	73
ПАССИВЪ.						
Акционерный капиталъ	60.000,000	—	—	—	60.000,000	—
Запасный капиталъ	30.000,000	—	—	—	30.000,000	—
Особый резервный капиталъ	5.669,397	81	—	—	5.669,397	81
Резервъ для покрытія возможныхъ убытковъ и мораторнымъ векселямъ	650,000	—	—	—	650,000	—
Капиталъ погашенія недвижимаго имущества	1.468,911	09	—	—	1.468,911	09
Текущіе счета и вклады	77.548,002	74	229.584,825	28	307.132,828	02
Корреспонденты Банка:						
Loto	109.231,165	60	83.150,794	37	192.381,959	97
Nostro	32,668	96	15.302,844	74	15.335,513	70
Счетъ Отдѣленій съ Правленіемъ Акцептованные тратты и непродѣявлен. къ уплатѣ переводы	93.776,760	06	27.268,311	35	121.045,071	41
Сберегательно-Вспомогательная Касса Служащихъ	366,106	16	1.702,034	82	2.068,140	98
Фондъ для вспоможенія служащихъ Банка на воспитаніе ихъ дѣтей	2.196,209	37	—	—	2.196,209	37
Невыплаченный по акціямъ Банка дивидендъ	50,000	—	—	—	50,000	—
Полученные проценты и комиссія за исключеніемъ процентовъ, подл. уплатѣ	1.081,032	81	—	—	1.081,032	81
Проценты, упдающіе на слѣдующіе мѣсяцы 1916 г.	488,698	83	600,678	50	1.089,377	33
Переходящія суммы	566,083	46	1.066,276	91	1.632,360	37
Прибыль за 1915 г.	10,507	55	6.059,229	89	6.069,800	44
	4.924,493	43	—	—	4.924,493	43
	388.060,100	87	364.734,995	86	752.795,096	73

*) Въ томъ числѣ Р. 30.000 000—процентныхъ бумагъ запаснаго капитала согласно § 75 устава Банка.

**) Кромѣ Отдѣленія въ Брюсселѣ.

Акционерное Общество „ПРОМЕТЬ“

Правленіе въ Петроградѣ, отдѣленія въ Москвѣ и Харьковѣ.

5-й операционный годъ.

СЧЕТЪ ПРИБЫЛЕЙ И УБЫТКОВЪ.

ПРИБЫЛИ.

На поставкахъ и продажѣ товаровъ	693.157 60
На эксплуатации недвижимаго имущества	2.173 93
На поступленияхъ въ возвратъ списанныхъ суммъ	10.224 53
На разныхъ поступленияхъ	37.010 35
	<hr/>
	742 566 41

УБЫТКИ

Уплачено процентовъ	199.904 89
А за вычетомъ полученъ процентъ	26.053 18
	<hr/>
	173.851 71
Расходы правленія	108.918 95
	<hr/>
	282.770 66
Чистая прибыль	459.795 75

742.566 41

БАЛАНСЪ на 31-е декабря 1915 года.

АКТИВЪ.

Касса	7.104 75
Текущіе счета	149.647 50
Процентныя и дивидендныя бумаги	478.776 84
Движимое имущество правленія	39.407 69
Затраты на устройство Трубочнаго завода, матеріалы и издѣлія	4.909.114 42
Затраты на устройство Полюстровскаго завода, матеріалы и издѣлія	2.260.235 56
Дебиторы	923.477 89
Залоги директоровъ	40.000 —
Патенты и права эксплуатации привиллегій въ Россіи	234.638 42
Московское отдѣленіе	229.345 49
Переходящія суммы	178.321 07
Банки по операциямъ	82.642 85
	<hr/>
	9.532.712 48

Налогъ въ % бумагами, принадлежащ. обществу по номинальной стоимости	392 000 —
--	-----------

ПАССИВЪ.

Капиталы:	
Основной	1.200.000 —
Запасный	40.060 19
Погашенія имущества	66.038 58
Штрафной	362 —
Невыданный дивидендъ прошлыхъ лѣтъ	486 75
Кредиторы	94.253 77
Полученные задатки по казеннымъ заказамъ	3.588.181 81
Особый счетъ установленія производства на Трубочн. заводѣ	1.200.000 —
Банки по операциямъ	2.145.921 50
Векселя къ платежѣ	632.422 89
Директора по залогамъ	40.000 —
Переходящія суммы	64.406 37
Нераздѣленный остатокъ прибыли 1914 г.	737 87
Чистая прибыль	459.695 75

9.532.712 48

Общимъ собраніемъ акціонеровъ, состоявшимся 7 марта 1916 года въ Петроградѣ постановлено: отчетъ, балансъ и распределеніе прибыли утвердить, произвести уплату дивиденда въ размѣрѣ 15 руб. на акцію съ 10 марта 1916 года въ Петроградскомъ частномъ коммерческомъ банкѣ. Выбывшихъ по очереди председателя правленія Н. А. Смирнова и кандидата въ члены правленія С. Р. Зейме выбрать вновь, въ члены ревизионной комиссіи избраны: И. Л. Лопатинъ, С. Я. Виткинъ, Н. Н. Андреевскій, И. В. Ереминъ и Пустошинъ.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ Сибирскаго Торговаго Банка

на 1-ое февраля 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андижанѣ, Архангельскѣ, Барнаулѣ, Бирскѣ, Бискѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Виндавѣ, Владивостокѣ, Вѣрьомѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 января по 24 февраля), Иркутскѣ, Каинскѣ (Томской губ.) Камвѣ (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 июля по 31 августа), Никольскѣ-Уссурийскомѣ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинск. обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарапулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Ското-промышленной и Мясной биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчѣ, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганск. пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Компссіонеры: На Зѣв-пристани, въ Канскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ и Амурѣ, и Городскіе: въ Петроградѣ—на Знаменской площади и въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		В СЕ Г О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
А К Т И ВЪ.						
Касса: наличность и текущіе счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	4.165.269	91	10.695.386	20	14.860.656	11
Учетъ векселей, торг. обязат., тиражныхъ блн. бум. и текущ. купон.	22.014.744	07	29.849.718	82	51.864.462	89
Ссуды подъ осезанченіе	72.187.839	34	70.501.490	98	142.689.330	32
Покупка золота и драг. метал., принадл. Банку, тратты на загр. мѣста и иностр. ден. знаки	91.709	35	461.079	92	552.789	29
Цѣнные бумаги, принадл. Банку	14.617.736	75	10.065.647	28	24.683.384	03
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	—	—	35.045.224	66	35.045.224	66
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого)	150.038.778	99	9.959.878	59	159.998.657	58
2. По сч. Банка (postro): свободн. суммы въ распор. Банка	10.538.312	19	2.619.053	99	13.157.366	18
Протестов. векс. и торг. обязат. (1915 . . . . .)	70.789	44	713.420	11	784.209	55
Просроченныя ссуды (1916 . . . . .)	—	—	201.434	32	201.434	32
Текущіе расходы (1915 г. . . . .)	53.087	46	434.746	41	487.833	87
(1916 г. . . . .)	1.346.167	07	2.663.013	89	4.009.180	96
Расходы, подлежащіе возврату	101.491	90	378.142	64	479.634	54
Недвижимое имущество	—	—	30.240	83	30.240	83
Движимое имущество, обзав. и устр.	3.779.213	63	2.334.875	25	6.114.088	88
Переходящія суммы	154.995	64	426.885	01	581.880	65
	1.287.078	37	3.542.454	03	4.829.532	40
И Т О Г О	280.447.214	11	179.922.692	93	460.369.907	04
П А С С И ВЪ.						
Складочный капиталъ	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капиталъ	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасный дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущ. сч., безср. и срочн.	103.312.219	24	154.171.543	91	257.483.763	15
Капиталъ погаш. автр. по нед. пм. Б.	294.562	02	382.391	13	676.953	15
Долгъ Г. Б. 1) по сп. сч. подъ векс. и % б.	7.118	32	195.000	—	202.118	32
2) по переучету векс.	—	—	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	29.261.490	08	—	—	29.261.490	08
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого): своб. сум. въ распоряжен. корresp.	58.637.367	32	8.523.610	12	67.160.977	44
2. По счетамъ Банка (postro): суммы, остающ. за Банк.	47.055.940	92	1.837.935	95	48.893.876	87
Акцептованныя тратты	119.362	08	1.446.266	96	1.565.629	04
Невыплаченный по акт. Банка дивид.	86.677	50	—	—	86.677	50
Проценты, подлежащіе усл. по текущимъ счетамъ и вклад.	491.796	07	911.950	17	1.403.746	24
Полученныя % и комиссія 1915 г. за исключеніемъ % и комиссія по вкладамъ и текущимъ счетамъ	3.498.860	61	5.554.311	07	9.053.171	68
Полученныя % и комиссія 1916 г. за исключеніемъ % и комиссія по вкладамъ и текущимъ счетамъ	274.394	26	506.379	26	780.773	52
Переходящія суммы	2.407.425	69	6.389.923	36	8.797.349	05
И Т О Г О	280.447.214	11	179.922.692	93	460.369.907	04
Цѣнности на храненіи	144.209.111	51	106.668.819	84	250.877.931	35
Векселя на комиссія	6.731.678	64	19.466.531	84	26.198.210	48
Номинальная стоимость акцій Р. 250.						
Уплата дивиденда произв. въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всехъ его Отдѣл.						15614

Акционерное Общество „ОКЕАНЪ“

ПРАВЛЕНИЕ ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

Отчетъ за 1915 годъ.

ПРИХОДЪ.

Поступило за 1915 годъ.

Фрахта отъ перевозки Волжско-Каспийскими судами разныхъ товаровъ, между портами Каспийскаго моря и по рѣкѣ Волгѣ и ея притокамъ	2.752.921	69
Выручено отъ продажи разныхъ товаровъ и получено за аренду Черноморскихъ судовъ и другія поступленія	20.321.557	12
	<u>Руб. . 23.074.478</u>	<u>81</u>

РАСХОДЪ.

Произведено расходовъ за 1915 годъ.

По Астраханской конторѣ Каспійскимъ и Волжскимъ судамъ, при перевозкѣ разныхъ товаровъ и утрата въ пути . . .	1.870.935	03
Стоимость проданныхъ разныхъ товаровъ и произведенные расходы по продажѣ ихъ, содержанію Правленія, домовъ, складовъ и Черноморскихъ судовъ, уплаченные проценты, налогъ съ капитала и служащихъ Общества . . .	18.088.512	38

П р и б ы л ь:

Отъ операций 1915 года	3.115.031	40
	<u>Руб. . 23.074.478</u>	<u>81</u>

Балансъ на 31-е декабря 1915 г.

АКТИВЪ.

Имущество	7.879.393	45
Касса	4.443.820	95
Цѣнные бумаги:		
облигацій Государственнаго 5 1/2 %		
Воен. Краткосрочнаго займа		
1915 года	476.680	61
4 % Государственной ренты	50.024	02
акцій	142.322	60
	<u>669.024</u>	<u>23</u>
Наложенные платежи	181.170	60
Залоги	51.535	39

Дебиторы	7.791.616	83
Разные товары	1.664.725	39
Материалы	260.875	87
Документы въ обезпеченіи	500.000	—
Неоконченныя постройки	155.791	75
Залоговыя квитанціи по разсрочкѣ акціза	1.420.850	—
Переходящія суммы	34.416	94
Депозитъ Членовъ Правленія	30.000	—
Расходы за счетъ будущихъ лѣтъ	64.220	23
Взаимныя разсчеты конторъ и отдѣленій	138.030	86
Страхование	104.143	64
	Руб. .25.389.616	13

ПАССИВЪ.

Капиталъ основной	4.000.000	—
Капиталъ запасный	290.000	—
Запасный дивидендъ	79.305	59
Капиталъ погашенія имущества	1.353.735	47
Пенсионный капиталъ служащихъ и рабочихъ	47.891	30
Векселя выданные	7.725.844	05
Кредиторы	6.731.979	88
Акціонныя управленія	1.420.850	—
Обезпеченіе кредита	500.000	—
Переходящія суммы	40.574	48
Залоги Членовъ Правленія	30.000	—
Взаимныя разсчеты конторъ и отдѣленій	48.456	46
Дивидендъ	5.947	50
Прибыль	3.115.031	40
	Руб. .25.389.616	13

Правленіе Акціонернаго Общества „ОКЕАНЪ“.

Предсѣдатель А. Меркульевъ.	Алеке Меркульевъ.
Директоръ-Распорядитель К. Меркульевъ.	Директоры: А. Мещерскій.
Бухгалтеръ М. Деревенсковъ.	Антон. Меркульевъ.
	Д. Демшинъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ.

Изъ протокола обыкновеннаго Общаго Собранія гг. акціонеровъ Акціонернаго Общества «ОКЕАНЪ» 25-го апрѣля 1916 года.

Для участія въ обыкновенномъ Общемъ Собраніи гг. акціонеровъ, въ Собраніи явилось акціонеровъ, представившихъ лично за себя и по довѣренностямъ одиннадцать тысячъ триста девяносто три акціи на общую сумму два милліона восемьсотъ сорокъ восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ руб., а потому въ силу § 81 Устава Общества, Собраніе признано законносостоявшимся.

Предсѣдателемъ Собранія избранъ Алексѣй Павловичъ Мещерскій. Представленные Правленіемъ докладъ и отчетъ за 1915 г. единогласно утверждены и

полученная прибыль въ суммѣ 3.115.031 руб. 40 коп. за отчетнымъ: въ казну дополнительнаго промысловаго налога	833.556	08
Директору-Распорядителю Общества	62.300	62
Распределена:		
На погашеніе имущества	466.264	53
Въ запасный капиталъ	120.000	—
Въ дивидендъ по 75 р. на акцію (или 30%), а на всѣ 16.000 акцій	1.200.000	—
На вознагражденіе Членовъ Правленія	208.936	52
На вознагражденіе служащихъ Общества	139.291	02
Въ пенсионный капиталъ служащихъ и рабочихъ	69.645	51
и въ распоряженіе Правленія на цѣли благотворенія	15.037	12

Взаимнѣ выбывшихъ Директора Правленія Андрея Ивановича Меркулева и кандидата въ Директоры Правленія Василя Ивановича Меркулева избраны: въ Директоры Правленія Андрей Ивановичъ Меркульевъ, и въ кандидаты Директоровъ Правленія Василя Ивановича Меркульевъ.

Въ члены ревизіонной комиссіи для обревизованія отчета за 1916 годъ избраны М. М. Афанасьева, В. А. Батырь, М. Н. Ростомьянъ, І. М. Нерсесьянцъ и И. А. Помаревъ.

Выдачу дивиденда за 1915 годъ Общимъ Собраніемъ постановлено производить съ 26-го апрѣля 1916 г. въ Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ Банкѣ въ г. Петроградѣ и въ помѣщеніи Правленія.

КАВКАЗСКІЙ Банкъ

(Тифлисскій Коммерческій Банкъ осн. въ 1871 г.)

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ,

Невскіи пр., 27.

Телефоны: 223-06, 45-77, 77-88.

выплачиваетъ дивидендъ за 1915 годъ по акціямъ
банка въ размѣрѣ 12¹/₂%%, т. е.

по 25 руб. на акцію.

Правленіе банка:

Въ Тифлисѣ.

Отдѣленіа:

Баку,
Батумъ,
Грозный,
Джувльфа,
Елизаветполь,

Карсъ,
Кутаисъ,
Нуха,
Эривань.

БАЛАНСЪ ПЕТРОГРАДСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА

на 31-ое декабря 1915 года.

АКТИВЪ.		ПАССИВЪ.	
Касса и текущіе счета	1.987.188 69 ¹ / ₂	Складочный капиталъ	10.000.000 —
Процентныя бумаги, принадлежащія Банку	4.841.393 88	Запасный капиталъ	1.257.967 36
Тиражные % бумаги и купоны	314.987 51	Переучетъ векс. въ Гос. Б-къ	313.726 17
Иностранныя векселя и монеты	237.007 19	Вклады и текущіе счета въ Государственномъ Банкѣ	23.618.010 53 ¹ / ₂
Учетъ векселей и др. обязательствъ	13.538.519 77	Комитеты по комиссіоннымъ векселямъ и др. докум.	150.000 —
Протестованныя векселя	134.955 57	Проценты и комиссія за вычетомъ уплаченныхъ и подлежащихъ уплатѣ	3.608.914 11
Комиссіонн. векселя и др. док.	3.608.914 11	Проценты и комиссія 1916 года	1.147.836 31
Суды подъ залогъ % бумагъ	569.091 85	Сберегательная касса служащихъ	152.975 78
Спеціальныи текущій счетъ (оп call)	15.966.498 57	Корреспонденты: по счетамъ logo	63.813 46
Спеціальныи текущій счетъ (оп call) поды товары	3.895.254 07	по счетамъ postro	32.115.828 85
Текущіе расходы	596.424 67	Счетъ отдѣленія съ правленіемъ	12.235.883 75
» » 1916 г.	7.286 08	Переходящія суммы	1.107.672 36
Стальная камера	69.664 72	Невыплаченный дивидендъ	1.053.875 35
Обзаведеніе и устройство	93.130 07	Нераспределенная прибыль	1.270 —
Корреспонденты: по счетамъ logo	34.041.289 36	Нераспределенная прибыль	110.017 64
по счетамъ postro	5.384.193 84	0,396 % и 5 % налоги	12.002 03
Счетъ Правленія съ отдѣленіемъ	792.081 52		
Переходящія суммы	871.912 23		
	86.949.793 70 ¹ / ₂		86.949.793 70 ¹ / ₂

Правленіе Товарищества ПЕТРОГРАДСКАГО ВАГОМОСТРОИТЕЛЬНАГО Завода

симъ приглашаетъ Г.г. владѣльцевъ паевъ въ Обыкновенное Общее Собраніе, имѣющее быть 28 мая 1916 года въ 4¹/₂ час. дня, въ помѣщеніи Правленія Товарищества (Петроградъ, Морская, 13).

Предметы зачатій Общаго Собранія:

- 1) Утвержденіе отчета и баланса за истекшій 1915 операціонный годъ.
- 2) Распределеніе прибыли за 1915 годъ.
- 3) Утвержденіе сметы расходовъ и плана дѣйствій на текущій 1916 годъ.
- 4) Избраніе одного Директора Правленія и одного Кандидата въ Директора Правленія.
- 5) Избраніе Ревизионной Комиссіи и опредѣленіе вознагражденія ея.
- 6) Вопросъ о разрѣшеніи Правленію кредитоваться въ государственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ.
- 7) Текущія дѣла.

Владѣльцы паевъ для полученія права голоса въ предстоящемъ Общемъ Собраніи приглашаются представить не позже 21 мая 1916 года до 2-хъ час. дня въ Правленіе Т-ва свои пай или расписки, какъ государственныхъ, такъ и дѣйствующихъ на основаніи Правительствомъ утвержденныхъ уставовъ кредитныхъ учрежденій, или расписки парижскихъ отдѣленій Русско-Азіатскаго или Международнаго Коммерческаго Банковъ или Banque Privée Lyon-Marseille въ Парижѣ въ храненіи или закладѣ паевъ съ обозначеніемъ №№ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Пріемъ паевъ и расписокъ будетъ производиться въ помѣщеніи Правленія Т-ва (Петроградъ, Морская, 13), ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 до 3-хъ час. дня.

Русскій

для внѣшней торговли Банкъ

въ Петроградѣ.

Извлеченіе изъ отчета за 1915 годъ.

Общи счетъ прибылей и убытковъ.

КРЕДИТЪ.	Петроградъ.		Отдѣленія въ Росси.		Отдѣленія за границей.		И Т О Г О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Выручено процентовъ	6.482,547	28	6.675,370	07	472,577	78	13.630,495	13
Получено комисси	1.936,181	55	4.101,980	23	765,856	04	6.804,017	82
Доходъ отъ недвижимаго имущества	134,693	33	—	—	—	—	134,693	33
Прибыль отъ курсов. операций	378,682	76	250,444	07	313,038	51	942,165	34
Прибыль отъ цѣнн. бумагъ	—	—	—	—	27,785	85	27,785	85
ДЕБЕТЪ.	8.932,104	92	11.027,794	37	1.579,258	18	21.539,157	47
Вознагражденіе директорамъ, товарищамъ директора, жалованье и награды управляющимъ и служащимъ	1.224,624	43	3.171,736	70	537,794	82	4.934,155	95
Налоги съ предпріятія, артельщины, прислуга, книги, письменныя принадлежности, наемъ помѣщеній и другіе расходы	651,322	32	1.679,812	32	194,839	10	2.525,973	74
Охрана	4,237	75	35,581	99	—	—	39,819	74
Списано съ расходовъ по обзаведенію	—	—	67,751	82	—	—	67,751	82
Иностранные налоги	—	—	—	—	215,269	64	215,269	64
Списано въ четвертый разъ со счета расходовъ по изготовленію новыхъ акци Банка 10% съ суммы Руб. 115,074 03	11,507	40	—	—	—	—	11,507	40
Убытокъ отъ цѣнныхъ бумагъ	2.193,920	95	307,139	22	—	—	2,501,060	17
	4.085,612	85	5.262,022	05	947,903	56	10.295,538	46
Прибыль	4,846,492	07	5,765,772	32	631,354	62	11,243,619	01
Невостребованный дивидендъ за 1904 г. на основаніи § 9 устава Банка	67	50	—	—	—	—	67	50
Поступило по списаннымъ въ предшествующіе годы сомнит. долгамъ	21,707	92	316,112	93	19,030	41	356,851	26
За вычетомъ:	4.868,267	49	6.081,885	25	650,385	03	11.600,537	77
Списанныхъ протестованныхъ векселей, сомнит. долговъ и убытковъ	1.539,722	44	2.807,285	65	29,565	16	4.376,573	25
Чистая прибыль	3.328,545	05	3,274,599	60	620,819	87	7,223,964	52

Распределение прибыли за 1915 годъ.

Прибыль Банка въ Петроградѣ		Р.	3.328,545	05
» Отдѣлений въ Россіи		»	3.274,599	60
» Отдѣлений за границей		»	620,819	87
			Р.	7.223,964 52
Изъ этой суммы имѣеть быть вычтено на основаніи §§ 35 и 45 Устава:				
Гг. Членамъ Совѣта и Учетнаго Комитета	Р.	45,000	—	
Гг. Членамъ Правленія	»	100,000	—	
	Р.	145,000	—	
На основаніи постановленія Общаго Собранія Акціонеровъ отъ 5 апрѣля 1915 г. Гг. Членамъ Ревизіонной Комиссіи	Р.	10,000	—	
			Р.	155,000 —
За вычетомъ:			Р.	7.068,964 52
Промышленнаго налога, уплаченнаго на основаніи §§ 92 и 98 Положенія о Государственномъ промышленномъ налогѣ за 1915 г.			Р.	609,851 59
			Р.	6.459,112 93
Гг. Директорамъ Членамъ Правленія Банка согласно заключеннымъ условіямъ	Р.	204,538	58	
Гг. Товарищамъ Директора	»	64,591	13	
			Р.	269,129 71
			Р.	6.189,983 22
На основаніи § 67 устава въ запасный капиталъ 2%			Р.	123,799 66
			Р.	6,066,183 56
Остатокъ этотъ, согласно § 67 устава, распределяется слѣдующимъ образомъ:			Р.	4,800,000 —
Гг. Акціонерамъ 8% съ Р. 60,000,000 складочнаго капитала			»	886,328 48
и 70% съ Р. 1.266,182 56 к., составляющихъ излишекъ сверхъ 8% на складочн. капиталъ			»	126,618 39
Въ вознагражденіе гг. членовъ Правленія 10% приведеннаго излишка			»	126,618 36
Въ распоряженіе гг. членовъ Совѣта 10% приведеннаго излишка			»	126,618 35
Въ вознагражденіе служащихъ 10% приведеннаго излишка				
			Р.	6,066,183 56
Такимъ образомъ поступаетъ въ распоряженіе гг. Акціонеровъ 8% съ Р. 60,000,000			Р.	4,800,000 —
70% съ излишка въ Р. 1.266,182 56			»	886,328 40
и нераспределенный остатокъ			»	148,577 03
			Р.	5,834,905 52

ОБЩИЙ БАЛАНСЪ.

А К Т И В Ъ.		Руб.	К.
Счетъ кассы наличными на текущихъ счетахъ		11,852,669	29
Серти Государственнаго Казначейства		39,088,005	32
Счетъ недвижимаго имущества		561,069	51
Счетъ мѣстныхъ и иногородныхъ векселей:		8,878,650	44
Учетъ торговыхъ векселей		212,335,885	11
Учетъ соло-векселей съ обезпеченіемъ		10,000	—
Учетъ торговыхъ обязательствъ		289,141	32
Кредиты подъ соло-векселя, обезпеч. сельско-хоз. имущ.		7,598,509	96
Счетъ протестованныхъ векселей		10,799	—
Счетъ векселей и цѣнностей на комиссію:			
въ портфель		56,039,097	34
у корреспондентовъ		24,128,842	35
Счетъ иностр. векселей, золота и ассигнацій разн. странъ		283,076	21
Счетъ цѣнныхъ бумагъ		53,296,134	29
Счетъ вышедшихъ въ тиражъ цѣнныхъ бумагъ и текущ. купонъ		820,002	63
Счетъ ссудъ:			
до востребованія (on call)		155,291,915	03
на сроки		2,836,805	42
Счетъ корреспондентовъ:			
по ихъ счетамъ (Logo-Conti)		174,093	803 72
по счетамъ гарантійныхъ писемъ		36,733,002	03
по счетамъ Банка (Nostro-Conti)		12,552,506	91
Счетъ Банка въ его отдѣленіяхъ въ Россіи		75,758,919	27
Отдѣленія Банка за границей		17,920,346	47
Прибыль Отдѣлений въ Россіи		3,274,599	60

Прибыль Отдѣлений за границей	620,819 87
Взаимный счетъ Отдѣлений въ Россіи и за границей	11,204,339 —
Счетъ вексельной бумаги и почтовыхъ марокъ	27,014 41
Счетъ обезвѣденія	148,983 96
Счетъ расходовъ по изготовленію новыхъ акцій	69,044 43
Счетъ расходовъ, относящихся къ 1916 г.	130,493 50
Счетъ промыслового налога за 1916 г.	66,962 50
Счетъ непроступившихъ взносовъ по акціямъ Банка вып. 1914 г.	27,975 —

905,949,413 89

П А С С И В Ъ .

Счетъ капитала	60,000,000 —
Счетъ запаснаго капитала	21,093,398 23
Счетъ резерва по цѣннымъ бумагамъ, принадлеж. Банку	1,000,000 —
Счетъ погашенія недвижимаго имущества	889,595 92
Счетъ трансфертовъ	2,863,954 66
Счетъ акцептовъ	2,765,206 35
Счетъ текущихъ счетовъ и вкладовъ	408,979,572 29
Счетъ корреспондентовъ:	
по ихъ счетамъ (Loro-Conti)	210,790,841 73
по счетамъ Банка (Nostro-Conti)	2,461,462 39
Векселя и документы на комиссіи	80,167,939 69
Отдѣленія Банка въ Россіи	83,773,105 10
Счетъ Банка въ его отдѣленіяхъ за границей	2,550,480 46
Прибыль отдѣлений въ Россіи	3,274,599 60
Прибыль отдѣлений за границей	620,819 87
Взаимный счетъ отдѣлений въ Россіи и за границей	12,337,615 67
Счетъ государственнаго налога:	
причитается 5% налога ко вносу съ процен. по тек. счет.,	
вкладамъ, сч. «on call» и счет. корреспонд.	816,508 11
0,396 % сб. по счетамъ «on call»	54,291 18
Счетъ процентовъ:	
полученные проценты, упдающіе на 1916 г.	2,400,586 08
проценты, подлежащіе уплатѣ по вкладамъ	1,115,204 97
Ссудо-сберегат. кассы служащ. въ отдѣл. за границей	414,259 45
Счетъ дивиденда, подлежащаго уплатѣ за 1905—1914 гг.	1,365,211 50
Счетъ гг. акціонеровъ	Р. 5,686,328 49
Нераспределенная прибыль	» 148,577 03
	5,834,905 52
Счетъ Правленія, Совѣта и служащихъ	379,855 07

905,949,413 89

Предсѣдатель Правленія и Директоръ: **Л. Ф. Давыдовъ.**
 Члены Правленія: **В. Ф. Гувале.**
Н. И. Капустинъ.
К. Г. Подменоръ.
П. И. Леляновъ.
 Члены Правленія и Директора: **И. И. Кестлинь.**
М. А. Криличевскій.
 Бухгалтеры: **Л. Буманъ.**
Э. Мальмгрешъ.

Русскій для внѣшней торговли Банкъ.

Извлеченіе изъ протокола вторичнаго общаго собранія
 гг. акціонеровъ Русскаго для внѣшней торговли банка
 14 апрѣля 1916 года.

Предсѣдательствовалъ В. И. Тимирязевъ.

ВТОРИЧНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ ПОСТАНОВИЛО:

1. Утвердить Отчетъ Банка за 1915 годъ и выдать въ дивидендъ за 1915 г. 9%, т.-е. по 22 руб. 50 коп. на акцію, всего 5.400.000 руб., и перенести остатокъ въ 434,905 руб. 52 коп. на счетъ 1916 года. При этомъ Общее Собраніе: а) утвердило принятое Банкомъ въ 1915 году участіе въ разныхъ видахъ помощи раненымъ воинамъ и ихъ семействамъ въ суммѣ 68,430 руб. 32 коп., изъ коихъ: въ Петроградѣ 48,999 руб. 33 коп. и въ Отдѣленіяхъ Банка . . 19,430 руб. 99 коп., б) предоставило Правленію производить, съ одобренія Совѣта, дальнѣйшія пожертвованія на нужды войны въ размѣрѣ, соответствующемъ положенію Банка въ средѣ другихъ кредитныхъ учрежденій, в) ассигновало 20,000 руб. въ распоряженіе Правленія на дѣла благотворенія и просвѣщенія, г) разрѣшило увеличить размѣръ вносимаго въ смѣту пособия вдовѣ М. И. Кублонъ до 1,800 руб. и выдать ей на воспитаніе дѣтей 400 руб., д) ассигновало 100,000 руб. для учрежденія фонда для улучшенія быта служащихъ въ Русскомъ для внѣшней торговли Банкѣ, съ тѣмъ, чтобы Правленіе разработало Положеніе объ этомъ фондѣ и представило его на утвержденіе Совѣта, . . съ отнесеніемъ всѣхъ вышеприведенныхъ суммъ, за исключеніемъ 19430 руб. 99 коп.—уже проведенныхъ по счету текущихъ расходовъ Отдѣлений,—на счетъ переносимыхъ на 1916 г. 434,905 руб. 52 коп. нераспределеннаго остатка прибыли (единогласно).
2. Утвердить смѣту расходовъ Банка на 1916 г. въ общей суммѣ 7.086.375 руб. 60 коп. (единогласно).

3. Предоставить Правлению возбуждать перед правительством, в случае признанной надобности, ходатайства об открытии Отделений и Агентств в мѣстныхъ, согласно списку, представленному при Отчетѣ (единогласно).

4. Ассигновать на вознагражденіе членовъ, имѣющей быть избранной, Ревизионной Комиссiи 10.000 руб.,—для распределенія между ними, по ихъ усмотрѣнію (единогласно).

5. Поручить Правлению возбудить передъ правительствомъ ходатайство объ измѣненіи § 35 устава, съ изложеніемъ его нижеслѣдующимъ образомъ: «На вознагражденіе членовъ Совѣта за ихъ труды назначается ежегодно сумма въ сто тысячъ рублей и на вознагражденіе членовъ Совѣта, входящихъ въ составъ Учетнаго Комитета, двадцать пять тысячъ рублей, для распределенія между членами по ихъ усмотрѣнію» (единогласно).

6. Предоставить Правлению, въ виду невозможности впередъ опредѣлить сумму, потребную для возведенія новаго зданія Банка, производить, съ утвержденія Совѣта, расходы на постройку, по мѣрѣ дѣйствительной въ нихъ надобности, съ тѣмъ, чтобы къ слѣдующему обыкновенному общему собранію гг. акціонерамъ были представлены болѣе подробныя по сему предмету данныя (единогласно).

7. Подтвердить представленное Правлению право приобретать, съ одобренія Совѣта, недвижимыя имущества для надобностей Банка въ столицахъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ имѣются Отдѣленія Банка, а равно недвижимыя имущества для устройства Банкомъ товарныхъ складовъ и, наконецъ, подтвердить право продавать купленные Банкомъ имущества (единогласно).

По произведенной баллотировкѣ утвержденъ въ званіи Члена Совета В. С. Вишняковъ—на срокъ по 1919 годъ, избраны: а) въ Члены Совѣта: М. Л. Балабановъ, Н. И. Былинкинъ, Л. И. Бродскій, К. А. Гротенъ и С. П. Елисѣевъ на срокъ по 1920 г., б) въ Члены Правленія: К. Г. Подмерверъ—на срокъ по 1920 г., и в) въ Члены Ревизионной Комиссiи: В. В. Бари, К. А. Петровъ, Н. В. Подлѣвскій, Н. В. Кунстъ и С. С. Палашковскій.

Въ Общемъ Собраніи присутствовали 67 акціонеровъ, представлявшихъ лично и по доверенностямъ 40.081 акцій, съ правомъ на 278 голосовъ.

Подписались: Предсѣдатель Общаго Собранія и присутствующіе акціонеры.

ПРАВЛЕНІЕ

Русскаго для внѣшней торговли Банка.

имѣетъ честь увѣдомить Гг. Акціонеровъ, что, согласно постановленію вторичнаго общаго собранія Гг. Акціонеровъ Банка, отъ 14 апрѣля 1916 г., дивидендъ за 1915 г. назначенъ въ размѣрѣ 9%, т.-е. по 22 р. 50 к., на акцію.

Выдача означеннаго дивиденда будетъ производиться съ 15 апрѣля 1916 г. по купону № 44 на получение дивиденда за 1915 г. ежедневно, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, отъ 11 до 2 ч. пополудни, въ Кассѣ Банка, въ Петроградѣ, Морская. 32. а равно и въ Отдѣленіяхъ Банка въ Россіи.

ПРАВЛЕНІЕ

РУССКО-БАЛТИЙСКАГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО И МЕХАНИЧЕСКАГО Акціонернаго Общества

согласно § 47 Устава, имѣетъ честь пригласить гг. акціонеровъ на Обыкновенное Общее Собраніе, назначенное на вторникъ, 31-го мая 1916 года, въ 11 час. утра, въ помѣщеніи Правленія, Петроградъ, Большая Конюшенная ул., д. 5.

ПРЕДМЕТЫ ЗАНЯТІЙ ОБЩАГО СОБРАНІЯ:

1. Разсмотрѣніе и утвержденіе отчета Правленія Русско-Балтійскаго Судостроительнаго и Механическаго Акціонернаго Общества за время съ 1-го іюля 1914 г. по 31-е декабря 1915 г. и баланса.

2. Разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты расходовъ и плана дѣйствій на 1916 операціонный годъ.

3. Разрѣшеніе хозяйственныхъ и другихъ вопросовъ, связанныхъ съ представляемыми на утвержденіе Собранія отчетомъ и смѣтою.

4. Избраніе Директоровъ-Распорядителей, съ опредѣленіемъ имъ вознагражденія (§ 27 Устава).

5. Разрѣшеніе вопроса о приобретеніи недвижимыхъ имуществъ.

6. Избраніе Директоровъ Правленія и кандидатовъ взамѣнъ вышедшихъ.

7. Избраніе пяти (5) членовъ Ревизионной Комиссiи.

Акціи, на основаніи § 52 Устава, для присутствованія на этомъ Общемъ Собраніи, принимаются въ кассѣ Правленія Общества (Большая Конюшенная, д. 5), ежедневно отъ 12 до 2 часовъ дня, и должны быть представлены не позднѣе 24-го мая 1916 года. Взамѣнъ подлинныхъ акцій, могутъ быть представлены удостовѣренія (расписки) въ принятіи акцій на храненіе или въ закладъ какъ государственныхъ, такъ и дѣйствующихъ на основаніи Правительствомъ утвержденныхъ уставовъ кредитныхъ (мѣстныхъ и ииогородныхъ) учреждений, а также иностраннаго кредитнаго учреждения, а именно:

Banque de l'Union-Parisienne.

Въ удостовѣреніяхъ (распискахъ) обозначаются номера акцій.

**ПЕРВОЕ
РОССІЙСКОЕ
СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО,**

учрежденное въ 1827 году.

.....

Страхование отъ огня.

Страхование жизни.

Страхование отъ несчастныхъ случаевъ.

~*~*~

ПРАВЛЕНІЕ:

въ ПЕТРОГРАДЪ,

Морская улица, д. № 40.

**АГЕНТЫ ВО ВСѢХЪ БОЛѢ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХЪ
городахъ ИМПЕРІИ.**

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
„ВОЛГА“

Учреждено въ 1871 году.

ПРАВЛЕНІЕ ВЪ ПЕТРВГРАДѢ: Казанская площадь,
соб. домъ, № 1-2.

Адресъ для телеграммъ: „Петроградъ—Страволга“.

Страхование отъ огня домашней
движи-
мости, товаровъ, строеніи, фабрикъ и заводовъ.

**Страхование морскихъ, рѣчныхъ и су-
хопутныхъ транспортовъ, судовъ, ва-
гоновъ и цистернъ.**

АГЕНТСТВА во всѣхъ городахъ Имперіи.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ гг. Варшавѣ, Вильнѣ, Гельсинг-
форсѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ро-
стовѣ н/Д., Саратовѣ, Тифлисѣ,
Томскѣ, Харьковѣ, Кокандѣ.

ЗА-ГРАНИЦЕЙ ОТДѢЛЕНІЯ: въ Лондонѣ (Бишоп-
сгэть 9), Бордо, Амстердамѣ, Ко-
пенгагенѣ, Христіаніи и Стокгольмѣ.

АГЕНТСТВА: въ гг. Ливерпулѣ, Манчестерѣ,
Глазго, Денди, Бельфастѣ, Лидсѣ,
Бирмингамѣ, Ньюкастлѣ, Парижѣ,
Марсели, Гаврѣ, Роттердамѣ.

Общество „ВОЛГА“ состоитъ членомъ-подписчикомъ
„Англійскаго Ллойда“.

БАЛАНСЪ Петроградско-Тульского Поземельнаго Банка.

На 1-е апрѣля 1916 года.

АКТИВЪ.	Руб.	К.	Руб.	К.
I. Касса:				
а) наличными деньгами		46,442	24	
б) закл. лист. и др. % бумагами		166,475	—	
				212,917 24
II. Текуще счета и вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ:				
а) государственныхъ		6,492	22	
б) частныхъ		1,458,500	—	
				1,464,992 22
III. Корреспонденты по оплатѣ купоновъ, тиражныхъ закладныхъ листовъ и проч.	—	—		115,434 92
IV. Процентныя бумаги банка:				
				Номинальная цѣна.
а) складочнаго капитала	5,954,850	5,012,183	52	
б) запаснаго капитала	4,094,950	3,677,868	73	
в) особаго резервнаго фонда	35,900	33,509	52	
г) оборотныхъ средствъ: гарантированныхъ	216,800	204,726	75	
д) оборотныхъ средствъ: негарантированныхъ	216,100	172,543	79	
				9,100,832 31
				10,518,600
V. Проценты по % бумагамъ и начисленные % по % бумагамъ	—	—		16,504 73
VI. Капитальные долги по ссудамъ подѣ имущества:				
1) принадлежащая заемщикамъ:				
а) земельныя		64,825,578	29	
б) городскія		32,769,506	42	
в) особо дополнительныя ссуды земельныя		26,966	25	
2) оставшіяся за банкомъ: земельныя		16,668	84	
3) обезпеченныя обязательствами Крестьянскаго Поземельнаго Банка земельныя		220,291	29	
VII. Срочное и досрочное (наличными) погашеніе долга по ссудамъ		704,488	91	
				98,563,500 —
VIII. Ссуды краткосрочныя подѣ имущества принадлежащая заемщикамъ:				
а) земельныя		8,400	—	
б) городскія		1,711,604	—	
				1,720,004
IX. Платежи:				
1) срочныя (пользующ. льготою, отсроч. и разсроч.)		2,099,715	37	
2) просроченныя		2,486,098	95	
				4,585,814 32
X. Купоны, оплаченныя до срока	—	—		327 03
XI. Недвижимое имущество банка	—	—		574,323 79
XII. Авансы и недочетныя суммы	—	—		49,126 23
XIII. Расходы за счетъ заемщиковъ и возвратныя	—	—		177,591 78
XIV. Текущіе расходы (по управленію и содержанію, отѣнкамъ и проч.)	—	—		115,576 31
XV. Расходы по имуществамъ, оставшимся за банкомъ	—	—		388 31
XVI. Государственныя налоги и сборы	—	—		2,508 80
XVII. Процентныя бумаги капитала имени А. Ф. Масловскаго (71 акція Петроградско-Тульского Поземельнаго банка)	—	—		24,759 50

XVIII. Имущество и обзаведение банка	— —	8,448 47
XX. Пожертвованія на благотворительныя цѣли	— —	20 —
XXII. Расходы по содержанию лазарета для раненыхъ воиновъ	— —	4,473 4.
XXIII. Начисленные % по краткосрочнымъ ссудамъ	— —	15,425 64
Итого	— —	116.750,969 07
1. Цѣнности на храненіи:		
а) акціи (представл. на право голоса въ Общ. Собр. и пр.) 10,471 штукъ	2.094,200 —	
б) закладные листы	16,000 —	
в) % бумаги капиталовъ и залогов не принадл. банку	222,200 —	
д) залогов должностныхъ лицъ	55,000 —	
		2.387,400 —
3. Цѣнности, подлежащія уничтоженію:		
закладные листы, вышедшіе въ тиражъ представленные въ досрочное погашеніе	35,600 —	
купоны отъ 4 1/2% з. л. н/Банка на номинальную сумму	83,300 —	
купоны отъ акцій 262 шт.	2.100,375 —	
		2.219,275 —
4. Цѣнности, предназначенныя къ выпуску:		
а) закладные листы:		
къ обмѣну . . . . . 324,400 —		
къ выпуску въ обращеніе . . . . . 41,700 —		
	366,100 —	
б) купонные листы къ закладн. листамъ банка на номинальную сумму з. л.	74,200 —	
в) акціи къ обмѣну 1,536 шт.	307,200 —	
		747,500 —
г) 9 купонныхъ листовъ къ акціямъ банка		
Всего	— —	122.105,144 07
МАССИВЪ.		
I. Складочный капиталъ	8.000,000	
II. Запасный капиталъ	4.094,910 —	12.094,910 —
III. Особый резервный фондъ	— —	35,823 13
IV. Специальные капиталы банка:		
а) на погашеніе недвижимости	104,205 96	
б) резервный въ распоряженіи акціонеровъ	711,010 46	
в) имени А. Ф. Масловскаго	28,190 26	
		843,406 68
V. Закладные листы въ обращеніи *):		
4 % кредиты	— —	98.563,500 —
VI. Закладные листы, вышедшіе въ тиражъ	— —	217,900 —
VII. Купоны, подлежащіе оплатѣ	— —	241,940 08
VIII. Процентный фондъ на оплату купоновъ	— —	2.223,188 59
XI. Погасительный фондъ:		
а) срочнаго погашенія	695,955 22	
б) досрочнаго погашенія (наличными)	8,533 69	
		704,488 91
X. Платени заемщиковъ, внесенные до срока	— —	10,811 53
XI. Доходы банка:		
а) фондъ на составленіе запаснаго капитала, дивиденда акціонерамъ и др.	294,337 51	
б) проценты по краткосрочнымъ ссудамъ	2.178 15	
в) пени	52.532 75	
г) проценты по процентнымъ бумагамъ	31,503 35	
е) по акцилоатціи дома банка	9,089 94	
ж) разныя	7 42	
		389,649 12
XII. Невостребованный дивидендъ по акціямъ	— —	20,641 —
XIII. Непереходящія суммы (вознагражденія за пожарн. убытки и т. д.)	— —	254,023 22
XV. Разныя кредиторы и корреспонденты	— —	36,509 95
XVI. Чистая прибыль за 1915 годъ	— —	1.070,148 36

XVII. Поступления (задатки) по запродамъ иму- ществъ, оставшимся за банкомъ.	— —	1,810 95
XVIII. Сберегательно-Вспомогательная касса служащихъ въ банкѣ.	— —	12,295 72
XIX. Переводы	— —	22,801 47
XX. Суммы, отчисленныя на военныя нужды	— —	2,120 30
Итого	— —	116.750,969 07
1. Депоненты банка:		
а) по акціямъ	2.094,200 —	
б) » вкладнымъ листамъ	16,000 —	
в) » залогамъ	55,000 —	
г) пенсионныя и страховыя фонды служащихъ и залого	222,200 —	2.387,400 —
3. Выполненныя обязательства банка по цѣнно- стямъ, подлежащимъ уничтоженію	— —	2.219,275 —
4. Предстоящія обязательства по цѣностямъ, пред- назначеннымъ къ выпуску	— —	747,500 —
Всего	— —	122.105,144 07

*) Въ текущемъ полугодіи выпущено въ обращеніе вкладныхъ листовъ на сумму 298,700 руб.
Нарицательная цѣна акцій 200 руб.

Правленіе банка помѣщается въ Петроградѣ. Оплата дивиденда по акціямъ производится: въ Петроградѣ въ Правленіи Банка и въ Москвѣ—въ главномъ агентствѣ Банка.

ПГР. Частный Ломбардъ.

МЕБЕЛЬ, музыкальные инструменты, экипажи,
бронза и другія громоздкія вещи

П Р И Н И М А Е Т Ъ

на ХРАНЕНІЕ и въ ЗАЛОГЪ

въ специально устроенныя, желѣзо-бетонныя, ОГНЕУПОРНЫЯ склады

**СПРАВКИ: Владимірскій пр. 17, противъ
церкви. Телефононь 38—72.**

СКЛАДЫ: Петрогр. стор., Большой пр., № 29а и
Владимірская площ. 17, противъ церкви.

РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ БАНКЪ

Основной капитал . . . . . 10.000,000 руб.
 Запасный . . . . . 800,000 „

Петроградъ, Невскіа пр., № 28.

Производитъ всѣ банковыя операци.

Покупаетъ и продаетъ %%-я бумаги и исполняетъ всякаго рода порученія на ПТГ. и заграничныхъ биржахъ. Даетъ справки о всѣхъ цѣнныхъ бумагахъ, котирующихся на Петроградской, Лондонской, Парижской, Берлинской и другихъ заграничныхъ биржахъ.

Отрываетъ подъ обезпеченіе %%-хъ и дивидендныхъ бумагъ спеціальныя текуще счета «On call» и выдаетъ подъ нихъ ссуды. Учитываетъ векселя русскіе и заграничныя и другія торговыя обязательства. Принимаетъ векселя и др. документы на инкассо.

Выдаетъ переводы и аккредитивы на всѣ города въ Россіи и за границей.

Банкъ находитъ возможнымъ продавать на особо льготныхъ условияхъ чеки, письменныя и телеграфныя переводы на всѣ города Великобританіи, имѣя въ нихъ своихъ непосредственныхъ корреспондентовъ.

Принимаетъ вклады на срокъ и на текуще счета. Страхуетъ отъ тиража выигрышныя билеты.

Принимаетъ порученія по реализаціи земскихъ и городскихъ займовъ и акцій и облигацій желѣзныхъ дорогъ и частныхъ предприятий.

Принимаетъ порученія и приказы на выписку въ Россію, за счетъ торговыхъ фирмъ и учреждений, всякаго рода товаровъ, обращающихся на рынкахъ Великобританіи и ея колоній. Такія же порученія и приказы Банкъ выполняетъ и по сбыту за границу товаровъ русскаго производства.

Въ помѣщеніи Банка производится приемъ квартирнаго налога. При Банкѣ имѣется справочный отдѣлъ къ услугамъ русскіихъ и заграничныхъ его клиентовъ.

Телеграфный адресъ; «Бриторуссъ». Телефоны: 150—25.
147—93.

THE RUSSIAN & ENGLISH BANK

28 Nevsky Prospect, Petrograd.

TERMS OF BUSINESS.

CURRENT ACCOUNTS opened by the Bank on the usual terms.
 DEPOSIT RECEIPTS issued for sums of money placed on deposit at call or for a fixed term and interest paid thereon according to agreement.

THE PURCHASE AND SALE of all classes of Stocks and Shares effected on the Petrograd Bourse and also in Paris and London.

THE NEGOTIATION OF Cheques, Bills, Documentary Bills, Railway Duplicates and Bills, of Lading, in Russia and abroad, and all ordinary Banking Business undertaken.

THE FOREIGN DEPARTMENT issues Drafts and Letters of Credit on call the principal towns of the World. Effects Mail and Telegraphic Transfers.

Changes Foreign Monies and generally conducts any form of Foreign Banking Business.

Telegraphic Address: «Britorusse». Telephones: 150—25.
147—93.

**ПЕРЕВОЗКА ПОЧТЪ ПО ВСЕЙ ВОЛГѢ, КИМЪ И
КАСПІЙСКОМУ МОРЮ**

„КАВКАЗЪ И МЕРКУРІЙ“.

Ежедневная скорая линия Нижній—Астрахань обставлена повѣйшими роскошными теплоходами и лучшими пароходами. Три отправления въ недѣлю Нижній—Астрахань и одно—Казань—Астрахань пассажирскими пароходами по пониженной таксѣ.

ПАРОХОДСТВО ОБЩЕСТВЪ

„КАВКАЗЪ И МЕРКУРІЙ И ВОСТОЧНОЕ“.

Скорая безперезадочная линия РЫБИНСКЪ—КАМА.

Подробныя расписанія раздаются и рассылаются бесплатно.

Продажа билетовъ въ Петроградѣ: Невскій, № 22. Тел. № 100—26;
въ Москвѣ: въ Конторѣ Общества, Лубянская площ., домъ Об—ва
«Россія».

САМОЛЕТЪ

**ПАРОХОДСТВО ПО РѢКѢ ВОЛГѢ И
КАСПІЙСКОМУ МОРЮ.**

Ежедневное сообщеніе:

Тверь—Рыбинскъ—

Нижній-Новгородъ—

Астрахань,

кромѣ того ежедневная экстренная безперезадочная линия:

РЫБИНСКЪ—НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ—СЯРЯТОВЪ.

Продажа билетовъ и пріемъ грузовъ производится въ
Петроградѣ, Невскій пр. 114.

КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ
И. В. ЮНКЕРЪ И К^о
Москва — Петроградъ.
Складочный капиталъ . . . Руб. 5,000,000 —
Запасный капиталъ . . . . „ 5,862,347 51

Отдѣленія.

въ Псковѣ.	въ Порховѣ.
» Перновѣ.	» Нарвѣ.
» Юрьевѣ, Лифл. губ.	» Гольдингенѣ.
» Виндавѣ:	» Великихъ-Лукахъ.
» Островѣ, Псковск. губ.	

Торгово-Техническая Контора
М. В. КОЗАРОВИЦКАГО
существуетъ съ 1906 г.

**Металлы, машины, химич. продукты,
техническіе матеріалы.**

Петроградъ, Невскій пр. 65.
Телеф.: 161-52, 268-65, 263-31, 141-42.

Адресъ для телегр. „ТРОПИЛЬ“ Петроградъ.

Русско-Французскій Коммерческій БАНКЪ

основной капиталъ **18.000.000** руб.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦИИ.

Правленіе въ Петроградѣ, Невскій, 42,
противъ Гостиного Двора.

Адресъ для телеграммъ: „РУССОФРАН“.

Телефоны: | Телефонная будка 188-31, 114-05.
| обще: 192-47, 194-04, 171-76.
| Фонд. отд.: 195-77. На Биржѣ: 594-30.

При Банкѣ размѣнная контора.

РУССКО-АЗІАТСКІЙ БАНКЪ

ПРАВЛЕНІЕ въ Петроградѣ, Невскій, 62.

Складочный капиталъ . . . . . Руб. 45.000.000
Командита Кит. Прав. . . . . Куп. Тазлей 3.500.000
Запасные капиталы . . . . . Руб. 23.300.000

ГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ БАНКА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
на Садовой ул., домъ № 48 (близъ Сѣнной площади).

ОТДѢЛЕНІЯ И АГЕНТСТВА

Въ Европейской и Азиатской Россіи и за границей.

Андижанъ	Ейскъ	Москва	Рыбинскъ
Армавиръ	Екатеринбургъ	Наманганъ	Самара
Астрахань	Екатеринодаръ	Нижний-Новгородъ	Самаркандъ
Асхабадъ	Елецъ	(во время	Саратовъ
Ачинскъ	Ефремовъ	ярем.).	Семипалатинскъ
Баку	Иркутскъ	Николаевскъ При-	Сочи
Балашовъ	Июкогама	морск.	Срѣтенскъ
Барнаулъ	Казань	Новозыбковъ	Старый Осколь
Батумъ	Калькутта	Ново-Николаевскъ	Ташкентъ
Бійскъ	Кашгаръ	Новороссійскъ	Тверь
Благовѣщенскъ	Керчи	Ново-Ургейчъ	Троицкосавскъ
Бомбей	Кишиневъ	Новочеркасскъ	Туапсе
Борисоглѣбскъ	Клиницы	Ньючангъ	Тяньцзинь
Бутурлиновка	Козловъ	Одесса	Хабаровскъ
Бухара	Кокандъ	Омскъ	Хайларъ
Бѣжецкъ	Красноуфимскъ	Орель	Ханькоу
Верхнеудинскъ	Красноярскъ	Парижъ	Харбинъ
Вильна	Кронштадтъ	Пекинъ	Харьковъ
Витебскъ	Куанчендзы	Пенза	Херсонъ
Владивостокъ	Кульдяна	Петровскъ (Дал.)	Чита
Владикавказъ	Либава	Покровская Сло-	Чифу
Воронежъ	Лондонъ	бога	Чугучакъ
Вѣрный	Маргеланъ	Прилуки	Шанхай
Гомель	Маріуполь	Прохладная Ст.	Якутскъ
Гонгконгъ	Мервь	Рига	
Дальній(Дайренъ)	Минскъ	Рославль	
Дербентъ	Минусинскъ	Ростовъ-на-Дону	

АДРЕСЪ ДЛІА ТЕЛЕГРАММЪ «СИНОРУСЪ».

Банкъ имѣетъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и за границей.

„КОСМЕТИКА ДРЕВНИХЪ ЭЛЛИНОВЪ“

Единственно рациональныя средства для ухода за кожей лица и всего тѣла

**ВОСКОВОЕ МЫЛО,
ВОСКОВАЯ ПАСТА,
МРАМОРНОЕ МЫЛО,
КОСМЕТИЧЕСКІЙ КРЕМЪ,
МЫЛЬНЫЙ НАЖДАКЪ**

НЕОБХОДИМЫ въ каждой семьѣ.

Продаются у Поставщ. Двора Его Имп. Вел. маг. «А LA RENOMMEE» (Невскіи, 3), у Поставщ. двора Ихъ Импер. Велич. Госуд. Императрицъ **ГЕНРИ ДЕЛЬКРОА** (Морская, 19), въ Англиск. магазинѣ бывш. **Р. ДРУСЪ** (Невскій, 15) и во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте брошюры, объясняющія сущность этихъ препаратовъ. Въ случаѣ-же невозможности ихъ получить, таковыя высылаетъ по первому требованію бесплатно

Торг. Домъ Келеръ и Ко «Косметика древнихъ эллиновъ», Петроградъ, Литейный, 60-В.

Вышла первая (№ 1-2-3) книжна новаго

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Живая Сила“

СОДЕРЖАНІЕ:

Беллетристика. Стихотворенія. Общественно-политическій отдѣлъ: На грани новаго.—Уроки нашихъ дней. V-ts.—Самозащита. Н. Активъ.—За кровавой полосой. Log.—Какъ это вышло (письмо въ редакцію). Л. Мартова.—К.-д. съездъ. Итоги думской сессии. Вс. Г.—Власть и Ахеронъ. Эд. Классовича.—Изъ рабочей жизни (Нѣкоторые итоги). М. Низина.—На поворотѣ. Н. А.—Женщина-мать. З. Нокова.—Записки суффражистки. Бѣльской. — Горе-антимилитаристъ. Э. Кл. **Студенческая жизнь:** Пути въ студенчествѣ. М. Росина.—Студенческіе христіанскіе кружки. С. Ширяева.—Обѣдъ съ преміей. М. Матвѣевича.—Подъ знакомъ гуманности и добраго сердца. Яде.—Жупелы. Универсанта. **Хроника студенч. жизни. Библиографія.**

Цѣна первой книжки (размѣромъ 8 печ. листовъ) 40 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КРУПНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Адресъ редакціи и конторы: **ПЕТРОГРАДЪ, В. О., 14 линія, 35, кв. 48.**

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. В. ПОПОВА, владѣлецъ
М. А. Ясный.

Петроградъ, Невскій пр., 66.

— ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ: —

Вл. Войтинскій. <i>Внѣ жизни. Очеркъ тюрьмы и каторги</i>	Цѣна 1 р. 25 к.
Р. Григорьевъ. <i>Недавнее.</i> Романъ	» 2 » — »
» » <i>На ущербѣ.</i> Романъ	» 1 » 50 »
Вл. Беренштамъ. <i>Изъ пережитаго</i>	» 1 » 25 »
» » <i>Записки адвоката</i>	» 1 » 25 »
Г. Добронравовъ. <i>Горькій цвѣтъ.</i> Разказы	» 1 » 50 »
Бор. Садовской. <i>Лебединыя клики.</i> Повѣсти	» 1 » 25 »
» » <i>Адмиралтейская игла.</i> Разказы	» 1 » 25 »
Панкхеретъ. <i>Моя жизнь.</i> Записки суффражистки	» 1 » 50 »
Г. В. Плехановъ. <i>О войнѣ</i>	» — 75 »
» » <i>Дневникъ соц.-демократа, № 1</i>	» — 40 »
Н. Сухановъ. <i>Наши львыя группы и война.</i> 4-е изд.	» — 50 »
» » <i>Къ кризису социализма.</i> Изд. 2-е.	
По поводу «военныхъ» выступлений Г. В. Плеханова	» — 30 »
Н. Сухановъ. <i>Наши направленія. Марксизмъ и «народничество»</i>	» — 90 »
«Отечество». <i>Сборникъ національныхъ литературъ Россіи</i>	» 3 » 75 »
Левъ Ждановъ. <i>Подъ властью фаворита.</i> Романъ	» 2 » 50 »
С. А. Золотаревъ. <i>Диаграмма по исторіи русской литературы</i>	» — 80 »
Б. Верхоустиаскій. <i>Маленькая буря.</i> Романъ	» 1 » 50 »
Готье, Теофиль. <i>Эмали и Камей.</i> Перев. Гумилева	» 1 » 50 »
М. М—скій. <i>Отъ бурсы до снятія сана.</i> Дневникъ священника	» 1 » 25 »
Савватій. <i>Тетрадь въ сафьянѣ.</i> Повѣсть	» 1 » — »
А. Свирскій. <i>Въ чертъ</i>	» 1 » — »
Ю. Слезкинъ. <i>Ольга Оръ.</i> Романъ	» 1 » 25 »
» » <i>Глупое сердце.</i> Разказы	» 1 » 50 »
Ю. Дюркгеймъ и Е. Дени. <i>Кто хотѣлъ войны</i>	» — 60 »
<i>«Въ тылу» Литературно-художественный альманахъ</i>	» 2 » — »
Ев. Замятинъ. <i>Упѣдное.</i> Повѣсти	» 1 » — »
И. Кантъ. <i>Критика чистаго разума</i>	» 3 » 50 »
» » <i>Критика способности сужденія</i>	» 1 » 50 »
Ланге. <i>Исторія материализма</i>	» 1 » 50 »
О. Ранкъ. <i>Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ</i>	» 1 » 50 »

Каталоги съ отзывами высылаются по требованію.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЛѢТОПИСЬ

ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года

(съ апрѣля мѣсяца), такъ какъ первыя три книги (январь, февраль и мартъ) разошлись цѣликомъ.

Новые подписчики, внесшіе подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля **ДО КОНЦА 1916 года**, получаютъ первыя главы (I—IV) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО бесплатно.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденци: изъ Франціи, Англии, Швейцарии, Германии, Дании, Голландии, Швеции, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Окраины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Быть провинци. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензи.

Подписная цѣна: —на— 1 р. —на— 3 р. —на— 6 р. —на— 9 р.
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 9 мѣс.

Предполагаемое содержаніе юньской книги:

Стихотворенія: Ив. Бунина, В. Аренсъ. **Беллетристика:** М. Горькій, А. Чалыгинъ, Высоцкій, А. Пасынковъ. Л. Катленъ, Пьеръ Миль. **Статьи:** М. Никольскій, Ю. Делевскій, С. Лурье, Н. Рожновъ. **Иностранное обозрѣніе:** А. Мартыновъ, Л. Мартовъ, Р. Григорьевъ. **Внутреннее обозрѣніе:** А. Пинкевичъ, С. Вольскій и др.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу:

Сборникъ **АРМЯНСКОЙ** литературы подь ред. **М. Горькаго**. Цѣна 2 руб.

Печатаются:

Сборникъ **ЛАТЫШСКОЙ** литературы. Подь редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьей **И. Янсона**.

Сборникъ **ФИНЛЯНДСКОЙ** литературы. Подь редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительными статьями д-ра **Таркяйнена** и д-ра **Э. Невалинна**.

М. ГОРЬКІЙ. Статьи 1905—1915 г.г. Сборникъ.

М. ГОЛЬДШМИДТЪ. **Еврей**, романъ. Переводъ **М. П. Благовѣщенской**.

В. МАЯКОВСКІЙ. **Простое, какъ мычаніе**. Сборникъ стихотвореній.

○○○○○○○○○○

Готовятся къ печати:

Сборникъ **ЕВРЕЙСКОЙ** литературы. Подь редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ЛИТОВСКОЙ** литературы. Подь редакціей **Ю. К. Балтрушайтиса**.

Сборникъ **УКРАИНСКОЙ** литературы. Подь редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ТАТАРСКОЙ** литературы.

Ж. ТЪЕРСО. Праздники и пѣсни **Великой Французской революціи**. (Переводъ съ французскаго). Подь редакціей **В. А. Базарова**. Съ предисловіемъ **А. В. Луначарскаго**.